4
Р-89

РУССКИЕ ДИАЛЕКТЫ

Лингвогеографический аспект

«НАУКА»

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

www.ruslang.ru

01736

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

РУССКИЕ ДИАЛЕКТЫ

Лингвогеографический аспект

Ответственные редакторы:
член-корреспондент АН СССР Р.И.АВАНЕСОВ
доктор филологических наук О.Н.МОРАХОВСКАЯ

МОСКВА "НАУКА" 1987

В книге представлено описание или интерпретация карт Диалектологического атласа русского языка, дан аналитический обзор третьего выпуска атласа. Исследование охватывает все уровни языка – фонетику, морфологию, лексику и семантику, словообразование.

Рецензенты:

Е.А.Некрасова, Н.В.Подольская

4
Р-89
БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
АН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР
81736

РУССКИЕ ДИАЛЕКТЫ

Лингвогеографический аспект

Утверждено к печати Институтом русского языка АН СССР

Редактор издательства *Е.В. Фурманова.* Художник *Д.А. Шпаков*
Художественный редактор *Г.П. Валлас.* Технический редактор *А.Л. Шелудченко*
Корректор *О.А. Пахомова*

Набор выполнен в издательстве на наборно-печатающих автоматах

ИБ № 35873

Подписано к печати 07.04.87. Формат 60 X 90 1/16. Бумага офсетная № 1
Гарнитура Пресс-Роман. Печать офсетная. Усл.печ.л. 13,5 + 0,3 вкл.
Усл.кр.-отт. 14,1. Уч.-изд.л. 17,9. Тираж 2000 экз. Тип. зак. 1285
Цена 2 р. 70 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство "Наука"
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., д. 90

Ордена Трудового Красного Знамени 1-я типография издательства "Наука"
199034, Ленинград В-34, 9-я линия, 12

Р $\frac{4602010000\text{-}120}{042(02)\text{-}87}$ 333-87-II

© Издательство "Наука", 1987 г.

Часть I

Н.Н.Пшеничнова

О КЛАССИФИКАЦИИ ЧАСТНЫХ ДИАЛЕКТНЫХ СИСТЕМ ВЕРОЯТНОСТНО-СТАТИСТИЧЕСКИМ МЕТОДОМ

Вопрос о классификации диалектов в русской диалектологии рассматривался неоднократно[1].

В 1970 г. вышла из печати книга К.Ф.Захаровой и В.Г.Орловой "Диалектное членение русского языка", построенная на материалах Диалектологического атласа русского языка (ДАРЯ)[2]. Эта работа явилась результатом лингвогеографического изучения русских говоров[3]: исходя из понимания диалектов как единиц территориальных, авторы осуществляют группировку на основе анализа закономерностей лингвистического ландшафта русского языка.

Известно, что ценность всякой классификации определяется прежде всего тем, насколько она позволяет исследовать свойства классифицируемых объектов. В этом смысле значение группировки русских говоров К.Ф.Захаровой и В.Г.Орловой бесспорно: проведенная как синхронное исследование языкового материала, она позволила авторам сделать выводы диахронического характера. Эти выводы носят ретроспективный характер: полученное диалектное членение соответствует ходу сложения наречий и их дальнейшего развития (до середины XX в.). Авторы нашли убедительный критерий оценки классификационной значимости языковых признаков, и потому выводы их представляются логичными и обоснованными.

Вместе с тем авторы "Диалектного членения" отмечают: "Излагаемая группировка говоров является первым опытом ее построения на основе данных лингвистической географии русского языка, поскольку ранее данные этого рода вообще отсутствовали. В связи с этим в заключениях и выводах авторов неизбежны моменты спорного характера. Кроме того,

---

[1] Историю вопроса см.: *Оссовецкий И.А.* Начальные этапы развития русской диалектологии. – В кн.: История русской диалектологии. М., 1961; *Высотский С.С.* Развитие русской диалектологии в конце XIX в. и в начале XX в. (до Великой Октябрьской социалистической революции). – Там же.

[2] Диалектологический атлас русского языка. (Центр Европейской части СССР). Вып. I. Фонетика. М., 1986. Вып. II. Морфология (в печати). Вып. III. Синтаксис. Лексика (в печати).

[3] Рассматривается территория наиболее старого (примерно до XV в.) заселения русскими. Подробнее о территории, входящей в ДАРЯ, см.: Русская диалектология; Под ред. Р.И.Аванесова и В.Г.Орловой. М. 1964; *Захарова К.Ф., Орлова В.Г.* Диалектное членение русского языка. М. 1970.

при обобщении столь обширных данных, представленных на лингвистических картах, охватывающих тысячи населенных пунктов, возможны отдельные недочеты и недосмотры, не замеченные и при повторных пересмотрах материала" (с. 6). "Вопрос о диалектном членении языка, т.е. об установлении группировки или классификации его говоров, – как считают авторы, – может не один раз подниматься в истории диалектологии данного языка, так как принципы и методы членения диалектов самым непосредственным образом связаны с уровнем разработки диалектных данных" (с. 7).

В настоящее время, когда не только создан ДАРЯ, но и завершается работа по созданию его Автоматического варианта (АВ), появились предпосылки для новой постановки вопроса о классификации русских говоров.

По данным ДАРЯ с помощью его АВ классификация может быть осуществлена как сравнение всех представленных в атласе ЧДС по всем языковым параметрам, отраженным в атласе (для представленного в атласе синхронного среза) вне территориального аспекта. По результатам классификации могут быть сделаны выводы диахронического характера не только в ретроспективном, но и в перспективном планах.

Одним из основных положений русской описательной диалектологии является положение о системе диалектного языка[4].

Система диалектного языка моделируется на основе ЧДС как теоретико-множественная сумма всех элементов тех ЧДС, для которых она конструируется. Система диалектного языка включает в себя элементы постоянные (одинаково представленные во всех ЧДС и литературном языке) и вариативные (различающиеся в ЧДС), которые и образуют диалектные различия[5].

Диалектологический атлас русского языка, являясь воплощением тео-

---

Говор понимается как частная диалектная система (ЧДС).

[4] Идея "системы систем" или "системы диалектного языка" была выдвинута Р.И.Аванесовым в работе 1947 г. "Вопросы фонетической системы русских говоров и литературного языка" (см.: *Реформатский А.А.* Из истории отечественной фонологии. М., 1970); ее развитие см.: *Аванесов Р.И.* Описательная диалектология и история языка. – В кн. Славянское языкознание: Международный съезд славистов. М., 1963; Русская диалектология, с. 7–14; *Калнынь Л.Э.* Диалектологический аспект проблемы язык и диалект. – Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1976, вып. 1; *Мораховская О.Н.* Системный подход к языку и диалектология. – В кн.: ОЛА. Материалы и исследования. 1981. М., 1984; *Горшкова К.В., Калнынь Л.Э.* О некоторых вопросах теории диалектологии. Вестник МГУ. Сер. 9, филолог. 1984, № 6.

Позднее логически в том же значении У.Вайнрайх употребил термин "диасистема": Weinreich U. Is a structural dialectologie possible? – Word, 1954, v. X, N 2–3.

[5] Наиболее полно теория диалектных различий, являющаяся ядром теории лингвистической географии, изложена в коллективной монографии: Вопросы теории лингвистической географии. М., 1962.

Теория диалектных различий вводит диалектологию в проблематику структурно-типологических исследований. Срв. созданные для русских говоров модель фонетического уровня диалектного языка: *Аванесов Р.И.* Вопросы фонетической системы...; *Он же.* Очерки по русской диалектологии. М., 1949, ч. 1; эталон описания морфологических систем: *Бромлей С.В., Булатова Л.Н.* Об эталоне сопоставительного описания морфологии русских говоров. – ВЯ, 1965, № 4; *Они же.* Очерки морфологии русских говоров. М., 1972.

В работах по структурной типологии моделирование языка – эталона см.: *Успенский Б.А.* Структурная типология языков. М., 1965; *Рождественский Ю.В.* Типология слова. М., 1969; Общее языкознание. Методы лингвистических исследований. М., 1973.

рии диалектных различий, разработанной московскими диалектологами, детально отражает те черты русских говоров (середины XX в.), которые репрезентируют вариативные звенья системы диалектного языка, т.е. представляют собой диалектные различия. Это позволяет моделировать систему диалектного языка (или максимальную модель), содержащую все основные структурные характеристики русских говоров в их репрезентации[6].

Таким образом, степень изученности русских говоров и разработанность учения о системе диалектного языка, с одной стороны, возможность автоматизировать поиск и обработку необходимой информации, с другой, позволяют осуществить классификацию русских говоров в новом аспекте. В качестве основания такой классификации может быть принято то пространство признаков, которое образует систему диалектного языка (или его диасистему). При этом постоянные звенья диасистемы в процедуре деления, естественно, не участвуют.

Классификацию говоров мы рассматриваем как такое исследование классификационной структуры всей совокупности говоров, представленных в ДАРЯ, которое приводит к решению следующей очень важной проблемы: является ли данная совокупность такой, что в ней выделяются группы говоров, однородные с точки зрения принятых критериев (условно мы называем такой тип совокупности дискретным), или группы могут быть выделены лишь условно (континуальный тип), или совокупность имеет "комбинированный" характер, т.е., с одной стороны, отмечается некоторая концентрация говоров в группы, а с другой стороны, выделяются переходные зоны[7].

В результате такого исследования должно быть определено (а не дано заранее!): 1) число уровней деления; 2) число групп говоров на каждом уровне деления; 3) тип каждой совокупности (дискретный или континуальный) на каждом уровне деления. Это позволит более объективно выделять единицы диалектного членения (наречия, поднаречия и их более мелкие подразделения), а также более четко формулировать их определения. Как результат исследования классификационной структуры совокупности говоров отдельно для каждой группы каждого уровня классификации должно быть также получено (а не дано заранее!): комплекс призна-

---

[6] Те звенья системы диалектного языка, которые на этапе создания ДАРЯ считались постоянными, в ДАРЯ, естественно не представлены. Чтобы включить в систему диалектного языка и эти звенья, т.е. чтобы система диалектного языка была полной (степень полноты системы диалектного языка может быть разной – это диктуется, в частности, целями исследования), можно воспользоваться описанием системы литературного языка.

Перечень постоянных звеньев системы диалектного языка определить очень важно: с одной стороны, важно знать, какие именно звенья системы диалектного языка одинаково представлены в говорах и литературном языке, т.е. являются наиболее устойчивыми в процессе языкового развития; с другой – статус отдельных звеньев системы диалектного языка как постоянных может измениться в связи с закономерностями развития частных диалектных систем как всяких языковых систем или в связи с включением в круг исследуемых говоров каких-то новых, ранее не учтенных диалектных систем.

[7] *Пшеничнова Н.Н.* О значении статистических приемов в диалектологических исследованиях. – В кн.: Проблемы изучения русских говоров вторичного образования. Кемерово, 1983, с. 23; *Она же.* Лингвогеографический и статистический анализ стяжения в русских говорах. – В кн.: Русские народные говоры. М., 1983, с. 75.

ков, представляющих диасистему разных групп разных уровней диалектного членения, а из числа этих признаков, также отдельно для каждой группы каждого уровня деления, – комплекты признаков, оказавшихся наиболее существенными для выделения данной группы, т.е. более всего определяющими ее специфику.

Для того чтобы выводы такой классификации были наиболее обоснованными, желательно отобранные в качестве основания классификации признаки вводить в процедуру классификации таким образом, чтобы учитывалась степень их классификационной существенности и чтобы классификация строилась на основе учета этой существенности. Степень существенности признаков целесообразно вводить только на основании данных об их наличии или отсутствии в классифицируемых говорах (различные соображения о генетической, структурной или лингвогеографической значимости признаков могут быть и спорными).

На основании подробных исследований известно, что совокупность таких генетически близких говоров, как русские, если в качестве основания их классификации принять систему русского диалектного языка, или иначе его диасистему, по статистическому типу этой совокупности – дискретный тип или континуальный – относится к совокупности "комбинированного" характера, т.е., с одной стороны, отмечается концентрация говоров в определенные группы, а с другой стороны, выделяются "зоны перехода"[8]. Очевидно, русские говоры могут быть разделены на нечеткие множества, и, следовательно, проблема классификации русских говоров состоит в том, чтобы найти критерий принадлежности каждого из говоров к той или иной группе, т.е. в том, чтобы провести между группами наиболее вероятные границы.

Диалектные различия, представленные в ДАРЯ, очень редко являются простыми и однопланными. Обычно они имеют сложную структуру, которая отражена в структуре условных обозначений. В целом атлас состоит из 320 карт, на каждой карте представлено от двух до 110 условных обозначений. Таким образом, ДАРЯ отражает более четырех тысяч признаков[9].

Осуществить классификацию на таком многочленном, иерархически очень сложном основании, каким является диасистема русского языка, для очень большого числа говоров (более четырех тысяч) невозможно без применения математических методов и ЭВМ.

Для классификации говоров, как и для классификации любых объектов, могут быть использованы разные методы, в том числе и основанные на теории вероятностей. В то же время механическое перенесение методов классификации из одной области науки в другую, без учета специфики классифицируемых объектов, невозможно. В результате проведения нескольких экспериментов[10], мы решили принять за основу метод, который после его проверки на диалектном материале был принят нами как наиболее

---

[8] Наиболее детально это показано в работе: *Захарова К.Ф., Орлова В.Г.* Диалектное членение русского языка.

[9] Признаком мы называем элемент вариативного звена системы диалектного языка. Например, на карте, посвященной задненебной звонкой фонеме и ее соответствиям, признаками являются [г] и [γ].

[10] *Пшеничнова Н.Н.* Некоторые способы группирования объектов, применяемые в диалектологии. – В кн.: Проблемы структурной лингвистики. 1979. М., 1981.

эффективный: вероятностно-статистический метод профессора Е.С. Смирнова, применяемый в биологии для группирования объектов по качественным признакам[11].

Данный метод позволяет проводить исследование классификационной структуры совокупности в том плане, как это сказано выше. Определение классификационной структуры совокупности говоров осуществляется на основании величины так называемого таксономического отношения. Эта величина учитывает степень распространенности каждого из признаков, по которым сравниваются говоры, таким образом, что совпадению говоров в редком признаке придается большее значение, чем в признаке широко распространенном. Следовательно, метод позволяет учитывать в процедуре самой классификации степень существенности признаков вне их генетической, структурной или лингвогеографической значимости, а основываясь лишь на специфике распространения признака в пределах данной совокупности.

Определение веса признака основано на том соображении, что если выделились, например, две группы, то вес признака будет тем больше, чем шире он распространен в одной группе и реже – в другой. Следовательно, метод позволяет учитывать признаки таким образом, что в процедуре классифицирования признак оказывается тем более существенным, чем к более четкому делению на группы он приводит. Но такое определение существенности хорошо согласуется и с лингвогеографической значимостью признака, так как совокупности говоров, однородных по наличию ~ отсутствию в них признаков, имеют тенденцию объединяться и территориально. В таком случае данный метод позволяет использовать в качестве основания классификации очень большое количество признаков (например, представляющих диасистему русского языка в целом), и это не должно привести к такой пестроте, которая исключала бы возможность выделения диалектов и их подразделений: степень существенности признака тем выше, чем к более четкому делению он приводит.

Степень существенности признаков, устанавливаемая по характеру их распространения в пределах совокупности, во многих случаях (но не всегда!) согласуется и с их значимостью в системе, так как в соответствии с выдвинутым критерием к наиболее существенным, как правило, относятся те признаки, которые охватывают наибольшее число фактов.

Таким образом, на базе рассматриваемого метода можно достаточно логично и убедительно, на огромном и сложнейшем, с точки зрения структуры диалектных различий, материале русских говоров решить очень трудные вопросы, вопросы, которые постоянно обсуждаются и которые можно считать своего рода камнем преткновения многих классификаций, – это вопросы, связанные с выделением признаков в качестве основания классификации как в отношении их количества, так и в плане их классификационной значимости.

Некоторое развитие метода предлагается нами в следующих направлениях.

Метод распространен на более общий случай, когда классифицирование

---

[11] *Смирнов Е.С.* Таксономический анализ. М., 1969.

приходится проводить по неполным данным (в ряде нас. п.п. относительно отдельных элементов системы нет ответа)[12].

Понятия оригинальности ~ банальности объекта, позволяющие определять меру его специфичности ~ типичности, а также понятия эталона оригинальности ~ эталона банальности группы мы предлагаем использовать для получения некоторых других характеристик, существенных для классификации говоров. Так, мера оригинальности ~ банальности может быть использована для определения степени компактности выделившихся групп как показателя их однородности[13].

Оригинальность может быть использована при выделении признаков, которые оказались наиболее существенными для выделения групп. В качестве некоторого эвристического критерия при определении таких признаков мы используем эталон банальности: такие признаки обязательно находятся среди тех, которые есть в эталоне банальности одной выделившейся единицы диалектного членения и которых при этом нет в эталоне банальности других, противопоставленных ей единиц того же уровня деления. Учет этого обстоятельства значительно упрощает задачу определения наиболее существенных признаков.

На основе специфики распространения признаков предлагается способ вычисления важности (вес) каждого из признаков, лежащих в основании классификации, а также способ выделения признаков, наиболее существенных для каждой из групп, т.е. наиболее всего определяющих специфику группы, и признаков, менее существенных для определения специфики группы, но также входящих в характеристику группы[14].

Классификация должна представлять собой не только рациональное описание всего многообразия ЧДС. Как способ обнаружения свойств и закономерностей "поведения" объектов, классификация является тем более ценной, чем выше ее объяснительная сила. В этом плане многие результаты классификации предлагаемым методом существенны как характеристики, позволяющие делать из чисто синхронного исследования диахронические выводы. Возможность диахронических выводов возникает из сопоставления результатов классификации вероятностно-статистическим методом с результатами ее лингвогеографической проекции, с одной стороны, и структурными характеристиками диасистемы русского языка, с другой.

Так, в результате классификации диасистема моделируется для каждой группы каждого уровня деления. Для каждой такой диасистемы определяются "ядерные (сильные)" и "периферийные (слабые)" элементы системы, и на их основе – "диапазон диалектного варьирования"[15], который позволяет, в частности, определять меру типологических расхождений

---

[12] *Пшеничнова Н.Н.* Применение метода таксономического анализа к классификации говоров. – В кн.: Диалектологические исследования по русскому языку. М., 1977.

[13] Некоторые способы оценки компактности см.: *Пшеничнова Н.Н.* Мера специфичности и некоторые вопросы классификации частных диалектных систем. – В кн.: ОЛА. Материалы и исследования. 1977. М., 1979, с. 241.

[14] Там же, с. 241–242.

[15] *Бромлей С.В.* Роль описательной диалектологии в характеристике общих свойств структуры языка. – Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1979, т. 38, № 2.

диалектов[16]. Для каждой группы каждого уровня классификации устанавливаются разносторонние соотношения между следующими величинами: ядерные звенья диасистемы ~ признаки, более всего определяющие специфику групп, ~ диапазон диалектного варьирования ~ мера компактности группы. Это разноплановое сопоставление структурных характеристик диасистем разных уровней деления и характеристик классификационных позволяет обнаружить возможности структурного развития диалектного языка разных уровней деления разных языковых ярусов.

Теория выделения диалектов, как часть теории диалектологии в целом, должна состоять не только в обосновании принципов выделения и в самом выделении диалектов, в соотнесении выделенных единиц диалектного членения с историей их формирования и развития, но и в определении закономерностей языкового развития, в прогнозировании. В связи с этим и ценность классификации говоров в значительной степени должна состоять в том, насколько такая классификация позволяет видеть возможности и направление развития диалектных систем.

В.Е.Гольдин

ДИАЛЕКТНЫЕ ТЕКСТЫ И ПРОБЛЕМА ИСТОЧНИКОВ РУССКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

Разрабатывая методы изучения диалектной речи, Р.И.Аванесов уделил особое внимание приемам осуществления полевых записей и специфике этих записей в качестве научного источника. "...ответственность диалектолога за его работу на месте, – писал Р.И.Аванесов, – чрезвычайно велика. В то время как работа исследователя письменного памятника может проверяться и контролироваться другим исследователем, последующими поколениями, так как письменный памятник доступен для обозрения и исследования многих, – устная речь доступна наблюдению лишь в момент произнесения, когда осуществляется акт речи. Поэтому диалектологические записи не могут быть проверены и проконтролированы другим лицом позднее, не в том месте, где произведена запись. Даже в том случае, если удастся произвести вторичные наблюдения над языком того же лица и встретить уже записанные факты, и в этом случае нельзя отожествить факты старой и новой записи: при новом наблюдении, в другое время, при другой ситуации, через известный промежуток времени могло иметь место произношение, отличное от того, что было отмечено в старой записи"[1]. В конце 40-х годов, когда магнитофонная фиксация речи лишь начинала использоваться в полевой работе диалектологов-русистов, Р.И.Аванесов предсказывал ей большое будущее: "Только в этом случае фонетическая запись связной речи и при том в абсолютно точной форме – в смысле порядка слов, пауз, интонации и пр. – будет полностью обеспечена, и наблюдения диалектолога станут доступны проверке и контролю, как и наблю-

[16] Там же, с. 113–114.

[1] *Аванесов Р.И.* Очерки русской диалектологии. М., 1949, с. 263.

дения над языком письменного памятника"[2]. Преимущества магнитофонной записи перед ручной Р.И.Аванесов видит в полноте, точности отражения материальной стороны речи и в возможности многократного обращения исследователей к одним и тем же не преобразованным наблюдателями речевым отрезкам. В сущности это преимущества первичных источников перед вторичными.

В лингвистическом источниковедении к первичным относят те источники, "лингвистическое наполнение которых сохраняется в первозданном виде"[3]. Это прежде всего тексты как реальные единицы общения, созданные самими общающимися и зафиксированные исследователями. Вторичными являются источники, лингвистическое наполнение которых так или иначе приспосабливается к отдельным научным задачам и вследствие этого существенно ограничивается. В эту группу источников входят разного рода выборки примеров на отдельные речевые или языковые явления, к ней следует отнести ответы на фонетические, лексические, грамматические, семантические, словообразовательные программы диалектологических атласов, словарные картотеки и словари, диалектологические атласы и под.

Конечно, деление источников на первичные и вторичные в известной мере условно. Возможны разные степени отхода от "первичности" материала, имеются и переходные явления. В приложении к диалектологическим источникам условность этих понятий значительно возрастает, поскольку речь диалектоносителей не рассчитана на магнитофонную или письменную фиксацию наблюдателями. И все же данное разграничение полезно применить и к разным способам отражения современной диалектной речи. Оно позволяет обратить внимание на то, что диалектологи почти не вводят в широкий научный оборот диалектных текстов как единиц общения. Постоянно исследуя живую речевую стихию, диалектология обогащается в основном источниками не первичного, а вторичного характера.

Научная ценность последних (например, значение материалов ДАРЯ как важнейшего источника описательной и исторической диалектологии) не вызывает сомнений. Есть у вторичных источников и свои преимущества перед первичными. Понятно, наконец, что современное соотношение разных приемов накопления материала сложилось далеко не случайно и в целом соответствует важнейшим направлениям развития науки о русских говорах. Но сегодня отсутствие в широком научном обороте достаточного числа диалектных текстов именно как текстов, по-видимому, тормозит решение многих проблем диалектологии и отрицательно сказывается на характере обсуждения в ней научных идей. В Институте русского языка АН СССР и в ряде других диалектологических центров страны сформированы богатые фонотеки диалектных текстов. Конечно, их материал так или иначе используется. Однако на фоне увеличения числа записей и улучшения их качества становится все более очевидным, что само по себе создание фонотек, если не обеспечена удобная возможность одновременного обозрения и анализа хотя бы важнейших из собранных текстов всеми диалектологами-

---

[2] Там же, с. 264.

[3] *Котков С.И.* Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М., 1980, с. 10.

русистами, не позволяет реализовать потенции этого ценнейшего научного источника.

Например, среди диалектологов существуют серьезные разногласия в понимании эмоционально-экспрессивных и стилистических свойств диалектного слова. Это вопрос чрезвычайной важности, но хотя он постоянно находится в центре внимания исследователей и хотя в поисках ответа на него есть определенные успехи[4], общие представления по данному вопросу складываются с трудом. Причина этого не только в объективной сложности явления, но в значительной мере в том, что эмоционально-экспрессивное содержание слова отражает преимущественную закрепленность его за определенными ситуациями общения и соответствующими "жанрами речи", а в научном обороте практически нет текстов, достаточно полно отражающих разнообразные жанры диалектной речи и ситуации общения на диалекте, – текстов, в равной мере доступных исследователю и оппонентам или заинтересованным читателям (исключение составляют фольклорные тексты, которые по понятным причинам не имеются здесь в виду). Публикации отдельных фраз, образующих в совокупности вторичный источник, решающего значения при обсуждении данной проблемы, конечно, не имеют.

Диалектологов постоянно интересует явление вариативности речи. Ему посвящен ряд известных работ Р.И.Аванесова, Л.И.Баранниковой, С.В.Бромлей, С.С.Высотского, Л.Э.Калнынь, Р.Ф.Пауфошимы, Н.Н.Пшеничновой, исследования многих других диалектологов. Сейчас изучение языковой и речевой вариативности является одной из важнейших проблем общего языкознания, для решения которой диалектологические наблюдения имеют исключительную ценность, но углубленное изучение вариативности речи невозможно без обращения к категориям текста и без введения в научный оборот соответствующих источников, так как многие факторы, обусловливающие развитие и выбор вариантов (тема речи и ее целевая направленность, ориентация на определенного адресата, физические условия общения, взаимодействие речи с неречевыми средствами общения и т.п.), имеют текстовой характер.

В русской диалектологии, как и в лингвистике в целом, отчетливо проявляется тенденция рассматривать изучаемые явления в составе все бóльших синтагматических единиц, т.е. тенденция "укрупнения", как называет ее Ю.С.Степанов[5]. В фонетике, например, она находит свое выражение в заметном усилении внимания к фонетической организации фразы, к исследованию влияния фразовых условий на реализацию сегментных единиц. Такие исследования предъявляют особые требования к источникам, заставляют максимально приближать материал к уровню текста. Не случайно публикация наиболее крупного диалектологического исследования в этой области, выполненного Р.Ф.Пауфошимой[6], включает тщательно разработанное текстовое приложение. Его можно рассматривать как один из вариантов практического решения обсуждаемой нами проблемы.

Следует подчеркнуть, что организация устного текста как единицы

---

[4] См.: *Коготкова Т.С.* Русская диалектная лексикология. М., 1979.

[5] См.: *Степанов Ю.С.* Методы и принципы современной лингвистики. М., 1975.

[6] *Пауфошима Р.Ф.* Фонетика слова и фразы в севернорусских говорах. М., 1983.

общения русской диалектологией фактически не изучается. Правомерность такого ограничения исследовательских задач науки о русских народных говорах весьма сомнительна. Существует мнение, что текст – это специфическая форма литературно-книжной речи, подлежащая ведению литературной стилистики, тогда как устно-разговорная речь текстовой организации якобы не имеет[7]. Это узкое понимание текста правомерно и даже необходимо, но столь же правомерен и необходим становящийся все более распространенным взгляд на текст как на любое коммуникативное образование, исчерпывающее коммуникативные заданности общающихся по отношению к ситуации[8]. Возможность связывать понятие "текст" только с письменной или не только с письменной, лишь с монологической или не только с монологической, лишь с речевой или с не исключительно речевой коммуникацией определяется реально существующими различиями форм, степеней и уровней структурированности общения, в том числе – речевого. Диалектологи знают, что "связность" и "отдельность", "проспекция" и "ретроспекция", элементы подтекста и другие организующие признаки литературно-книжных текстов обнаруживаются и в принципиально устной диалектной речи, но представлены в ней, естественно, по-иному. Литературно-книжный текст как социально типизированная разновидность организации речи возникает в процессе исторически обусловленной автономизации части особенностей, внутренне присущих разговорно-бытовому общению, и, по-видимому, не может адекватно изучаться без исследования почвы, на которой он вырос. История русского текста, можно полагать, значительно шире истории литературной речи. Если задачи последней, как определяет их А.И.Горшков, – "выявление типичных особенностей, позволяющих определенным образом сгруппировать тексты и на этой основе описать соответствующие разновидности литературного языка и – шире – литературный язык как систему разновидностей (подсистем)"[9], то и диалектология не может отказываться от изучения организации диалектных текстов, от выявления на этом материале разновидностей общения на диалекте. В этой области диалектология могла бы успешно сотрудничать с фольклористикой и особенно с тем направлением этнолингвистики, главные черты которого определены Н.И.Толстым[10].

Заметим, что исследователи разговорной речи активно накапливают тексты, издают их и перешли к обобщению особенностей строения текстов разговорной речи, поскольку разговорная речь "имеет собственные характеристики на разных уровнях, в том числе и на уровне текста"[11]. Возникает интересная задача сопоставления типов и структуры устных диалектных

---

[7] См., например: *Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.

[8] См.: *Акишина А.А.* Структура целого текста. М., 1979, вып. 1. *Леонтьев А.А.* Высказывание как предмет лингвистики, психолингвистики и теории коммуникации. – В кн.: Синтаксис текста. М., 1979; *Реферовская Е.А.* Лингвистические исследования структуры текста. Л., 1983.

[9] *Горшков А.И.* Теоретические основы истории русского литературного языка. М., 1983, с. 77.

[10] См.: *Толстой Н.И.* Некоторые проблемы и перспективы славянской и общей этнолингвистики. – Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1982, т. 41, № 5.

[11] *Ширяев Е.Н.* Структура разговорного повествования. – В кн.: Русский язык: текст как целое и компоненты текста. М., 1982, с. 106.

и разговорно-литературных текстов, однако диалектологией база для такого сопоставления, по-видимому, еще не создана.

Одно лишь тиражирование звукозаписей диалектных текстов и/или публикации этих текстов в графической передаче не решают проблемы, поскольку магнитофонные записи речи даже для тех диалектологов, которые их осуществляют, превращаются в процессе фиксации в разновидность исторических памятников, требующих, как и всякие памятники, специальной расшифровки. Записанный текст оторван от ситуации, в которой он создавался и понимался, поэтому при последующих прослушиваниях вскрывается много неясного в содержании и форме записанной речи, возникают вопросы, ответы на которые иногда нетрудно было бы получить в пункте, но уже невозможно дать в научном центре или в том же пункте по прошествии некоторого времени. Чем естественнее записанный фрагмент речи, например непринужденный диалог односельчан на бытовую тему, чем менее он был ориентирован на собирателя, тем большая часть информации, необходимой для его понимания и правильной лингвистической оценки, содержалась не в самой речи, а в ситуации общения в целом и, следовательно, тем больший объем внетекстовых элементов приходится привлекать для правильной интерпретации данного фрагмента. Существенно и то, что интерпретатор, как правило, не владеет говором практически и не имеет специфических для конкретных носителей диалекта фоновых знаний. Естественно, что самые ценные записи оказываются наиболее трудными для анализа.

Уже сейчас магнитофонные записи используются не только их создателями. В будущем ценность сделанных сегодня записей еще более возрастет. Одновременно увеличатся и трудности интерпретации, так как многие факты, которые помогали лицам, проводившим запись, ориентироваться в материале, фиксируются чаще всего неполно и остаются неизвестными другим исследователям. Возникает потребность в создании таких комментирующих приложений к магнитофонным записям, которые решали бы задачу переадресации зафиксированных на пленке фрагментов общения исследователю. Эта задача, с одной стороны, имеет много общего с проблемами лингвистического издания письменных памятников; с другой стороны, она сближается с проблемами комментирования переводных текстов читателям, не владеющим языком оригинала и относящимся к другой культурной общности. В обеих областях имеются значительные практические и теоретические достижения, на которые можно опереться, но главной научной базой решения проблемы является общая теория коммуникации, в частности ее раздел, посвященный организации направленности речи[12]. По отношению к записанному тексту исследователь выступает в роли наблюдателя, а комментирующее приложение к магнитофонной записи приближается по функции к вторичным средствам адресации и должно соответствовать этой коммуникативной задаче.

Вторичные средства адресации — это отражение текстом коммуникативной специфики адресата, учет его интересов и перцептивных возможностей (потребность определенной информации, осведомленность в затрагиваемых

---

[12] См.: *Гольдин В.Е.* Общение и организация направленности речи. – В кн.: Проблемы организации речевого общения. М., 1981.

вопросах, наиболее удобный адресату язык и т.п.). Носитель диалекта, чья речь фиксировалась, не ориентировал текст на интересы и перцептивные особенности возможных исследователей, которые обратятся к записи как к научному источнику. Осуществить такую ориентацию – обязанность организатора записи. Конечно, нельзя предвидеть все вопросы, которые возникнут в будущем в связи с научным анализом записи, но выполнение любой исследовательской программы опирается на знание лингвистической ситуации говора и ситуации зафиксированного акта общения, на учет типа и целей общения, реализованных текстом, на достаточно полное понимание его содержания. Почти всегда оказываются полезными сведения о дикторе, о примененной методике организации записи, техническая характеристика материала. Таким образом, к записям диалектных текстов необходимо прилагать комментарий, составленный организатором записи непосредственно после ее осуществления (отчасти – в ходе самой записи) и по возможности с помощью участников беседы. Можно предложить для обсуждения следующую схему построения комментирующего приложения к магнитофонной записи.

Приложение к магнитофонной записи

1. Место и время записи (село, район, область; месяц, год).

2. Сведения о дикторах:

а) фамилия, имя, отчество, год и место рождения;

б) степень грамотности, профессия, основное занятие в прошлом и теперь;

в) имел ли (имеет ли) длительные и прочные, активные контакты вне коллектива носителей данного говора;

г) степень владения говором; для какого из сосуществующих вариантов говора ("передовой", "традиционный"...) типична речь диктора;

д) индивидуальные речевые особенности диктора, предполагаемые причины их появления;

е) осознает ли диктор отличия данного говора от говоров соседних пунктов, от "городской" речи, как относится к родному говору, каков его речевой идеал (при необходимости специальной беседы с дикторами на эту тему она проводится лишь после осуществления комментируемой записи).

3. Описание текста:

а) характер текста по цели и типу общения (неофициальная непринужденная беседа, выступление на собрании, рассказ на заранее оговоренную тему, прямой опрос по пунктам диалектологической программы, запись лингвистического эксперимента, исполнение фольклорного произведения и т.п.);

б) тематическое деление текста, его план;

в) расшифровка встретившихся в тексте узкоместных диалектизмов (фонетических, лексических, грамматических), редких профессионализмов, жаргонизмов..., недостаточное знакомство с которыми может привести к неверной интерпретации текста;

г) расшифровка собственных имен (топонимов, зоонимов, антропонимов, хронимов и др.);

д) пояснение частей текста, для понимания которых необходимо знание определенных событий, обычаев, обстоятельств, не отразившихся в самом тексте; указание реалий, непосредственно наблюдаемых собеседниками в ходе записи, но не названных прямо в тексте, хотя речь о них идет;

е) значимые жесты, их место в тексте (особое внимание должно быть уделено жестам, являющимся единственным выражением соответствующей информации, хотя указание жестов, дублирующих вербальную информацию, жестов подчеркивающих и подобных также полезно);

ж) определение шумов в записи (стук часов, звуки радио, скрип открываемой двери и под.).

4. Отраженная записью ситуация общения:

а) перечисление всех активных и пассивных участков беседы с указанием их роли и времени (участка текста) включения в ситуацию;

б) подробная характеристика адресата (или адресатов) речи; при смене адресатов это должно быть специально указано;

в) краткая характеристика всех упомянутых в тексте лиц с точки зрения их места в коллективе диалектоносителей и отношений между данными лицами и участниками беседы (активными и пассивными);

г) обстановка записи (в доме у диктора во время посещения его участниками экспедиции, во время вечерней беседы соседей на скамейке у дома, в лесу во время вязки веников и т.п.); некоммуникативные действия диктора в процессе речи, которые могли сказаться на ритме речи или других ее особенностях (прядет, месит тесто, ест и т.п.);

д) впечатление исследователя о степени непринужденности диктора при записи, о типичности темпа речи, ее эмоциональности, тематической направленности для данного диктора (в сравнении с другими наблюдениями речи того же лица);

е) отношение диктора к записи (безразличен, волнуется, заинтересован ...).

5. Техническая характеристика записи:

а) организация записи: скрытая, открытая, расположение микрофона...

б) марка магнитофона, тип пленки;

в) метраж записи, указание дорожки, наличие участков, свободных от записи...

г) непрерывность записи (отключался ли магнитофон, когда, почему, на какое время...);

д) скорость записи, уровень, техническая оценка качества.

6. Организатор записи (фамилия, имя, отчество, научная организация, цель записи).

Наиболее удобной представляется такая форма приложения, при которой оно выступает в виде комментария к письменной расшифровке текста, а отчасти входит в саму расшифровку. В этом случае расшифровка не обязательно должна быть транскрипцией: ее можно выполнить как орфографическую или близкую к ней. В связи с этим возникает потребность в разработке унифицированных приемов графического представления текстов, особенно текстов–полилогов, в которых осуществляется активное многостороннее взаимодействие речи нескольких участников общения, что диктует необходимость показать не только, кто и что произнес, но и точную

соотнесенность реплик. См. с этой точки зрения следующий, например, фрагмент (дополнительными знаками отмечена вставка реплик в паузы основного повествования, а также частичное перекрытие текста второй репликой).

Бывший бакенщик и его жена рассказывают исследователю о том, как они когда-то ставили бакены (с. Щербаковка Камышинского р-на Волгоградской обл.; запись 1983 г.). Ведет повествование жена. Реплики мужа лишь дополняют и отчасти поясняют рассказ, обращены они также непосредственно исследователю. В результате возникает достаточно единая, хотя в некоторых отношениях и противоречивая структура повествования:

Жена	Муж
Мы в е́т'им до́м'ик'ъ жы́л'и фс'о́ л'е́тъ/пока́ мы там е́ть зъжыга́л'и// и ло́тка така́йа им'е́ицъ//ло́ткъ на в'е́слъх/када́ иш':о н'е́ былъ ,мато́ръ //, вот йа в'ир'о́... ч'ир'ис пл'ич'о́ е́тъ тако́йъ б'ару́ / ну в'ир'о́фку сказа́т' што́л' // б'ич'ава́ называ́ицъ	ло́тка на в'о́слъх, фънар'и́ / бъкана́ стайат б'ич'ава́

Общепринятой в говоре, как показала специальная проверка, является форма *на ве́слах*. Целиком включая в свое повествование реплику мужа, жена восстанавливает ее узуальный фонетический облик. Этот факт особенно интересен в сопоставлении с тем, что когда в другой части беседы на вопрос диалектолога "А пушки машинами возили?" муж отвечает *О / на ко́н'их*, то тут же звучит и ответ жены *на кан'а́х*, а речь мужа получает следующее продолжение: *у наз бы́л'и / на ко́н'их // на кан'а́х ваз'и́л'и* (формы *на ко́нях* и *на конях* в говоре равно употребительны).

Необходимость отметить сопровождающие речь жесты, важные мимические и некоммуникативные действия заставляет усложнять графическую форму записи, приближая ее к синхронизированным транскрипциям многоканального общения, используемым в психолингвистике. Оптимальность тех или иных приемов требует специального обсуждения.

Опыт показывает, что создание комментирующих приложений к магнитофонным записям – не механическая процедура "консервации" речи, а исследовательский прием, способствующий решению как традиционных задач диалектологии, так и малоразработанных в ней проблем.

В 1967 г. С.С. Высотский писал о перспективах использования фонда записей Фонетической лаборатории Института русского языка АН СССР: «В дальнейшем предполагается издание некоторых фонограмм в виде комплектов грампластичок, подобранных на определенные темы как "звучащие хрестоматии" ... Такие издания могут быть использованы в качестве учебных пособий, в качестве иллюстраций к научным публикациям, а также как первичный материал для различных исследований"[13]. За прошедшие годы осуществить это издание, к сожалению, не удалось,

[13] Лингвистические источники. Фонды Института русского языка АН СССР. М., 1967, с. 210.

а потребность в источниках текстового характера значительно возросла. Сегодня, как нам представляется, уже нужно выдвинуть задачу создания не столько хрестоматии, т.е. издания прежде всего учебной направленности (хотя оно также необходимо), сколько антологии важнейших типов диалектных текстов по группам говоров с комментариями, позволяющими использовать антологию в качестве научного источника. Старые записи не могут служить единственным материалом такой антологии. Необходимо проведение значительного числа новых записей и тщательное описание их непосредственно в пунктах.

Решению многих теоретических и практических проблем, связанных с созданием антологии, чрезвычайно способствовала бы, на наш взгляд, предварительная публикация диалектологами транскрипций отдельных текстов как единиц общения или групп текстов с подробными комментирующими приложениями.

им. в. в. виноградова

И.Б. Кузьмина, Е.В. Немченко

О СИНТАКСИЧЕСКОМ РАЗДЕЛЕ III ВЫПУСКА ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОГО АТЛАСА РУССКОГО ЯЗЫКА[1]

ВНУБ

Синтаксический раздел ДАРЯ содержит 12 карт, где показано 16 языковых явлений (на четырех картах представлено по две темы); комментарии к картам составляют 1,2 авторского листа[2]. Принципиально иное количество карт в разделе "Синтаксис", по сравнению с другими разделами ДАРЯ, обусловлено краткостью соответствующего раздела в "Программе собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка" – далее Программа (Ярославль, 1945; М.; Л., 1947), что, в свою очередь, объясняется прежде всего меньшей предварительной изученностью явлений данного уровня применительно к диалектному языку[3]. Из числа предусмотренных Программой синтаксических явлений на картах ДАРЯ представлены все те, с которыми связано противопоставление относительно больших групп русских говоров. (Остальные явления нашли отражение только на картах региональных атласов.)

На картах ДАРЯ – естественно, фрагментарно – представлены разли-

---

[1] Диалектологический атлас русского языка (Центр Европейской части СССР) / Под ред. Р.И. Аванесова, С.В. Бромлей. Вып. III. Синтаксис. Лексика. Редактор выпуска О.Н. Мораховская (в печати). См. также: *Строганова Т.Ю.* О первом, фонетическом, выпуске Диалектологического атласа русского языка. – В кн.: Диалектология и лингвогеография русского языка. М., 1981. *Бромлей С.В.* О морфологическом выпуске Диалектологического атласа русского языка. – В кн.: Русские народные говоры. Лингвогеографические исследования. М., 1983.

[2] Авторы карт 1–11 – И.Б. Кузьмина и Е.В. Немченко, карты 12 – С.В. Бромлей, И.Б. Кузьмина, Е.В. Немченко.

[3] Следует заметить, что в раздел "Синтаксис" указанной Программы включено несколько вопросов, касающихся несинтаксических явлений (ср. вопр. 128: "Употребляется ли форма будущего сложного с вспомогательным глаголом *иму, имешь*...?").

чительные явления из области словосочетания и простого предложения; кроме того, здесь показано употребление отдельных частиц и союзов. Карты 1–5 посвящены структурным типам простого предложения и способам выражения сказуемого (главного члена): карта 1 "Предложения со сказуемым (или главным членом) – причастием на *-ши*; карта 2 "Предложения с главным членом – причастием на *-но, -то* или *-нось, -тось*, образованным от непереходного глагола, и субъектным дополнением, выраженным сочетанием предлога *у* с именем в форме родительного падежа"; карта 3 "Предложения с главным членом – причастием на *-но, -то* от переходного глагола, имеющим при себе имя в форме винительного падежа (I). Предложения со сказуемым (или главным членом) – неизменяемым причастием на *-н, -т* (II)"; карта 4 "Предложения с главным членом, состоящим из спрягаемой формы глаголов *быть, бывать* и имени в форме родительного падежа"; карта 5 "Предложения с предикативной основой, состоящей из наречия *надо* и существительного в форме именительного падежа единственного числа". На картах 6–10 представлены беспредложные и предложные словосочетания: карта 6 "Сочетание глаголов с прямым объектом – существительным I склонения в форме именительного падежа единственного числа"; карта 7 "Сочетание числительных *два, три, четыре* с существительными мужского рода II склонения твердой разновидности в форме именительного падежа множественного числа (I). Сочетание предлогов *возле, подле; мимо* с существительными в форме винительного падежа (II)"; карта 8 "Пространственные конструкции с предлогами *з, с, из*"; карта 9 "Объектно-целевые конструкции с предлогами *по* (I) и *в* (II)"; карта 10 "Конструкции со сложными предлогами *по-за, по-над, по-под*, в которых предложно-падежное сочетание называет место осуществления действия". Обе темы карты 11 связаны со служебными словами: "Частицы *да, дак, да и, и* в конце предложения (I). Служебные слова *ти, чи* (II)". Карта 12 посвящена сочетаемости постпозитивных частиц *то, ту, от* и др. с именами: "Постпозитивные частицы, восходящие к местоимению *тъ, при именах".

В отличие от различительных элементов фонетических и морфологических систем синтаксические различительные элементы русских говоров могут быть как соотносительными для разных диалектных систем, так и несоотносительными. В тех случаях, когда различительные синтаксические элементы характеризуются соотносительностью по говорам (ср.: *косить трава // косить траву; стоять возле стол // стоять возле стола*), имеют место противопоставленные различия. За счет известных части говоров синтаксических элементов, характеризующихся таким значением, которое не имеет в других говорах формализованного выражения (ср. словосочетания с двойными предлогами, типа *лететь по-над рекой* (т.е. 'вдоль реки и над ней'), выражающие сложное пространственное значение), создаются непротивопоставленные различия. Ряды соотносительных синтаксических элементов обычно двучленны, причем один из элементов ряда входит не только в диалектные системы, но и в систему литературного языка (ср.: *надо изба // надо избу; два столбы // два столба*) [4].

[4] О характере синтаксических различий русских говоров подробнее см.: Вопросы теории лингвистической географии / Под ред. Р.И. Аванесова. М., 1962. Гл. 2, раздел. 4.

Среди синтаксических элементов, предусмотренных Программой, имеются элементы, образующие как непротивопоставленные, так и противопоставленные различия. Однако это обстоятельство почти не нашло отражения в формулировках вопросов: из употребляющихся по говорам эквивалентных синтаксических единиц Программа предусматривает обычно фиксацию только тех, которые отсутствуют в литературном языке (ср. вопр. 124: "Употребляется ли в оборотах с *надо, нужно* существительное в именительном падеже?"; вопр. 131: "Употребляется ли при числительных *оба, два, три, четыре* существительное в именительном падеже множественного числа вместо родительного единственного?"). Следствием указанной особенности синтаксического раздела Программы является неполнота материалов, относящихся к противопоставленным различиям: собиратели далеко не всегда фиксируют те варианты синтаксических конструкций, которые оказываются общими для говоров и литературного языка, – это касается как тех населенных пунктов, где не отмечено собственно диалектных конструкций (в этих случаях собиратели нередко не приводят никакого языкового материала, ограничиваясь ответами типа "нет", "не употребляется" или прочерком), так, по-видимому, и населенных пунктов, в которых имеет место сосуществование конструкций собственно диалектных и конструкций, общих для говоров и литературного языка (нерегулярная, но и не характеризующаяся никакой локализацией фиксация последних позволяет предположить, что конструкции, общие для говоров и литературного языка, распространены повсеместно, т.е. имеют в настоящее время общерусский характер; об исключении см. ниже).

Неполнота материалов по синтаксическим явлениям, образующим противопоставленные различия, определила характер построения соответствующих карт: объектом картографирования здесь являются, за одним исключением (карта 8), только собственно диалектные конструкции[5]. Таким образом, на каждой из синтаксических карт ДАРЯ (кроме карты 8) представлены конструкции одного типа[6]. Характеристика картографируемых конструкций как соотносительных или несоотносительных элементов синтаксических систем говоров дается в комментариях.

Карта 8 составлена на материале вопр. 132, предусматривающего фиксацию пространственных конструкций, называющих действие и предмет, изнутри которого исходит действие. Конструкции этой семантики образуют трехчленный синтаксический ряд: *принести с леса // принести з леса // принести из леса.* В соответствии с тем, что свойственные литературному языку конструкции с предлогом *из* включены в число иллюстраций к вопросу[7], а также, вероятно, в силу большой частотности конструкций данной семантики в речи, ответы по вопр. 132, как правило, содержат языковой материал независимо от того, какие конструкции зафиксированы – собственно диалектные или общие для говоров и литературного

---

[5] Соответственно формулируются и заглавия карт (ср. карты 5 и 7_I).

[6] Мы отвлекаемся здесь, конечно, от того факта, что на некоторых картах совмещается по две разных темы.

[7] Сам вопрос формулируется с акцентом на собственно диалектные конструкции, ср.: "Употребляется ли предлог *с (з)* вместо предлога *из*?".

языка, причем последние нередко приводятся здесь наряду с собственно диалектными. Сказанным объясняется то обстоятельство, что на карте 8 могло быть показано распространение всех употребляющихся по говорам соотносительных конструкций – в том числе и общих для говоров и литературного языка. Существенно заметить, что конструкции с предлогом *из* не являются общерусскими: на карте выделились зоны (западная часть РСФСР), где употребляются только собственно диалектные конструкции – с предлогом *з* или предлогом *с*.

Синтаксические карты составлены на лексически неограниченном материале (за исключением тех случаев, когда сама тема карты предполагает включение в конструкции конкретных лексем, ср. карты 4, 5)[8], что соответствует характеру реализации – хотя бы в части говоров – представленных в ДАРЯ синтаксических явлений. Однако на отдельных картах (1, 8, 9) дифференцированно показываются конструкции с разным лексическим наполнением компонентов – необходимость этого вызывается тем, что соответствующие явления реализуются по говорам то как лексически неограниченные, то как более или менее ограниченные. Диалектные различия в степени употребительности конструкций, как правило, характеризуются в комментариях; частичное отражение на карте (1) нашло только одно такое различие – выделены нас. п., где предложения с предикативными причастиями на *-ши* (типа *река уже замерзши*) зафиксированы как единичные.

Некоторые ответы на вопросы синтаксического раздела состоят из примеров, буквально повторяющих иллюстрации Программы, что заставляет предполагать – во всяком случае по отношению к единицам предложенческого уровня – постановку прямых вопросов при получении соответствующих данных. Этот материал, не обладающий достаточной степенью надежности, показан на части карт (а именно на тех, которые посвящены явлениям, связанным со структурой предложения) особым знаком.

Комментарии к картам содержат сведения как об объекте картографирования, так и о материале, на котором строится карта. Картографируемые конструкции получают здесь – в той мере, в какой это необходимо и возможно – синтаксическую квалификацию и семантико-функциональную характеристику, а также определяются как соотносительные или несоотносительные элементы синтаксических систем говоров.

Если отбор материала для карты осуществляется с учетом только тех грамматических или лексико-грамматических признаков компонентов конструкций, которые определены самой темой карты (отраженной в ее названии), характеристика картографируемого материала в комментариях ограничивается указанием на его количественную сторону. Необходимость не только количественной, но и качественной характеристики материала возникает в тех случаях, когда его отбор осложняется по причинам, не имеющим отношения к синтаксису. От картографирования отводятся – и это находит отражение в комментариях – те конструкции, применительно к которым (из-за омонимии некоторых падежных форм или редукции глас-

[8] Исключение состоит в отведении от картографирования словоформы *выпивши*, предикативное употребление которой является фактом общерусским (см. комментарий к карте 1).

ных в безударном окончании) оказывается невозможным однозначное определение падежной формы именного компонента. Так, например, на карте 3_I не могли быть учтены предложения типа *соль куплено, сараи сломано:* материал карты ограничивается предложениями с именами, имеющими в винительном и именительном падежах разные окончания (типа *семилетку кончено, взято поросеночка, их сюда назначено*).

Описание материала с количественной точки зрения имеет целью дать представление о степени употребительности картографируемых конструкций по говорам. Количество примеров в ответах, а также замечания некоторых собирателей материалов свидетельствуют о том, что одни из представленных на картах ДАРЯ синтаксических конструкций, характеризуются низкой употребительностью во всех говорах, где они отмечены, употребительность других более или менее заметно варьируется по говорам. Характеризуя в комментариях частоту употребления конструкций, авторы частично используют результаты статистической обработки материалов, которая была осуществлена ими при монографическом изучении некоторых из предусмотренных в разделе "Синтаксис" явлений[9].

О.Н. Мораховская

О ЛЕКСИЧЕСКОМ РАЗДЕЛЕ III ВЫПУСКА ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОГО АТЛАСА РУССКОГО ЯЗЫКА[1]

Раздел "Лексика" состоит из 100 карт. Он содержит 64 собственно лексические карты (составлены по материалам ономасиологической части лексического раздела Программы). Значительно меньше карт посвящено

---

[9] Соответствующие работы указаны в статье: *Кузьмина И.Б., Немченко Е.В.* К вопросу о значении данных диалектологических атласов для изучения синтаксиса в диахроническом аспекте (на материале русского языка). – В кн.: ОЛА. Материалы и исследования. 1976. М., 1978 (см. сн. 5, 12, 18). В некоторых из этих работ (см., например: *Кузьмина И.Б., Немченко Е.В.* Синтаксис причастных форм в русских говорах. М., 1971) опубликованы карты–схемы, на которых тенденция развития явления в пространстве показана при помощи постепенного изменения интенсивности цвета или густоты штриховки; единицей, для которой выводятся цифровые показатели, является при этом группа нас. п., расположенных на территории между двумя соседними параллелями и двумя соседними меридианами, проведенными через один градус. Данные карты–схемы не включены в атлас, поскольку предшествующая их составлению обработка материалов проводилась не теми точными методами, которые приняты для статистических карт ДАРЯ (о последних см.: *Строганова Т.Ю.* О первом, фонетическом, выпуске "Диалектологического атласа русского языка" (ДАРЯ). – В кн.: "Диалектология и лингвогеография русского языка, с. 20; *Бромлей С.В.* Указ. соч., с. 10–11), а на основе элементарных арифметических подсчетов. (Для показа территориального развития явления в общем виде авторы считали такую обработку материала достаточной.) Кроме того, статистическая обработка материалов по вопросам, включенным в синтаксический раздел Программы, осуществлялась главным образом в 60-е годы, когда из всей массы обследованных нас. п. еще не было вычленено то их количество, которое представлено на современной бланковке ДАРЯ.

[1] Диалектологический атлас русского языка (Центр Европейской части СССР) / Под ред. Р.И. Аванесова, С.В. Бромлей. Вып. III. Синтаксис. Лексика. Редактор выпуска О.Н. Мораховская.

семантике (составлены по материалам семасиологической части лексического раздела Программы). Ряд карт отражает сложные различия (т.е. различия в отношениях между словами). Среди них есть и такие, на которых показаны однокоренные слова, т.е. объектом картографирования являются деривационные отношения – конкретные реализации словообразовательных моделей в пределах одного гнезда. Кроме того, имеются и собственно словообразовательные карты, т.е. карты, показывающие локализацию словообразовательных моделей некоторых семантических групп вне их конкретной реализации (карты 85, 86) и с показом конкретной реализации (карта 49).

Общие установки, которые были выработаны в первую очередь на фонетическом (фонология) и морфологическом материале, определяются требованиями системного подхода[2]. На лексическом материале он формировался с большими трудностями. Хотя лингвогеографическое изучение лексики диалектов требует системного подхода не в меньшей степени, чем материал фонетики и грамматики, его возможности не предусматривались в начале работы над атласами (на этапе подготовки программы собирания материалов). Они выявились уже в процессе самой работы с материалом, в осмыслении той сложности, которую представляет сам объект, – его вариативности, динамизма лексических номинаций, высокой степени проницаемости в результате взаимовлияния разных коммуникативных систем. Реализации системного подхода при изучении диалектных различий лексико-семантического уровня в значительной мере способствовал общий подъем лексикологических исследований, прежде всего в Советском Союзе – введение в науку о языке понятия лексико-семантической системы и разработка теоретических проблем слова[3].

При значительно меньшей степени очевидности системных отношений на лексико-семантическом уровне их выявление имеет принципиально важное значение для изучения диалектных различий этого уровня и их картографирования. Поэтому уже на раннем этапе лингвогеографических работ были сделаны первые попытки теоретического осмысления структуры лексико-семантических диалектных различий, их места в системе языка: описаны типы "диалектизмов"[4], осуществлено их рассмотрение в связи с одной из центральных проблем лексикологии – проблемой

---

[2] См.: Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. Вступительные статьи и комментарии. М., 1957.

[3] См.: *Смирницкий А.И.* К вопросу о слове (Проблема "отдельности слова"). – В кн.: Вопросы теории и истории языка. М., 1952; *Он же.* К вопросу о слове (Проблема "тождества слова"). – Труды Ин-та языкознания АН СССР. т. IV. М., 1954; *Виноградов В.В.* Основные типы лексических значений слова. – ВЯ, 1953, № 5; *Он же.* О некоторых вопросах русской исторической лексикологии. – Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1953, т. 12, вып. 3; *Он же.* Об омонимии и смежных явлениях. – ВЯ, 1960; № 5; *Шмелев Д.Н.* Очерки по семасиологии русского языка. М., 1964; *Он же.* Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973 *Уфимцева А.А.* Слово в лексико-семантической системе языка. М., 1968; *Она же.* Типы словесных знаков. М., 1974 и др.

[4] *Филин Ф.П.* Несколько замечаний о характере лексических диалектизмов. – В кн.: Вопросы славянского языкознания. Кн. 1. Львов, 1944.

тождества и отдельности слова, т.е. уже с позиций системного подхода[5], сделана попытка наметить типологию диалектных различий[6].

В книге "Русская диалектология"[7] было произведено разграничение понятий различительных признаков, типология которых, по существу, не отличается от типологии простых, однопланных, одночленных и двучленных диалектных различий, и диалектных различий как различительных звеньев системы диалектного языка.

Необходимость этого разграничения оправдана практикой картографирования: в структуре почти каждого диалектного различия лексико-семантического уровня представлено, как правило, значительно больше чем одна пара различительных признаков, благодаря чему эти структуры чрезвычайно вариативны. Для типологии диалектных различий лексико-семантического уровня остаются в силе критерии противопоставленности–непротивопоставленности, многочленности–двучленности–одночленности, многопланности–однопланности, сложности–простоты (как и на уровнях фонетики и грамматики), а также вводится критерий 'осложненное внеязыковыми различиями'.

Типология различительных признаков помогает при любой вариативности выявить характер оппозиций между членами диалектного различия, установить их иерархию, правильно определить объект картографирования и найти картографическое решение. Напомним, что типология различительных признаков членов диалектных различий строится на разграничении в слове плана выражения (ономасиологический аспект) и плана содержания (семасиологический аспект) и учитывает все те признаки, по которым можно определить, имеем ли мы дело с одним словом (в нашем случае – с таким же словом другой ЧДС), с вариантами одного и того же слова или перед нами разные слова.

Как уже говорилось, большая часть карт раздела "Лексика" посвящена простым диалектным различиям плана выражения или лексическим (собственно лексическим) диалектным различиям – различиям в обозначении тех или иных понятий. Основной методический прием при их изучении – выявление "иерархии" тех различительных признаков, по которым члены диалектного различия противопоставлены друг другу, – нуждается в пояснении. Об иерархии различительных признаков можно говорить в разных аспектах.

Это прежде всего аспект значимости признаков в языковой системе: если языковые единицы, обозначающие одно и то же понятие в разных ЧДС, образованы от разных корней, то нет сомнения, что это разные слова и что признаки принадлежности к разным корням являются самыми значимыми. Разные корни могут сближаться или противостоять по способам номинации, по принадлежности к глагольным или именным основам. Эти признаки еще недостаточно изучены, но они тоже должны быть учтены.

Слова могут сближаться или различаться по оформлению одинаковыми или разными словообразовательными аффиксами как при наличии

---

[5] Вопросы теории лингвистической географии. М., 1962.

[6] Там же; см. также: *Жуковская Л.П.* Типы лексических различий. – ВЯ., 1957, № 3.

[7] Русская диалектология. М., 1964.

разных корнеи, так и в качестве однокоренных. Можно группировать однокоренные слова по общности суффикса при различных префиксах и наоборот. Во всех этих случаях речь идет о разных словах – соотносительных членах лексических диалектных различий[8].

Далее, различия в составе фонем корневой аффиксальной морфемы, в ударении, в грамматическом оформлении (тип словоизменения, родовая принадлежность) относятся к признакам, не нарушающим тождества слов, и в этом смысле (т.е. в системе языка) они менее значимы. Но при картографировании значимость признаков определяется не только тем, противопоставляют ли они разные слова или варианты слова, а едва ли не в первую очередь их ролью в структуре диалектного ландшафта: члены диалектного различия, выделяемые по признакам неодинакового состава фонем одной и той же корневой или аффиксальной морфемы, различий в словесном ударении или грамматическом оформлении могут характеризовать более обширные и компактные ареалы, чем те соотносительные члены, которые выделяются признаками, более значимыми в структуре языка.

И, наконец, члены диалектных различий могут оцениваться еще по тому, какие подсистемы национального языка они характеризуют: соотносительный член, который характерен для части диалектов и для подсистемы более высокого, чем диалекты, порядка (подсистемы литературного языка), при картографировании может быть выделен определенными графическими средствами и, следовательно, те признаки, которыми он характеризуется, получат особое выражение независимо от того, какую роль они играют в системе языка. Такой соотносительный член может быть и совсем не показан на карте, если ареалы, в которых наблюдается его отсутствие, невелики и распространены по всей картографируемой территории.

Проиллюстрируем сказанное конкретными примерами. На большинстве карт противопоставлением основных картографических средств показываются слова, образованные от разных корней. Так, на карте, посвященной глаголам, обозначающим процесс боронования (карта 46) различием в цвете показаны глаголы с корнями: *борон-//борн-* (один цвет): *волоч-* (другой цвет): *скород-* (третий цвет). Глаголы, образованные от двух вариантов корня *борон-//борн-*, показаны обозначениями одного цвета, причем графически сближены образования с чередованием основ инфинитива и настоящего времени на -ов-//-у-: (*бороно́ть: боро́нить*): (*боронова́ть: боро́новать*): *борнова́ть*. Различия в ударении на карте не показаны. О них мы узнаем из легенды к карте и из комментариев.

На карте 28 "Названия каши из муки" обозначениями одного цвета показаны однокоренные слова. Одинаковые аффиксы у слов разных корней (*валиха : густиха : колотиха; завара : затира : загуста* и т.п.) показаны одинаковыми направлениями штриховки и одинаковыми элементами, осложняющими разные штриховки. Слова, не образующие таких рядов однокоренных, показаны совсем другими графическими средствами (изоглоссы, фигурные заливки и др.).

---

[8] В случаях, когда однокоренные слова различаются только суффиксами или префиксами, не всегда очевидно, что такие лексические единицы являются разными словами, а не вариантами одного слова. У некоторых языковедов есть тенденция расширять категории этих случаев. Для нашей темы это не принципиально.

Данное диалектное различие характеризуется большой многочленностью (насчитывает более 70 членов – слов и вариантов слов, образующих ареалы). Многопланность является свойством, постоянно сопутствующим диалектным различиям с большим числом членов, хотя она может присутствовать и в двучленных диалектных различиях. Понятие разных планов противопоставления связано с возможностью выделения одних и тех же различительных признаков у разных членов диалектного различия (противопоставленных другими признаками). В приведенных примерах выделяются планы: по признакам образования от разных корней (один план противопоставления); ударения на суффиксе или на корне в глаголах: *борони́ть: боро́нить, скороди́ть: скоро́дить; волочи́ть: воло́чить; боронова́ть: боро́новать* (другой план); наличия или отсутствия чередования *-ов-//-у- боронить: бороновать...* (третий план); вариантов корня: *-борон-: -борн-*. По признакам образования от разных корней и их вариантов, разных префиксов и суффиксов, ударения, грамматической характеристики – в названиях каш.

Говоря о своего рода иерархии в отношениях между членами диалектных различий, мы в то же время должны иметь в виду, что эти отношения почти всегда "асимметричны": никакой строгой иерархии не наблюдается. Для одних случаев может существовать известный параллелизм, при котором, например, от ряда корней среди членов диалектного различия представлены бессуффиксные образования одной грамматической формы и образования с суф. *-к-: завара: затира : загуста и заварка, затирка : загусток* (хотя последняя форма и является отклонением). Для других случаев такого параллелизма нет, но есть элементы параллелизма по другим признакам, если, например, известны только слова с суффиксами: *солодиха : солодуха : солодоха: соложонка; колотиха: колотуха: колотушка; мучнуха: мучаниха: мучаха: мучанка ... муковня: муковка: муковеша: муковешка...* Очень распространены названия каш с суф. *-их-, -ух-, -иш-, -уш-*, но образования с такими суффиксами известны не от каждого корня.

Любопытно соотношение членов диалектного различия в названиях радуги. На карте 89 обозначениями разных цветов противопоставлены названия с корнями *-весел-, -град-, -граб-* (*весёлка: веселуха; града: градовка: ... градуха; грабничка*), названия с корнями *-рад-, -рай-* и *дуга-* с вариантами этих корней, образующих названия радуги по отдельности (*дуга: рада: радовка...*) или в различных комплексах, некоторые из которых можно считать сложными словами и даже словосочетаниями (*радуга: дуга-радуга, дугора, райдуга, радова дуга, дуга-рада*).

В аспекте лингвогеографическом предпочтение на первой из рассмотренных нами карт отдано признакам разных корней, в качестве второго плана выбрано различие в основах; третий образуют варианты корня *борон-* и *борн-*. На второй карте также цветом показаны однокоренные, планы противопоставлений по другим признакам зрительно слабее соподчинены, хотя наглядность карты в целом сохраняется. Для третьей карты оказалось целесообразным все многообразие вариантов с корнями *-рад-, -рай-, -дуга-* и с вариантами этих корней, в том числе и слово *радуга*, характерное для части говоров и литературного языка, показать разными обозначениями одного цвета, т.е. поставить слово *радуга* в один ряд с дру-

гими словами этой группы названий. Чаще всего слово (или вариант), характерное для части говоров и литературного языка, показывают самым простым обозначением (штриховка тонкой линией или сплошное закрашивание), на фоне которого лучше выделяются другие обозначения, показывающие распространение диалектных членов диалектного различия. Так, слово *радуга* показано сплошным закрашиванием, остальные слова этой группы – штриховками и другими обозначениями того же цвета.

На карте 22 "Названия колыбели" из более чем 20 лексических единиц, представленных отдельными словами (в том числе группами однокоренных) и вариантами слов, три названия приводятся в словарях литературного языка без пометы о принадлежности к региональной лексике. Это слова *люлька, зыбка* и *колыбель*. Слово *зыбка* имеет помету "простореч." На карте каждое из этих слов имеет ограниченную территорию распространения, но хотя у слов *люлька* и *зыбка* имеются зоны почти исключительного распространения, на значительных пространствах они сосуществуют, а слово *колыбель* в варианте, характерном и для литературного языка (имеется еще ряд региональных вариантов и однокоренных), отмечено только в сосуществовании с другими названиями. Эти три слова, являющиеся, с одной стороны, территориально ограниченными, а с другой, – входящие в состав лексики подсистем национального языка более высокого порядка, в совокупности занимают всю картографируемую территорию. Графически карта решена таким образом, что для этих слов выбраны простые обозначения (сплошное закрашивание, точечная заливка, сплошная штриховка). Таким образом, лексические единицы, общие части говоров и литературному языку, в перечисленных случаях не выделяются каким-то слишком броским графическим приемом, а показываются таким обозначением, на фоне которого обозначения остальных лексических единиц хорошо видны.

При составлении карт, посвященных простым диалектным различиям плана содержания или семантическим диалектным различиям, применялся тот же методический прием – выявление различительных признаков. В структуре семантических диалектных различий (членами которых чаще всего являются разные значения одного слова, представленные в разных диалектных системах) обычно также наблюдаются и многочленность и многопланность, поэтому установление соотношения различительных признаков, по которым противопоставлены члены этих диалектных различий, по их важности в одном из охарактеризованных аспектов и здесь представляет одну из главных задач. Для семантических различий это связано со значительными трудностями.

Соотносительные члены семантических диалектных различий противопоставляются по признакам: разных значений одного слова (подобно полисемии); разных значений, относящих лексические единицы, обладающие одной звуковой формой, к разным словам (подобно омонимии); по признакам типов лексических значений (номинативные, предикативно-характеризующие, экспрессивно-синонимические); по принадлежности к разным типам языковых знаков (апеллятивы, топонимы и т.д.).

Члены семантических диалектных различий могут соотноситься по признакам узкопредметных, денотативных значений и значений отвлечен-

ных, сигнификативных; они могут противопоставляться как лексические единицы однозначные в одних говорах (ЧДС) и многозначные в других.

Все перечисленные признаки имеют ту или иную значимость в языковой системе, поскольку они характеризуют более близкие или далекие отношения между составляющими ее единицами. В структуре диалектного ландшафта, т.е. в лингвогеографическом аспекте, значимость определяется тем, насколько последовательно распространено то или иное значение в пределах определенного ареала[9]. Для семантических диалектных различий во многих случаях наблюдается такое же, как и для лексических, несовпадение структурной и лингвогеографической значимостей: слово в одних значениях характеризует вполне определенные ареалы, входя в диалектное членение по комплексам признаков, в других образует невыразительные мелкие ареалы или вообще не образует ареалов.

Так, на карте 53, посвященной значениям слова *жито*, наблюдается весьма последовательное распространение слова в значении 'ячмень' в пределах северной диалектной зоны, а в значении 'рожь' в юго-западной диалектной зоне. Таковы ареалы слова в конкретных "видовых" значениях. Все более или менее общие "родовые" значения слова в своей совокупности тоже образуют компактный ареал, но каждое из таких выделяемых по данным ДАРЯ значений (как 'зерновые культуры', 'хлеб на корню', 'хлеб в зерне', 'яровые хлеба' и др.) образует большее или меньшее количество небольших перемежающихся ареалов. Наибольшее распространение из так называемых общих значений имеет значение 'хлеб в зерне'. Лингвогеография общих значений подсказала необходимость показа на карте каждого из них, не объединяя их на основании присущего им всем общего признака, как это делали другие исследователи[10].

Иное решение подсказал материал вопроса Программы 267, на основании которого составлена карта 83 "Значение слов *ляда, лядина, ляга*". На этой карте было признано целесообразным показать одним обозначением значения, объединенные общим признаком 'лес', за исключением значения 'лес на болотистом месте': именно повторяемость в пределах нескольких ареалов оговорки о заболоченном участке леса позволила выделить его как особое значение. Другие ремарки (о величине, возрасте, хорошем или плохом качестве, породах деревьев и т.д) не давали такой повторяемости для сколько-нибудь заметных ареалов. Следует, конечно, иметь в виду возможность выделения у слов *лядина, ляда* и других частных, видовых значений ('мелкий лес' или 'лес на высоком месте' и т.п.), если в частной диалектной системе существуют другие слова, обозначающие другие разновидности леса[11]. К сожалению, специально такой материал Программой не

---

[9] См.: *Мокиенко В.М.* Лингвогеографическое описание и семантика диалектного слова. – В кн.: Вопросы изучения севернорусских говоров и памятников письменности. Череповец, 1970. См. также: *Мораховская О.Н.* К вопросу о семантических диалектных различиях. – В кн.: О Л А. Материалы и исследования. 1982. М., 1984.

[10] См.: *Клепикова Г.П., Усачева В.В.* Лингвогеографические аспекты семантики слова *žito в славянских языках. – В кн.: ОЛА. Материалы и исследования. М., 1965; *Коннова В.Ф.* Несколько лексико-семантических изоглосс на славянской языковой территории. – ВЯ, 1972, № 5; *Она же.* Славянские лексико-семантические изоглоссы и типы изменений значений слов. – Автореф. канд. дис. М., 1973.

[11] Согласно современным воззрениям, разными считаются любые значения слова, если они противопоставлены релевантным семантическим признакам. Признаки,

предусматривался, он может быть извлечен из исследований и областных словарей, но опять-таки установить по этому материалу парадигматические отношения между словами этой ЛСГ в частных диалектных системах можно только в отдельных случаях. Однако во многих материалах ответы информантов на вопросы второго раздела "Лексики ("есть ли слово и каково его значение") содержат разъяснения, которые свидетельствуют о точности того или иного ограничения значения, о релевантности тех признаков, которыми оно характеризуется.

Как правило, значительная часть ответов на вопросы этого раздела бывает связана с формулировкой вопросов в Программе, более или менее повторяя ее.

Но в рассмотренном случае формулировка значения 'низкое болотистое место, заросшее лесом' была во многих случаях "исправлена" информантами, чаще акцентировавшими внимание на характере растительности, а не на особенностях почвы. Независимо от других формулировок, заданных в этом вопросе ('неудобная земля, пустошь') из ответов выявилось значение 'росчисть (под пашню или покос)' характерное для слова *ляда* на территории Смоленщины, для слов *ляда* и *лядина* на юге Псковской обл.

Выявление новых значений, часто более конкретных, чем предусмотрено Программой, имело место в ответах на многие вопросы о значениях слов.

Например, для слова *курень* (карта 80) выявилось еще несколько групп значений, совершенно не связанных с теми, о которых спрашивается в Программе ('пекарня'; 'пекарня для выпечки баранок и других изделий из пшеничной муки'; 'место в лесу, где выжигают уголь'; 'группа однородных или тесно растущих деревьев' и др.), а к значениям, которые предусмотрены Программой, тесно примыкают такие, как 'помещение для скота; помещение для домашней птицы'[1 2].

Для слов *кут* (*куть*), *куток* (карта 4) выявился ряд значений, связанных с понятием 'угол в доме'. Значение 'угол в доме' соответствует понятию любого угла и локализовано довольно обширными ареалами в пределах юго-запада. Его можно считать общим, родовым значением по отношению к частным 'угол, где вешались иконы ("красный угол")', характерному для Смоленщины, 'угол у печи', 'угол у входа'. От двух последних слабо отграничиваются значения 'место у печи' и 'место у входа'.

В большинстве вопросов второго раздела "Лексики" выясняется значение слов, не свойственных литературному языку, представляющих часто архаизмы и в самих диалектах, так как они относятся к исчезающим или уже исчезнувшим из жизни понятиям. В некоторых случаях слова, значение которых предлагалось выяснить, существуют в литературном языке, но о том значении, какое им свойственно в литературном языке, в вопросе Программы не спрашивается (например, о словах *мост, погода, виски*). В материалах для этих случаев, как правило, выявляется часть ответов, в которых лишь указывается, что в значениях, приведенных в

составляющие коннотативные элементы значения, придающие словам эмоциональную окраску, также являются различающими разные значения (см.: *Шмелев Д.Н.* Проблемы семантического анализа лексики).

[1 2] См.: *Мораховская О.Н.* К исторической интерпретации лексической карты. – В кн.: Русские говоры. М., 1975.

вопросе Программы, слово не отмечено. При этом о значении, свойственном слову в литературном языке, не говорится ни слова. В таких случаях в заголовке карты указывается, что карта посвящена диалектным значениям слова.

В некоторых вопросах выясняется значение не одного, а нескольких слов одного корня (см. 252–254, 267, 289 и др.). Кроме того, в ответах на вопросы приводятся и другие слова от тех же корней, а также не предусмотренные Программой варианты слов. Все те лексические единицы, которые образуют заметные ареалы, находят отражение на картах.

Например, на карте 4 показаны варианты *кут* и *куть*, однокоренные *кутóк, прикýтка//прикýток, кýтник//кутни́к, кýтень//кýтня, закýта//закýт, закýтка//закýток//закуток*; на карте 5 – варианты глаголов *закýтать//захýтать//закутáть*, однокоренные *скýтать*: *укýтать//укутáть*; на карте 81 – слова *рель* и *рёлка*, варианты *рéли//орéли*.

В большинстве случаев эти лексические единицы взаимоисключают друг друга в одних и тех же ареалах. Поэтому тип карты меняется в этих случаях только в том смысле, что на ней оказываются отраженными несколько семантических различий в соответствии с тем, сколько лексических единиц на ней показано.

Но в атлас включены и такие карты, на которых показано распространение и значения слов одного корня, не взаимоисключающих друг друга в ЧДС, а сосуществующих в отдельных ареалах – карты на сложные диалектные различия.

Таковы карты 2 "Существительные с корнем *-двор-* в значениях, связанных с крестьянской усадьбой и постройками на ней" и 10 "Распространение и значения существительных, связанных с корнем *-изб-*"[13]. Обе карты составлены по материалам всех вопросов, относящихся к крестьянской усадьбе, со специальной целью выявить семантические отношения между однокоренными в тех ареалах, где существует по несколько однокоренных, продуктивность отдельных словообразующих основ и словообразовательных моделей, ареалы сосуществования слов со старым и новым вариантом корня и т.д. Строго говоря, и карта 4 принадлежит к этому типу карт, хотя на ней ареалы таких сосуществований значительно меньше, поскольку слова с корнем *-кут-* распространены не повсеместно[14].

Различия в семантических отношениях между словами представляют особый тип диалектных различий лексико-семантического уровня. Кроме однокоренных, они наблюдаются и в отношениях между словами разных корней и имеют в таких случаях иную природу и свою специфику. Диалектные различия в отношениях между однокоренными основаны на тож-

---

[13] См.: *Мораховская О.Н.* К вопросу о методе картографирования в лингвистике. – В кн.: ОЛА. Материалы и исследования. 1976. М., 1978; *Она же.* Существительные однокорневые со словом *изба* в русском языке. – В кн.: Диалектологические исследования по русскому языку. М., 1977.

[14] И на других картах, посвященных семантическим диалектным различиям, возможны ареалы, где имеет место сосуществование однокоренных, различающихся по значению, т.е. элементы сложных различий. См., например: *Мораховская О.Н.* Существительные с корнем *-пел-//-пол-* в значениях, связанных с понятиями мякины, соломы и некоторых видов их использования. – В кн.: ОЛА. Материалы и исследования. 1979. М., 1981.

дестве (синхроническом или диахроническом) корня сосуществующих слов. Если не ограничиваться материалами ДАРЯ (в которых не ставилось специальной задачи относительно однокоренных), можно говорить о диалектных различиях в словарном составе и структуре словообразовательных гнезд, независимо от того, к каким ЛСГ относятся однокоренные отдельных ЧДС.

Диалектные различия в семантических отношениях между словами, не связанными тождеством корня, имеют ту специфику, что в основе их лежит тождество семантического пространства, которое в разных коммуникативных общностях может по-разному членениться языковым сознанием их носителей. Если в простых диалектных различиях наблюдается тождество либо в плане содержания (различаются слова, обозначающие одно и то же понятие), либо в плане выражения (различаются значения, соответствующие одной и той же звуковой форме), то в сложных диалектных различиях в пределах всего (а не части) диалектного континуума отсутствуют эти тождества. Существует лишь тождество семантического пространства, соотнесенное с одним и тем же именуемым объектом, который может мыслиться либо как целое, либо как тот или иной набор частей этого целого.

Свойство сложного диалектного различия в отличие от простого можно видеть в диалектном различии в названиях наседки: в одних диалектных системах она имеет одно название на весь период материнства; в других – называется по-разному в период до насиживания, в период насиживания яиц и в период, когда она водит цыплят; в третьих – она имеет одно название до выведения, другое после выведения цыплят[15].

Сложному диалектному различию посвящена карта 87 "Общие названия грибов". На этой карте показаны ареалы, где существует только то или иное общее название грибов (*грибы, обабки, губы, блицы* и др.), и ареалы, где существуют общие названия не всех грибов, а по отдельности трубчатых и пластинчатых (чаще всего *грибами* при этом называют трубчатые грибы, а пластинчатые имеют названия *губы*, иногда *рыжики, блицы, грузди* и др.). Есть говоры, где общее название существует только для пластинчатых грибов, но при этом, как правило, существует и общее название всех грибов (*губы* и *грибы* на северо-востоке, *блицы* и *грибы* на северо-западе).

Сложным является и диалектное различие в названиях сжатого поля. В ряде говоров существует лишь общее название для сжатого поля после любой культуры, но довольно широко распространены говоры, в которых наряду с таким общим названием существуют названия для сжатого поля после каждой отдельной культуры или только названия полей

[15] Термин "сложные" мы употребляем вслед за авторами книг "Вопросы теории лингвистической географии", хотя там этот термин употреблялся только применительно к фонетическим и морфологическим диалектным различиям и содержание его не было раскрыто с достаточной полнотой. Ф.П. Филин (Указ. соч.) предлагал термин "комплексные", В.Е. Гольдин ввел термин "структурно-семантические диалектные различия" (*Гольдин В.Е.* К вопросу о структурно-семантических различиях в диалектной лексике. Саратов, 1967). У Н.И. Толстого эти различия включены в проблематику семантических микрополей. См.: *Толстой Н.И.* Из опытов типологического исследования славянского словарного состава. – ВЯ, 1963, № 1, ч. 2; ВЯ, 1965, № 3, ч. 2.

после отдельных культур. На данное диалектное различие оказалось целесообразным составить две карты (48 и 49), так как в видовых названиях наблюдается тенденция к регулярности определенных словообразовательных моделей, т.е. диалектное различие в видовых названиях можно рассматривать и как собственно словообразовательное. На карте 49 словообразовательные модели показаны в их конкретной реализации, чтобы можно было видеть степень регулярности словообразовательной тенденции.

Диалектные различия в отношениях между словами (т.е. сложные диалектные различия), которые оказалось целесообразным картографировать, в ряде случаев не предусматривались заранее, а выявились из ответов на некоторые вопросы Программы или из совокупности ответов на разные вопросы. Соотносительные члены сложных диалектных различий могут быть представлены противопоставлением отдельных слов в одних диалектных системах парам или группам слов в других и противопоставлением по-разному организованных групп слов и даже ЛСГ, относящихся к тождественным наборам именуемых объектов, но принадлежащих по-разному построенным лексико-семантическим парадигмам.

Сложные диалектные различия могут быть картографированы таким образом, что в качестве основной темы на карте будет представлено распространение слов, а различия в их значении показаны наложением особых обозначений. Это целесообразно, если на большей части картографируемой территории диалектное различие проявляется как простое лексическое различие и только на сравнительно небольшой ее части в его структуре появляются усложнения. Например, на карте 37, посвященной глаголам со значением 'снимать одежду', выделяются ареалы, где употребление того или иного глагола в одной и той же диалектной системе зависит в одних случаях от того, идет ли речь о верхней или нижней одежде, в других – относится ли действие к будничной или праздничной одежде. При этом одни и те же глаголы (*раздеваться, разбираться* и т.д.) в разных диалектных системах могут выступать то в одной, то в другой функции.

Такой же прием показа семантических различий в отношениях между словами осуществлен на карте 1, посвященной названиям участка земли, на котором находится усадьба, и отдельных его частей.

Сложное диалектное различие может быть представлено на карте "аналитически" – наложением простых семантических различий картографируемых слов. На карте 62, посвященной названиям стеблей гороха и огурцов, знаками одного цвета показаны слова, означающие стебли гороха, знаками другого цвета – огурцов, третьего – общие названия для стеблей гороха и огурцов, причем некоторые слова могут быть только названиями стеблей гороха (слова с корнем *-горох*), другие – только названиями стеблей огурцов. Но большинство слов по говорам может иметь то одно, то другое, то третье значение.

Еще один прием – показ на карте различий в самой структуре семантических отношений. Этот прием может быть применен и без показа диалектного различия в его конкретной реализации в словах и с обобщенным показом конкретной реализации. Такой прием осуществлен на карте 63, посвященной способам наименования лошади в начальные периоды жизни. Данное диалектное различие интересно тем, что в одних говорах существует вычленение на собственно лексическом уровне нескольких (чаще всего

трех) периодов в жизни жеребенка, в течение каждого из которых он имеет специальное обозначение (*сосун*: *стригун*: *третьяк* или *сосун*: *лонщак*: *третьяк* или какие-либо еще – отмечено очень много разных лексических единиц). В других говорах, кроме названий по периодам существуют еще и названия по возрастам – фиксация определенных вех в развитии жеребенка (*годовик, полуторник, двухлеток* и т.п.). В-третьих – нет специальных слов, но распространены обозначения некоторых периодов фразеологическими средствами (*в борону* : *в соху*; *по первой траве*: *по второй траве*: *по третьей траве* и под.); аттрибутивными сочетаниями (*годовалый жеребенок, двухгодовалый*)[16].

До сих пор речь шла о диалектных различиях в наименованиях, относящихся к тождественным наборам именуемых объектов. В лексическом разделе III вып. ДАРЯ, в котором большинство карт относится к предметной лексике, во многих случаях существуют более или менее значительные различия в самих наборах именуемых объектов.

Если различиям в таких наборах (или в единичных объектах) более или менее соответствуют различия в наименованиях (т.е. каждая разновидность объекта имеет всегда свое, иногда различающееся по говорам наименование), то различие нельзя считать собственно языковым, лексическим, его следует квалифицировать как лексико-внеязыковое, иногда более точно – как лексико-этнографическое, если различие наблюдается в названиях этнографических объектов.

Различным названиям построек для сушки снопов более или менее регулярно соответствуют определенные разновидности этих построек, представлявших в одних случаях довольно благоустроенные строения (с внутренним обогревом с помощью наземной кирпичной печи, подобной русской печи, долго держащей тепло, с колосниками), чаще всего имеющие название *рига*; в других случаях постройка для сушки снопов представляла сруб с ямой, в которой находилась печь-каменка или разжигался костер, с колосниками, на которых снопы сушились горячим дымным воздухом, поступавшим во время топки. Такая постройка чаще всего называется *овин*, на западе Смоленщины *евня*//*ёвня*. Устройства, называемые *шишом*, уже не являются собственно постройкой: снопы накладываются на жерди, поставленные конусом над ямой, в которой разжигается костер. Слова *зород, зородник* тоже относятся к сооружению из жердей, на котором снопы сушатся без печи и колосников – просто на ветру. На карте показано только распространение самих слов (некоторые из них являются узкими регионализмами), указание на то, что слова эти относятся к нетождественным объектам наименования, содержится в формулировке темы карты ("Названия построек и сооружений для сушки снопов"). Все, что касается деталей построек и сооружений, сообщается в комментарии к карте16. Там же имеются сведения о том, что то или иное слово может иметь другое значение (если ему соответствует другая реалия).

Так, во многих говорах юга словом *рига* называется молотильный сарай (в котором снопы не сушатся, а хранятся до молотьбы). Он представляет собой просто крышу на столбах.

---

[16] См.: *Мораховская О.Н.* Способы наименования жеребят в начальные периоды жизни. – В кн.: Русские народные говоры. Лингвогеографические исследования. М., 1983.

Такой же подход осуществлен при картографировании лексико-внеязыковых различий в названиях муравьев, которые соответствуют разным видам муравьев (карта 76), и в названиях оврагов (карта 78).

Диалектное различие в названиях глиняной посуды для хранения молока имеет ту особенность, что форма этой посуды не одинакова в пределах картографируемой территории. При этом на большей ее части этот сосуд – высокий с узким горлом. В северных областях форма сосуда иная: уменьшается высота (главным образом за счет горла), сам сосуд расширяется. Сосуд может быть с менее высоким горлом или совсем без горла, он может быть совсем невысоким – интересно то, что в подавляющем большинстве случаев в качестве сосуда для молока он имеет на большом ареале (для всех этих северных разновидностей и для части территории где это – высокий сосуд с узким горлом) одно и то же название *кринка*. Поэтому, кроме основной карты на лексическое различие в названиях высокого глиняного сосуда для молока с узким горлом (24) в атлас включена этнографическая, по существу, карта 25 "Слово *кринка*, обозначающее глиняную посуду для молока разной формы". К этим картам примыкает карта 26, посвященная слову *махотка*, поскольку это слово может означать в некоторых говорах высокую глиняную посуду с узким горлом, а в других относится к посуде иной формы и назначения.

В отличие от сложных диалектных различий, основанных на тождестве семантического пространства, относящегося к тождественному набору именуемых объектов, сложные диалектные различия, осложненные внеязыковыми различиями, характеризуются тем, что составляющая их лексика относится к не вполне тождественным наборам именуемых объектов. В структуре таких диалектных различий в отличие от лексиковнеязыковых различий нарушается соответствие определенных слов всегда одному и тому же предмету или одной и той же его разновидности. Слово может быть в одних диалектных системах названием только одной бытующей здесь разновидности объекта наименования, в других – другой разновидности, характерной для данной местности, в третьих – двух или нескольких разновидностей, поскольку они там имеются. В ряде диалектных систем каждая из разновидностей будет иметь свое название.

Изучение структуры таких диалектных различий требует от исследователя максимального внимания ко всем характеристикам денотата, попадающим в материалы, сколь бы окказиональны они ни казались на первый взгляд. В частности, для диалектного различия в названиях крестьянского жилища, которое, как известно, характеризуется на разных территориях особенностями, представляющими этнографические признаки различных групп русского населения, выявилось несколько пар таких различительных признаков, которые отражаются в семантике названий – являются релевантными семантическими признаками[17].

На карте 3 было признано целесообразным показать основными знаками распространение слов, а разные семантические отношения между словами – различными дополнительными обозначениями. При этом этнографи-

---

[17] См.: *Мораховская О.Н.* К итогам картографирования названий крестьянского жилища. – В кн.: Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1977. М., 1979.

ческие признаки как таковые не картографируются, но семантические отношения между словами в известной степени манифестируют некоторые этнографические различия (соотношение жилой постройки и помещений для скота, наличие жилого помещения усложненного плана и др.).

На картах 12–13 раздельно картографированы названия построек и помещений для скота и семантические отношения между словами, входящими в группу этих названий. Различия в значениях связаны с признаками 'утепленности': 'неутепленности', назначения 'для крупного': 'для мелкого скота', 'для всех видов': 'для каждого вида скота в отдельности' и т.д.[18]

В связи с неодинаковым качеством ответов на разные вопросы Программы, неполнотой информации о тех диалектных различиях, структура которых не была заранее известна, и о самих объектах наименования на картах ДАРЯ не всегда можно показать сложное диалектное различие, выражая в знаках семантические отношения между словами, даже если сама его структура выявлена достаточно детально: неполнота материала может привести к тому, что лингвистический ландшафт окажется сильно искаженным. Поэтому в каждом случае вопрос о том, как передать на карте структуру сложного диалектного различия (в том числе и осложненного внеязыковыми различиями) решается по-разному.

Мы говорили об использовании на некоторых картах так называемого аналитического способа показа, когда каждое слово картографируется в разных значениях, а их совокупность в диалектных системах дает представление о структуре диалектного различия. Это основано на том факте, что любое сложное диалектное различие может быть понято как совокупность простых диалектных различий плана выражения (лексических) и плана содержания (семантических), а сложное диалектное различие, осложненное внеязыковыми различиями – как совокупность лексико-внеязыковых различий и семантических диалектных различий.

Соответственно и картографировать можно по отдельности: 1) диалектные различия в названиях каждого объекта наименования, будь то вычлененные языковым сознанием нетождественные отрезки семантического пространства, тождественного на всей картографируемой территории или отрезки каждой из разновидностей не вполне тождественных семантических пространств; 2) диалектные различия в значениях отдельных слов, которые являются связующими звеньями, "опорными лексемами" сложного диалектного различия; ими определяется круг значений всех слов, входящих в сложное диалектное различие. У подобных слов могут быть по говорам значения, выводящие их за пределы данного сложного диалектного различия. Они, однако, часто указывают на межгрупповые связи – на связи между разными ЛСГ и в этом качестве должны также учитываться.

Если по материалам ДАРЯ попытаться составить карту на сложное диалектное различие в названиях разных видов болота, то надо, кроме ответов на специальный вопрос об этом (213), учесть данные вопросов о значении слов *ляда, лядина, ляга, кулига, гай, елань* (267–270), так как и эти

---

[18] См.: *Гольдин В.Е.* К методике отграничения соответственных лексико-семантических групп. – В кн.: Очерки по русскому языку и стилистике. Саратов, 1967; *Он же.* Об отражении современных условий бытования говоров в строении отдельных лексико-семантических групп. – В кн.: Язык и общество. Саратов, 1967.

слова известны в качестве названий той или иной разновидности болота. Но каждое из этих слов в других диалектных системах может означать какую-то разновидность либо какой-то участок леса, поля, луга и т.д., показывая, сколь различными могут быть их роль в ЧДС, их место в лексико-семантических группах.

Итак, картографирование сложных диалектных различий может осуществляться путем раздельного показа диалектных различий в названиях одного и того же объекта наименования и диалектных различий в значениях отдельных слов. Такой прием применен на картах, посвященных названиям подполья и хода в него (6–8), на картах, посвященных названиям построек для кормов и хозинвентаря (17–19). Оба цикла карт посвящены сложным диалектным различиям, осложненным этнографическими различиями, которые в той или иной степени прослеживаются по материалу, но настолько непоследовательно, что не могут быть показаны на карте в виде структурных элементов диалектного языка. Можно лишь получить общее представление о них[19].

Ниже приводится список карт лексического раздела III выпуска ДАРЯ. Формулировки названий могут вызвать вопрос о том, не упущена ли возможность их унификации. Однако в каждом случае авторы исходили из того, что та или иная формулировка должна достаточно точно выражать тему карты. Так, если в формулировке употреблено слово *названия*, это означает, что речь идет только о собственно лексическом способе наименования. Если говорится о *словах*, значит речь идет либо о многозначных словах (имеется в виду одно из значений), либо кроме слов известны для обозначения объекта наименования не собственно лексические средства (предложно-падежные сочетания, аттрибутивные словосочетания и т.д.). Если говорится о *существительных* и *прилагательных*, значит тема карты ограничивается однокоренными в пределах определенных частей речи. Применительно к названиям действий употребление слова *глагол* оправдано тем, что на соответствующих картах не показаны существительные со значением действия. Таким образом, в каждом случае употребление того или иного слова указывает либо на какое-то ограничение в теме карты, либо на его отсутствие.

Диалектологический атлас русского языка
(Центр Европейской части СССР)

Выпуск III, раздел 2. Лексика

Карта 1. Названия участка земли, на котором находятся дом с хозяйственными постройками, огород, сад,и частей этого участка (О.Н. Мораховская*).

Карта 2. Существительные с корнем -двор- в значениях, связанных с крестьянской усадьбой и постройками на ней (О.Н. Мораховская).

Карта 3. Названия крестьянского жилища (О.Н. Мораховская).

Карта 4. Существительные и прилагательные с корнем *-кут-* (О.Н. Мораховская).

[19] См.: *Мораховская О.Н.* Исследование предметной лексики русского языка с применением методов лингвогеографии. Автореф. док. дис. М., 1982.

* В скобках приводится фамилия автора.

Карта 5. Диалектные значения и употребление (сочетаемость) глаголов с корнем *-кут-//-хут-* (О.Н. Мораховская).

Карта 6. Слова с корнями *-пол-*, *-мост-*, обозначающие подполье, ход в него, прорезанный в полу, и предмет, прикрывающий этот ход (О.Н. Мораховская).

Карта 7. Слово *го́лбец* и другие слова, обозначающие ход в подполье в виде пристройки к печи (1). Слова *подва́л, поды́збица, истёбка* и *выход* в значениях 'подполье' и 'ход в подполье (преимущественно снаружи)' (О.Н. Мораховская).

Карта 8. Слова, используемые для обозначения хода в подполье в виде отверстия в полу или предмета (крышки, дверцы), закрывающего этот ход (кроме слов с корнями *-пол-* и *-мост-*) (О.Н. Мораховская).

Карта 9. Слова и предложные сочетания, означающие пространство между потолком и крышей крестьянского жилища (О.Н. Мораховская).

Карта 10. Существительные, связанные с корнем *-изб-*, в значениях, относящихся к крестьянскому жилищу (О.Н. Мораховская).

Карта 11. Диалектные значения слова *мост* (О.Н. Мораховская).

Карта 12. Названия построек и помещений для скота при доме (О.Н. Мораховская).

Карта 13. Различия в значениях слов, обозначающих постройки и помещения для скота при доме (О.Н. Мораховская).

Карта 14. Варианты слова *хлев* (I). Существительные с корнем *-м(о)ш-* и генетически связанные с ними существительные в значении 'постройка, помещение для скота' (II). Суффиксальные образования от названий отдельных видов скота для обозначения построек, помещений для скота (III) (О.Н. Мораховская).

Карта 15. Существительные с основой *закут-* (О.Н. Мораховская).

Карта 16. Названия построек и сооружений для сушки снопов (О.Н. Мораховская).

Карта 17. Значения слова *сарай* (I). Значения слова *поветь* и однокоренных существительных (II) (О.Н. Мораховская).

Карта 18. Значения слов *пуня* и *пунька* (I). Слово *клуня* (II). Названия построек для кормов и хозинвентаря с корнями *-полов-//-пелев-*, *-пел-*, *-пелед-* (III) (О.Н. Мораховская).

Карта 19. Некоторые названия построек для хозинвентаря и кормов (О.Н. Мораховская).

Карта 20. Варианты существительных и префиксально-суффиксальные образования с *-пелед-* (О.Н. Мораховская).

Карта 21. Названия построек для зерна (О.Н. Мораховская).

Карта 22. Названия колыбели (А.И. Сологуб).

Карта 23. Названия посуды, в которой замешивают тесто (Н.А. Липовская).

Карта 24. Названия глиняной посуды для молока в форме высокого сосуда с узким горлом (Н.А. Липовская).

Карта 25. Слово *кринка*, обозначающее глиняную посуду разной формы (Н.А. Липовская).

Карта 26. Слово *махотка*, обозначающее глиняную посуду разной формы и назначения (Н.А. Липовская).

Карта 27. Названия ковша (А.К. Васильева).

Карта 28. Названия каши из муки (К.Ф. Захарова).

Карта 29. Названия орудий для выколачивания белья при стирке (Е.Г. Бурова).

Карта 30. Названия ухвата (Е.Г. Бурова).

Карта 31. Названия сковородника (Е.Г. Бурова).

Карта 32. Слова, обозначающие мужскую верхнюю одежду из ткани преимущественно прямого (не суженного в талии) покроя (Н.Л. Голубева).

Карта 33. Слова, обозначающие мужскую верхнюю одежду из ткани преимущественно суженного в талии покроя (I). Распространение слов тяжелко, оболочка, лопотина и их вариантов (II) (Н.Л. Голубева).

Карта 34. Слова, обозначающие мужскую верхнюю одежду из ткани разного покроя (Н.Л. Голубева).

Карта 35. Названия вязаных рукавиц с одним пальцем (И.А. Букринская).

Карта 36. Названия сшитых рукавиц с одним пальцем (И.А. Букринская).

Карта 37. Глаголы со значением 'снимать одежду' (С.В. Бромлей).

Карта 38. Названия заплаты (I). Глаголы со значением 'чинить одежду, ставя заплаты' (II) (К.Ф. Захарова).

Карта 39. Названия орудия для ручной молотьбы (цепа) (О.Е. Кармакова).

Карта 40. Названия ручки цепа (О.Е. Кармакова).

Карта 41. Названия бьющей части цепа (О.Е. Кармакова).

Карта 42. Названия приспособления, соединяющего ручку цепа и его бьющую часть (О.Е. Кармакова).

Карта 43. Названия деревянной части косы – косовища (О.Е. Кармакова).

Карта 44. Названия рукоятки косы (О.Е. Кармакова).

Карта 45. Глаголы со значением 'пахать' (В.Н. Теплова).

Карта 46. Глаголы со значением 'бороновать' (С.В. Бромлей).

Карта 47. Названия всходов зерновых культур (В.Н. Теплова).

Карта 48. Общее название сжатого поля (В.Н. Теплова).

Карта 49. Названия сжатого поля после различных зерновых культур (В.Н. Теплова).

Карта 50. Названия малых укладок снопов зерновых культур (И.А. Букринская).

Карта 51. Названия больших укладок снопов и сена (И.А. Букринская).

Карта 52. Названия жерди, скрепляющей укладку снопов и/или сена на возу (И.А. Букринская).

Карта 53. Значения слова *жито* (О.Н. Мораховская).

Карта 54. Названия навоза (А.И. Сологуб).

Карта 55. Названия коллективной помощи в сельской работе (О.Е. Кармакова).

Карта 56. Слова, обозначающие понятие 'период работы без перерыва' (О.Е. Кармакова).

Карта 57. Глаголы со значением 'убирать лен с поля' (С.В. Бромлей).

Карта 58. Названия брюквы (В.Н. Теплова).

Карта 59. Названия моркови (Е.Г. Бурова).

Карта 60. Названия свёклы (Е.Г. Бурова).

Карта 61. Названия картофеля (Е.Г. Бурова).

Карта 62. Названия стеблей гороха и огурцов (В.Н. Теплова).

Карта 63. Способы наименования лошади в начальные периоды ее жизни (О.Н. Мораховская).

Карта 64. Названия петуха (Н.А. Липовская).

Карта 65. Названия цыплят (Е.Г. Бурова).

Карта 66. Прилагательное *жерёбая* и его соответствия (А.К. Васильева).

Карта 67. Прилагательное *суягная* и его соответствия (А.К. Васильева).

Карта 68. Глагол *ржать* (о лошади) и его соответствия (Ю.С. Азарх).

Карта 69. Глагол *мычать* (о корове) и синонимичные ему глаголы (Ю.С. Азарх).

Карта 70. Глагол *бодает* (о корове) и его соответствия (С.В. Бромлей).

Карта 71. Глагол *блеять* (об овце) и его соответствия (Ю.С. Азарх).

Карта 72. Глагол *лаять* (о собаке) и его соответствия (С.В. Бромлей).

Карта 73. Подзывные слова для лошадей (Ю.С. Азарх).

Карта 74. Подзывные слова для коров (Ю.С. Азарх).

Карта 75. Названия кукушки (Н.А. Липовская).

Карта 76. Названия муравьев (Н.А. Липовская).

Карта 77. Глагол *квакать* (о лягушках) и его соответствия (Ю.С. Азарх).

Карта 78. Названия оврагов (Т.Ю. Строганова).

Карта 79. Названия пешеходной дорожки (Н.Л. Голубева).

Карта 80. Значения слова *курень* (О.Н. Мораховская).

Карта 81. Значения слов *рель, релка* (I), *рели, орели* (II) (Т.Ю. Строганова).

Карта 82. Значения слова *нива* (Т.Ю. Строганова).

Карта 83. Значения слов *ляда, лядина, ляга* (Т.Ю. Строганова).

Карта 84. Значения слова *кулига* (Т.Ю. Строганова).

Карта 85. Словообразовательные модели названий зарослей однородных деревьев и кустарников (Ю.С. Азарх).

Карта 86. Словообразовательные модели названий ягод (Ю.С. Азарх).

Карта 87. Общие названия съедобных грибов (А.К. Васильева).

Карта 88. Названия льдин (И.А. Букринская).

Карта 89. Названия радуги (И.А. Букринская).

Карта 90. Диалектные значения слова *погода* (А.К. Васильева).

Карта 91. Значения слова *вёдро* (А.К. Васильева).

Карта 92. Наречия со значением 'холодно' (Н.Н. Пшеничнова).

Карта 93. Названия вечерних собраний молодежи (в помещении) (О.Е. Кармакова).

Карта 94. Глагол *петь* и его соответствия (С.В. Бромлей).

Карта 95. Глаголы со значением 'разговаривать' (Н.Н. Пшеничнова).

Карта 96. Глаголы со значением 'причитать над покойником' (Н.Н. Пшеничнова).

Карта 97. Глаголы со значением 'брезговать' (Н.Н. Пшеничнова).

Карта 98. Глаголы со значением 'прятать' (Н.Н. Пшеничнова).

Карта 99. Наречия со значением 'очень' (Н.Н. Пшеничнова).

Карта 100. Употребление глагола *пахать* в значениях, не связанных с процессом пахоты (В.Н. Теплова).

Л.Л. Касаткин

РАЗНОВИДНОСТИ ФОНЕТИЧЕСКИХ ГИПЕРИЗМОВ В РУССКИХ ДИАЛЕКТАХ

1. Одно из широко распространенных в русских диалектах явлений – гиперкоррекция. Возникает она при языковых и диалектных контактах как результат приспособления одной языковой (диалектной) системы к другой. Наиболее распространен следующий тип гиперкоррекции. При взаимодействии двух языков, или диалектов, или диалекта и литературного языка носители языка (диалекта) А могут считать язык (диалект) Б более "правильным", "престижным" и пытаются усвоить его закономерности. Однако в результате неверного представления об этих закономерностях заменяют свое иноязычным (инодиалектным) и там, где это надо, с точки зрения воздействующего языка (диалекта), и там, где не надо. Случаи такой неправильной замены называются обычно гиперизмами (или гиперкорректизмами, гипердиалектизмами и, если это результат подражания городской речи – гиперурбанизмами)[1].

1.1. Возникновение гиперизмов может быть связано с различиями между системой А, воспринимающей, и системой Б, воспринимаемой.

1.1.1. Одной фонеме системы А могут соответствовать две фонемы системы Б: ⟨а⟩//⟨а⟩ и ⟨b⟩ в том смысле, что в диалекте Б есть морфы, в которых выступает фонема ⟨а⟩, и морфы, в которых выступает фонема ⟨b⟩. В диалекте же А во всех этих морфах выступает фонема ⟨а⟩ и нет таких морфов, где бы выступала ⟨b⟩. При этом фонема ⟨а⟩ системы А и фонема ⟨а⟩ системы Б воплощаются в сильной позиции в одном и том же звуке [α] (либо звук, воплощающий фонему ⟨а⟩ системы Б, отличаясь от звука [α], воплощающего фонему ⟨а⟩ в системе А, отождествляется с ним в языковом сознании носителей диалекта А), а фонема ⟨b⟩ воплощается в звуке [β], отсутствующем в системе А по крайней мере в сильной позиции. Усваивая фонему ⟨b⟩, носители диалекта А могут заменять ею свою фонему ⟨а⟩ не только в тех морфах, в которых в диалекте Б употребляется ⟨b⟩, но и там, где в диалекте Б употребляется ⟨а⟩.

1.1.1.1. Таковы гиперизмы, возникшие при отходе от цоканья. Как известно, цоканье представляет собой неразличение аффрикат, произношение одной аффрикаты в соответствии с двумя аффрикатами литературного языка и многих говоров. В литературном языке и говорах подобного типа в большинстве позиций фонема ⟨ц⟩ воплощается в звуке [ц], а ⟨ч⟩ в звуке [ч']. Цоканье же представлено двумя основными типами: мягким цоканьем и твердым цоканьем. При мягком цоканье в соответствии с этимологическими *ц* и *ч* произносится [ц'] или звуки типа [ц", ц$^{ч'}$, ч$^{ц'}$] (произношение подобного типа называют также шепелявым цоканьем): [ц']*арь*, [ц']*елый*, *ли* [ц']*о*, *оте* [ц']; [ц']*ай*, [ц']*ерти*, *п* [ц']*олы*, *пе* [ц'] ([ц"]*арь*, [ц"]*елый*, [ц"]*ай* и т.п.). При твердом цоканье произносится [ц]: [ц]*арь*, [ц]*ай*.

[1] См.: *Вандриес Ж.* Язык. Лингвистическое введение в историю. М., 1937, с. 57–58; *Марузо Ж.* Словарь лингвистических терминов. М., 1960; *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1966; *Л.А. Булаховський.* Нариси з загального мовознавства, 2-е вид. Київ, 1959, с. 198.

Одним из широко известных гиперизмов, связанных с трансформацией цоканья, является чоканье – произношение [ч'] или [ч] не только на месте *ч*, но и на месте *ц*: [ч']*арь*, [ч']*елый, ли* [ч']*о, оте* [ч'], при [ч']*ай*, [ч']*ерти, п* [ч']*олы, пе* [ч']. В.Г. Орлова так пишет о возникновении этого гиперизма: "Возникновение чоканья и связывают с воздействием городской речи на диалекты в те периоды, когда это воздействие не было достаточно систематическим и повседневным и не обеспечивало непосредственного перехода к различению аффрикат. Таким это воздействие было, например, в дореволюционной России, когда влияние городской речи испытывали на себе лица, уходившие на заработки в города. Усваивая незнакомый им согласный *ч*, носители цокающего диалекта подставляли вместо единственной известной им аффрикаты *ц* опять-таки одну аффрикату *ч*, но не переходили к различению аффрикат. Указания на чоканье преимущественно и встречаем в дореволюционной литературе по отношению к говорам деревень, которые были в наибольшей степени связаны с отхожими промыслами, и, что характерно, чаще всего в речи мужчин, на которых в наибольшей степени распространялось в то время влияние городской речи"[2].

Другую точку зрения на происхождение чоканья высказал Г.А. Турбин, выдвинувший предположение о том, что чоканье в русских говорах востока Европейской части РСФСР и Урала возникло как субстратное явление в результате воздействия языка коми[3]. Л.Н. Макарова, исследуя говоры Кировской области, обнаружила две диалектные группы, характеризующиеся чоканьем: котельнические говоры, "отмеченные на территории 10 районов в 108 населенных пунктах; из них в 32 селениях отмечены чисто чокающие говоры, совсем не знающие аффрикаты *ц*", и кайские говоры, которые отличаются от котельнических "наиболее частым употреблением палатальной шепелявой аффрикаты *ч*'[Ц'], чаще всего соответствующей этимологическому *ч*"[4]. Возникновение чоканья, как и цоканья, Макарова связывает с финно-угорским субстратом, хотя и указывает, что причины возникновения неразличения аффрикат заключались в самой фонологической системе русского языка[5].

По современным данным, в частности по материалам ДАРЯ, чоканье не представляет собой строгой, непоколебленной системы: наряду с [ч'] или [ч] в соответствии с *ч* и *ц* произносятся и другие аффрикаты[6]. В этом отношении кировские говоры, по данным Л.Н. Макаровой, пред-

---

[2] Русская диалектология/Под ред. Р.И. Аванесова и В.Г. Орловой, М., 1964, с. 82. Ср.: *Иванов А.М., Якубинский Л.П.* Очерки по языку. Л.; М., 1932, с. 98.

[3] *Турбин Г.А.* Типы и употребление аффрикат в старожильческих говорах Южного и Среднего Урала. – В кн.: Вопросы истории и диалектологии русского языка. Вып. I. Челябинск, 1965, с.78.

[4] *Макарова Л.Н.* К истории аффрикат в русском языке: По материалам кировских говоров. – ВЯ, 1973, № 1, с. 94.

[5] Там же, с. 96, 98.

[6] См.: *Орлова В.Г.* История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров. М., 1959, с. 32 и сл.; Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. М., 1957, карта 40; Атлас русских говоров центральных областей к северу от Москвы (рукопись), карта "Звуки на месте *ч* и *ц*"; Диалектологический атлас русского языка (Центр Европейской части СССР). Вып. I. Фонетика (в печати). Карты 45–47.

ставляют исключение[7]. Впрочем, Л.Н. Макарова оговаривается, что чокающие говоры "все еще недостаточно изучены", причем "кайские чокающие говоры изучены еще меньше, чем котельнические"[8].

Говоря о чоканье, следует различать, во-первых, отдельные примеры произношения [ч'] или [ч] на месте *ц* и, во-вторых, систему произношения только [ч'] (или [ч]) на месте *ц* и *ч*.

На современном этапе, по многочисленным свидетельствам, "чистые" системы диалектного употребления аффрикат выдерживаются достаточно редко и только в речи представителей старшего поколения. В частности, о кировских говорах Е.П. Луппова пишет: "Следует подчеркнуть, что диалектные типы произношения аффрикат в современных кировских говорах характеризуют в основном только архаический слой говора, и на всей территории наряду с этим в речи населения, особенно в речи молодежи, наблюдается правильное употребление аффрикат с редкими отступлениями от нормы литературного языка"[9].

Таким образом, исследуя современные говоры с точки зрения реализации в них аффрикат, часто приходится прежнюю систему реконструировать с большими или меньшими трудностями. И в соответствии с тем, какую систему мы относим к прежней эпохе, мы по-разному должны оценивать отклонения от нее в современных говорах.

Так, го́воря о происхождении чоканья как системы, по-видимому, нужно согласиться с тем объяснением, которое приводит Л.Н. Макарова. Но это не исключает и того, что в отдельных случаях подобное чоканье могло возникать и как гиперизм. Что же касается отдельных примеров произношения [ч'] или [ч] на месте *ц* при другой системе реализации аффрикат, то их интерпретация зависит от того, какой была прежняя система. Гиперкорректное происхождение подобных примеров при отходе от цоканья не вызывает сомнения.

Сложность интерпретации примеров при колебаниях в произношении в современных говорах можно видеть из следующего.

Если в говоре отмечается произношение [ц']*арь*, [ц']*елый*, *ли*[ц']*о*, *оте*[ц'] – [ч']*ай*, [ч']*ерти*, *п*[ч']*олы*, *пе*[ч'] и при этом [ц']*ас*, *ку*[ц']*а*, то последние два примера могут представлять собой остатки прежнего мягкого цоканья, а могут быть гиперизмами, возникшими на путях перехода к различению двух аффрикат, шипящей и свистящей, от прежней системы мягкого чоканья.

Отход от цоканья, возникающий в результате влияния литературного языка и говоров с такой же системой аффрикат, приводит к формированию разных диалектных систем с различением двух аффрикат, которые могут не совпадать с литературными. Так, например, возникает система, в которой в соответствии с *ц* выступает [ц], а в соответствии с *ч* произносятся различные мягкие аффрикаты: [ц'], [ц"], [ц$^{ч'}$], [ч$^{ц'}$]. Возможна также

---

[7] "Чистое чоканье" отмечала в них и Е.П. Луппова; см.: *Луппова Е.П.* К вопросу о распространении диалектных особенностей в области согласных в говорах Кировской области. – В кн.: Очерки по фонетике севернорусских говоров. М., 1967, с. 254–257.

[8] *Макарова Л.Н.* Указ. соч., с. 93, 94.

[9] *Луппова Е.П.* Указ. соч., с. 256.

система с произношением [ц] – [ц']: [ц]*арь*, [ц]*елый*, *ли* [ц]*о*, *оте* [ц] – [ц']*ай*, [ц']*ерти*, *п* [ц']*олы*, *пе* [ц'] и т.п. Такая система отмечается и в говорах цокающей территории к востоку от Москвы и в говорах северо-востока Европейской территории СССР[10].

Такая система часто не выдерживается последовательно, бывают и отступления. Так, наряду с "правильными" примерами, встречается и произношение с [ц'] в соответствии с *ц* типа [ц']*арь*, и произношение с [ц] в соответствии с *ч* типа [ц]*ай*.

Для выявления причин такого рода колебаний следует учитывать пути возникновения указанной системы ⟨ц⟩–⟨ц'⟩. Если эта система возникла в результате отхода от мягкого цоканья, то произношение типа [ц']*арь* следует расценивать как остаток старой системы, а произношение типа [ц]*ай* представляет собой гиперизм. Здесь говорящие пытаются усвоить твердую аффрикату в соответствии с литературным [ц], но заменяют ею и то свое [ц'], которому в литературном языке соответствует мягкая аффриката.

Другое дело, если эта система возникла в результате отхода от твердого цоканья. Тогда остатком старой системы являются примеры произношения типа [ц]*ай*, а гиперизмом будут примеры типа [ц']*арь*. Здесь говорящие пытаются усвоить мягкую аффрикату в соответствии с литературным [ч'], но заменяют ею и то [ц], которому в литературном языке соответствует [ц][11].

1.1.1.2. Другой случай возникновения гиперизмов при переходе от одной фонемы к двум связан с влиянием литературного языка и говоров, различающих ⟨ц⟩ и ⟨с⟩, на говоры с соканьем. В этих говорах в результате утраты затвора у аффрикаты [ц] указанные фонемы совпали и на их месте выступает одна ⟨с⟩: [с]*арь*, *кури* [с]*а*, *оте* [с]; [с]*ам*, *ко* [с]*а*, *ле* [с] и т.п. Отход от соканья приводит к восстановлению [ц] на месте *ц*. Однако отход этот сопровождается гиперкоррекцией – возникновением [ц] и в соответствии с этимологическим и литературным [с]: [ц]*арай*, [ц]*апог*, [ц]*ветлый*, *ле* [ц], *ру* [ц]*кий*[12].

1.1.1.3. Во многих среднерусских говорах наблюдается произношение [т'] в соответствии с литературным и инодиалектным [к']: [т']*исель*, [т']*ислый*, *с* [т']*ирда*, *ру* [т']*и*, *ру* [т']*е*, *пал* [т']*и*, *пал* [т']*е*, *Вань* [т']*я* и т.п. В среднерусских говорах этому явлению часто сопутствует и произношение [д'] в соответствии с [г']: [д']*ибель*, *мо* [д']*ила*, *но* [д']*и*, *но* [д']*е*, *день* [д']*ями* и т.п. В таких говорах не различаются ⟨т'⟩ и ⟨к'⟩, ⟨д'⟩ и ⟨г'⟩[13], ср.: [т']*ит* – литературное *Тит* и *кит*, *во* [д']*ила* – *водила* и *мо* [д']*ила* – могила.

Не исключено, что отход от этого явления возник по внутренним причи-

---

[10] См.: *Орлова В.Г.* Указ. соч., с. 51, 76–78, 83 и др.; Диалектологический атлас русского языка (Центр Европейской части СССР). Вып. I. Фонетика, Карта 47.

[11] Ср.: *Орлова В.Г.* Указ. соч., с. 80.

[12] Подробнее см.: *Касаткин Л.Л.* Утрата затвора аффрикатами [ч'], [ц] в западных южнорусских говорах. – Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1965, т. 24, вып. 6, с. 513–515. См. также: *Кузнецова А.М.* О гиперкорректных формах в области произношения согласных в русских говорах. – В кн.: Русские говоры. М., 1975, с. 144–145.

[13] Доказательство того, что [к'], [г'] воплощают фонемы ⟨к'⟩, ⟨г'⟩ (а не ⟨к⟩, ⟨г⟩, у которых признак "твердость"–"мягкость" отсутствует, как считают некоторые лингвисты) см.: *Касаткин Л.Л.* Прогрессивное ассимилятивное смягчение задненебных согласных в русских говорах. М., 1968, с. 62–66.

нам: в говоре наблюдалось "нетипичное" чередование [к]–[т'] и [г]–[д']: *ру*[к]*а* – *ру*[т']*е*, *но*[г]*а* – *но*[д']*е* в позиции, где большинство согласных знало чередование звуков, отличающихся только твердостью–мягкостью: *ко*[с]*а* – *ко*[с']*е*, *но*[р]*а* – *но*[р']*е*, *гу*[б]*а* –*гу*[б']*е*. Но восстановление [к'] и [г'] в позиции, где такого чередования не было ([к']*ино*, [к']*исель*, *с*[к']*ирда*; [г']*ибель*, *мо*[г']*ила*), безусловно связано с инодиалектным и литературным влиянием. В результате этого возникали гиперизмы типа *ма*[к']*ерия*, [к']*есто*, [к']*етрадь*, [к']*еперь*, *тре*[к']*ий*, *поч*[к']*и*, *преж*[г']*е*, *ор*[г']*ен*[14].

1.1.2. При отсутствии в системе А фонемы ⟨b⟩, свойственной системе Б, может сложиться такое соответствие, когда на месте этой фонемы в тех же морфах в диалекте А выступает сочетание фонем ⟨ас⟩, входящих и в систему Б. Усваивая фонему ⟨b⟩, носители диалекта А могут заменять ею сочетание фонем ⟨ас⟩ не только в тех морфах, в которых в диалекте Б употребляется ⟨b⟩, но и там, где в диалекте Б употребляется ⟨ас⟩.

Как известно, звук [ф] появился в части русских диалектов после падения редуцированных гласных в результате оглушения согласных на конце слова и перед глухими согласными, которому подвергся и [в], а также в результате освоения фонемы ⟨ф⟩ в заимствованных словах. Подобные отношения установились и в говорах, легших в основу литературного языка. В другой части говоров не было звука [ф]. Там не было фонемы ⟨ф⟩, а ⟨в⟩ воплощалась перед гласными в билабиальном [w], в соответствии с которым на конце слога выступал звук типа [ў][15].

Под влиянием говоров первого типа, в том числе и литературного языка, представители говоров второго типа пытаются усвоить инодиалектный звук [ф]. На первом этапе это приводит к различным заменам звука [ф] другими звуками, имеющимися в говорах.

В ряде таких говоров на месте ⟨ф⟩ и ⟨ф'⟩ перед гласными установилось бифонемное сочетание ⟨хв⟩ и ⟨хв'⟩, реализующееся в звуках [xw], [хв], [xw'], [хв'][16]. Вследствие этого лексический фонд диалекта с исконным сочетанием ⟨хв⟩, ⟨хв'⟩ в таких словах, как *хвост*, *хвастать*, *хватать*, *хвалить*, *хвоя*, *хворост*, *ухват*, пополнился словами *сарахван*, *хвартук*, *хвабрика*, *конхвета*, *Митрохван*, *Хведор*.

Дальнейшее воздействие на эти говоры литературного языка и говоров, знающих произношение [ф] на месте ⟨ф⟩, приводило к постепенной замене сочетания [хв] ([xw]), возникшего на месте ⟨ф⟩, звуком [ф]. Но на путях этой замены появлялись и гиперизмы: [ф] мог быть "восстановлен" не только на месте ⟨ф⟩, но и на месте исконного сочетания ⟨хв⟩; возникало произношение типа [ф]*ост*, [ф]*оя*, [ф]*алить*.

---

[14] См.: Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. Вступительные статьи, справочные материалы и комментарии к картам. М., 1957, с. 600; Диалектологический атлас русского языка. Вып. I. Фонетика. Карты 68, 69.

[15] См.: *Аванесов Р.И.* Очерки русской диалектологии, ч. I. М., 1949, с. 124–125; *Орлова В.Г.* Губные спиранты в русском языке. – Труды Института русского языка, т. 2. М.; Л., 1950, с. 208; *Иванов В.В.* Историческая грамматика русского языка. М., 1983, с. 188–190.

[16] См.: *Орлова В.Г.* Губные спиранты в русском языке, с. 188 и сл.; *Васильева А.К.* Фонемы ⟨ф⟩ и ⟨ф'⟩ и их замены в русских говорах. – В кн.: Русские говоры. М., 1975, с. 91 и сл.

Такое объяснение происхождения "в некоторых говорах" примеров типа [ф]*ост* приводит Р.И. Аванесов[17]. Иную точку зрения высказывает В.Г. Орлова: "... Изменение *xv* в *f* в подобных говорах связано с особым диалектным качеством самого *xv*. Так, в ряде говоров, видимо, распространено такое сочетание *xv*, в котором оба элемента являются глухими, т.е. *xf* или *xφ* (последнее в говорах, где губно-зубное *v(f)* неизвестно...). Для понимания дальнейшей судьбы подобных сочетаний надо учесть также и то обстоятельство, что звук *x* по различным говорам славянских языков имеет нередко очень широкое образование с незначительной фрикацией... *f* появляется в таких говорах в результате исчезновения *x*, образованного без достаточного сужения органов речи, сопровождающегося слабой фрикацией"[18].

Видимо, возникновение в русских говорах примеров типа [ф]*ост* могло происходить и в результате гиперкоррекции, и в связи с фонетическим изменением сочетания [xw]. Об этом может говорить следующее.

Распространение примеров типа [ф]*ост* имеет различный характер в южнорусских и севернорусских говорах[19]. В южнорусских говорах случаи такого произношения, как правило, немногочисленны, часто единичны; говоры с такими примерами не составляют компактной территории, а разбросаны по всей территории, где известны различные замены ⟨ф⟩. В говорах этой территории "борьба" между произношением [ф] и разными заменами фонемы ⟨ф⟩ далеко не окончена, актуальна для говорящих, и в ходе этой "борьбы" естественны "перегибы". Поэтому для южнорусских говоров вероятнее предполагать возникновение примеров типа [ф]*ост* в результате гиперкоррекции.

Иное в севернорусских говорах. Здесь выделяется определенный ареал этого явления, занимающий восточные районы Ленинградской обл., западные районы Вологодской обл. и переходящий в Архангельскую обл. В этих говорах произношение [ф] на месте исконного сочетания ⟨хв⟩ наблюдается во многих примерах и иногда, по-видимому, представляет собой единственно возможное произношение, по крайней мере, для архаического слоя говора. В большей части этих говоров в соответствии с ⟨ф⟩ произносится только [ф][20].

Все это, а также положение этих говоров в соседстве с говорами, знающими различные замены ⟨ф⟩ и произношение звуков типа [w] в соответствии с ⟨в⟩[21], свидетельствует о том, что усвоение [ф] в них произошло гораздо раньше, чем во многих южнорусских говорах. Произношение типа [ф]*ост* имеет здесь не случайный характер, как бывает обычно при гиперкоррекции, а вполне регулярный, охватывающий все возможные случаи, как бывает при фонетическом изменении. Поэтому и естественнее

---

[17] *Аванесов Р.И.* Указ. соч., с. 125.

[18] *Орлова В.Г.* Указ. соч., с. 203–204.

[19] См.: Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М., 1970, карта, 6, с. 36.

[20] См.: Атлас русских говоров центральных областей к северу от Москвы, карта 86 "Фонемы *ф, ф'* и их соответствия".

[21] *Васильева А.К.* Указ. соч., карта 1; *Липовская Н.А.* Губные спиранты на территории северо-восточной диалектной зоны, карты 1, 2, 3. – В кн.: Русские говоры. М., 1975.

предположить именно этот путь возникновения произношения [ф], [ф'] на месте *хв, хв'* в севернорусских говорах.

1.1.3. В системах А и Б могут не совпадать сильные и слабые позиции каких-либо фонем. При этом фонемы ⟨а⟩ и ⟨b⟩ и в системе А, и в системе Б различаются в позиции P_1, воплощаясь в звуках [α] и [β], а в позиции P_2 в системе А нейтрализуются в звуке [α], а в системе Б сохраняют различение. Усваивая звук [β] и в позиции P_2, носители диалекта А могут подставить его вместо своего [α] и в тех морфах, в которых в диалекте Б произносится [α]. Последнее обычно бывает в тех морфах, где P_2 не чередуется с P_1, т.е. в тех случаях, когда [α] в системе А в позиции P_2 воплощает гиперфонему ⟨a/b⟩.

1.1.3.1. Попытки усвоить фонему ⟨ф⟩ говорами, не знающими звука [ф], приводили повсеместно к замене ее на конце слова звуком [х]: *тор* [х], *ти* [х], *штра* [х][22]. Этот же звук в ряде подобных говоров выступает на конце слова в качестве замены ⟨в⟩: *покро* [х], *годо* [х][23]. Таким образом, в этих говорах звук [х] в конце слова выступает и в соответствии с литературным и инодиалектным [х]: *мо* [х], *жени* [х], *вер* [х], *в дома* [х], *стары* [х] и т.п., и в соответствии с литературным и инодиалектным [ф]: *тор* [х], *ти* [х]; *покро* [х], *гото* [х], *жи* [х], *коро* [х], *домо* [х].

На этом этапе конечный [х] представляет собой вариант фонем ⟨в⟩ и ⟨х⟩ (в южнорусских говорах еще и ⟨γ⟩: *дру* [х], *сапо* [х] и т.п.). Фонема ⟨ф⟩ на этом этапе может еще отсутствовать в этих говорах, а [х] в словах *тор* [х], *ти* [х], *штра* [х] и т.п. обычно воспринимается говорящими как вариант ⟨х⟩; ср.: *тор* [х]*а*, *ти* [х]*а*, *штра* [х]*овать* и т.п., иногда как вариант ⟨γ⟩: *тор* [х] – *на тор*[γ]*у́*[24]. В окончании существительных и прилагательных [х] воплощает гиперфонему ⟨х/в⟩ (или ⟨х/γ/в⟩). Таким образом, различению фонем ⟨в⟩ и ⟨х⟩ в позиции конца слова литературного языка соответствует в данных говорах нейтрализация этих фонем.

На следующем этапе в результате продолжающегося воздействия литературного языка и говоров, знающих [ф], в трансформированных указанным выше образом говорах звук [х], выступающий на месте литературного и инодиалектного [ф], заменяется этим последним. Возникает в этих говорах произношение *тор* [ф], *ти* [ф], *покро* [ф].

На путях этой последней замены в части таких говоров возникает гиперизм: произношение [ф] устанавливается не только "правильно", вместо [х], выступающего на месте ⟨в⟩ и инодиалектной фонемы ⟨ф⟩, но и "неправильно", вместо того [х], который произносится и в литературном языке и в говорах подобного типа на месте ⟨х⟩. Характерно, что такое гиперкорректное [ф] возникает обычно на месте гиперфонемы ⟨х/в⟩ (⟨х/γ/в⟩), где [х] не поддерживается чередованием: *в дома* [ф], *на саня* [ф], *при самовара* [ф], *молоды* [ф], *красны* [ф] и т.п., причем у прилагательных подобные окончания "встречаются реже, чем у существительных"[25], во вся-

---

[22] См.: *Васильева А.К.* Указ. соч., с. 95.

[23] См.: Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы, карты 49, 50.

[24] См.: *Васильева А.К.* Указ. соч., с. 98–99.

[25] *Бромлей С.В., Булатова Л.Н.* Очерки морфологии русских говоров. М., 1972, с. 121.

ком случае на территории к востоку от Москвы почти не встречаются[26].

О таком именно пути возникновения [ф] в формах типа *в дома* [ф] свидетельствует то, что ареалы этого явления соседствуют и частично пересекаются с ареалами различных замен фонемы ⟨ф⟩ и произношения звуков типа [ў] на месте ⟨в⟩ в конце слога[27].

Гиперкоррекция была поддержана здесь, очевидно, и иными факторами. Так, по-видимому, во многих говорах существует тенденция сблизить формы род. и предл. падежей мн. числа существительных, обусловленная совпадением аналогичных форм прилагательных[28]. Действие этой тенденции в сочетании с гиперкоррекцией и вызвало появление у существительных форм с конечным [ф] не только в род. падеже мн. числа (*у домо* [ф]), но и в предл. падеже (*в дома* [ф]).

1.1.3.2. В западных среднерусских говорах и примыкающих к ним частях северного и южного наречий известно произношение [нн] и [н'н'] на месте твердого и мягкого сочетания *дн*: *ла* [нн] *о, оби* [нн] *о, ме* [нн] *ый, о* [н'н'] *и, сего* [н'н'] *я*. В этих говорах регрессивная ассимиляция исходного сочетания привела к неразличению ⟨д⟩ (⟨д'⟩) и ⟨н⟩ (⟨н'⟩) перед ⟨н⟩ (⟨н'⟩); ср.: *ла* [нн] *о* (из *ладьно*) и *А* [нн] *а, за* [н'н'] *ий* (из *задьний*) и *ра* [н'н'] *ий*. Между тем в соседних говорах и в литературном языке указанные фонемы в данной позиции различаются. Отход от диалектного явления приводил к возникновению гиперизмов: перед ⟨н⟩ (⟨н'⟩) возникает [д] ([д']) и на месте исконного [н] ([н']). Так, в отдельных говорах этой территории отмечены примеры *деревя* [дн] *аа, по стари* [дн] *ому, постоя* [дн] *о, обыкнове* [дн] *о, четырехгра* [дн] *ый, ра* [д'н'] *ий, А* [дн] *а*[29] и др.

---

[26] В Атласе русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы соответствующая карта на качество согласного в род. и предл. падежах мн. числа прилагательных не составлялась ввиду отсутствия достаточного материала.

[27] Ср. карту 115 с картами 45, 49, 50 Атласа русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы и аналогичные карты Атласа русских говоров центральных областей к северу от Москвы.

[28] См.: *Булатова Л.Н.* Об окающих говорах Курловского и Гусь-Хрустального районов Владимирской области. – Бюллетень диалектологического сектора Ин-та русского яз. Вып. 5. М.; Л., 1949, с. 76; *Она же.* Взаимоотношение окончаний одноименных форм существительных и прилагательных в русских говорах. – В кн.: Диалектология и лингвогеография русского языка. М., 1981, с. 109.

В литературном языке тоже существует никем, кажется, еще не отмеченная и проявляющаяся в оговорках тенденция к мене безударных окончаний род. и предл. падежей мн. числа существительных. Мною собрано множество подобных оговорок в речи людей, владеющих нормами литературного языка, в том числе лингвистов, дикторов радио и телевидения. Например, форма род. падежа вместо предложного: *на олимпийских объект* [ъф], *на самых начальных этап* [ъф], *в самих Соединенных Штат* [ъф], *роман о провинциональных нрав* [ъф], *об итог* [ъф] *выборов, сидит на двух стул* [иьф], *о некоторых своих наблюдений, вопрос о безличных предложений.* Форма предл. падежа вместо родительного: *несколько так называемых полизвукотип* [ъх], *изучение русских говор* [ъх], *в числе тех молодых автор* [ъх], *от позиции Соединенных Штат* [ъх], *что касается импрессионист* [ъх], *подтверждается в ряде случа* [иьх], *в пятнадцати процент* [ъф] *случа* [иьх] и т.п.

[29] См.: Диалектологический атлас русского языка. Вып. I. Фонетика. Карта 81; *Смирнов И.Т.* Кашинский говор. СПб., 1904, с. 51; *Иванов А.М., Якубинский Л.П.* Указ. соч., с. 101; *Чернышов В.И.* Говор города Осташкова. – В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии, т. II. М.; Л., 1949, с. 268; *Он же.* Избранные труды, т. 2, с. 379.

Гиперизм, очевидно, представляет собой и [д] в широко распространенном в смоленских говорах слове *молодня́* (реже – *мо́лодня*) 'молния'[30]. Понять это явление можно при учете ряда явлений, свойственных данным говорам. Так, часто это слово произносится как *мо́ло* [н'j] *а́*. А в этих же говорах известно произношение долгих согласных на месте сочетания согласных с *j*, поэтому здесь всякое [н'j] > [н'н'], а это [н'н'] совпало с тем сочетанием, которое возникло из *дн*.

1.1.3.3. В некоторых говорах известно произношение [м] на месте *в* перед ⟨н, н'⟩: [м]*нук, да* [м]*но, ро* [м]*но*.

В прошлом это явление как фонетическое, очевидно, было распространено на довольно значительной территории. Сейчас оно обычно встречается уже только в отдельных словах и лишь в р-не Костромы может быть лексически неограниченным[31].

Явление это свидетельствует о системе, в которой фонемы ⟨м⟩ и ⟨в⟩ нейтрализуются перед ⟨н, н'⟩, воплощаясь в этой позиции в звуке [м]: *гу* [м]*но, по* [м]*ню,* [м]*ного* и *бре* [м]*но, коро* [м]*ник,* [м]*нук*.

На говоры подобного типа воздействовали говоры с системой, в которой ⟨м⟩ и ⟨в⟩ перед ⟨н, н'⟩ различаются: *гу* [м]*но, по* [м]*ню,* [м]*ного* и *бре* [в]*но, коро* [в]*ник,* [в]*нук*. При этом в говорах первого типа возникает тенденция к отходу от своей системы и замене ее системой второго типа. На путях этого отхода и возникают гиперизмы типа *по* [в]*ню, [в]ного, гу* [в]*но, ко* [в]*ната*. Характерно, в частности, что ареалы слов *по* [в]*ню* и [в]*ного* "находятся на периферии массива, характеризующегося изменением сочетания [вн] > [мн]"[32].

1.1.3.4. На основе диалектного неразличения в ряде позиций ⟨в'⟩ и ⟨j⟩ возникли гиперкорректные формы *можжевельник* из древнерусского *можжеельник* и *сыровежка* (*суровежка*) из *сыроежка*[33].

1.1.4. Различия между системами А и Б могут проявляться в наборах дифференциальных признаков, свойственных системе фонем. Так, в системе Б могут быть все те ДП, которые есть и в системе А, в том числе и ДП "a", а также и такой ДП "b̆", который отсутствует в системе А. При этом ряду фонем ⟨a⟩, ⟨b⟩ присущ ДП "a" и в системе А, и в системе Б. Ряду же фонем ⟨c⟩, ⟨d⟩, обладающих ДП "a" в системе А, соответствует (т.е. выступает в тех же морфах) в системе Б ряд фонем ⟨c_1⟩, ⟨d_1⟩, обладающих ДП "b̆". Заимствуя ДП "b̆", носители диалекта А могут заменять им ДП "a" не только у фонем ⟨c⟩, ⟨d⟩, но и у фонем ⟨a⟩, ⟨b⟩. В системе А возникают гиперкорректные фонемы ⟨a_1⟩, ⟨b_1⟩, обладающие ДП "b̆" и отсутствующие в системе Б.

Так, в некоторых западных южнорусских говорах были утрачены фонемы ⟨ч'⟩, ⟨ц⟩, в соответствии с ними выступали ⟨ш'⟩, ⟨с⟩: *до* [ш']*ка,* [ш']*ай*; *кури* [с]*а,* [с]*арь*. В фонетической системе этих говоров отсутствовал ДП "аффрикатность", на его месте у фонем ⟨ш'⟩, ⟨с⟩ выступал ДП

---

[30] См.: Атлас русских говоров центральных областей к западу от Москвы, карта "Слово *молния* и его соответствия, близкие по корню".

[31] См.: *Васильева А.К.* Об изменении сочетания согласных [вн] и [мн] по говорам русского языка. – В кн.: Очерки по фонетике севернорусских говоров. М., 1967.

[32] Там же, с. 235. См. также карту на с. 236.

[33] Подробнее см.: *Касаткин Л.Л.* Прогрессивное ассимилятивное смягчение заднеязычных согласных в русских говорах. М., 1968, с. 106.

"фрикативность". Под влиянием литературного языка и соседних говоров, имеющих в фонетической системе ДП "аффрикатность", этот ДП появляется и в системе западных южнорусских говоров, на месте ⟨ш'⟩ возникает ⟨ч'⟩, на месте ⟨с⟩ в ряде морфов – ⟨ц⟩. Так устанавливается произношение *до* [ч']*ка*, [ч']*ай*, *кури* [ц]*а*, [ц]*арь*.

Но при этом возможна и гиперкоррекция: ДП "аффрикатность" появляется взамен ДП "фрикативность" не только у ⟨ч'⟩, ⟨ц⟩ но и у других фонем, – тех, которые являются "фрикативными" и в литературном языке, и в говорах, соседних с указанными западными южнорусскими. Так, на месте ⟨з⟩, ⟨з'⟩ в ряде морфов возникают ⟨д͡з⟩ ⟨д͡з'⟩. А.М. Кузнецова, обнаружившая это явление в говоре деревни 1-е Скородное Курской обл., приводит "спорадические случаи произношения в говоре звонких аффрикат [ʒ] ([д͡з]) и [ʒ'] ([д͡з']) на месте щелевых [з] и соответственно [з'] . . . [д͡з]*аписано*, [д͡з]*аболел*, *расска*[д͡з]*ал*, *обя*[д͡з]*ательно*, [д͡з']*ять* (=зять), *бре*[д͡з']*ент* (=брезент)"[34]. Возможно, о существовании в системе говора фонем ⟨д͡ж⟩, ⟨ч⟩, обладающих признаком "аффрикатность", говорят "случаи реализации шипящих щелевых как [дж], [тш]: *По*[дж]*а́рский* (=Пожарский), [тш]*а́ли* (=шали)"[35].

1.2. Гиперизмы могут возникать также и в случае, когда при отсутствии различий между системами А и Б существует различие в сферах употребления фонем. При этом в диалектах А и Б выделяются три группы морфов, в которых представлены фонемы ⟨а⟩ и ⟨ь⟩: в одних морфах и в диалекте А, и в диалекте Б употребляется ⟨а⟩, в других и в диалекте А, и в диалекте Б употребляется ⟨ь⟩, а в третьей группе в диалекте А употребляется ⟨а⟩, а в диалекте Б – ⟨ь⟩. Стремление усвоить нормы диалекта Б приводит носителей диалекта А к тому, что они, заменяя ⟨а⟩ на ⟨ь⟩ в третьей группе морфов, могут эту же замену произвести и в некоторых морфах первой группы.

1.2.1. Известно, что говоры с так называемым непереходом *е* в *о* никогда не реализуют его абсолютно последовательно: [о] после мягких согласных всегда отмечается в таких говорах в окончании существительных и в суф. *ок*: [л'е]*н*, *о*[в'е́]*с*; *с*[в'е́]*кла*, *к*[л'е]*н*, *бе*[р'е́]*за*, [в'е]*рст*, *т*[в'е́]*рдый*, [д'е́]*шево*, *ко*[т'е́]*нок*, *не*[с'е́]*м*, но *д*[н'о]*м*, *медве*[д'о́]*м*, *зем*[л'о́]*й*, *пе*[н'о́]*к*, *де*[н'о́]*к*[36]. При этом в говоре [е] может произноситься перед твердым согласным и на месте старого *ѣ*: [л'е]*с*, [т'е́]*ло*, и в прежнем сочетании **tьrt* с отвердевшим [р]: [в'е]*рх*, [з'е́]*ркало*, и в новых заимствованных словах типа *га*[з'е́]*та* и т.п.

Эти говоры, следовательно, как и литературный язык и типологически близкие ему говоры, знают под ударением после мягких согласных перед твердыми и [е], и [о]. Причем формы, в которых произносится [о], в этих говорах и в литературном языке совпадают. Совпадает и часть слов с [е]. Другой же части слов с [е] говоров первого типа соответствуют слова с [о] литературного языка и говоров второго типа.

Стремление устранить это различие и приводит к гиперизмам. Представители говоров, знающих "непереход" *е* в *о*, пытаясь подставить [о] в

---

[34] *Кузнецова А.М.* Указ. соч., с. 145.

[35] Там же.

[36] См.: *Аванесов Р.И.* Очерки русской диалектологии, ч. 1. М., 1949, с. 42–43.

те слова, в которых они произносят [е], т.е. начиная произносить [л'о]*н* вместо [л'е]*н* и т.п., могут подставить это [о] и в слова, которые в литературном языке произносятся с [е]. Так возникают случаи произношения типа *п'о́рвый, л'о́нты, с къвал'о́рам'и, асл'о́пшы,* отмеченные в говорах, наряду с большим числом примеров типа *ав'е́с, св'е́кар, тр'ех*[37].

1.2.2. Гиперизмом является отмечаемое в некоторых говорах произношение [ч'] на месте исконного *ш* перед ⟨н, н'⟩ типа *дома*[ч']*ний, по дома*[ч']*ности, роско*[ч']*но*[38]. Гиперизм этот вызван тем, что в разных говорах и литературном языке различаются группы слов с ⟨ч⟩ или ⟨ш⟩ на месте исконного *ч* перед ⟨н, н'⟩. Так, например, в словах *конечно, нарочно, яичница* в большинстве говоров, как и в литературном языке, выступает ⟨ш⟩, а в словах *печной, ночной, речной, мучной* – ⟨ч⟩. Другие слова дают иную картину. Так, в литературном языке слово *уборочная* произносится только с [ч'], а в говорах в подавляющем большинстве случаев с [ш]. В литературном языке произношение *порядо*[ш]*ный, кирпи*[ш]*ный* считается устарелым, а в говорах оно встречается почти повсеместно[39].

В литературном языке произношение [ш] на месте исконного *ч* перед ⟨*н, н'*⟩ постепенно вытесняется произношением [ч'][40]. Говоры могут отставать в этом процессе. В подобных говорах количество слов с ⟨шн⟩ в соответствии с литературными и инодиалектными словами с ⟨чн⟩ может преобладать. Стремление устранить это различие и приводит к замене исконного сочетания ⟨шн⟩ в отдельных словах на ⟨чн⟩.

С этим явлением связан гиперизм и другого рода. В речи некоторых лиц, недостаточно владеющих нормами литературного языка и произносящих [ч'] перед ⟨н, н'⟩ в соответствии с литературным [ш], возникают гиперкорректные формы типа *серде*[ш]*ный приступ, прибаво*[ш]*ная стоимость, симпати*[ш]*ный, фабри*[ш]*ный.*

1.2.3. Другой гиперизм этого же рода в речи лиц, недостаточно владеющих нормами литературного языка, представляют примеры типа [сы]*нте́тика, полиэ*[ты]*ле́н, О*[ды]*ссе́й.* Наличие твердого согласного перед ⟨*е*⟩ (⟨е/и⟩) воспринимается как показатель заимствованного слова (морфа).

2. Все перечисленные гиперизмы возникли в результате стремления говорящих "исправить" свое произношение и приблизить его к нормам воздействующего диалекта или литературного языка, так как эти нормы воспринимались этими говорящими, как более правильные.

---

[37] См.: Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. Вступительные статьи, справочные материалы и комментарии к картам, карта 15, нас. п. 331, 564, 829, с. 418, 419, 421.

С.И. Котков, указывая, что "в настоящее время в области исследуемых говоров известны отдельные случаи перехода в гласный *о* не только *е* этимологического или *е* из *ь*, но также *е* из *ѣ*", и приводя наряду с другими пример *асл'о́п* (ослеп), пишет, что "в XVII в. такие явления маловероятны" (Котков С.И. Южновеликорусское наречие в XVII столетии. М., 1963, с. 54–55). Впрочем *асл'о́п* и *асл'о́пшы* могли возникнуть и фонетически из древнерусских *ослѣть, ослѣтьши*; ср.: *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. т. III. М., 1971, с. 669–670.

[38] См.: Материалы Атласа русских говоров центральных областей к югу от Москвы, нас. п. 584, 670, 769 (хранятся в Институте русского языка АН СССР).

[39] См.: *Бурова Е.Г.* К вопросу о сочетании *чн* в русских говорах. – В кн.: Русские говоры. М., 1975, с. 131 и сл.

[40] См.: *Обнорский С.П.* Избранные работы по русскому языку. М., 1960, с. 247; *Горбачевич К.С.* Изменение норм русского литературного языка. Л., 1971, с. 102–105.

Другой тип гиперизмов возникает тогда, когда представители диалекта считают более правильным свое произношение, а не то, которое они наблюдают в соседнем диалекте или даже в литературном языке. Стремясь отстоять нормы своего диалекта от воздействия другой системы, которое говорящие воспринимают как искажение, они могут усиливать различия между своим диалектом и воздействующим, заменяя в своем языке исконно совпадающие элементы своей и чужой системы различающимися.

Так, "окальщики" часто считают свое оканье более правильным, чем литературное аканье из-за того, что оканье в большей степени отвечает орфографическим нормам. В результате гиперкоррекции [о] в окающих говорах может заместить безударный этимологический [а] в таких словах, как *тр* [о] *ва́, ск* [о] *жи́, к* [о] *ко́й, н* [о] *ро́д, н* [о] *де́ть, к* [о] *пу́ста, з* [о] *бы́ла.* Подобное произношение отмечается многими диалектологами[41].

3. При усвоении норм чужого языка (диалекта) гиперизмы, очевидно, возникают всегда. (Так же как обычны гиперизмы в речи детей, усваивающих родной язык.) Но одни из них скорее носят характер оговорок и легко и быстро исправляются говорящими, другие же остаются в речи надолго. Зависит это, в частности, от силы воздействия чужого языка (диалекта).

Фонетическая гиперкоррекция обычно осуществляется не во всех возможных случаях, а лишь в отдельных морфах. Закрепление фонетических гиперизмов в корневых или аффиксальных морфах приводит к лексикализации и морфологизации гиперизмов. Таково, например, распространенное в говорах, отошедших или отходящих от соканья, произношение [ц] в соответствии с литературным [с] в слове [ц] *апог* и суф. *-ск-* : *ру* [ц] кий, *калу* [ц] *кий, деревен* [ц] *кий*[42]. Таково же произношение [ф] в форме предл. падежа мн. числа существительных: *в дома* [ф], *на саня* [ф] и т.п.

В некоторых же случаях фонетическая гиперкоррекция охватывает все существующие в диалекте морфы с "исправляемыми" звуками или звукосочетаниями. В результате этого возникают новые особенности в фонетической системе диалекта, воспринимающего воздействие литературного языка или другого диалекта. Так, "гиперическое оканье", возникшее в результате замены безударного этимологического [а] на [о] (*тр* [о] *ва́, н* [о] *де́ть*), при последовательном его осуществлении приводит к новой системе – неразличению ⟨а⟩ и ⟨о⟩ в безударном положении и совпадению их в [о][43].

4. Лексикализованные и морфологизованные гиперизмы могут быть распространены в современных говорах на более широкой территории, чем то явление, отход от которого вызывал их возникновение. Так, произноше-

---

[41] Впрочем, подобные примеры могут возникать, видимо, и по другим причинам. См.: *Пауфошима Р.Ф.* Перестройка системы предударного вокализма в одном вологодском говоре. – В кн.: Физические основы современных фонетических процессов в русских говорах. М., 1978, с. 45–47.

[42] См.: *Касаткин Л.Л.* Утрата затвора аффрикатами [ч'], [ц] в западных южнорусских говорах. – Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1965, т. 24, вып. 6, с. 513, 515.

[43] См.: *Жуковская З.В.* Об особенностях безударного вокализма в говорах к северо-востоку и востоку от Пскова. – В кн.: Псковские говоры, т. II. Псков, 1968, с. 6–10; *Назарова Т.В.* Из наблюдений над междиалектными контактами. – В кн.: ОЛА. Материалы и исследования. 1973. М., 1975, с. 101–102.

ние [ц] на месте *с* в таких словах, как *цапог, руцкий,* известно к западу от ареала соканья, на той территории, где сейчас может встречаться утрата затвора только у [ч'] (до[ш']*ка* и т.п.); ареал слова *молодня́* 'молния' в смоленских говорах выходит за пределы ареала произношения [н, н'] на месте *д* перед ⟨н, н'⟩ (*ла*[нн]*о* и т.п.); ареал [ф] в окончании предл. падежа существительных (*в дома*[ф]) в говорах к востоку от Москвы соседствует и лишь частично пересекается с ареалами различных замен фонемы ⟨ф⟩ и произношения звуков типа [ў] на месте ⟨в⟩ в конце слога; произношение [в] в словах *по*[в]*ню,* [в]*ного* в калининских, ярославских, ивановских, костромских и вологодских говорах наблюдается в тех же говорах или рядом с говорами, знающими произношение [м] на месте *в* перед ⟨н, н'⟩ ([м]*нук* и т.п.).

Подобное территориальное расположение гиперизмов может быть достаточно веским основанием для того, чтобы по нему восстанавливать прежнюю территорию распространения диалектного явления, отход от которого и вызвал появление гиперизмов[44].

Решение этой проблемы должно, конечно, в каждом конкретном случае учитывать и другие обстоятельства, так как гиперизмы, особенно лексикализованные и морфологизованные, как и любые диалектные явления, возникнув в какой-либо диалектной группе, могли распространиться на территорию всей этой группы, в том числе и при расширении ее границ.

Реконструкция диалектов различных эпох, установление комплекса черт, свойственных этим диалектам прошлого, определение путей их развития является важнейшей задачей исторической диалектологии. Исследования подобного рода должны опираться на строгие закономерности в развитии языков и диалектов. Одной из таких закономерностей является гиперкоррекция. Из признания какого-либо диалектного явления гиперизмом с неизбежностью следуют выводы о прошлом состоянии диалекта, где распространен этот гиперизм, и о последующих здесь языковых процессах. Такое рассмотрение современного явления становится своеобразным "инструментом", при помощи которого исследователь проникает в глубь языковой истории[45].

---

[44] Подробнее об этом в отношении прежней территории соканья см.: *Касаткин Л.Л.* Утрата затвора аффрикатами [ч'], [ц] ..., с. 512–515.

[45] См.: *Касаткин Л.Л.* Об одном фонетическом гиперизме в смоленских и калининских говорах ([с'т'] на месте [с'с']). К методике реконструкции диалектов прошлых эпох. – В кн.: Диалектология и лингвогеография русского языка. М., 1981.

К.Ф. Захарова

ПУТИ ИЗМЕНЕНИЯ ДИАЛЕКТНЫХ СИСТЕМ ПРЕДУДАРНОГО ВОКАЛИЗМА

Диалектный предударный вокализм является органической частью каждой отдельной частной диалектной системы. Его изменения непосредственно связаны с изменением самой системы. Поэтому влияние литературного языка и общерусских тенденций на диалектный вокализм, которое должны бы испытывать все современные говоры, приводит обычно к неидентичным изменениям предударного вокализма в говорах, не совпадающим с системой предударного вокализма литературного языка. Изменение предударного вокализма связано с постепенной утратой старой системы, с периодом вариативности гласных в одном и том же положении[1]. А утверждение новой системы определяется всем строем языка частной диалектной системы. Что же является главным, определяющим в этом строе причин при изменении? Работами последних лет в области экспериментальной фонетики[2] убедительно доказывается важная роль собственно фонетической характеристики звуковой системы. При этом звуковая система связывается с характером просодии слога и слова. Так обнаруживается важность суперсегментных характеристик языка говора, которые определяют силу, длительность, интенсивность предударных гласных, а также характер примыкания к гласным согласных и другие особенности, которые определяют функционирование диалектной системы[3]. Так, в частности, именно особая по сравнению с литературной суперсегментная система окающих говоров способствует сохранению в них различных систем различения гласных после мягких согласных.

Однако и для этих говоров нельзя отрицать значения не фонетических, а морфонологических, грамматических факторов[4] в развитии предударного вокализма. Ведь к области фонетики предударного слога относится характеристика гласного, а не самой фонемы, которую репрезентирует этот гласный. Аналогические процессы, приводящие к обобщению гласной основы при словоизменении или при обобщении модели словоформ разных

---

[1] *Калнынь Л.Э.* Вариативные звенья диалектной системы как показатель происходящих в ней изменений. – В кн.: Совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка. Волгоград. М. 1982; *Кириллова Т.В.* Развитие народных говоров в советский период. Калинин, 1983. *Она же.* О типологии изменений в диалектном вокализме. – В кн.: Среднерусские говоры. Калинин, 1985.

[2] *Высотский С.С.* Экспериментально-фонетические исследования в области русской диалектологии. – В кн.: Экспериментально-фонетическое изучение русских говоров. М., 1969. *Он же.* О звуковой структуре слова в русских говорах. – В кн.: Исследование по русской диалектологии. М., 1973. Физические основы современных фонетических процессов в русских говорах. М., 1978. *Альмухамедова З.М., Кульшарипова Р.Э.* Редукция гласных и просодия слова в окающих русских говорах. Казань, 1980.

[3] *Пауфошима Р.Ф.* Фонетика слова и фразы в севернорусских говорах. М., 1983.

[4] *Гловинская М.Я., Ильина Н.Е., Кузьмина С.М., Панов М.В.* О грамматических факторах развития фонетической системы современного русского языка. – В кн.: Развитие фонетики современного русского языка. М., 1971.

слов, и другие формы аналогии гласных, действуют в этих говорах также и в безударных слогах, образуя нефонетические чередования гласных.

При определении системы предударного вокализма необходимо различать фонетически закономерные чередования гласных ударенного и предударного слогов в соответствии каждой фонемы и нефонетические чередования фонем в разных словоформах морфем на месте одной в прошлом фонемы, так как первые закономерности – живые, действующие, а вторые – следы прошлых закономерностей, хотя и важные для структуры говора, но относящиеся к другому уровню.

Материалы ДАРЯ отражают факт многообразия диалектных систем предударного вокализма русского языка и дают надежные данные для истории их образования, но по самой природе своей не могут отражать многообразие живых фонетических процессов, протекающих в говорах. Однако ответы на вопросы Программы разных говоров, относящихся к одной диалектной зоне, могут предоставить богатый материал, если их суммарно рассматривать как данные одного диалекта. Именно речевой материал не одного, а суммы говоров диалекта дает довольно полное представление о языковом факте и при этом показывает возможные пути изменения системы, так как количественное соотношение вариантов произношения гласных, представленное в разных ответах собирателями материала, может показать направление изменения. В частности, единичные отступления, на которые можно не обратить внимания, если рассматривать материал только одного говора, при их повторяемости, лексическом многообразии и количественной неоднородности в разных говорах группы, свидетельствуют о наличии новой тенденции в развитии явления и о направлении этого развития.

Напротив, однозначные лексические отступления от нормы произношения, отмечаемые в разных говорах группы или диалектной зоны, могут свидетельствовать о следах прошлой, исходной системы. Характерно также, что гласные, обусловленные фонетическим положением, отражаются в материалах атласа как явления закономерные, которые не зависят от характера лексики и по своему звучанию могут варьироваться в одном и том же положении. Но при этом их вариации не совпадают с различающимися гласными другой фонемы. В материалах атласа такие вариации обозначаются рядом гласных в соответствии одной фонемы. Например, [е], [$е^{а}$], [$а^{е}$], [ä] – в соответствии ⟨е⟩. Или [ö], [$о^{е}$], [$е^{о}$] и др. в соответствии ⟨о⟩ и под.

В противоположность этому, гласные предударного слога, появляющиеся в результате нефонетического чередования, однотипны по качеству гласного и характерны только для определенной лексики или конкретных словоформ, в которых они постоянно отмечаются в разных говорах. По своему статусу они относятся к другой фонеме.

Пути трансформации предударного вокализма говоров – фонетические или не фонетические – определяются особенностями исходной системы вокализма. Поэтому может иметь принципиальное значение качество гласных на месте утратившихся исконных гласных и принадлежность их к фонемному статусу современного вокализма. Это, в частности, относится к судьбе ѣ, где имеет принципиальное значение, совпало ли ѣ с ⟨е⟩ или с ⟨и⟩ и в каких условиях.

Таким образом, создается своеобразный комплекс фонетических и не фонетических закономерностей в системе предударного вокализма, где фонетические характеристики слога создают как бы условия для фонемной реализации гласных. Примером такого вокализма является вокализм с различением гласных фонем неверхнего подъема, где само различение, т.е. произношение разных гласных в предударном положении, соответствующих разным фонемам, основывается на наличии в этих говорах полновесного, по длительности почти равного ударенному, предударного слога.

Система предударного вокализма в этих говорах, где фонетические закономерности определяются и поддерживаются ритмико-интонационным строением слогов слова (что и позволяет различать им имеющиеся предударные фонемы говора), в очень значительной степени состоит из лексико-морфологических чередований предударного и ударенного гласных. Это в свою очередь определяется тем, что образование системы гласных фонем в говорах с пятью гласными фонемами также имело и фонетические и не фонетические основы. К фонетическим относились ряд причин, вызвавших перестройку всего звукового строя, а к не фонетическим – аналогические процессы, развившиеся после утраты некоторых фонетических закономерностей – таких, в частности, как перехода *е* в *о*. Аналогические процессы, как известно, очень конкретны, морфологически ограничены парадигмами словоизменения, и поэтому обобщения внутри парадигмы под ударением не распространялись механически на подобные же случаи в предударном положении. В результате этого, например, в окающих владимирско-поволжских говорах под ударением после мягких согласных имеется ⟨о⟩ на месте *е* как перед твердыми, так и перед мягкими согласными (ср. *кл'он – на кл'о́н'е*), а в предударном – сохраняется чередование [о]–[е] внутри парадигмы личных форм глаголов типа *нести́*: *н'осу́ –н'ес'о́ш.* Думается, что данное чередование является чередованием фонем ⟨о⟩–⟨е⟩, а не фонетическим чередованием гласных в зависимости от твердости–мягкости согласного одной фонемы[5]. Этим, т.е. фонематическим, а не фонетическим основанием систем различения, объясняется и наличие во всех говорах северного наречия обобщения одной гласной внутри парадигмы (типа *н'есу́–н'ес'о́ш,* при *с'остра, п'оро́, н'осла́* и под., где *е* в личных формах глаголов типа *нести́, печь – н'есу* вм. *н'осу́* является фонемой ⟨е⟩, а не вариантом фонемы ⟨о⟩) и широко известные случаи обобщения в одной модели произношения личных форм глаголов с разными фонемами в формах прошедшего времени. Например, глаголы *трясти́, запря́чь,* а также, возможно, *прясть* ввиду их единичности как имеющих предударную фонему ⟨а⟩ и принадлежащих к классу глаголов типа *нести́, печь* объединились с последними и по типу предударной гласной, несмотря на полное различение фонем в предударном слоге в этих говорах: *пр'еду́, запр'егу́,* образовав тем самым нефонетическое чередование фонем, типа: *пр'а́ла–пр'еду́, запр'а́г –запр'егу́,* где чередование [а́]–[е] не означает наличия неразличения. Все это свидетельствует о том, что в говорах с различением гласных в предударном слоге (что осуществляется при определенном строении слогового ударения – фонетическое условие) аналогические процессы,

[5] *Захарова К.Ф.* К вопросу о ёканье. – В кн.: Диалектология и лингвогеография русского языка. М., 1981.

морфологические по основе, проходят самостоятельно в формах с ударенной гласной и в формах с предударной гласной одной морфемы, создавая, таким образом, грамматическое чередование фонем в разных формах одной морфемы. Все эти и подобные нефонетические чередования необходимо учитывать при определении системы предударного вокализма, так как они не нарушают системы, а показывают ее возможности существования.

Поскольку диалекты – местные разновидности национального языка – существуют в системе диалектного русского языка, то помимо междиалектного взаимодействия, взаимодействия с литературным языком, им, конечно, свойственны и общерусские тенденции развития звукового строя. К таким тенденциям относится, видимо, слабая различительная способность гласных предударных положений. Эта тенденция несомненно в какой-то степени присутствует и в говорах с различением гласных предударного слога (об этом свидетельствуют хотя бы приводимые случаи морфологических чередований гласных ударенного и предударного слогов). Но в этих говорах наличие преобладающего соответствия предударного гласного ударенному сохраняется благодаря особому силовому распределению слогового ударения в слове, которое дает возможность произносить тот же гласный в пределах его произносительной вариативности, что и под ударением[6].

Таким образом, система предударного вокализма представляет собой связь целого комплекса разноуровневых элементов звукового строя языка. И изменение ее требует от нее такой же сложной перестройки, при которой основная функция языка – коммуникативная, – связанная с взаимопониманием, была бы сохранена. Естественно ожидать поэтому, что при одних и тех же тенденциях развития или влияния (какое в настоящее время оказывает литературный язык) разные системы предударного вокализма русских говоров могут развиваться каждая своими путями и приходить к разным результатам (если только носители диалекта сознательно не переходят на систему другого языка или литературного языка), не обязательно совпадающим с литературным языком. Данные диалектологического атласа подтверждают это предположение. Для этого можно посмотреть хотя бы на владимирско-поволжские говоры, непосредственно соседящие с акающими и не имеющие признаков сходства ни с ними, ни с литературным языком по характеру предударного вокализма после мягких согласных. Эти говоры и к системе неразличения идут разными путями[7].

При определении системы предударного вокализма и квалификации гласных, отступающих от нее, в работе обязательно учитываются два положения: сильное – перед твердыми и слабое – перед мягкими согласными (название положений как "сильное" и "слабое" здесь применено условно, так как рассматриваются положения безударных слогов). Гласные обоих положений составляют органическое единство системы предударного вокализма, и часто из комплекса процессов и причин, приводящих к изме-

---

[6] *Пауфошима Р.Ф.* Перестройка системы предударного вокализма в одном вологодском говоре. – В кн.: Физические основы современных фонетических процессов в русских говорах. М., 1978.

[7] *Кириллова Т.В.* Развитие народных говоров в советский период.

нению системы, решающим является частичное неразличение гласных (т. е. неразличение ⟨о⟩ и ⟨е⟩ по происхождению *е и *ě) перед мягкими согласными и характер гласного, в котором они совпали в этом положении.

Для сравнения приводятся два типа систем преударного вокализма говоров, сохраняющих различение гласных в 1-ом предударном слоге.

Первый – владимирско-поволжского типа, хотя находится в Новгородской области – деревня Взгляды, обследованная в 1980 г. Н.Н. Пшеничновой. Деревня находится на границе окающих и акающих говоров.

Говор Взглядов – окающий. Система гласных после мягких согласных представляет различение в соответствии фонемам ⟨о⟩ – ⟨е⟩ – ⟨а⟩ (говор имеет пять гласных фонем) перед твердыми: [о] – [е] – [а], перед мягкими: [е] – [е] – [а].

Вот как это представлено в материале: *тр'опа́т', д'ир'ова́, кл'она́, з'орна́, тр'оста́, пън'осла́, съ см'ота́(ной), с'в'окла́, с'остра́, с'ола́, в'осно́й, хл'оба́т', јоло́ва, т'опло́, бр'овно́, с'овно́н'и, св'окро́фка, пр'ив'озу́, уб'ору, пр'ив'озу́т, с'в'оду́т, н'ипон'осу́, јому́, т'олу́ха, јожы́, пл'оту́хой, в'орсты́* (а также: *л'озну́л, пън'осли́, ф къ т'олк'и́, л'огу́шы, с'им'она́*) – всегда в соответствии ⟨о⟩ в предударном – [о], кроме: *ни в'еду́, св'екла́, пън'есла́.*

В соответствии фонемы ⟨е⟩ из *ě: *б'огут, пр'иб'огут* ([о], видимо, здесь аналогического характера: как *печь – п'оку́т* стало и *бечь – б'огу́т*, кроме того имеется форма *убо́г*), *д'ова́йт'и*;

убр'еза́т', утп'ева́т', д'ела́м, сл'епа́ја, дв'ена́ццът', р'еко́й', гн'ездо́, пе'со́к, бе'го́м, сл'еды́, тв'еты́; д'е[a]ла́, тв'ата́м, ма'сто́в, ссл'е[a]по́й, д'е[a]фч'о́нка, п'асо́к, д'афч'у́шк'и, сл'е[a]пу́ју.

В соответствии ⟨е⟩ из *е: *н'е зна́ју, н'е спа́ла, н'е ста́ф, н'е пра́вда, с'ерпа́м, п'ис'емца́, н'е хва́стай, не' хо́чим, н'е фсы́пл'иш; н'акла́динай, н'а зна́йим, н'е[a]хо́да, н'е[a]мо́жим, н'а по́мн'а, н'а мо́жъ[o]м н'е[a]хо́лъднъ, б'аз гво́зд'а, н'а бу́д'а, што н'е[a]бу́т', н'е[a]лы́жы.*

Перед сочетанием твердого и мягкого согласных и перед мягкими согласными приведен большой материал, в котором в соответствии фонемам ⟨о⟩ и ⟨е⟩ из *е и *ě почти не встретилось примеров с предударным [и], а только с [е] и реже со звуком типа [ä]: *је[a]ју́, н'е[a]л'у́б'а, с'м'ају́с'а, пр'ив'ал'и́, л'ат'и́т, н'ав'и́жу, т'е[a]б'и́-ка, л'е[a]т'и́т, сам пъ с'е[a]б'и́, нъв'ас'т'и́т', к с'е[a]б'и́, б'е[a]р'и́, в'е[a]з'д'и́, в'аз'д'и́, с'аб'и́, нът'е[a]р'е́т', б'е[a]з'д'е́н'ик, н'е[a]д'е́л'у, нъл'е[a]т'е́фша, н'е[a]в'е́ска, нъ н'е[a]д'е́л'у, пр'ив'е[a]з'о́н, в'ар'о́фкъй, жыр'аб'о́нъчык, р'е[a]в'о́т, в'е[a]с'т'и́, в'ар'т'е́т', н'ав'е́стка, б'ас'е́дъват', д'е[a]н'о́к, д'е[a]т'е́й, д'ар'е́вн'и, в'ар'хо́м, б'е[a]р'о́сту, б'е[a]р'о́стъй, б'ар'о́зы, с'м'аи́ццъ, уд'е[a]йа́лъ, с'м'е[a]йа́цца, д'е[a]н'га́м, бл'айо́т, д'е[a]с'а́тку, с'е[a]м'йа́, т'е[a]б'а́.*

Гласный [е] отмечен: на месте *ě: *вв'едр'е́, въ хл'ев'и́, р'ек'и́, д'ет'е́й, м'ер'е́шшытца, учыт'ел'а́, пл'ем'а́н'н'ику, т'ер'а́йит, нъв'ес'т'и́т', в'ез'д'и́, пъл'еп'и́ла, гр'ех'и́, л'ет'и́т, с'в'ет'е́ц, н'и пръв'ер'а́ла, пъ с 'ен'а́м, пъ с'ена́м.* На месте *е, *ь: *йейу́, к с'ем'и́м, с'в'ед'и, т'емн'е́т', п'ир'ейт'и́т', кр'ес'т'и́л'и, т'ел'е́гу, з'ел'е́зный, м'ед'в'е́т', н'е с'м'е́й, б'ес'е́дъим, б'ес'е́да, п'ен'о́к, пъс'т'ел'у́, б'ир'езн'у́к, пъв'ел'и́, т'еб'и́-ка, с'т'ир'ег'и́т'е, пъв'ез'л'и́, б'ер'и́, н'е в'и́жу, кл'ен'и́ны, ч'ер'ьс н'ед'е́л'у, н'ев'е́сты, н'е в'е́ду, убд'ер'о́ш, нъ б'ер'о́зу, с'ер'о́тку, н'и п'ир'ейм'о́т, д'ир'ев'е́н'скъй, н'е йе́з'д'им, н'е-то́ртъйа, п'ир'ен'е́с'т', исп'ек'о́ш, нъ в'ер'о́х, въскр'ес'е́н'йа, н'ес'о́ш, в'ес'е́л'йе, д'ир'ев'а́нный, б'ир'ез'н'а́к, упт'ек'о́, т'ел'а́тъм, н'ел'з'а́, с'в'ер'ха́, дъ чыт'в'ер'га́, пр'ин'ес'о́м, л'еп'о́шка, нъ в'ер'о́х, д'ер'е́вн'и, нъб'ер'е́ш, йел'н'-*

а́к, д'ер'а́га, гъс'ен'а́ты, т'ел'а́ты, кът'ен'а́ты, жыр'еб'а́тк'и, инт'ер'е́снъ, т'ил'ев'и́з'ър. Но: *с'мијо́цца, н'и м'ин'а́ли, л'е^{и}п'и́т; м'ин'а́, б'из м'ин'а́, у м'ин'а́.*

В соответствии фонеме ⟨а⟩: *д'ив'атна́ццътъвъ, уб'аза́т'ъл'но, пон'ала́, п'атна́ццът', два йайца́, йагн'а́ты, п'атно́, д'ив'ано́сть, гр'азно́йа, трес'нагу́м, йайцо́въйа, к'ип'ато́к, м'акко́й, пр'амо́й, стр'апу́ха, н'и тр'асу́, зънр'агу́т, зътр'асу́цца, йазы́к, р'абы́йи, пл'аса́л'и, йамшчы́к, п'атна́ццът; зъ пъс'т'ак'и́, йайчкъ, ф с'ин'т'абр'и́, гл'ад'и́м, тр'ас'и́, п'ат'и́, с'ин'ак'и, р'аб'и́на, м'ат'и́на, л'ад'и́на, з'ат'и́, шур'йак'и́, пъгл'ад'е́т', спр'ад'о́м, тр'ас'о́ш, п'ат'о́рка, в'аз'ба́, з'ат'йа́* и др.

Таким образом, данный говор повторяет особенность отдельных говоров Владимирско-Поволжской группы произносить гласные типа [ä] вместо [е] в соответствии фонеме ⟨е⟩. Эта особенность слабо реализовалась во владимирских говорах, выступая по материалам не в каждом говоре, а в тех говорах, где отмечалась, представлена единичными примерами[8]. Поэтому, только рассматривая эти говоры как единый диалект, можно было в повторяемости единичных примеров с гласными [е^{а}], [ä], [а] вместо [е] увидеть закономерность, неслучайность этих отступлений. Тот же тип отступлений более отчетливо просматривается в говоре Взглядов. Уже нет никаких сомнений, что группа гласных [е^{а}], [ä], [а] появляется вместо [е], а не [о], так как [о] в соответствии ⟨о⟩ почти не нарушается, а если и нарушается, то только за счет [е].

Все случаи, где отмечен гласный типа [ä], он замещает [е] по происхождению из **ѣ* или **е, *ь* перед исконно мягким согласным. Знаменательно, что он встречается и перед мягкими согласными, что может означать его возможность заменять все гласные неверхнего подъема при переходе к полному неразличению, что соответствовало бы системе сильного яканья. Данный говор находится на границе с акающими говорами Псковской группы, имеющими после мягких согласных сильное яканье. Однако не только этим соседством объясняется подобное направление развития. Как показывают владимирские говоры с теми же отступлениями, сама система позволяет сближать гласные типа [ä] и типа [е], не нарушая еще, как правило, системы различения, поскольку звуки типа [ä] в соответствии ⟨е⟩ обычно не совпадают с [а] в соответствии с ⟨а⟩. Только при переходе к аканью, т. е. к полному неразличению, звуки типа [ä] легко совпадут с [а] в один гласный, который будет произноситься вместо всех гласных неверхнего подъема – [о], [е], [а]. При этом осуществление общерусской тенденции к консонантному строю звуковой речи будет реализовано, хотя и не так, как в литературном языке.

Неразличение гласных неверхнего подъема являлось, видимо, общей чертой всех русских говоров, в которых происходило ослабление безударных гласных, а ударение становилось силовым. Это связано, возможно, с тем, что в безударных слогах место образования гласных неверхнего подъема было и остается менее определенно, более свободно и, следовательно, более вариативно, чем у гласных верхнего подъема. Поэтому звуки безударного слога в соответствии ⟨о⟩, ⟨е⟩, ⟨а⟩ слабо между собой про-

[8] Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М. 1970. С. 367–369.

тивопоставлены и легко сближаются между собой, совпадая в конечном результате в одном. Гласный в соответствии ⟨о⟩ также относится сюда и легко совпадает с [е] или с [а], теряя свою напряженность, связанную с его огублением: при редукции и большей, чем ударенный слог, краткости безударного слога огубление гласного исчезает, так как для него нет ни времени, ни необходимой напряженности. Совпадение гласных ⟨о⟩, ⟨е⟩, ⟨а⟩ в звуке типа [ä] или [е]-открытом является, таким образом, самым естественным фонетически-оправданным результатом ритмико-интонационного строения слов с неразличением гласных неверхнего подъема. Для совпадения гласных неверхнего подъема и ⟨и⟩ в предударном слоге нужны какие-то добавочные условия лингвистического или экстралингвистического порядка.

Но все это (т. е. переход в сильное яканье, элементы которого как будто намечаются в говоре Взглядов) возможно только с изменением силового распределения слогов в слове. В говоре Взглядов предударный слог имеет силу и длительность, которые позволяют различаться в нем тем же гласным, что и под ударением. Появление гласных типа [ä] вместо [е], свидетельствующее об элементах неразличения, начинается в говоре Взглядов только при большем ослаблении предударного слога, т. е. при изменении характера слогового ударения (что, по свидетельству Н.Н. Пшеничновой, отмечается в говоре).

Таким образом, говор рассматриваемого типа при изменении его ритмико-интонационной структуры слогового ударения фонетически закономерно может развить предударный вокализм типа сильного яканья.

При тех же условиях ритмико-интонационной структуры слогового ударения в окающих говорах Ладого-Тихвинской группы с другим типом различения предударных гласных наблюдается иной характер и путь возможного изменения.

Тип вокализма предударного слога, исторически сложившийся в говорах этой группы, связан с судьбой *ě, отличной от его судьбы во владимирских говорах. В результате здесь отмечается следующий тип предударного вокализма: в соответствии ⟨о⟩ – ⟨е⟩ – ⟨а⟩ произносится: перед твердыми: [о], ([и]) – [и], ([е]) – [а]; перед мягкими: [и], ([е]) – [и] – [а];

Таким образом, этот тип предударного вокализма характерен большим количеством лексем с предударным гласным [и]. При этом в части лексем это [и] соответствует фонеме ⟨и⟩ и в форме изменения морфемы под ударением, но в части слов это [и] может чередоваться с ⟨е⟩.

Далее приводится материал, собранный в 1956 г. Мараховской О.Н. и студентами МОПИ Знаменским и Хабаровой.

Д. Струнино Тихвинского р-на Ленинградской обл.

В соответствии с фонемой ⟨о⟩: *с'остра́, с'е^{o}стра́, т'опла́, в'осно́й, в'ӧсно́й, м'ӧтло́й, кол'осо́м, на б'ир'огу́, б'ир'о^{e}гу́, с'остры́, гор'ова́ли, уд'ӧржа́тца, см'о^{e}та́т', пом'ӧрла́, л'огла́, пр'ив'о^{e}ла́, соб'ору́тцы, у йово́, дал'око́, йоло́вы, с'в'окро́ф, с'в'окро́фка, йому́, т'о^{e}лу́шка, свойому́,* а также: *уд'ержа́тца, фс'огда́, сим'она́;* но *у пикарк'и, под'д'ржа́т', с'ивод'н'и, в'ир'итко́м, напл'иту́т, д'иру́т, спл'е^{ш}ту́т, л'игл'и,* а также: *пр'ил'ета́ет, йево́.*

В соответствии с фонемой ⟨ е⟩ на месте *е* из **ĕ*:

м'ист'а́м, м'ист'а́, ст'ина́, в'идра́, р'ика́, вр'ида́, д'ила́, с'ифка́, за р'ико́й, на р'ику́, в л'ису́, ф п'иску́, по ст'ины́, в'итры́, с'л'ипа́йа, р'итко́й, л'исно́й, над'ива́л'и, пр'итс'ида́т'ел', зац'в'е^{u}та́йут, за д'в'ина́тцьт', д'в'е^{u}на́тцат', п'итун.

На месте *е* из **е*: *п'ир'исва́тываат, п'ир'ибра́лис', п'ир'ихо́д, п'ир'исо́хнуфшы; под з'имл'о́й – р'емн'о́м.*

Перед мягкими согласными на месте *е* из **ĕ*: *л'ис'н'и́к, в р'ик'е́, побл'ид'н'е́ла, цв'ит'о́т, с'в'ит'е́с, в'ид'о́рочка, б'ил'йо́', вм'ис'т'а́, д'ил'а́нк'и*; но *д'ел'н'и́цы, пр'им'ен'о́на.*

На месте *е* из **е*: *по с'иб'е́, н'ид'е́л'у, в'ис'ил'е́йа, м'ид'в'е́д'и, п'ир'е́жыть^{o}, с'н'ис'о́ш, з'б'ир'о́зы, в'ис'е́л'йо, п'ир'е́д'н'ик, с'им'е́йка, м'ин'а́, д'ис'а́та, т'иб'а́, в воскр'е^{u}с'е́н'йе^{u}, в'и^{e}з'о́т, д'ьер'е́виоф, м'ьт'е́л' – пос'т'ел'у́, пр'ин'ес'л'и́, н'ед'в'и́жымо, п'ер'ед'е́лывайут, с н'ев'е́стой, н'ев'и́ска, заб'ер'о́с'са, пр'ин'ес'о́т, т'ел'о́нка, т'ел'а́т.*

В соответствии фонеме ⟨ а⟩: *об'а́з'ат'ил'но, йанва́р', л'агу́шка, к'ип'а^{e}тку́, йазы́к, пр'ив'а^{e}за́л, отв'аза́ла, пл'аса́т', в'аза́л'ис', спр'а́ду́т, порт'ана́йа, с порт'ано́й, ст'икл'ану́ – п'етна́тцат', к'ип'етко́м, с'т'енул, п'ир'апр'егу́т, с'в'еты́м, йезы́к – на к'ип'итк'и́; йаи́ц, арм'ак'и́, гл'а^{e}ди́, гл'ад'и́т, угл'ад'и́ла, погл'а^{e}д'е́ла, пр'ад'о́т, з'имл'ан'и́ка – йейи́чок, гл'ед'и́т', пр'и^{e}д'о́м.*

При гласных на месте *е* из **ĕ* под ударением: *пр'им'и́т'а, ск'ип'и́фшы, л'и́том, в'ик, з'д'и́тна, м'ир'ейут, пов'и́с'ит, ви́никоф, т'и́сно, згор'и́фшы, с'и́но, йи́хала, с'и́йут, гр'и́йет, чьлов'и́к, забол'и́ла, цы́ла, угл'ад'и́ла, н'ит, д'и́душко, в'ир'ил, окл'и́ено, д'и́ло, т'и́ло, нас'и́йено – д'е́ло, хл'еп, с хл'е́пцом, в'е́р'ит, л'е́то, под'е́лок, н'е́т, л'е́вой, це́лу, м'е́рой, поме́шшыкоф, сн'е́к, в'е́ру, б'е́лой, б'е́лаа, прок'ип'е́ла, смотр'е́ла, м'е́ру, н'и ум'е́йот, нагр'е́йом, согр'е́фшы, бол'е́л, потр'е́буетце, смотр'е́т', н'ид'е́л'у, в л'е́с, р'е́па, н'и в'е́р'ат, озорн'е́й, с'к'ип'е́л, н'и уйе́хафшы, з'д'е́с', одд'е́л'но, це́п'и, с'е́м'ичко, посозр'е́йут, с'е́м'а, на р'е́ч·ку, ф сл'е́душшом, скор'е́й*, а также: *н'е́мцоф, п'е́рвом, затм'е́н'йо.*

Д. Крапивно Киришского р-на Ленинградской обл.

В соответствии фонеме ⟨ о⟩: *с'остра́, в'осно́й, т'опло́, бр'овно́, пом'о^{a}ло́, т'олко́м, с'в'осны́, к с'остры́, м'ота́т', см'ота́л, загр'оба́т', д'оржа́л'и, соб'ора́йут, здр'ома́ла, пр'ив'о^{e}зу́т, уб'ору́, одб'ору́т, д'ору́т, п'е^{o}ку́т, нав'озу́т, др'ому́чий, свойово́, фс'ово́, св'окро́фка, дал'ёко́*, а также: *кр'осты́*, но: *пр'ин'и^{e}сла́, пов'езла́, уб'и^{e}ру́, б'и^{e}ру́т, с'иво́дн'и, п'итро́ф, св'икро́фка, с'ило́, т'ипло́, св'е^{u}кро́ф, пов'езла́, д'е^{a}ржа́лъс'.*

В соответствии фонеме ⟨е⟩ на месте *е* из **ĕ*: *в'идро́, п'иску́, в л'и^{e}су́, с'н'игу́, на р'и^{e}ку́, в л'ису́, с'н'игу́рка, сл'ипа́йа, сл'ипо́й, б'иго́м, зап'ива́йу, выз'р'и^{e}ва́йу, т'в'еты́.* Перед мягкими согласными: *см'ийу́с', йид'и́м, б'иг'и́, б'ил'и́т', б'ил'е́йа, разд'ил'а́т', од'ийа́л, в м'е^{u}с'т'а́х, ул'ет'е́ла.*

На месте *е* из **е*, **ь*: *д'ир'ивн'о́х, кр'ис'йа́на, с'и^{e}м'йа́, три с'им'йи́, с'н'ид'и́л'у, н'ив'и́ста, т'ил'е́га, т'иб'е́, д'ир'е́вна, з'ил'о́на, б'ир'о́т, пл'им'а́нн'ица, д'ир'ив'а́нна, в в'ьр'о́х, пр'иб'ьр'о́т, наб'ер'о́т, скат'ер'о́тк'и, нав'ерху́.*

В соответствии фонеме ⟨ а⟩: *пл'аса́т', в'аза́т', загл'а́нул, стр'е^{a}хну́, л'агну́-*

ла, напр'адýт, пр'ӓдýт, пойаскú, пр'амы́х, к'ип'атóк, пойасóк, п'ӓтá, п'атнó, р'абóй, пр'амóй, л'н'анóй, шырст'аны́, в'азýт, но: *об'езáт'ел'но, п'ътнáтцат', л'н'ьнóй*; *гл'ӓд'úт, зайав'úлса, в гр'азú, гл'ад'úт, тр'ас'óт, п'йан'óхон'ок*, но: *роб'ет'úшка, тр'ес'óт, пр'ед'ёш, оп'йен'úл'и, на мойóй пам'ит'ú, прок'ип'ит'úт'*.

При наличии гласных [и] и [ê], [е] на месте **ě* под ударением.

Случаи произношения предударного [и] на месте **ě* могут включать и слова, в которых предударному [и] будет соответствовать ⟨и⟩ под ударением, типа *л⟨и⟩с – в л*[и]*сý, б⟨и́⟩лый – б'*[и]*л'úть* и под. Их вообще не следовало бы включать в систему предударного вокализма наравне с гласными неверхнего подъема, как имеющими фонему ⟨и⟩. Но не всегда возможно по материалу установить это соответствие. К тому же они наглядно увеличивают количество слов в говоре, имеющих [и] на месте **ě*.

Таким образом, в этих говорах в результате частоты ⟨и⟩ на месте старого ятя резко снижена частота слов с ⟨е⟩. Кроме того, перед мягкими согласными [и], как правило, достаточно регулярно произносится вместо [е]. Все это делает звук [е] безударный ущербным в говорах, что приводит к вытеснению его из речи. По материалам замечено, что [и] прежде всего замещает [е] в соответствии ⟨е⟩ в положении перед мягкими согласными, затем – в положении перед твердыми согласными и даже имеет тенденцию произноситься в соответствии ⟨о⟩. В наименьшей степени [и] сосуществует с [а] в соответствии ⟨а⟩.

Таким образом в окающие говоры с ёканьем (т.е. произношением [о] в соответствии ⟨о⟩) проникает и распространяется иканье, при этом без непосредственного влияния на эти говоры литературного произношения. Сама система различения в них, благодаря старым фонетическим по своей основе процессам, приведшим к переходу **ě* в [и] и, таким образом, увеличившим число слов с фонемой ⟨и⟩ в составе слов языка, привела к постепенному вытеснению предударным гласным [и] гласного [е]. С увеличением числа слов с [и] в соответствии с ⟨о⟩, предударный вокализм может образовать систему [и] – [и] – [а] ‖ [и] – [и] – [а] (перед твердыми ‖ перед мягкими согласными).

При изменении ритмико-интонационной структуры словесного ударения, развития аканья после твердых согласных, данный тип вокализма может легко перейти в иканье. Действительно, в соседних акающих говорах – в северной части Селигеро-Торжковских говоров – наблюдается иканье, в отдельных говорах – с редкими отступлениями: произношением [а] в соответствии фонеме ⟨а⟩.

Обратим внимание на то, что эти икающие селигеро-торжковские говоры изолированы от других икающих говоров, что может, видимо, свидетельствовать об их имманентном образовании, без непосредственного влияния икающих говоров или литературного языка, на базе рассмотренного ладого-тихвинского предударного вокализма.

Подобный ладого-тихвинскому путь изменения предударного вокализма, естественно вытекающий из внутренних возможностей звукового изменения системы говора, показывает, какую значительную роль имеют в нем процессы нефонетического порядка. В данных говорах гласный [и] распространяется не в силу фонетических законов. Он вытесняет, заменяет

собой другие гласные неверхнего подъема[9]. Поэтому здесь нет переходных звуков от [е] к [и], от [о] к [и] и т.д. Встречающиеся в записи О.Н. Мораховской случаи [е^{и}] или [и^{е}] не означают наличия переходных гласных от [е] к [и], а скорее являются обозначением более узкого гласного на месте [е]. В противоположность этому в тех же говорах отмечается целый ряд вариативных гласных в соответствии ⟨о⟩–[ӧ], [о^{е}], [е^{о}] и ⟨а⟩–[ӓ], [а^{е}], [е^{а}], которые свидетельствуют о фонетических рамках произношения этих фонем и о возможных путях имманентного изменения предударного вокализма при изменении основных суперсегментных характеристик говора.

Действительно, восторжествование сильного яканья в рассматриваемых говорах первого типа или иканья в говорах второго типа возможно, видимо, только при переходе этих говоров к аканью, т.е. при переходе говоров в другой звуковой строй.

Такими сложными, органическими и разноуровневыми процессами предстают изменения диалектных систем предударного вокализма северно-русских говоров при действии общерусских тенденций.

Непосредственное же влияние литературного языка на предударный вокализм говоров объясняется чаще всего экстралингвистическими факторами.

З.П. Здобнова

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДУДАРНОГО ВОКАЛИЗМА ПОСЛЕ МЯГКИХ СОГЛАСНЫХ В РУССКИХ ГОВОРАХ БАШКИРИИ

На территории Башкирии имеют место говоры почти всех известных русскому языку структур – северного, южного и среднерусского типов. Это связано с тем, что массовое заселение Башкирии русскими происходило в позднее время – после отмены крепостного права. Поэтому большинство обследованных нами для ДАРЯ по 15-километровой сетке 200 нас.п. образовано 100–120 лет назад, хотя среди них есть селения, насчитывающие 300 и более лет. На новые земли шли "представители разных диалектных массивов", с закономерно сложившимися "в ходе исторического развития на более западных территориях" в преднациональный период диалектами[1].

Для определения структуры и территориального размещения отдельных языковых явлений и выявления лингвистического ландшафта Башкирии в целом (остававшейся до сих пор белым пятном на диалектологической карте) нами был составлен атлас русских говоров Башкирии, содержа-

---

[9] Ср.: *Сидоров В.Н.* Об одном случае позиционно не обусловленного изменения гласной в севернорусских говорах. – В кн.: Из русской исторической фонетики. М. 1969.

[1] Вопросы теории лингвистической географии. М., 1962, с. 234–235.

щий 37 фонетических, 40 морфологических, 16 лексических, 4 сводных штриховых карты и карту типов русских говоров Башкирии[2]. Поскольку основной поток русских переселенцев в изучаемый регион совпал с развитием капиталистических отношений в России, со временем сложения наций (с их единым языком) и начавшимся процессом нивелировки диалектов, то при изучении этих говоров приходится говорить не о становлении диалектов, а о дальнейшей судьбе уже сложившихся на исконно русской территории диалектов, попавших в новые исторические условия совместной жизни разнодиалектного и разноязычного населения. Были предложены новые способы генерализации данных периферийного атласа ввиду пестроты языкового ландшафта данной территории. В связи с этим составлен ряд обобщающих карт и серия таблиц, на которых с помощью многозначных фигур удалось определить структуру каждого из 198 закартографированных нас.п. в соотношении со структурой исходных, материнских говоров, от которых они в свое время отпочковались[3]. На каждой из синтезирующих карт представлено соотношение по 6 явлениям, на сводных таблицах – по 34 явлениям одновременно. Исследование показало, что севернорусские структуры сохраняются в новых условиях в цельном, компактном массиве в северной части Башкирии (28 нас.п., основанных переселенцами бывших Пермской и Вятской губ.). Южнорусские структуры выдержаны в говорах 35 нас.п., расположенных в юго-западной части Башк.АССР, по левую сторону реки Белой, и на юго-востоке республики (переселенцы различных южных губ. России). Особую группу на территории Башкирии образуют говоры, в которых южнорусская структура разрушается и приближает их к среднерусскому типу акающих говоров (22 нас.п. переселенцев преимущественно южных губ. и среднерусской полосы). Они расположены между нас.п. с говорами южнорусских типов и среднерусских, акающих и окающих. Но преобладают на территории центральной и южной Башкирии среднерусские говоры, акающие (в 53 нас.п.) и окающие (в 63 нас.п.), часть из которых приобрела среднерусский облик в новых условиях, на территории Башкирии (у наиболее ранних переселенцев бывшей Вятской и Пермской губ. и у южных переселенцев, живущих в тесном контакте с переселенцами из других мест), часть же носителей среднерусских говоров прибыла в Башкирию со сложившимися среднерусскими структурами.

Постоянное взаимообщение населения с разнодиалектной речью приводит к инфильтрации определенных элементов структуры одного диалекта в другой, а также к наметке и выработке общих особенностей у представителей разных диалектов. Естественно, что это касается прежде всего лексики, но и другие языковые уровни не остаются безразличными. Однако в цельных языковых массивах или в изоляции, вдали от культурных центров, от оживленных путей сообщения, возможна консервация диалектных явлений.

Интересны в этом отношении системы предударного вокализма после

---

[2] См.: *Здобнова З.П.* Территориальное варьирование русского языка в Башкирии. Уфа, 1977.

[3] См.: *Здобнова З.П.* Типология русских говоров в Башкирии (по данным лингвистической географии). Уфа, 1981.

мягких согласных у носителей разных диалектов. В изучаемых говорах отмечены разные типы предударного вокализма, но в условиях междиалектных контактов отмечается общая для окающих и акающих говоров тенденция к сохранению этимологического *а* после мягких согласных в первом предударном слоге. В говорах северного типа (северная часть Башк.АССР) вокализм первого предударного слога после мягких согласных чаще, как и в Костромской группе северного наречия[4], близок к неразличению гласных неверхнего подъема: здесь имеет место или последовательное еканье (*н'есу, р'ека, п'еток*) или в соответствии с ударными *о, е, а* произносятся перед твердыми согласными *е, е, е* (а): *н'есу́, р'ека́, п'ето́к, п'ато́к*; а также *е, е, а*: *н'есу́, р'ека́, п'ато́к*, как в Вологодской группе[5]. Причем переход ударяемого *а* в первом предударном слоге в *е* обусловлен в наших говорах северного типа не мягкостью последующего согласного, а связан прежде всего с неустойчивостью качества ударяемого *а* в позиции между мягкими согласными: регулярный переход ударенного *а* между мягкими согласными в *е* (*гр'ес, д'ед'а, з'ет', с'ет', хоз'ейка*), как правило, сопровождается последовательно выраженным предударным еканьем (*з'ет'о́к, д'ед'ӣа́, в гр'ез'и́, р'еб'и́на, п'ето́к, кл'ено́к, ф с'ел'е́, п'ету́х, с'ед'е́йут*). Такое явление характеризует говоры (15 нас.п.) переселенцев бывших Пермской и Вятской губ., которым исконно свойственно еканье, охватывающее северо-восточный регион Европейской части РСФСР[6]. В говорах северного типа, для которых не характерен переход *а* в *е* под ударением между мягкими согласными, этимологическое *а* после мягкого согласного сохраняет свое качество и в первом предударном слоге (12 нас.п.): *оп'а́т', гр'а́с', вз'ал'и*; *вз'ала́, п'ат'и́, в л'еса́х, б'ерло́га, в б'ед'е́, б'еру́, пр'ин'ес'и́.*

Нужно сказать, что подавляющее большинство окающих говоров Башк.АССР (четыре пятых от общего числа окающих говоров) характеризуется различением в той или иной степени предударного этимологического *а* после мягких согласных[7]. Однако на изучаемой нами территории это явление охватывает прежде всего среднерусские структуры, занимающие всю центральную и южную части республики, где они территориально соседствуют с акающими говорами. В окающих среднерусских говорах находят выражение многие владимирско–поволжские особенности, в том числе и тип предударного вокализма: для них характерно полное различение гласных неверхнего подъема после мягких согласных перед твердыми (14 нас.п.: *н'осу, р'ека, п'аток*) или частичное различение гласных, выражающееся в сохранении качества этимологическим *а* и совпадении *е, о*, как в Горьковской подгруппе, в *о*[8] (9 нас.п.: *н'осу́, п'отух, п'ато́к*), в *е* (9 нас.п.: *н'есу́, р'ека́, п'ато́к*).

---

[4] Русская диалектология/Под ред. Р.И. Аванесова. М., 1964, с. 267.

[5] Там же, с. 265.

[6] *Пожарицкая С.К.* Типы вокализма первого предударного слога после мягких согласных в севернорусских говорах. Канд. дис. М., 1962, с. 211–218.

[7] Ср. наблюдения и выводы С.К. Пожарицкой (Там же) относительно типов предударного вокализма после мягких согласных в северных говорах, основанные ею на данных атласов центральных областей Европейской части РСФСР: из 14 выделяемых автором типов 10 характеризуются сохранением этимологического *а* перед твердым и перед мягким согласным и еще 2 – сохранением *а* только перед твердым согласным.

[8] Русская диалектология, с. 295.

Тенденция к сохранению качества этимологическим *а* после мягких согласных в первом предударном слоге при различных типах предударного вокализма характеризует две трети акающих говоров.

Среднерусские акающие говоры не однородны по системе безударного вокализма после мягких согласных. В центре республики, вокруг Уфы и других городов, расположены икающие говоры (10 нас.п.) и екающие (4 нас.п.), не различающие предударного *а* (*н'ису́, рика́, питóк*, или *н'есу́, р'ека́, п'етóк*). Однако достаточно часто иканье и еканье акающих среднерусских говоров сопровождается сохранением качества этимологическим *а* в предударном слоге (14 нас.п.: *н'ису́, р'ика́, п'атóк*). В ряде случаев при обычном иканье или еканье предударное *а* после мягкого согласного звучит не только в соответствии с ударенным *а*, но и в соответствии с ударенными *о, е* (12 нас.п.: *н'исла́, р'ика́, б'ида́, п'атóк, в'адрó*). На периферии, вдали от крупных городов, расположены среднерусские акающие, а также южнорусские говоры с различными типами яканья. Показательно, что при нарушении принципа того или иного типа яканья этимологический *а* сохраняется. Таково умеренное яканье тороповского типа (3 нас.п.), при котором наблюдается сохранение качества этимологического *а* перед следующим мягким согласным. Однако вряд ли можно говорить о сложении его в наших говорах на основе севернорусского еканья, как это могло произойти в среднерусских говорах на исконно русской территории[9]. В говорах Башкирии подобный тип яканья сложился на акающей основе. Но окающие говоры с их различением предударного *а* после мягких согласных могли оказать свое влияние. Известный отпечаток на сохранение предударного *а* накладывает также орфография. О живучести данного процесса свидетельствуют и другие типы яканья с сохранением качества этимологическим *а* в среднерусских говорах: умеренное яканье, переходящее в диссимилятивно-умеренное (3 нас.п.), диссимилятивно-умеренное (2 нас.п.), умеренно-диссимилятивное (2 нас.п.) и в южнорусских говорах: умеренное (10 нас.п.), ассимилятивно-умеренное (1 нас.п.), умеренно-диссимилятивное I, II, III разновидностей (6 нас.п.), диссимилятивно-умеренное I, II, III разновидностей (10 нас.п.), ассимилятивно-диссимилятивное Новоселковской разновидности (1 нас.п.), диссимилятивное Мосальской разновидности (1 нас.п.).

В целом в русских говорах на территории Башкирии у переселенцев южных губерний сохраняется сравнительно небольшое количество типов яканья[10]. Прежде всего это диссимилятивно-умеренное яканье (12 нас.п.),

---

[9] См.: *Сидоров В.Н.* Происхождение умеренного яканья в среднерусских говорах. – Изв. АН СССР. ОЛЯ, 1951, т. 10, вып. 2, с. 177. Ср. также сведения Е.Ф. Будде о Касимовском говоре, данные В.Г. Орловой в д. Торопово Ермишинского р-на. Переход от ёкающе-екающего вокализма к умеренному яканью тороповского типа наблюдается в ряде говоров Саратовской области (см.: *Баранникова Л.И.* Русские народные говоры в советский период. Саратов, 1967, с. 142–143), отмечены подобные говоры Е.С. Скобликовой в Куйбышевской обл.

[10] Ср. наличие многообразных типов яканья, распространенных, по данным К.Ф. Захаровой, проанализировавшей материал атласов центральных областей Европейской части СССР, в южных областях (*Захарова К.Ф.* Типы диссимилятивного яканья. Канд. дис. М., 1970).

Типы яканья, имеющие место в изучаемых нами говорах, выделены в соответствии с теми их определениями, которые были предложены Р.И. Аванесовым в его книге

умеренно-диссимилятивное (10 нас.п.), умеренное (8 нас.п.), умеренное, переходящее в умеренно-диссимилятивное (5 нас.п.), умеренное, переходящее в диссимилятивно-умеренное (3 нас.п.), сильное (14 нас.п.). Кроме того, единично отмечены: Суджанский тип диссимилятивного яканья (1 нас.п.), Мосальский тип диссимилятивного яканья (1 нас.п.), ассимилятивно-умеренное (1 нас.п.) и ассимилятивно-диссимилятивное яканье (3 нас.п.). Здесь преобладает яканье сильное и типы диссимилятивного яканья, связанные с принципами умеренного яканья. При этом в большинстве случаев этимологический гласный *а* в предударном слоге сохраняет свое качество. В зависимости от твердости-мягкости последующего согласного или от качества ударяемого гласного гласные *о, е* в первом предударном слоге в этих говорах совпадают в *а* или в *а*‖*и*, этимологический же гласный *а* не чередуется с *и* в зависимости от указанных условий. Или же нарушения картины того или иного типа яканья связаны именно с появлением предударного этимологического *а* там, где по нормам данного типа яканья должен произноситься гласный *и* или *е*. Таково, например, ассимилятивно-диссимилятивное яканье Новоселковского типа с последовательным сохранением качества предударным этимологическим *а* при ударяемых *е* (не из ѣ), *о* в говоре с. Губаревка Миякинского р-на Башк.АССР (на карте 81): *св'аркáла, б'аспла́тна, сл'азáм'и, ун'аслá, л'акáрства, н'амáйа, выс'акáт', ст'анá, с'адáйа, б'адá, в л'асáх, п'ан'кá, д'ан'гáм'и, стр'ал'áлс'и, в р'аткáх, р'абáйа, зъв'азáла, п'атáк, м'асцá, прупл'асáл'и, вз'алá, гл'ад'áт', д'ад'йá, п'атрýша, хр'аптýх, стр'апýха, ун'асý, нъ в'атрý, нъ р'акý, ф п'аскý, зът'анýл, л'агýшка, гл'ажý, зъйавл'ý, см'айýтца, зъскр'абл'и, ув'азл'и́, зъстр'ал'и́л, мъст'ар'и́ца, р'аб'и́на, гл'ад'и́, в гр'аз'и́, йав'и́лс'а, св'ат'и́т'ъл'и, зъпр'аг'и́, п'ат'и́, л'ажы́, цв'аты́, в'арсты́, гн'ады́х, р'абы́и, р'ады́, св'аты́и, т'амно́, в'асно́й, къ т'ало́к, св'акро́в'йа, с в'адро́м, в'архо́м, д'ало́ф, б'агóм, зъ ст'ано́й, у р'або́й, пр'амо́й, р'адо́к, стр'ас'ло́с', н'ад'е́л'у, т'ал'е́х, в'ъс'ал'е́йа, гр'ам'е́л, зв'ан'е́т', в гн'аз'о́'е́, пр'ам'е́йа, гл'ад'е́л, в гр'аз'е́; пъв'из'е́м, пъв'ед'е́т', зъб'е́р'етца, з'ил'о́ный, л'ип'о́шка, з'имл'о́й, ун'ис'е́ш, п'ин'о́к, п'ичо́ный, с'ил'о́тка*, но: *нъпр'ад'о́м, ръб'ат'о́шк'и, п'ат'о́рку, зъпр'ажо́на, утр'ас'о́тца, нъпр'ад'о́на, кл'ан'е́т', д'ад'е́й, пр'ад'о́м.*

В то же время в изучаемых нами говорах обнаружены типы яканья, не отмеченные в центральных районах Европейской части РСФСР. К ним относятся следующие.

1. Диссимилятивно-умеренное III разновидности, имеющее донскую основу перед твердыми согласными (3 нас.п.). В этих говорах в предударном слоге после мягкого согласного перед следующим мягким согласным при любом ударяемом гласном звучит, как правило, *и*, перед следующим твердым согласным звучит *а* при ударяемых гласных *и, у*. Если же под

"Очерки русской диалектологии", ч. 1. М., 1949, с. 77–102, а затем дополнительно разработаны и уточнены Т.Г. Строгановой в книге "Русская диалектология", с. 44–64. Определение ассимилятивно-умеренного яканья различно в указанных работах. На территории Башкирии зарегистрировано ассимилятивно-умеренное яканье той его разновидности, которая описана Р.И. Аванесовым (Очерки русской диалектологии, с. 89). Два типа яканья выделены нами на основе анализа имеющегося материала о русских говорах Башкирии. Это диссимилятивно-умеренное яканье III с Донской основой перед твердым согласным и умеренно-диссимилятивное IV с Мосальской основой перед мягким согласным.

ударением перед твердым согласным выступает *а* или *о*, то в первом предударном слоге звучит *и* на месте *е*, *о* (из *ѣ*, *е*, *ь*) при сохранении, хотя и нерегулярном, предударного этимологического *а*: *д'ив'а́тый, с'им'йа́, д'ьр'ив'а́нный, в'ил'а́т, см'ийа́тца, м'ин'а́л'и, стр'ил'а́йут, γл'ид'а́т, пр'ам'а́т* (дорогу), *в'ис'о́лай, пр'ив'ид'о́ш, уб'ир'о́м, л'ип'о́шка, с с'ил'о́ткъй, з'ил'о́ный, п'ьр'ин'о́с, зв'ир'о́ныш, д'ит'е́й, т'ил'е́γа, ф с'ил'п'е́, п'ат'о́рка, св'ат'е́йшый, ун'ис'и́, пъб'ил'и́ла, т'ил'и́тца, р'иб'и́на, нъпр'ад'и́, в'ил'у́, б'ил'у, см'ийутца, с п'ит'йу́; к с'алу́, в'аду́, б'ару́, къ хр'асту́, в'арсты́, н'а бу́д'ьт, с'астры́, път'акл'и́, р'абу́йа, нъпр'адут, кл'ану́т, йазы́к, р'ады́, р'абы́и, съ св'аты́м'и*, но: *в'исна́, ун'исла́, с'истра́, р'ика́, б'ида́, сп'иша́т, кър'иннайа, ис ст'икла́, в'иза́нка, в'иза́н'йъ, р'абайа, в р'аткáх*; *с'ило́, в'исло́, пъм'ило́, п'итро́вна, п'ьр'ихо́дн'ица, л'исно́й, у л'исо́ч'ку, б'ило́к, γн'издо́, зъ с'ило́м, р'або́й, γр'азно́, пр'амой* (д. Самарское Хайбуллинского р-на). Следовательно, данный тип яканья представляет собой ступень перехода от яканья к иканью, поскольку принцип диссимиляции сохраняется только перед следующим твердым согласным.

2. Умеренно-диссимилятивное яканье IV разновидности имеет Мосальскую основу перед мягким согласным (отмечено в д. Старая Отрада Кумертауского р-на), т.е. перед следующим твердым согласным в первом предударном слоге звучит *а* при любом ударенном гласном, перед следующим же мягким согласным в первом предударном слоге после мягкого согласного звучит *а* при ударенных гласных *и*, *у*, *о*; если же под ударением находится *а* или *е* (*ѐ*), то в первом предударном слоге перед следующим мягким согласным звучит *и* на месте *е*, *о* при регулярном сохранении этимологического предударного *а*: *с'астра́, пр'ин'асла́, тр'и в'адра́, б'ада́, пъсп'ава́т'*, *пъм'ало́, в'асло́, н'амно́шкъ, н'а сво́д'ит, п'асо́к, б'ало́к, пр'амо́й, къп'ато́к, зъпр'аго́ш, р'атко́м, л'ажы́, с'астры́, см'ашны́х, пр'ив'аду́, исп'аку́, б'ару́т'*, *пр'аму́шка, л'агу́ша, р'абу́йу, ув'ал'и́, пр'ин'ас'и́, с р'ак'и́, б'али́ла, гр'аз'и́ша, р'аб'и́на, пъ б'ал'йу́, р'ачну́йа, п'ат'йу́, д'ьс'ат'йу́, т'ал'о́нък, ун'ас'о́нъ, б'ал'о́на, кл'ан'о́т, йаγн'о́нък*; *р'иб'а́ты, т'ил'а́ты, д'ис'а́тый, стр'ил'а́йут, в'ил'а́т, гл'ад'а́т, стр'апн'а́, тр'ап'йа́, д'ад'йа́, ст'ир'п'е́л, пъс'иде́ищ, н'ив'е́ста, б'ил'е́ит, к р'ик'е́, в'ид'е́т'*, *пр'ам'е́йа, гл'ад'ел.*

Показательно, что в периферийных говорах сохраняются или развиваются сложные типы яканья, когда на диссимилятивность наслаивается принцип умеренного яканья или диссимилятивное яканье осложняется принципом ассимилятивности. Ср. открытую В.Д. Бондалетовым четвертую разновидность ассимилятивно-диссимилятивного яканья на территории Куйбышевской обл.[11]. По существу, Ореховский тип ассимилятивно-диссимилятивного яканья, впервые выявленный Бондалетовым, очень близок к выделяемой нами четвертой разновидности умеренно-диссимилятивного яканья: у того и у другого типов одна – Мосальская – основа. Разница лишь в том, что в описываемом нами типе яканья нет ассимиляции по отношению к ударяемому *а*, находящемуся после мягкого согласного.

---

[11] *Бондалетов В.Д.* Об одном варианте ассимилятивно-диссимилятивного яканья (яканье говора с. Ореховки Куйбышевской области). – Учен. зап. Пензенского гос. пед. ин-та им. В.Г. Белинского. 1958, вып. 5; *Он же.* О четвертой разновидности ассимилятивно-диссимилятивного яканья. – В кн.: Вопросы теории и методики изучения русского языка. Саратов, 1959, с. 323–324.

Типы яканья, распространенные в русских говорах на территории Башкирии

Гласный	Перед твердым согласным					Перед мягким согласным						Название типа		Примечания
Под ударением	А	О	Ô	И	У	'А	'О	'Е	'Ê	'И	'У	Диссимилятивное	Жиздринский (Белорусский)	В чистом виде не отмечен
В 1-м предударном слоге	'И		'А			'И		'А						
Под ударением	А	О	Ô	И	У	'А	'О	'Е	'Ê	'И	'У		Суджанский	
В 1-м предударном слоге	'И		'А				'И				'А			
Под ударением	А	О	Ô	И	У	'А	'О	'Е	'Ê	'И	'У		Мосальский	
В 1-м предударном слоге	'И		'А			'И	'А	'И		'А				
Под ударением	А	О	Ô	И	У	'А	'О	'Е	'Ê	'И	'У		Щигровский	
В 1-м предударном слоге	'И		'А				'И		'А					
Под ударением	А	О	Ô	И	У	'А	'О	'Е	'Ê	'И	'У		Обоянский (архаический)	В чистом виде не отмечен
В 1-м предударном слоге	'И		'А				'И		'А					
Под ударением	А	О	Ô	И	У	'А	'О	'Е	'Ê	'И	'У		Донской	
В 1-м предударном слоге	'И			'А			'И			'А				
Под ударением	А	О	Ô	И	У	'А	'О	'Е	'Ê	'И	'У	Умеренное		
В 1-м предударном слоге	'А					'И								
Под ударением	А	О	Ô	И	У	'А	'О	'Е	'Ê	'И	'У	Диссимилятивно-умеренное	I (Жиздринская основа перед тв. согл.)	
В 1-м предударном слоге	'И		'А			'И								

Таблица (продолжение)

Гласный	Перед твердым согласным					Перед мягким согласным						Название типа		Примечания
Под ударением	А	О	Ô	И	У	'А	'О	'Е	'Ê	'И	'У	Диссимилятивно-умеренное	II (Обоянская основа перед тв. согл.)	
В 1-м предударном слоге	'И		'А			'И								
Под ударением	А	О	Ô	И	У	'А	'О	'Е	'Ê	'И	'У		III (Донская основа перед тв. согл.)	Отмечен в русск. говорах Башкирии
В 1-м предударном слоге	'И		'А			'И								
Под ударением	А	О	Ô	И	У	'А	'О	'Е	'Ê	'И	'У	Умеренно-диссимилятивное	I (Жиздринская основа перед мягк. согл.)	
В 1-м предударном слоге	'А					'И	'А							
Под ударением	А	О	Ô	И	У	'А	'О	'Е	'Ê	'И	'У		II (Донская основа перед мягк. согл.)	
В 1-м предударном слоге	'А					'И			'А					
Под ударением	А	О	Ô	И	У	'А	'О	'Е	'Ê	'И	'У		III (Щигровская основа перед мягк. согл.)	
В 1-м предударном слоге	'А					'И			'А					
Под ударением	А	О	Ô	И	У	'А	'О	'Е	'Ê	'И	'У		IV (Мосальск. основа перед мягк. согл.)	Отмечен в русск. говорах Башк.
В 1-м предударном слоге	'А					'А	'И		'А					
Под ударением	А	О	Ô	И	У	'А	'О	'Е	'Ê	'И	'У	Ассимилятивно-диссимилятивное	Новоселковск. тип (Щигровская основа)	
В 1-м предударном слоге	'А					'А	'И		'А					
Под ударением	А	О	Ô	И	У	'А	'О	'Е	'Ê	'И	'У		Култуковский тип (Мосальская основа)	
В 1-м предударном слоге	'А					'А		'И		'А				

Таблица (окончание)

Гласный	Перед твердым согласным					Перед мягким согласным						Название типа	Примечания
Под ударением	А	О	Ô	И	У	'А	'О	'Е	'Ё	'И	'У	Ассимилятивно-умеренное	
В 1-м предударном слоге	'А					'А	'И						
Под ударением	А	О	Ô	И	У	'А	'О	'Е	'Ё	'И	'У	Сильное	
В 1-м предударном слоге	'А					'А							

хотя этимологический гласный *а* сохраняет здесь свое качество. Т.е. в Ореховском типе яканья произносится: *л'ат'а́т, стр'ал'а́т*; *гл'ад'а́т*, в умеренно-диссимилятивном яканье четвертой разновидности: *л'ит'а́т, стр'ил'а́т', гл'ад'а́т*. Во всех остальных позициях картина общая (см. примеры выше). Следовательно, в отмеченном нами случае нарушен принцип диссимиляции перед твердым согласным, перед мягкими же согласными он еще сохраняется[12]. В данном случае имеет место развитие яканья в направлении к сильному[13]. В целом же яканье заметно разрушается, уступая место иканью (еканью) не только в говорах среднерусского типа, но и южнорусского. Достаточно сказать, что уже в 50–60-х годах, когда собирался материал для составленного нами атласа, предударный вокализм после мягких согласных в одной трети говоров южнорусского типа на территории Башкирии характеризовался не яканьем, а иканьем (еканьем). В 70–80-е годы яканье сохраняется в речи лишь самых старых представителей акающих диалектов. Развитие безударного вокализма в современных говорах идет по линии овладения нормами литературного произношения. Но процесс этот сложен, в отдельных говорах он имеет очень своеобразное выражение.

[12] Ср. вывод К.Ф. Захаровой о разрушении "самого принципа диссимиляции" и появлении "элементов ассимиляции главным образом перед твердыми согласными" при рассмотрении ею типов предударного вокализма после мягких согласных, складывающихся в процессе отхода от диссимилятивного яканья архаического типа" (*Захарова К.Ф.* Типы диссимилятивного яканья, с. 119).

[13] В говорах Калининской обл. Т.В. Кирилловой выявлен обратный процесс: развитие подобных типов яканья как начальных ступеней отхода от сильного яканья – появление предударного *и* прежде всего на месте *о, е* при сохранении этимологического предударного *а* при ударном *е* и др. типы (см.: *Кириллова Т.В.* Развитие народных говоров в советский период. Калинин, 1983, с. 9–38.

С.В. Бромлей

О ПРОИСХОЖДЕНИИ [l] "СРЕДНЕГО" В РУССКИХ ГОВОРАХ

Происхождение [l] "среднего" в славянских диалектах давно уже стало традицией объяснять воздействием иноязычного субстрата, хотя многие случаи рассеянного бытования этого согласного в говорах славянских языков связать с таким воздействием затруднительно или невозможно[1]. Возникновение [l] в русских говорах, где этот звук характеризует обширный ареал в пределах северо-восточной диалектной зоны, также принято издавна связывать с финским субстратом[2].

Другой точки зрения придерживался В.П. Петрусь, считавший [l] "средний" общеславянским архетипом, а [л] твердый и [ў] ([w]) последовательными стадиями его веляризации, осуществившейся в разное время в разных славянских языках и их говорах[3]. Из такого же представления об исконности [l], являющейся якобы праславянским наследием, исходит в своих работах и В.В. Колесов[4].

Как ни различны эти точки зрения, обе они представляют собой общие гипотетические утверждения, основанные на умозрительных рассуждениях, которые так же трудно доказать, как и опровергнуть. При попытках применить их для осмысления происхождения [l] на определенных территориях они оказываются либо не универсальными (или не самодостаточными), либо противоречат конкретным условиям реализации явления. Так, концепция субстратного происхождения [l], даже если действительно для данного региона может быть оправдана исторически, для того, чтобы убеждать, должна быть увязана со свойствами самой системы, ее предрасположенностью воспринять данный толчок извне для своей внутренней перестройки[5], – в этом и мог бы заключаться лингвистический ответ на поставленный вопрос. Предположение же об исконности [l] для славянских систем по крайней мере не должно противоречить представлениям об относительной хронологии процессов, реконструируемых на основе всей суммы отношений, подлежащих анализу при их изучении, а также географическому распространению разных субститутов фонемы.

Поэтому, имея в виду эти точки зрения как альтернативные, либо сопут-

---

[1] См.: *Бернштейн С.Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М.; 1961, с. 300, 301.

[2] *Селищев А.М.* Диалектологический очерк Сибири. Иркутск, 1921; *Аванесов Р.И.* Очерки русской диалектологии. М.; Просвещение, 1947; Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М.; Наука, 1970.

[3] *Петрусь В.П.* Славянские фонемы *l̄* (средн.) и *l* (твердый). – Учен. зап. Кировского пединститута, вып. 11. Факультет историко-филологический. Кировское книжное издательство. 1957. Связь с иноязычным субстратом В.П. Петрусем отрицается (см. на с. 123).

[4] Эксплицитно, хотя и догматически (в соответствии с жанром книги) эта точка зрения отразилась в учебном пособии: Русская диалектология / Под ред. Н.А. Мещерского. М.; Высшая школа, 1972, (автор фочетического раздела – В.В. Колесов), с. 64–65.

[5] Предположение о том, что влияние субстрата может играть роль лишь при определенном состоянии самой воспринимающей это влияние системы, стало в науке уже трюизмом.

ствующие возможности, более плодотворно, как нам представляется, искать решение вопроса о происхождении [l] в русских (и шире – восточнославянских) диалектах путем анализа конкретных условий, в которых этот звук выступает в современных диалектных системах[6]. Нынешнее состояние лингвогеографических данных, по крайней мере для русских диалектов, благоприятствует такому направлению поисков. В настоящее время при наличии карт ДАРЯ мы располагаем исчерпывающими данными, относящимися к бытованию [l] в русских говорах: о его распространении и структурных связях со всей совокупностью репрезентантов фонемы ⟨л⟩ в диалектных системах, где этот звук представлен. Работы В.Н. Тепловой (автора соответствующих карт ДАРЯ) и В.Г. Орловой, непосредственно основывающиеся на данных ДАРЯ, содержат надежный материал для исторического осмысления представленных в них лингвогеографических данных по интересующему нас вопросу[7].

В настоящей статье делается попытка осмыслить в первую очередь данные лингвогеографии русского языка, касающиеся [l], в системных связях с другими особенностями консонантизма говоров, в которых этот звук выступает, с целью установления возможных путей его возникновения. Ситуация русских говоров, знающих [l], будет рассмотрена на фоне судьбы этого звена фонетической системы в других восточнославянских диалектах.

В русских говорах имеется, по существу, один большой и плотный ареал, где представлен данный звукотип – [l] "средний", – это говоры северо-восточной диалектной зоны[8]. Этот ареал и заслуживает детального изучения в указанных целях, так как представляет собой как бы законченную пространственную проекцию определенных процессов, имевших некогда место в данном звене консонантизма соответствующих говоров. В его пределах могут быть изучены модификации структур, связанных с характером бытования на разных его участках [l]. Эти структуры должны быть осмыслены в их связях с примыкающими к ареалу [l] ареалами других систем реализации ⟨л⟩, а также и с "фоновыми" явлениями фонетики, способными пролить свет на возникновение [l] в говорах этого региона.

Итак, весьма важен сам характер структуры северо-восточного ареала. В абсолютном большинстве частных диалектных систем (ЧДС) этого

---

[6] Изучаемое явление – качество фонемы по степени ее палатализованности – относится к числу таких, которые в памятниках письменности не могут иметь отражения.

[7] *Теплова В.Н.* Звуки [л], [l], [ў] на месте этимологического *л* твердого и их место в фонетических системах севернорусских говоров. – В кн.: Очерки по фонетике севернорусских говоров. М., Наука, 1967; Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров (I, гл. 2, § 5. Смычно-проходные боковые сонорные согласные – авт. В.Г. Орлова). См. также: *Теплова В.Н.* Материалы к изучению исторических связей между западными и северными говорами русского языка. – ВЯ, 1973, № 4. Для ознакомления с ареалами различных репрезентантов фонемы ⟨л⟩ в русских говорах отсылаю к этим работам, снабженным соответствующими лингвистическими картами.

[8] При территориальных указаниях пользуемся системой единиц диалектного членения, установленного в кн.: *Захарова К.Ф., Орлова В.Г.* Диалектное членение русского языка. М.: Просвещение, 1970.

Звук [l] известен и на других территориях, но там он или рассеян в единичных нас. п., или же – на юго-западе, где он имеет несколько большую концентрацию – является периферией украинского ареала его распространения.

ареала, знающих [l], этот звук выступает только на месте *л* твердого[9], причем только перед гласными непереднего ряда, тогда как на месте *л* твердого в позиции конца слога – перед согласными и на конце слова – выступает неслоговой гласный [ў] (реже – близкий к нему акустически и артикуляционно билабиальный [w]). Звук [ŏ] в этом положении на месте *л* в материалах, собранных для ДАРЯ, не встретился ни разу.

Таким образом, в указанной паре позиций имеет место следующее соотношение звуков: [l]–[ў].

На периферии говоров, обладающих этой системой, располагаются говоры, где в позиции перед гласными [l] "среднему" соответствует [л] твердый, т.е. говоры с системой [л]–[ў]. Эти последние на многих участках отделяют ареал говоров с системой [l]–[ў] от говоров, которым свойственна реализация этого звена системы, совпадающая с той, которая представлена в литературном языке и большей части русских говоров, где *л* твердый вообще не претерпел каких-либо изменений ([л]–[л]). Также на периферии в немногочисленных нас.п., зачастую даже оторванных от основного ареала [l], фиксируются системы [l]–[l] и [l]–[л].

Наоборот, внутри территории, занятой говорами с системой [l]–[ў], встречаются такие, где не только в позиции конца слога, но и перед гласными непереднего ряда может выступать неслоговой гласный [ў] или билабиальный [w], т.е. фиксируется система [ў(w)]–[ў].

Характерной особенностью бытования в современных говорах этих систем произношения звуков на месте твердого *л* является высокая степень вариантности отдельных их звеньев. "Чистых" систем фиксируется мало. Их больше среди систем типа [л] – [ў], хотя и здесь в преобладающем числе ЧДС перед согласными и на конце слова [ў] фиксируется наряду с [л] в разном их соотношении. Это означает, что система [л] – [ў] фактически реализуется по преимуществу в сосуществовании с системой литературного типа [л] – [л]. Система [l] – [ў] в чистом виде представлена всего лишь в 25 нас.п., которые находятся в глубине ареала. Обычно же оба члена чередования, и [l], и [ў], фиксируются наряду с [л] ([l]//[л] – [ў]//[л]); редко (в 35 нас.п.) [л] фиксируется только в качестве факультативного варианта [l] – в 1-й позиции ([l]//[л]–[ў]), и совершенно единично (в двух нас.п.) отмечена система с вариативным звеном только во 2-й позиции ([l]–[ў]//[л]). Еще слабее выражена система [ў] – [ў], неизвестная в чистом виде, поскольку [ў] перед гласными непереднего ряда (1-я позиция) отмечен всегда факультативно наряду с [l] (или еще и с [л]). Отсутствуют в чистом виде и системы [l]–[л] и [l]–[l]. В них [l] обычно выступает в качестве факультативного варианта: в системе

---

[9] Заметим, что [l] может выступать в соответствии с *л'* в сочетаниях с [н] и [ш] в словах типа *больно, больше* (значительно реже – с другими твердыми согласными). Однако есть основания считать, что [l] в этих случаях появился также на месте *л* твердого, возникшего в результате диспалатализации [л'] перед твердыми зубными. О позднем характере этих процессов см.: *Теплова В.Н.* Диспалатализация ‹л'› в положении перед согласными [н] и [ш] в русских говорах. – Диалектологические исследования по русскому языку. М., Наука, 1977.

Ниже все конкретные факты и их количественные оценки приводятся по данным В.Н. Тепловой, см. ее работу, опубликованную в сборнике "Очерки по фонетике...".

[l] – [л] – всегда наряду с [л], в системе [l] – [l] этот звук, как правило, варьируется с [л] в обоих позициях; во 2-й позиции может выступать и третий вариант – [ў]. В этом случае имеет уже место сосуществование систем [l] – [l] и [l] – [ў]. В.Н. Теплова не приводит общего числа нас.п., где зафиксированы системы [л] – [ў] и [l] – [ў], но, судя по обширности ареала, соответствующего последней системе, она зафиксирована в нескольких сотнях нас.п. ДАРЯ.

Высокая степень вариантности всех элементов систем, обнаруживающихся в этом ареале диалектных замен *л* твердого, свидетельствует о незавершившемся фонетическом процессе в этом звене системы, сущность которого предстоит выяснить.

Характер размещения диалектных систем употребления звуков на месте *л* твердого, а также специфика их взаимного варьирования дают возможность сформулировать некоторые простые наблюдения над территориальным распределением в этом регионе [l] и [ў] как основных диалектных замен [л] твердого, существенные для выяснения вопроса о происхождении [l] в этих говорах. Они сводятся к следующему.

1. Ареал [l] вписывается в ареал [ў] на месте *л* твердого в конце слога.

2. При широком сосуществовании обоих членов интересующей нас диалектной системы [l] – [ў] с твердым [л] вырисовывается общая закономерность: специфически диалектные варианты в каждой из позиций имеют тенденцию к количественному преобладанию в направлении к центру ареала, тогда как [л] – по направлению к периферии.

3. Специально по отношению к [ў] эта тенденция (п. 2) выражается: а) в том, что на окраинах ареала своего распространения и в нас.п., расположенных островками за его пределами, [ў] ограничен не только количественно, но и возможностью выступать только в определенных группах словоформ, чаще в сочетаниях старых редуцированных с *л* и формах прошедшего времени глаголов; б) в том, что [ў] в глубине ареала может не только последовательно (в качестве единственного репрезентанта ⟨л⟩) выступать в позиции конца слога, но и фиксироваться, всегда наряду с [l], в позиции перед гласными непереднего ряда, т.е. в принципе не иметь позиционных ограничений.

В качестве "фоновых" явлений фонетики изучаемых говоров, которые важно учесть при дальнейшей интепретации закономерностей взаимного расположения ареалов репрезентантов твердой ⟨л⟩, следует учесть некоторые явления, определяющие отнесенность говоров северо-востока к числу наиболее типичных представителей русских периферийных систем.[10] Среди последних говоры северо-востока выделяются наименьшей развито-

---

[10] *Горшкова К.В.* Из истории консонантных различий русского языка. – Филолог. науки, 1964, № 4; *Она же.* Развитие диалектных различий севернорусских говоров в системе вокализма. – ВЯ, 1964, № 5; *Она же.* Очерк исторической диалектологии северной Руси. М., 1968; Историческая диалектология русского языка. М., 1972. *Треблер С.М.* История частной системы русского вокализма с дифференциальным признаком "лабиализованность-нелабиализованность" по данным лингвистической географии (из опыта исторической интерпретации изоглосс). – Вестн. МГУ. Филология, 1978, № 5; *Она же.* История системы гласных среднего подъема в ее отношениях к другим частным системам вокализма и консонантизма в русских диалектах, Автореф. канд. дис. М., 1980. *Бромлей С.В.* Лингвистическое содержание понятий "цент-

стью консонантных черт и, наоборот, повышенной вокальностью. О вокальном характере этих систем свидетельствует не только наличие семифонемного состава гласных, свойственного наиболее архаичным из этих говоров [11], но также высокая степень вокализованности класса сонорных звуков, – черта, закономерно связанная с вокальным характером фонетической системы[12]. Именно этим объясняется, на наш взгляд, способность ряда сонорных выступать в определенных позиционных условиях в вариантах, представляющих собой неслоговые гласные. Это относится не только к ⟨j⟩, выступающей здесь в более широкой, чем в литературном языке, системе позиций в виде неслогового гласного *и* ([й]), но и к фонемам ⟨в⟩ и ⟨л⟩, которые перед согласными и на конце слова могут реализоваться в неслоговом гласном *у* ([ў]) (фонема ⟨в⟩ может выступать в определенных условиях и в слоговом гласном *у*: *удова, унук*). Способность выступать в качестве неслоговых гласных, эксплицирующая высокий потенциал звучности сонорного, появляется только у твердых сонорных, так как известно, что степень мягкости уменьшается или она вовсе утрачивается с увеличением вокализованности звука[13].

Прямое отношение к вопросу о возникновении [l] среднего в русских говорах северо-востока имеет и их пониженная консонантность. Наиболее симптоматичным ее проявлением является слабая противопоставленность согласных по признаку твердость–мягкость. Это свойство консонантной системы выражается во многих из этих говоров, в частности, в наличии согласных неполного смягчения, – особенности, на которую уже давно указывали диалектологи и которая в 60–70-х годах стала предметом специальных публикаций.[14]

В разных говорах этого региона из числа тех, где это явление представлено, оно проявляется неодинаково. Это касается и последовательности его проявления (обычно оно проявляется факультативно: в одних и тех же

ральные" и "периферийные" говоры. – В кн.: Проблемы изучения русских говоров вторичного образования. Кемерово, 1983. *Она же.* Различия в степени вокализованности сонорных и их роль в противопоставлении центральных и периферийных говоров. – В кн.: Диалектография русского языка. М.: Наука, 1985.

[11] *Л.Л. Касаткин*, описавший одни из таких говоров, считает возможным выделить в нем 12 гласных фонем, что связано с большей самостоятельностью в них гласных, их независимостью от контекста согласных (*Касаткин Л.Л.* Гласные одного вологодского говора, не знающего противопоставления согласных по твердости–мягкости. – В кн.: Исследования по русской диалектологии. М.: Наука, 1973, с. 69, 70).

[12] *Бромлей С.В.* Различия в степени вокализованности сонорных . . .

[13] *Брок О.* Говоры к западу от Мосальска. Пг., 1916, с. 23, 24. Ср. отвердение на этой почве [р'] в белорусском. Плохо удерживается мягкая артикуляция звуком [w] билабиального характера. Неоднократно отмечалось, что именно [w'] раньше всего изменяется в менее вокализованный губно-зубной [в']; см.: *Васильева А.К.* О закономерностях возникновения в русских говорах юго-западной зоны спирантной пары [в]–[ф]. – В кн.: Диалектологические исследования по русскому языку. М.: Наука, 1977.

[14] *Пауфошима Р.Ф.* Согласные неполного смягчения перед гласными переднего образования в говорах Харовского района Вологодской области. – В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия. вып. II. М., 1962. *Азарх Ю.С.* Отвердение парных мягких согласных перед гласными в вологодско-кировских говорах. – В кн.: Очерки по фонетике севернорусских говоров. М.: Наука, 1967. *Касаткин Л.Л.* Указ. соч.; *Азарх Ю.С.* О корреляции согласных по твердости–мягкости в одном вологодском говоре. В кн.: Исследования по русской диалектологии. См. также в настоящем сборнике статью С.М. Треблер.

www.ruslang.ru

контекстах употребляются параллельно и мягкие и немягкие согласные) и степени "немягкости" согласных (она может иметь несколько градаций) и, наконец, позиций, в которых могут выступать неполностью смягченные или твердые согласные. Всем этим говорам свойственны согласные неполного смягчения перед [е] из *е и *ь, почти всем также и перед исконным [и]; некоторым – также и перед [е], [ê] и [и] на месте *ě; спорадически это явление отмечается и перед [е] на месте *а и *ę между мягкими согласными ([з́е]ть, [п'ё]ть . . .); согласные неполного смягчения отмечаются иногда и перед гласными непереднего ряда (*в* [ć*а*]*кие*, [л̓*у*]*ди* и т.п.).

Согласные неполного смягчения могут, таким образом, выступать здесь не только на месте прежних полумягких, но и на месте исконно мягких. Скорее всего это означает, что исконные отношения, связанные с периодом до смягчения полумягких осложнились здесь позднейшими процессами. Среди факторов, сыгравших заметную роль в разрушении первоначальных отношений, следует, по-видимому, иметь в виду такие процессы исторической фонетики, как изменение ['а'] > [е], [ê] (на месте *ě) > [и]; [ę] > [е].[15] В фонетических системах по преимуществу вокального характера, где наличие–отсутствие мягкости согласного (или ее степень) определялось прежде всего характером последующего гласного, изменение гласного автоматически влекло за собой изменение тембра согласного[16]. Так, с процессом изменения ['а'] > [е] было связано распространение полумягкого произношения в тех словоформах, которым оно не было свойственно ([з́е]ть вместо [з'а]ть, [м́е]ть вместо [м'а]ть). В условиях сосуществования словоформ первого и второго типа ([з'а]ть//[з́е]ть и т.д.) ослабевала, в свою очередь, зависимость между степенью мягкости и характером гласного, и начали появляться факты типа [з́а]ть, [м́а]ть и т.д., фиксируемые в некоторых из таких говоров.

Естественно, в говорах такого типа среди других согласных, выступающих в вариантах с разной степенью немягкости, фигурирует и смычно-проходной боковой (неносовой) согласный на месте *л'*. Так, в материалах, приводимых в статье Ю.С. Азарх, согласный *л* неполного смягчения встречается наряду с [л'] в самых разных положениях перед гласными [и], [ê], [е], [е^{э}], [э], [а], [у]: *лды́ны, бел'ёт; уходи́ли, рубли́, гл'едёт, л'ёт, л'ёкче, л'егли́, в пл'ену́, по́л'е, ф шко́л'е, фами́ли^{и}а, колоти́ли, в'ерну́ли, пл'ён, дел'а́нк'и, разделя́лос', лублу́, потэрзли, прзли, измзлис* (=измялись), *прывы́кли, улитзли.* В этих же говорах отмечается [l] "средний" (наряду с [л]) на месте твердого *л* перед гласными непереднего ряда: *хвати́ло, т'ерпе́ла, ходи́ла, т'ежело́*[17] и [ў] в конце слога: *погаси́ў, одыли́ўс'а.*

Итак, на месте *л'* в пределах описываемого ареала в ЧДС может выступать или только [л'],[18] как и в абсолютном большинстве говоров рус-

---

[15] См.: *Преображенская М.Н.* Русское диалектное явление в восточнославянском аспекте. Произношение не– *а* в соответствии с *ę (*ja, 'a*). В кн.: Очерки по истории и диалектологии восточнославянских языков. М.: Наука, 1980.

[16] *Касаткин Л.Л.* Указ. соч., с. 89; *Преображенская М.Н.* Указ. соч., с. 155.

[17] *Азарх Ю.С.* Отвердение парных мягких согласных . . . Автор не разъясняет, имеется ли различие в произношении звука *л* неполного смягчения, обозначаемого перед гласными переднего ряда как *л'*, а перед гласными заднего ряда как *l*.

[18] Мы не имеем здесь в виду известные случаи отвердения [л'] в отдельных сочетаниях согласных, см. сноску 9.

ского языка, или же и мягкий [л'], и полумягкий [л˙] (иногда твердый [л]). Последний случай соответствует более архаическому состоянию консонантизма, поскольку, по-видимому, основой формирования его современного облика было состояние, когда в нем сохранялись старые полумягкие согласные. А это позволяет предполагать более широкое распространение систем с наличием согласных неполного смягчения в прошлом.

Исходя из современной структуры северо-восточного ареала [l] и из изложенного понимания фактов неполного смягчения согласных, можно построить гипотетическую модель процессов, приведших в этих говорах к возникновению [l] на месте *л* твердого.

В русских говорах северо-востока имело место изменение твердого [л] в [ў][19]. Следом первой стадии этого изменения является современная изоглосса [ў] в положении перед согласными и на конце слова, являющаяся внешней границей модификаций фонемы ⟨л⟩. Звук [l] (за немногими исключениями) фиксируется только в пределах этой изоглоссы.

Второй стадией этого процесса явилось изменение [л] > [ў] в положении перед гласными непереднего ряда. Оно осуществилось в глубинной части говоров, знавших [ў] на месте [л] перед согласными и на конце слова. Таким образом в этих говорах любой [л] твердый изменился в [ў]. Возникшая система [ў] ([w]) – [ў], где [л] твердый вообще отсутствовал, явилась экспликацией наиболее высокого вокального потенциала смычно-проходного бокового сонорного. Как уже говорилось, эта система сохранилась в современных русских говорах северо-востока только в остаточном виде.

Однако указанием на более широкое бытование этой системы и является [l] "средний", занимающий сейчас основную часть ареала диалектных замен [л] твердого. Распространение [l] на месте [ў] (или [w]) следует понимать как процесс восстановления в этих системах смычно-проходной артикуляции этой фонемы.

Если два первых этапа эволюции твердого *л* связаны с выявлением его высокого вокального потенциала и относятся: первый ко времени падения редуцированных ([л] > [ў] одно из следствий этого процесса), а второй, по-видимому, к эпохе, непосредственно следующей за этим процессом, то появление [l] на месте [ў] следует относить ко времени, значительно более позднему (на два–три века), и связывать с развитием общерусской тенденции к консонантизации фонетического строя, которая в этих говорах начала проявляться и спонтанно как внутрисистемная доминанта развития, и под воздействием извне. В последнем случае имеется в виду влияние со стороны говоров населения Ростово-Суздальского княжества, территория которого явилась очагом развития этой

---

[19] В этом пункте я придерживаюсь точки зрения А.М. Селищева, который на основании сравнительного анализа артикуляций убедительно показал, что [ў] мог развиться только из [л] твердого (но не из [l]!), так как именно при образовании этого звука имеется и напряжение задней спинки языка, и связанная с ней губная работа, объясняющие возможность замены задненёбной артикуляции на губную (ў). (См.: *Селищев А.М.* Диалектологический очерк Сибири. Иркутск, 1921, с. 185). Эту точку зрения разделяют Р.И. Аванесов (Указ. соч., с. 169), Орлова В.Г. (см. коллективную монографию: Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров, с. 53) и большинство современных русских диалектологов, высказывавшихся по этому вопросу.

тенденции в период, когда оно активно распространяло свое влияние на север и северо-запад Руси[20].

В ходе процесса консонантизации две основные диалектные системы реализации [л] оказались в принципиально разном положении.

В тех говорах, где реализовалась система [л]–[ў], твердый смычно-проходной стал постепенно вытеснять [ў] в позиции конца слога. Это осуществлялось, во-первых, на базе внутрисистемных морфонологических связей (имеем в виду обобщение [л] в однокоренных образованиях: *сто*[ў] – *сто*[л]*а* > *сто*[л] – *сто*[л]*а*; *па*[ў]*ка* – *па*[л]*ок* > *па*[л]*ка* – *па*[л]*ок*, *поше*[ў] – *пош*[л]*а* > *поше*[л] – *пош*[л]*а*, а также утверждение произношения [л] в словоформах типа *во*[л]*к*, *по*[л]*к* вм. *во*[ў]*к*, *по*[ў]*к* – т.е. в старых сочетаниях редуцированных с плавными, где в ряду форм словоизменения отсутствовали такие, где *л* выступал бы перед гласным – под влиянием уже утвердившихся в речи словоформ типа *па*[л]*ка*, *иго*[л]*ка*); и, во-вторых, – под активным давлением систем типа [л]–[л], характерных для соседних диалектов Ростово-Суздальского типа с консонантным характером фонетического строя.

На периферии того ареала, где система [л]–[ў] реализуется как фонетическая, без какого-либо рода исключений, [ў] может выступать лишь в ограниченном числе типовых словоформ. При наличии таких ограничений [ў] чаще всего отмечается только в словах, содержавших старые сочетания редуцированных с *л* (38 нас.п.), затем – только на месте суффиксального *л* в формах ед. числа. муж. рода (22 нас.п.) далее – в обеих этих группах словоформ (11 нас.п.)[21]. В других группах словоформ [ў] в говорах с подобного рода категориальными ограничениями встречается гораздо реже. Системы с остаточным употреблением [ў] (только в случаях типа *во*[ў]*к* и/или *поше*[ў]) более характерны для юго-западного ареала диалектных замен [л] твердого.

В русских же говорах северо-востока с системой [ў] ([w])–[ў], где твердая смычно-проходная (неносовая) артикуляция в результате изменения [л]>[ў] была полностью утрачена и этот тип артикуляции сохранился только в мягком или полумягком вариантах, процесс ее восстановления очевидно должен был принять другой характер. В таких системах тенденция к восстановлению твердой смычно-проходной артикуляции вместо [ў] ([w]) (в соответствии с исконным *л* твердым) могла реализоваться на базе внутрисистемных возможностей только путем использования тех типов ее реализации, которые были свойственны системе.

---

[20] *Аванесов Р.И.* Вопросы истории русского языка. – В кн.: Вопросы формирования русской народности и нации. М., 1958. *Горшкова К.В.* Историческая диалектология русского языка, с. 142 и далее.

[21] В словоформах, содержавших старые сочетания редуцированных с *л*, как на это неоднократно указывалось в научной литературе, на почве совпадения фонем ⟨w⟩ и ⟨л⟩ в слабом положении в [ў], могла фонологизоваться фонема ⟨w⟩. Ср. произношение этих словоформ с губно-зубным [в] (*до*[в]*го*, *во*[ф]*к* и т.д.) в говорах, где [w]>[в]. Что же касается словоформ типа *пил*, *пошел*, то здесь также мог утвердиться губной спирант (*пи*⟨в⟩, *поше*⟨в⟩) в чередовании с ⟨л⟩ в других формах прошедшего времени (*пи*⟨л⟩*а*, *пош*⟨л⟩*и*). Убедительное и наиболее аргументированное морфофонологическое объяснение этому факту дано в докладе М. Флайера (*Flier M.* The alternation *l-v* in East Slavic. American contributions to the ninth international congress of slavists. Kiev, Septembre, 1983, I Linguisticsts).

Из существующих вариантов по твердости–мягкости вариант немягкого произношения [л'] или [l] в ходе этого процесса стал выступать в качестве замены [ў] в первую очередь перед гласным непереднего ряда, образуя системы [ў]//[l]–[ў] и затем [l]–[ў], сохранившиеся в чистом виде лишь в немногих глубинных ЧДС этого ареала.

Процесс восстановления смычно-проходной артикуляции во многих говорах северо-востока непосредственно предшествовал процессу обобщения мягких вариантов произношения на месте полумягких как следующая ступень в развитии противопоставленности согласных по твердости–мягкости. На фоне выработавшейся корреляции типа [т]–[т'], [с]–[с'] и других согласных, парных по твердости–мягкости, пара [l]–[л'] является следом предшествующего этапа в развитии консонантных отношений этих говоров, когда эта система характеризовалась более слабой развитостью противопоставления согласных по этому признаку и появление пары [l]–[л'] с ослабленным проявлением этого признака не противоречило, а соответствовало закономерностям этой системы.

Предполагаемый процесс восстановления твердой смычно-проходной артикуляции требует некоторых комментариев.

Обращает на себя внимание тот факт, что говоры, знающие диалектные замены *л*, в изучаемом регионе близко соприкасаются с северным ареалом билабиального [w], реализующегося в позиции конца слова в [ў]. Теоретически можно предполагать, что в более ранние эпохи этот ареал был шире и в большей степени перекрещивался с ареалом замен [л]>[ў]. В таких говорах, как обладавших системой [л]–[ў], так и в еще большей мере – [ў] ([w])–[ў], нейтрализация этих двух фонем (⟨л⟩ и ⟨w⟩) должна была приводить к функциональной ослабленности, в особенности при системе [ў]–[ў], на этом участке консонантной системы, в частности к значительному проценту гиперфонемных ситуаций (ср. случаи типа *засо*⟨л⟩ – *засо*⟨в⟩, *ше*⟨л⟩ – *ше*⟨в⟩ или ⟨л⟩*одка* – ⟨в⟩*одка*, ⟨л⟩*оск* – ⟨в⟩*оск*). Можно думать, что наиболее чистые системы типа [ў] ([w])–[ў] в соответствии с общерусской [л]–[л], т.е. системы с последовательной заменой [л] твердого на [ў] ([w]), могли возникать только там и постольку, где и поскольку губной спирант уже получил губно-зубное образование ([w]>[в]). В настоящее время говоры с заменами [л] на [ў] лишь на своих периферийных участках пересекаются с теми, которым свойственна губно-губная реализация фонемы губного спиранта, но полного совпадения в них ⟨л⟩ и ⟨в⟩ не наблюдается[22].

---

[22] Нами было произведено сравнение реализации фонем ⟨л⟩ в говорах северо-востока, знающих замены [л]>[ў] с реализацией фонемы ⟨в⟩ в тех же говорах. Была обследована позиция конца слова. Для изучения соотношения реализаций ⟨л⟩ и ⟨в⟩ были выделены только те говоры, где у ⟨л⟩ в этой позиции есть вариант [w]. Таких ЧДС оказалось 43. Полное совпадение ⟨л⟩ и ⟨в⟩ зафиксировано только в одном нас.п. (в вариантах [w] и [ў]). В остальных случаях реализации ⟨л⟩ и ⟨в⟩ или совсем не совпадали (в 26 нас.п., причем специфическими вариантами для ⟨л⟩, кроме [л] и [l], является [в], а для ⟨в⟩ – [ф]), или совпадали лишь частично: в 7 нас.п. в [ў], в 5 нас.п. в [w] и в 4 нас.п. в [ў] и [w] (в каждом из этих 16 нас.п. у ⟨л⟩ или у ⟨в⟩, а иногда и у ⟨л⟩ и у ⟨в⟩, имелись еще специфические варианты). Характерно, что вариант [ў] отмечен только у ⟨л⟩ в 12 нас.п., только у ⟨в⟩ – в 5 нас.п., и у ⟨л⟩ и ⟨в⟩ в 11 нас.п. И на 100% [w] в соответствии с ⟨л⟩ (43 нас.п.) приходится ≈12% [w] в соответствии с ⟨в⟩ (5 нас.п).

Это обстоятельство весьма существенно. Ведь в противном случае, при полном неразличении фонем ⟨л⟩ и ⟨в⟩, процесс восстановления смычно-проходной артикуляции не мог бы быть реализован, так как такой процесс обязательно предполагает возможность идентификации звукотипов, представленных в совокупности родственных словоформ в определенном состоянии системы, именно с данной фонемой (имеем в виду фонему ⟨л⟩).

Так же как процесс изменения [л] > [ў] имел два этапа, сначала в конце слога, а затем перед гласными (о чем явно свидетельствует наличие больших массивов украинских, белорусских и русских юго-западных говоров, где имела место только первая стадия этого процесса), так и процесс обратный – восстановление твердой смычно-проходной артикуляции – проходил в два этапа. Порядок охвата позиций также был обратным.

Восстановление твердой смычно-проходной артикуляции осуществлялось вначале в позиции перед гласными (первый этап), а затем уже на конце слога (перед согласным и в конце слова). Современное состояние говоров в данном звене системы отчетливо об этом свидетельствует: [l] фиксируется по преимуществу и в первую очередь перед гласными, хотя в части говоров он может выступать и на конце слога.

Вполне отчетливое проявление этой закономерности в характере протекания процессов свидетельствует о том, что оба они, – как изменение [л] > [ў] на ранних этапах развития, так и обратный ему значительно более поздний процесс, в силу характера консонантной системы говоров данного региона реализовавшийся как мена [ў] на [l], – имели фонетический характер. Если для [л] > [ў] это вполне очевидно, то в отношении [ў] > > [l] скорее следует говорить о его фонетической основе при морфофонологическом характере самой реализации. Фонетическая основа этого процесса (как процесса обратного тому, который выразился в изменении [л] > [ў] и являлся реализацией высокого вокального потенциала сонорного *л*) выявилась в том, что восстановление смычно-проходной артикуляции фонемы, знаменующее собой проявление изменений в системе в направлении усиления ее консонантных свойств, осуществлялось в соответствии с общими закономерностями распределения сонорных звуков в контексте других звуков речи, при котором более вокализованные варианты, коль скоро они имеют место в одной и той же системе наряду с менее вокализованными, выступают преимущественно или исключительно перед согласными или на конце слова, тогда как менее вокализованные наоборот, – выступают преимущественно или исключительно перед гласными, т.е. более вокализованные тяготеют к роли гласных, а менее вокализованные – к роли согласных[23].

---

[23] Эта закономерность отчетливо проявляется и в распределении более и менее вокализованных вариантов фонемы ⟨в⟩ в говорах, где она имеет губно-губное образование. Так, из звуков [w] и [ў] первый менее сонорен, он предполагает более активную роль губ, составляющих при его произнесении слабую щелевую преграду. В системах, где имеют место оба этих звука, их распределение определяется статистически реализующейся тенденцией: [w] преобладает перед гласными, [ў] – перед согласными (см.: *Васильева А.К.* О закономерностях возникновения в русских говорах юго-западной зоны спирантной пары [в] – [ф]). Можно думать, что такая же закономерность была бы выявлена и для соответствующих замен твердого [л] в говорах северо-востока, если бы на позицию перед гласными было больше материала.

Процесс вытеснения [ў] звуком смычно-проходной артикуляции в позиции перед согласным и на конце слова как дальнейшая ступень развития системы [l] – [ў] также протекал, по-видимому, отлично от того же процесса в говорах с системой [л] – [ў] (см. выше). В последних он свободно мог осуществляться как внутрисистемный, путем распространения [л] на эту позицию. Судя же по тому, что говоры с системой [l] – [l] (при параллельном употреблении в обеих позициях [л]) немногочисленны и расположены небольшими ареалами лишь по периферии основного ареала диалектных замен [л] твердого, путь внутрисистемного вытеснения [ў] в говорах северо-востока, знавших систему [l] – [ў], не был магистральным процессом восстановления в них смычно-проходной артикуляции[24].

Можно думать, что ко времени, когда стал актуален процесс восстановления смычно-проходной артикуляции *л* во второй позиции (конец слога), влияние говоров более южных территорий, обладающих системой [л] – [ў]//[л] или же [л] – [л], стало настолько велико, что оказалось определяющим в этом процессе. Поэтому проникновение смычно-проходной артикуляции во вторую позицию осуществлялось преимущественно уже не на базе внутрисистемных возможностей (т.е. не как распространение [l]), а как процесс междиалектного взаимодействия. При этом внедрение [л] во вторую позицию шло, по-видимому, одновременно с проникновением его же в первую позицию или несколько позже, т.е. возникали системы [l]//[л] – [ў]//[л]. К центру ареала, как это видно по современным данным лингвогеографии[25] влияние в этом процессе систем [л] – [ў] и [л] – [л] (т.е. степень проникновения [л] в систему [l] – [ў]) уменьшается. Возникающие в ходе этого процесса системы [l]//[л] – [ў] и [l] – [л] вполне закономерны: первая – как результат непосредственного столкновения систем [l] – [ў] и [л] – [ў], вторая (фиксируемая всегда в виде [l]//[л] – [л]) – как переходный этап в процессе распространения общерусской системы [л] – [л]. Само распределение в них "средней" и твердой смычно-проходной артикуляции, соответственно менее вокализованной ([l]) и более вокализованной ([л]), по позициям ([l] – перед гласной, [л] в конце слога – перед согласной и на конце слова) также находится в полном соответствии с общими закономерностями распределения в пределах одной системы сонорных звуков большей и меньшей степени вокализованности. Отметим, что систем с обратным распределением по позициям этих звуков (т.е. [л] – [l]) практически не отмечено[26].

Процесс консонантизации современных говоров этого региона, выражающийся в том, что в рассматриваемом здесь звене системы консонантизма происходит устранение [ў] в позиции конца слога (в позиции перед гласными он практически устранен), еще не закончен, о чем говорит высо-

---

[24] См. замечание Ю.С. Азарх о том, что [l] на месте [ў] выступает преимущественно у молодежи и лиц, на речь которых оказал влияние "нормированный язык" (*Азарх Ю.С.* О корреляции согласных..., с. 98). Л.Л. Касаткин отмечает, что это явление чаще отмечается в новых для говора словах (*Касаткин Л.Л.* Указ.соч., с. 61).

[25] *Теплова В.Н.* Звуки [л], [l], [ў] ..., с. 163, 164.

[26] В.Н. Теплова такое распределение отмечает лишь в двух нас. п. и считает, что оно, возможно, обусловлено неполнотой материала. *Теплова В.Н.* Звуки /л/, /l/, /ў/ ..., с. 165, сноска.

кая степень вариантности в этой позиции ([ў]//[l]//[л]). Приняв на поздних этапах развития говоров характер по преимуществу процесса междиалектного взаимодействия (вытеснения систем типа [l]–[ў] системами типа [л]–[ў]//[л] или [л]–[л]), процесс консонантизации явился в связи с этим одновременно и процессом вытеснения [l] как варианта, противопоставленного твердому [л] литературного языка. Этой противопоставленностью, естественно, предопределена его судьба. Однако процесс полного изживания [l] "среднего" как типа артикуляции может оказаться весьма длительным. Диалектные особенности, выражающиеся в качестве фонемы (ср. [γ]:[г], [w]: [в] и др.), могут долго удерживаться в диалектной речи, поскольку, как правило, не осознаются ее носителями.

Итак, коротко формулируя сущность предложенного объяснения появления [l] "среднего" в северо-восточных русских говорах, подчеркнем самое основное: звук [l] возникает в процессе отхода от наиболее вокализованной системы диалектной реализации фонемы ⟨л⟩, в которой твердый [л] в любой позиции был представлен неслоговым [ў]. Необходимым условием появления [l] "среднего" является наличие в системе консонантизма тех же говоров согласных неполного смягчения.

Изложенная гипотетическая модель процессов, объясняющих появление в северо-восточных русских говорах звука [l] "среднего" (а также процесса дальнейшего вытеснения его [л] твердым, не окончившегося еще в современном состоянии этих говоров), опирается на особенности консонантизма этих говоров и языковые процессы общерусского характера, отразившиеся на изучаемом звене фонетической системы диалектов данного региона. При таком подходе отпадает нужда апеллировать к влиянию иноязычного субстрата как к причине этого явления, хотя исторически такая ситуация в данном диалектном регионе не исключается. Здесь правомерно провести аналогию с вопросом о происхождении цоканья, которое также традиционно связывалось с этим субстратом. Однако представляется вполне убедительным отказ от такой трактовки в пользу внутреннего развития этого явления, обоснованный В.Г. Орловой[27]. Одним из существенных аргументов такого решения, принятого В.Г. Орловой в результате исторического анализа языковых контактов русского населения с финно-угорским и подробного изучения территории возможного их контактирования, является отсутствие связей между территориальным размещением тех или иных видов цоканья и размещением иноязычных групп населения, тогда как между разными видами цоканья существует определенная генетическая связь. Эта же аргументация могла бы с успехом быть перенесена и на аналогичную ситуацию с [l] "средним", который выступает на территории значительно более ограниченной по сравнению с той, где, теоретически рассуждая, оно могло бы возникнуть под влиянием финского субстрата[28]. Не исключая поэтому полностью финноязычного влияния как обстоя-

[27] *Орлова В.Г.* История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров. М., 1959, с. 129–131.

[28] Звук [l] "средний" известен не всем группам финно-угорских языков. Так, неизвестен он группе волжских (эрзя, мокша); в других проявляет себя неодинаково. В коми [l] "средний" известен во всех фонетических положениях. Наиболее близкие по территории к ареалу распространения в русских говорах северо-востока [l] "среднего" группы населения финно-угорского происхождения – марийцы и

тельства, облегчившего процесс восстановления смычно-проходной артикуляции *л* (на месте старого [л] твердого, изменившегося на предшествующем этапе развития в [ў]) на базе [і] "среднего", следует отдать решительное предпочтение при определении причин этого явления и основных закономерностей самого процесса факторам внутриязыковым, понимая их не только в узком значении внутрисистемных потенций развития именно данных говоров, но одновременно и как проявление общеязыковых тенденций, сказавшихся в русском диалектном языке в виде определенно направленных процессов междиалектного взаимодействия.

Изложенное здесь понимание возникновения [і] "среднего" может приобрести большую убедительность, если, выйдя за пределы русского языка, найти и в других родственных системах, знающих [і] "средний", аналоги той лингвистической ситуации, которая расценивается нами как необходимое условие возникновения этого звука.

[і] "средний" известен многим говорам украинского языка. Ввиду отсутствия опубликованных лингвогеографических данных, пока нет возможности по имеющимся данным украинской диалектологии отчетливо представить себе характер ареала [і] "среднего" на территории распространения украинского языка. Можно лишь перечислить говоры, которым он свойствен. В северных диалектах [і] "средний" характеризует говоры Полесья, главным образом, правобережного; в диалектах юго-западных он известен говорам надднестрянским, покутским, карпатским (в том числе и закарпатским, бойковским и гуцульским); в юго-восточных украинских диалектах [і] "средний" распространен в особенности в говорах северной части Левобережья (в том числе и Полтавских), а также в Слободжанских говорах[29]. Белорусскому языку [і] "средний" неизвестен, кроме говоров крайнего юго-запада, преходных к украинским.

Если учесть, что и украинскому и белорусскому языкам в целом свойственно произношение [ў] на месте *л* в позиции перед согласными и на кон-

---

вепсы (в древности их в русских источниках именовали *весь*) также, по-видимому, неоднородны по этому языковому признаку. Вепсы не имеют [і] "среднего" (см.: Языки народов СССР, с. 84), марийцы же знают эту артикуляцию. Однако имеет ли место при этом палатализованное [л'] – в разных источниках освещается по-разному. Ср. по этому вопросу высказывания В.А. Богородицкого: "Боковой переднеязычный *л* не имеет полной твердости, какая свойственна великорусскому произношению... Кроме полутвердого и твердого *н* встречаются еще мягкие *л'* и *н'* (орф. *ль, нь*), совпадающие с русскими" (*Богородицкий В.А.* Характеристика звуковой системы марийского (черемисского) языка. – Изв. АН СССР. ОЛЯ, т. 3, вып. 6, 1944, с. 262, 265). Й. Синней (*Sinnyei Y.* Magyar nyelvhasonlítàs, 1927, s. 30–31) отмечает одно *л*. Э. Итконен (*Itkonen E.* Zur Geschichte des Vocalismus der ersten Silbe im Tscheremissischen und in den Permischen Sprachen. Helsinki, 1954. – Zur Frage nach der Entvicklung des Vokalismus der ersten Silbe. F u F, XXIX, 1946) считает, что *л'* является вторичным, возникшим под влиянием предшествующих гласных переднего ряда. Следует отметить, что во многих работах по финноугроведению, где говорится о наличии противопоставления [л]–[л'] по твердости и мягкости качество немягкой фонемы специально не оговаривается. Оппозиция *l–l'*, записанная буквами латинского алфавита, без специальных оговорок становится двусмысленной (ср. обычное употребление *t* для систем, где различаются разные степени мягкости звуков, реализующих эту фонему).

[29] См.: *Жилко Ф.Т.* Нариси з діалектології української мови. Київ, 1955, с. 71, 94, 134, 141, 161, 173.

це слова (этот сплошной ареал захватывает и часть западных говоров русского языка, которые являются его окраиной), то и в этом случае имеет место ситуация включенности украинского [l] "среднего" в ареал [ў], типичная для русского северо-востока.

Что касается второго признака, сопутствующего [l] "среднему" в рассмотренных русских говорах северо-востока – наличия согласных неполного смягчения, то последний, как известно, характеризует украинский язык в отличие от белорусского. В украинских говорах полумягкие и твердые согласные последовательно выступают перед [е] из *е и *ь и [і]. В части украинских говоров (например, полесских) согласные неполного смягчения известны также в безударном положении перед [е] из *ę и [е] из *ě и *е перед мягкими в новых закрытых слогах[30].

Таким образом, внутри ареала [ў] перед согласными и на конце слова, охватывающего в одинаковой степени и украинские и белорусские говоры, [l] "средний" имеется только в украинских, которым свойственны немягкие согласные перед гласными переднего ряда, отсутствующие в белорусских, где мягкость согласных представлена в этом положении последовательно[31].

У нас нет для украинского языка таких же детальных сведений о рефлексации по говорам *л* твердого, какие мы имеем для русского, – имею в виду и наличие специальных работ, детально описывающих все варианты замен *л* твердого, и соответствующих опубликованных в печати лингвогеографических данных. Однако и те сведения, которыми мы располагаем, свидетельствуют о наличии среди украинских говоров таких, которые пережили изменение [л] твердого в [ў] не только в позиции конца слова и слога, но и перед гласными, т.е. то изменение, которое мы на основании немногочисленных остаточных фактов предположили как пережитое некогда и русскими северо-восточными диалектами. Произношение типа *wonáta, buwá* и сейчас свойственно многим говорам юго-западного украинского диалекта, особенно тем, которые представляют его западную часть, т.е. как раз наиболее архаичным украинским говорам, из числа знающих [l] "средний". Эта черта, по-видимому, бытует здесь как вполне закономерный элемент звукового строя, если учесть, что она упоминается среди фонетических признаков, характеризующих соответствующие группы украинских говоров.[32] Не исключено, что и в других украинских говорах, хотя и не так последовательно, произношение подобного типа ([w], [ў] перед гласными непереднего ряда) также существует (ср. подобное остаточное бытование этого явления в русских говорах северо-востока).

Мы видим, таким образом, что и в говорах украинского языка имеет место тот же комплекс фонетических черт,[33] который позволил нам при

---

[30] См.: *Дурново Н.Н.* Введение в историю языка. М., 1969, с. 192, 193.

[31] *Чэкман В.Н.* Гісторыя проціпастаўленняў па цвёрдасці – мяккасці ў беларускай мове. Мінск, 1970.

[32] *Жилко Ф.Т.* Указ. соч., с. 94, 122.

[33] На объединение в один комплекс в восточнославянских диалектах таких черт, как [l] "средний" и наличие согласных неполного смягчения совсем в другой связи, а именно как черт, сопутствующих изменению *'а > е*, обратила внимание М.П. Преображенская (Указ. соч.), также нашедшая перекличку между русскими говорами северо-востока и украинскими по наличию в них совокупности черт этого комплекса.

аналогичной ситуации в говорах русского северо-востока построить модель процессов, объясняющих появление [l] "среднего" как результат органического развития фонетической системы соответствующих говоров. Попытка применения выдвинутой гипотезы к западным областям современной восточнославянской территории – т.е. к диалектам украинского и белорусского языков – как нам представляется, еще более отчетливо подтверждает, что: 1) [l] возникает на почве систем, которым процесс изменения [л] > [ў] был свойствен в наиболее последовательном виде, во всех позициях, вплоть до полного устранения твердой смычно-проходной (неносовой) артикуляции (имеем в виду более выраженный, "системный" характер [ў] на месте *л* твердого перед гласными в части украинских говоров; указаний на наличие подобного явления в белорусских говорах мы не встречали); 2) необходимым фактором возникновения [l] "среднего" является наличие в этих же системах согласных неполного смягчения (ср. отличие по этой черте украинских говоров от белорусских); 3) нет оснований связывать появление [l] "среднего" в восточнославянских диалектах с иноязычным субстратом, поскольку для основной территории украинского языка, во многих говорах которого имеется [l] "средний", само наличие языкового субстрата, предполагающего [l], исключается (его с большим основанием можно предполагать для белорусского языка, где [l] "средний" как раз отсутствует)[34].

Важно еще раз подчеркнуть, что вся сумма специфических условий, вызвавших, согласно высказанной здесь точке зрения, появление в говорах восточнославянских языков [l] "среднего", свойственна тем из них, которые в общем противопоставлении восточнославянских языковых систем по признаку "вокальность ~консонантность" являются наиболее вокальными. Этим признаком русские так называемые периферийные говоры объединяются с украинскими (в первую очередь) и белорусскими. В исторической ретроспективе – это говоры восточнославянского (или древнерусского) запада, поскольку, как было показано[35], продвижение этих явлений имело место именно с запада на русский восток (в первую очередь – северо-восток) и было связано с имевшими место в средние века колонизационными потоками Новгородского населения в этом направлении. Эти говоры составили территориально-лингвистическую оппозицию говорам центра, сформировавшимся на территории Ростово-Суздальского княжества (позже Великого княжества Московского). Свойственные последним новообразования, направленные в своей совокупности в сторону развития консонантных признаков фонетической системы, на более поздних этапах под влиянием расширяющегося влияния

[34] Судя по данным топонимии и археологии, территория северян-восточнославянского племени, к которому восходят корни украинского народа, лишь в самой северной части (верхнее течение Сейма) соприкасалось с территорией, до которой доходили в первые века н.э. поселения балтов. Племя же дреговичей, составившее этническую основу белорусского народа, более активно контактировало с балтами, занимавшими пространства вплоть до Припяти. (См.: *Седов В.В.* Восточные славяне в VI–XIII вв.. М.: Наука, 1983, с. 118, 133, 136, 138; *Топоров В.Н., Трубачев О.Н.* Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962, с. 229, 230.

[35] См.: Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. Раздел II, глава 5. Явления, исторически связанные с западной частью говоров русского языка и отражающие общность языкового развития этих говоров.

говоров центра проявились в масштабах всего русского языка как универсальная тенденция в развитии его строя, потеснившая в разной степени на разных участках периферии местные потенции развития соответствующих диалектных систем со свойствами высокой степени вокальности.

В настоящей статье происхождение [l] "среднего" в восточно-славянских диалектах рассматривается как частный случай, связанный с пульсацией в них процессов по линии вокальности ~консонантности. Эти процессы принимали в разные периоды разное направление и выражались то по преимуществу во внутрисистемных изменениях, то в большей степени в формах междиалектного контактирования с определенной доминантой его направленности, соответствующей общерусской тенденции к консонантизации.

В заключение следует также акцентировать то обстоятельство, что [l] "средний" в диалектах восточнославянских языков проявляет себя в их фонетических системах принципиально отлично от того же образования в европейских и части финно-угорских языков. В то время как в европейских языках и части финно-угорских [l] является непарным по твердости–мягкости согласным, который в любой позиции имеет альвеолярную артикуляцию, в восточнославянских он всегда – член оппозиции по твердости–мягкости[36]. Это также говорит о том, что и своим происхождением он связан со своеобразным, позднего характера, развитием категории твердости–мягкости в части восточнославянских диалектов, обладавших вокальным характером звукового строя, сохранившимся в них во многом и ныне.

С.М. Треблер

К ВОПРОСУ О ВТОРИЧНОМ СМЯГЧЕНИИ СОГЛАСНЫХ (опыт исторической интерпретации лингвистических карт)

Общепризнанным является мнение, что условия для формирования функционального противопоставления согласных по ДП "палатализованность–непалатализованность" создал процесс вторичного смягчения согласных – изменение полумягких согласных перед гласными переднего ряда в мягкие. Однако и в настоящее время проблематичным остается вопрос о том, все ли восточнославянские говоры в равной мере были охвачены этим процессом.

Характерной особенностью современной украинской фонетики являет-

---

[36] Такой характер [l] имеет и в других славянских языках, кроме чешского, где [l] также непарный по твердости–мягкости, что, по всей вероятности, связано с европейским влиянием (в первую очередь, немецким). Поэтому представляется, что [l] восточнославянских языков и сходных с ним по этому признаку других славянских не вполне корректно называть [l] "европейским", как это приходится часто встречать в научной литературе.

ся так называемая диспалатализация согласных – наличие твердого произношения перед гласными переднего ряда [е], [и]. Твердые и полумягкие согласные перед гласными [е], [и] свойственны юго-западу Белоруссии. Согласные неполного смягчения в этой фонетической позиции отмечены и в русских говорах, как в южно-, так и в севернорусских. Из этого, очевидно, следует, что становление категории твердости–мягкости согласных, которому предшествовало вторичное смягчение, протекало по-разному не только в разных славянских языках, но и в говорах одного и того же языка. И, как представляется, уже древнерусский язык не был единым в отношении явлений, связанных со вторичным смягчением согласных.

Процесс вторичного смягчения согласных не получил еще однозначного решения в научной литературе. Уже в нашей классической науке наметились противоречия во взглядах ученых на вторичное смягчение согласных, как в плане хронологии, так и в плане последовательности развертывания отдельных фаз процесса.

А.А. Шахматов отстаивал мнение о том, что вторичное смягчение согласных произошло в восточнославянском языке–основе в доисторическую эпоху и охватило все восточнославянские диалекты, но позднее мягкость согласных перед [е], [и] южными диалектами была утрачена[1].

Существует и другая традиция в понимании процесса вторичного смягчения согласных. Так, еще В.А. Богородицкий допускал, что непереходное смягчение согласных перед [е], [и] пережили не все восточнославянские диалекты древнего периода, в то время как перед другими гласными переднего ряда ([ě], [ь]) непереходное смягчение было общим для всей восточнославянской языковой территории[2].

Каждая из традиционных точек зрения на процесс вторичного смягчения согласных имела своих последователей. За А.А. Шахматовым в этом вопросе следовали А.Е. Крымский, Н.Н. Дурново. Т. Лер-Сплавинский, Л.Э. Калнынь, С.Б. Бернштейн и ряд других ученых[3]. Многочисленных сторонников имеет и предположение о том, что непереходное смягчение согласных перед [е], [и] не пережили протоукраинские диалекты и что украинские твердые согласные перед [е], [и] естественнее выводить из общеславянских полумягких, нежели предполагать, вслед за А.А. Шахматовым, переходную стадию их смягчения. Эту гипотезу признают и

---

[1] *Schachmatov A.A.* Wie im Kleinrussischen die Palatalisation der Consonanten vor *e* und *i* verloren ging, AtslPh, XXV, 2. Berlin, 1903, c. 223; *Шахматов А.А.* Очерк древнейшего периода истории русского языка. – В кн.: Энциклопедия славянской филологии, вып. II, 1. Пг., 1915, с. 127; *Он же.* Краткий очерк истории малорусского (украинского) языка. – В кн.: Украинский народ в его прошлом и настоящем, т. 2. Пг., 1916, с. 693; *Он же.* Короткий нарис історії української мови. – В кн.: *Шахматов О., Кримський А.* Нариси з історії української мови. Київ, 1924, с. 61.

[2] *Богородицкий В.А.* Общий курс русской грамматики. 5-е изд., М.; Л., 1935, с. 287–288.

[3] *Крымский А.Е.* Украинская грамматика, I, 1. М., 1907, с. 192; *Дурново Н.Н.* Очерк истории русского языка. М.; Л., 1924, с. 144; *Lehr-Splawiński T.* Stosunki pokrewieństwa języków ruskich. – In.: Studii i szkize wybrane, Warszawa, 1957, c. 291–293; *Калнынь Л.Э.* Корреляция твердых и мягких согласных фонем в украинском языке. – Учен. зап. Ин-та славяноведения, XXIII. М., 1962, с. 64; *Бернштейн С.Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961, с. 238–241.

развивают Е.К. Тимченко, П.О. Бузук, А.Н. Савченко, Н.Ф. Наконечный, Ф.П. Филин, М.А. Жовтобрюх и многие другие исследователи[4].

К выводу об отсутствии единства процесса вторичного смягчения согласных в разных областях восточнославянской территории исследователи приходят в результате анализа орфографии древних памятников русской письменности[5], в процессе монографического описания современных русских говоров, сохраняющих согласные неполного смягчения[6]. Все разрозненные сведения о качестве согласных перед гласными переднего ряда [е], [и] в говорах русского, белорусского и украинского языков обобщены и приведены в систему в процессе создания лингвистических карт диалектологических атласов этих языков[7].

С появлением лингвистических атласов и широким вовлечением в научный оборот их данных — как собранных для атласов материалов, так и самих карт атласов — возник новый, уникальный источник изучения диалектного языка. Лингвистические карты, представляющие каждое из картографируемых явлений во всей полноте его реализации в разных говорах, фиксируют языковую непрерывность и в этом смысле могут считаться пространственной проекцией пережитых языком исторических процессов. Основной принцип лингвистического картографирования,

---

[4] *Тимченко Э.* Курс історії української мови. Київ, 1927, с. 46; *Савченко О.Н.* Деякі звукові особливості староруських діалектів. – Українська мова в школі, 1954, № 6, с. 16; *Наконечний М.Ф.* До вивчення процесу становлення й розвитку фонетичної системи української мови. – В кн.: Питання історичного розвитку української мови. Харьків, 1962, с. 140; *Филин Ф.П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972, с. 178–184, 307–312; *Жовтобрюх М.А.* Депалатализация согласных перед [е], [і] в украинском языке. – В кн.: Вопросы филологии. М., 1974, с. 22–30.

[5] См., например: *Васильев Л.Л.* С каким звуком могла ассоциироваться буква А в сознании писцов некоторых древнейших русских памятников? – РФВ, т. 69, № 1, с. 181–206; *Колесов В.В.* Изменения носовых гласных по материалам русских летописей XI в. – Studia Rossica Poznaniensia, II. Poznań, s. 97–115; *Блохина Э.Д.* Отражение мягкости согласных в Галицком евангелии 1144 г. – В кн.: История русского языка. Древнерусский период. Л., 1976, с. 18–30; *Малкова О.В.* Имело ли место вторичное смягчение согласных перед [е], [и] в диалектах южной зоны древнерусского языка. – В Я., 1980, № 6, с. 76–88.

[6] Р.Ф. Пауфошима и Ю.С. Азарх полумягкость согласных не признают реликтовой чертой, опираясь при определении относительной хронологии этого явления на факты перехода [а] в [е] и на изменение [ê] в [и] ([пов'ит'], [гл'ед'ит']), условием которых считается наличие последующего смягченного согласного (см.: *Пауфошима Р.Ф.* Согласные неполного смягчения перед гласными переднего образования в говорах Харовского района Вологодской области. – В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия, вып. 2, 1961, с. 74–77; *Азарх Ю.С.* Отвердение парных мягких согласных перед гласными в вологодско-кировских говорах. – В кн.: Очерки по фонетике севернорусских говоров. М.: Наука, 1967, с. 137–152). С.С. Высотский по данному вопросу высказывается более осторожно: "Отсутствие материала, показывающего направление развития отвердения согласных, не позволяет заключить, распространение ли это навыков артикуляции с положения с'е, т'е на с'и, т'и или след старшего отвердения согласных перед е, и (подобно украинскому)" (см.: *Высотский С.С.* О говоре д. Лека. – В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии, т. 2. М.; Л., 1949, с. 47).

[7] См.: Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. М., 1957; Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Мінск, 1963; Атлас української мови, т. 1, Київ: Наукова думка, 1984. Диалектологический атлас русского языка (Центр Европейской части СССР). Вып. I. Фонетика, М., 1986.

разработанный в трудах Р.И. Аванесова, лингвогеографов, принадлежащих его школе, и заключающийся в картографировании явлений всех языковых уровней не изолированно, а как элементов системы диалекта, широко допускает "системное в лингвогеографическом смысле истолкование разнообразной информации, заложенной в территориальном варьировании лингвистических явлений, в том числе и возможность исторической реконструкции"[8].

В предлагаемой статье в свете данных лингвистической географии[9] рассматривается проблема вторичного смягчения согласных применительно к различным русским и белорусским говорам. Мы исходим из предположения, что согласные неполного смягчения в украинском и в говорах белорусского и русского языков – факты одного порядка, и являются они свидетельством непоследовательности смягчения полумягких в отдельных диалектах восточнославянской языковой области. В связи с этим в статье предпринято сопоставление данных русского и белорусского языков с материалом украинского языка. Предполагается также, что непоследовательность процесса вторичного смягчения согласных должна была самым существенным образом сказаться на продуктивности развивающейся в восточнославянских языках корреляции согласных по ДП "палатализованность–непалатализованность".

В статье используется такая методика интерпретации изоглосс, в основе которой лежат наблюдения над фактами расхождения одних изоглосс и сближения других, с чем связано полное или частичное совмещение ряда ареалов явлений друг с другом. Важнейшей предпосылкой продуктивности такой методики является то, что ареал в своем картографическом отображении моделирует определенную лингвистическую ситуацию, предоставляя возможность для реконструкции ее предшествующего состояния. Зная закономерности ареального распространения явлений – типологию ареалов – и учитывая, что типологическое единство создается как результат единой тенденции развития на уровне системных отношений в языке, можно осуществить историческую интерпретацию лингвистических карт. Таким образом, при рассмотрении вопроса о вторичном смягчении согласных нам было важно выделить такие комплексы изоглосс, которые в своей совокупности связаны с говорами одних и тех же территорий. Наблюдения такого рода могут дать основание для предположения о едином генезисе либо тесной взаимообусловленности нескольких языковых явлений, несмотря на различия в характере и интенсивности их современного распространения.

Под таким углом зрения были рассмотрены три ареала, образованные наложением изоглосс: Вологодский ареал, ареал юго-запада Белоруссии, характеризующиеся наличием твердых и полумягких согласных перед

---

[8] *Бромлей С.В.* Русский диалектологический атлас как источник изучения истории языка. – В кн.: Диалектология и лингвогеография русского языка. М.: Наука, 1981, с. 3–4.

[9] Материалом для нас послужили рукописные карты Атласа русских народных говоров центральных областей к северу от Москвы, так называемого большого северного тома (БСТ), хранящиеся в отделе диалектологии и лингвогеографии Института русского языка АН СССР, а также лингвистические карты Диалектологического атласа белорусского языка (ДАБМ).

гласными переднего ряда [е], [и], и ареал диалектной зоны центра, для которого такое фонетическое явление нетипично.

Изоглоссы, составляющие комплекс в Вологодском ареале[10], образованы следующими фонетическими явлениями: 1) произношением твердых и полумягких согласных перед гласными переднего ряда [е], [и] (БСТ, карта 97); 2) произношением [е] под ударением после отвердевшего согласного перед твердым в корневых, суффиксальных и флективных морфемах (БСТ, карты 44, 48, 51); 3) произношением [ê], [ие̂] на месте старого [ѣ] (БСТ, карта 53); 4) произношением [ô], [уо̂] на месте древнего [о] под восходящим ударением (БСТ, карта 64).

В этот комплекс фонетических явлений, характерных для Вологодского ареала, включаются также следующие фонетические черты, изоглоссы территориального распространения которых гораздо шире Вологодской группы говоров: 1) отсутствие мягких губных согласных в позиции конца слова (БСТ, карта 99); 2) различение [l] – [л'] при чередовании [l] с [w] в конце слога и слова (БСТ, карта 89).

Оказался почти идентичным Вологодскому комплекс изоглосс, выделяющий ареал юго-запада Белоруссии. Здесь налагаются друг на друга, не совпадая, разумеется, полностью в своей конфигурации, изоглоссы следующих фонетических явлений: 1) произношение твердых губных согласных перед гласными переднего ряда [е], [и] (ДАБМ, карты 52, 53); 2) произношение твердых дентальных [с], [з], [т], [д] перед гласными [е], [и] (ДАБМ, карты 54–56); 3) произношение [е] под ударением после отвердевших согласных перед твердыми в корневых и флективных морфемах (ДАБМ, карты 29–31, 33, 70, 150, 152); 4) произношение [ê], [ие̂], [и] после мягкого согласного на месте этимологического [ѣ] (ДАБМ, карты 34, 57, 170); 5) произношение [ô], [уо̂], [у] на месте [о] под новым акутом (ДАБМ, карта 35); 6) произношение сочетания "твердый губной + j [н'] + гласный непереднего ряда" на месте мягких губных в позиции перед непередними гласными (ДАБМ, карты 50, 51); 7) произношение палатальных согласных [н"], [л"], о чем свидетельствует возможность их употребления в качестве эпентезы после губных согласных, их чередование в этой позиции с [j]; 8) более длительное сохранение палатального характера у шипящих; 9) произношение палатальных [с"], [з"] на месте палатализованных [с'], [з'][11].

В этот комплекс фонетических явлений, обособляющих территорию юго-запада Белоруссии, следует внести также следующие фонетические

---

[10] Говоры Вологодской группы расположены на территории достаточно ранней новгородской колонизации, в Заволочье, куда носители новгородского диалекта проникали уже с XII в. Однако тесную связь с говорами новгородской метрополии вологодские говоры сохраняют лишь до XVI в. В создавшихся условиях обособленного развития в вологодских говорах, с одной стороны, хорошо сохранилось архаическое состояние ряда черт, а с другой – возникали предпосылки для своеобразного развития некоторых тенденций, характерных для этих говоров как новгородских по происхождению (см.: Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М.: Наука, 1970, III, 3, § 3, с. 285–289).

[11] При выделении изоглосс последних трех явлений мы руководствовались наблюдениями В.Н. Чекмана над южно-белорусскими говорами (см.: *Чэкман В.М.* Нататкі аб процiпастаўленнях па цвёрдасці-мяккасці у некаторых паўднёва-беларускіх гаворках. – В кн.: Лінгвістычныя даследаванні. Мінск, 1968, с. 6–19).

черты, ареал которых охватывает почти всю территорию Белоруссии или которые являются общебелорусскими: 1) наличие [w] или [ў] в соответствии фонеме ⟨л⟩ в позиции конца слога (ДАБМ, карта 40); 2) отвердение губных согласных в позиции конца слова; 3) цеканье, дзеканье как явление, обусловленное появлением "усиленной мягкости" при произношении [т'], [д'].

Иная сочетаемость фонетических явлений была выделена на территории диалектной зоны центра[1 2].

Обособление этого ареала создают следующие проявления членов соответственных явлений: 1) произношение мягких согласных перед гласными переднего ряда [е], [и]; 2) произношение [о] под ударением после мягкого согласного перед твердым в корневых, суффиксальных и флективных морфемах; 3) произношение [е] на месте этимологического [ѣ]; 4) произношение [о] на месте древнего [о] под восходящим ударением; 5) произношение этимологически мягких губных в позиции конца слова; 6) различение ⟨л⟩ – ⟨л'⟩ во всех положениях в слове.

Отраженная в лингвистических картах сочетаемость фонетических признаков на территориях Вологодского ареала и ареала юго-запада Белоруссии, с одной стороны, и в диалектной зоне центра – с другой, может быть исторически интерпретирована.

Комплекс изоглосс, который выделяет Вологодский ареал и юго-запад Белоруссии, свидетельствует о том, что говоры, характеризующиеся полумягкими согласными в позиции перед [е], [и], имеют семифонемный вокализм с противопоставлением верхнего, верхне-среднего, среднего подъемов; они непоследовательны в процессе лабиализации [е].

Сочетание изоглосс, отражающих консонантизм этих говоров, позволяет заметить, что наличие полумягких согласных наряду с полностью смягченными не только свидетельствует о неравнозначной реализации категории мягкости в этой фонетической системе, но и ограничивает – на фонологическом уровне – корреляцию согласных по ДП "палатализованность–непалатализованность".

Изоглосса показала, что в анализируемых говорах самая фонологически значимая позиция по твердости–мягкости – позиция конца слова, является слабой для губных согласных фонем: в этой позиции противопоставление твердых и мягких согласных нейтрализуется. В числе фонетических характеристик, свидетельствующих о слабой противопоставленности согласных по твердости–мягкости в говорах Вологодского ареала и на юго-западе Белоруссии, может быть названо и наличие на терри-

---

[1 2] Под диалектной зоной центра мы, вслед за К.Ф. Захаровой и В.Г. Орловой, имеем в виду в достаточной мере условное и нечеткое по характеру расположения изоглосс обособление территории центра с включением в него Москвы. Эти территории противопоставляются по определенному кругу черт всем окружающим говорам русского языка и исторически связаны с единым ростово-суздальским диалектом (см.: *Захарова К.Ф., Орлова В.Г.* Диалектное членение русского языка. М.: Просвещение; 1970, с. 54–70). Так как члены соответственных явлений, органически свойственные говорам центра, известны и в пределах периферийных говоров, то фактически территория диалектной зоны центра характеризуется отрицательно: тем, что ее не охватывают ареалы диалектных членов анализируемых нами соответственных явлений.

тории этих диалектных зон противопоставления [l]–[л'], которые акустически различаются слабее, чем ⟨л⟩–⟨л'⟩. Факт чередования [l]//[w] в позиции конца слога и слова еще более усугубляет дело, так как при вокализации согласных возможность их палатализации утрачивается. Признавая, вслед за В.Н. Чекманом, палатацию согласных одной из форм депалатализационных процессов[13], полагаем, что о непродуктивности тембровой корреляции согласных фонем по твердости–мягкости свидетельствует и распространение на территории юго-запада Белоруссии палатальных согласных.

В проявлении твердости губными согласными в позиции конца слова в говорах Вологодского ареала и в белорусском языке можно усмотреть сохранение этими согласными лабиовелярного характера[14]. Принимая во внимание обусловленность полумягкости согласных признаком ряда следующего за ним гласного, а также факт наличия в одной и той же позиции передних и непередних гласных вследствие отвердения согласных в говорах Вологодской группы и юго-запада Белоруссии, возможно предположить фонологичность признака ряда образования для гласных фонем древненовгородского диалекта старшей поры и расположенных к югу от него диалектов на территории Смоленской и Полоцкой земель.

В соответствии с известной мыслью А. Мартине о неустойчивости той системы, где одни и те же ДП характеризуют и систему вокализма и консонантизм[15], полагаем, что закрепленность признака ряда за системой гласных фонем задержала процесс вторичного смягчения согласных, а следовательно, и развитие в этой же фонологической системе корреляции согласных по ДП "палатализованность–непалатализованность". Сохранение лабиовелярности согласными в данной фонологической системе обусловило отсутствие здесь противопоставления гласных фонем по ДП "лабиализованность–нелабиализованность" и определило невозможность лабиализации [e][16].

Представляется очень важной следующая закономерность, прослеживающаяся в архаической системе говоров Вологодской области, в белорусском и украинском языках: перед гласным [e], восходящим к эти-

---

[13] См.: *Чекман В.Н.* О двух формах депалатализации в славянских языках. – В кн.: Тыпалогія и гісторыя славянскіх моў і ўзаемасувязі славянскіх літаратур. Мінск, 1967, с. 151–153.

[14] К признанию фонологичности лабиовелярности согласных для древнерусского языка старшей поры приходит В.В. Колесов, реконструируя прапсковский диалект (см.: *Колесов В.В.* К характеристике исходной палатальности в древнепсковском говоре. – В кн.: Псковские говоры, вып. 3. Псков, 1973). Такой же взгляд на функционирование конечных твердых губных в белорусском и украинском языке находим у Л.Э. Калнынь (см.: *Калнынь Л.Э.* Категория твердых–мягких согласных фонем в белорусском языке. – Учен. зап. Ин-та славяноведения, т. XVII, 1959, с. 80; *Она же.* Корреляция твердых и мягких согласных фонем в украинском языке, с. 76–77).

[15] В такой системе содержится необходимость преобразования, в результате которого общий ДП, закрепившись за единицами одной частной системы, перестает характеризовать фонемы другой (см.: *Мартине А.* Принцип экономии в фонетических изменениях. М., 1960, с. 155–157).

[16] См.: *Горшкова К.В.* Соотношение вокализма и консонантизма в истории древнерусского языка. – В кн.: Славянская филология, вып. 5. Изд-во МГУ, 1963, с. 40–53.

мологическим *е, *ъ, произносится полумягкий или даже твердый согласный, перед репрезентантами фонемы ⟨ê⟩, выступающей на месте этимологического ⟨ě⟩ – смягченный согласный, равный по степени смягчения мягким согласным литературного языка[17].

Современные экспериментально-фонетические исследования, выполненные на материале русских говоров, имеющих полумягкие и твердые согласные перед гласными переднего ряда, характерное различие согласного и гласного в сочетаниях типа [с'е] и [с'ê] связывают с различиями в тембральных характеристиках начальных фаз гласных звуков. Р.Ф. Паufошима и С.С. Высотский, следуя в этом О. Броку[18], отмечают, что в говорах анализируемого типа звук [ê] в слоге [с'ê] отличается в физическом отношении от гласного в слоге [с'е], происходящего из *е, *ь, своей экскурсией с фазой "и"-образного характера в виде дифтонгоида, в котором заканчивает свое физическое существование бывший здесь дифтонг [ие̂], соответствующий фонеме ⟨ě⟩. Фонема же ⟨е⟩ в слоге [с'е] реализуется в звуке [е] с ярко выраженной тембральной однородностью. В говоре отмечено также слабо лабиализованное [о], в то время как фонема ⟨ô⟩, свойственная этому говору, реализуется в дифтонге [у̂о][19].

Таким образом, различие в степени палатализации согласных связано с различиями в тембральных характеристиках начальных фаз гласных звуков. Следовательно, в говоре анализируемого типа обязательным является противопоставление фонем ⟨е⟩–⟨ê⟩, ⟨о⟩–⟨ô⟩ по ДП "наличие–отсутствие начальной фазы верхнего подъема".

Так как говоры Вологодского ареала характеризуются непоследовательностью в лабиализации [е], а в архаическом слое – отсутствием этой лабиализации, звуком [е] с ярко выраженной тембральной однородностью, то возникает предположение, что тембрально однородный [е] не только не смягчал полумягкий согласный, но и отсутствие изменения [е] в [о] находится в прямой зависимости от его тембральной однородности. Тембрально однородный [е], не будучи в состоянии смягчить полумягкий согласный, не мог, очевидно, и измениться в [о]. Это изменение привело бы к отвердению полумягкого согласного. Белорусский лингвогеографический материал также выявляет принципиальное совпадение зоны сохранения несмягченных согласных в позиции перед [и], [е] и зоны ограниченности в лабиализации [е].

При рассмотрении проблемы вторичного смягчения согласных весьма существенными представляются различия, касающиеся способа образо-

---

[17] В северно-украинских диалектах перед рефлексами ⟨ě⟩ в новых закрытых слогах согласные мягки равно, как перед [і], [і̯ɛ̯] выступающими на месте ě в позиции перед мягкими согласными, так и перед [у], [у̂о], [у̂и], реализующими ⟨ê⟩ перед твердыми согласными: [п'іч'], [п'і̯ɛ̯ч'], [прин'ус], [прин'у̂ос] (см.: *Німчинов О.М.* До проблемы про диспалаталізацію приголосних перед [е], [и] в українській мові. – Зап. історично-филологічного відділу УАН, IX. Київ, 1926, с. 246–253).

[18] См.: *Брок О.* Описание одного говора из юго-западной части Тотемского уезда. – Сборник Отд. рус. яз. и словесн. АН, т. 83, № 4, 1907, с. 28.

[19] См.: *Паufошима Р.Ф.* Экспериментально-фонетическое исследование вокализма одного северновеликорусского говора. Канд. дис., М., 1961; *Высотский С.С.* Определение состава гласных фонем в связи с качеством звуков в севернорусских говорах. – В кн.: Очерки по фонетике севернорусских говоров. М.: Наука, 1967, с. 24 и далее.

вания твердых взрывных смычных согласных в артикуляционных системах русских говоров. Учет этих разновидностей важен потому, что от способа образования согласного зависит проявление признака палатализованности взрывных. Так, говоры территории Харовского р-на Вологодской обл. характеризуются апикальной, а также какуминальной артикуляцией твердых взрывных [т], [д], [н]. В случае же апикальной артикуляции взрывного согласного процесс палатализации оказывается несколько затруднен вследствие физиологического несовпадения артикуляционных актов, свойственных, с одной стороны, апикальному способу образования согласного, с другой – акту палатализации согласного. Степень этого несоответствия увеличивается при какуминальном способе образования, при котором кончик языка занимает вертикальное положение по отношению к нёбу[20]. В силу указанных причин физиологического порядка степень смягчения апикального взрывного менее значительна, чем у соответствующего дорсального согласного, а в некоторых случаях она может быть столь невелика, что по акустическому впечатлению согласный воспринимается и квалифицируется в качестве полумягкого, а в слабых позициях, особенно на конце слов, даже твердого. Трактуя ретроспективно особенности способа образования твердых смычных взрывных в вологодских говорах, можно предположить, что апикальная или какуминальная их артикуляция препятствовала проявлению палатализованности взрывных в древненовгородском диалекте и тем самым задержала процесс вторичного смягчения этого типа согласных.

Гипотеза о непоследовательности вторичного смягчения согласных в отдельных диалектах древнерусского языка, получившая фонетическое обоснование в современных экспериментальных исследованиях русских говоров, может быть подтверждена и данными украинского языка.

Ровное, недифтонгоидное начало [е], [о] считается типичным для украинского языка[21]. В артикуляционных признаках гласных [е] и [і] видит причину депалатализации полумягких согласных М.А. Жовтобрюх. Южные говоры восточнославянской языковой области характеризовались употреблением в них звука [і] несколько сниженного образования, более широкой, открытой и глубокой артикуляции, хотя и в сфере гласных переднего ряда. Естественно, заключает Жовтобрюх, что такой гласный дальше легко и закономерно трансформировался в [и], в звук, образующийся на границе переднего и среднего ряда, высокого и среднего подъема, т.е. в тот, который характерен сейчас для украинского языка[22].

В то же время считается, что процесс депалатализации согласных перед [е] и процесс их отвердения перед [і] не только совпадает во времени, но и что между ними существует причинная зависимость[23]. Гласные [е] и [и] в украинском языке в артикуляционном и акустическом отношении близки между собой. Экспериментально-фонетические иссле-

---

[20] См.: *Кузнецова А.М.* Некоторые вопросы фонетической характеристики явления твердости–мягкости в русских говорах. – В кн.: Экспериментально-фонетическое изучение русских говоров. М.: Наука, 1969, с. 61.

[21] См.: *Высотский С.С.* Определение состава гласных фонем..., с. 24.

[22] *Жовтобрюх М.А.* Указ. соч., с. 26.

[23] См.: *Наконечный М.Ф.* Указ. соч., с. 135–144; *Филин Ф.П.* Указ. соч., с. 307–312.

дования показывают, что в любом [и], даже под ударением, имеется оттенок, сближающий его с [е]. Отсюда вполне объяснимо взаимовлияние фонетических процессов, связанных с этими гласными. Из сказанного следует, что и для украинского языка возможно предположить зависимость отсутствия палатализации согласных от физических характеристик гласного [е] в говорах протоукраинских диалектов. Перед тембрально однородным [е] в этих говорах не только не происходило смягчение полумягких, но шел процесс депалатализации полумягких.

Непоследовательность вторичного смягчения согласных в протоукраинских говорах существенно сказалась на развитии в них корреляции согласных по ДП "палатализованность–непалатализованность". О малой продуктивности тембральной корреляции согласных в украинском языке говорят следующие фонетические черты, частью отмеченные нами уже для юго-западных белорусских и вологодских говоров: 1) отвердение губных согласных; 2) выделение мягкости в самостоятельную артикуляцию в сочетании "мягкий губной согласный + гласный непереднего ряда", превращение такого сочетания в юго-западных говорах украинского языка в сочетание "твердый губной + l", в остальных говорах – в сочетание "твердый губной + j"; 3) изменение коронарных зубных [т'], [д'], [с'], [з'] в дорсальные палатальные [т''], [д''], [с''], [з''] в отдельных говорах украинского языка; 4) изменение сочетаний "зубной согласный + j" в долгий мягкий зубной согласный; 5) различение [l] – *л'* в северо-восточных говорах украинского языка[24].

Таким образом, малая продуктивность корреляции согласных фонем по ДП "палатализованность–непалатализованность" в говорах Вологодского ареала, юго-запада Белоруссии и в украинском языке может служить подтверждением мысли о том, что вторичное смягчение согласных, возможно, не характеризовало некоторые диалекты общевосточнославянского языка. Очевидно, в примерах типа [л'е] *д* в говорах русского, белорусского и украинского языков не следует видеть вторичное отвердение некогда смягчившегося согласного; такие факты с большим основанием можно считать архаичными.

Принимая во внимание, что Вологодский ареал находится на пути новгородской колонизации, возможно предположить, что языковые связи, наблюдаемые между говорами северного наречия и украинским–белорусским языками, сложились на основе общности новгородского диалекта с расположенными к югу от него диалектами на территории Смоленской и Полоцкой, а в ряде случаев и более южных земель феодального периода[25].

Качественно иное состояние фонологической системы обнаруживается при интерпретации того комплекса фонетических черт, который отражен в лингвистических картах на территории центральных говоров, генетически связанных с древним ростово-суздальским диалектом.

---

[24] См.: *Калнынь Л.Э.* Корреляция твердых и мягких согласных фонем в украинском языке, с. 63–102; *Она же.* Опыт моделирования системы украинского диалектного языка. М.: Наука, 1973, с. 169–395.

[25] См.: *Орлова В.Г.* О некоторых связях между диалектами восточно-славянских языков. – В кн.: Проблемы истории и диалектологии славянских языков. М., 1971.

Говоры этой территории характеризуются пятифонемным вокализмом с противопоставлением трех ступеней подъема.

Лингвогеографические данные свидетельствуют о том, что фонологическая система говоров диалектной зоны центра обладает развитой корреляцией согласных фонем по ДП "палатализованность–непалатализованность". О продуктивности этой корреляции говорит в первую очередь противопоставленность по твердости–мягкости губных согласных фонем в позиции конца слова, позиции, в которой обнаруживается наибольшая самостоятельность данной категории. Поскольку противопоставление твердых–мягких губных как самостоятельных фонем может осуществляться лишь как тембровая корреляция по твердости–мягкости (губной ряд, как известно, соответствующих палатальных не имел), постольку удержание губными согласными мягкости в позиции конца слова свидетельствует о том, что в тембровую корреляцию по твердости–мягкости здесь также включены дентальные, дентально–альвеолярные согласные и сонанты.

Отсутствие на территории центральных говоров, с одной стороны, отвердения согласных перед гласными переднего ряда и, с другой, палатации согласных – двух форм единого депалатализационного процесса позволяет еще раз утверждать, что оппозиция по ДП "палатализованность–непалатализованность" в говорах диалектной зоны центра представлена в максимальном объеме. Это, очевидно, свидетельствует о том, что процесс вторичного смягчения согласных здесь был последовательным. В фонологической системе с развивающимся тембральным противопоставлением согласных по твердости–мягкости утрачивается аналогичное противопоставление по признаку ряда в вокализме. Как известно, развитие корреляции по твердости–мягкости сопровождается утратой согласными их лабиовелярного характера, в связи с чем исчезает и потенциальная возможность противопоставления согласных по лабиовелярности–нелабиовелярности в этой же системе. В фонологической системе, где ДП "палатализованность–непалатализованность" закрепляется в консонантизме, а ДП "лабиовелярность–нелабиовелярность" дефонологизуется для системы согласных фонем, создаются условия для различения здесь гласных фонем по ДП "лабиализованность–нелабиализованность". В говорах диалектной зоны центра гласный [е] носит дифтонгоидный характер, в прямую зависимость от чего можно поставить смягчение таким [^{и}е] полумягких согласных и последующую лабиализацию [е] в древнем ростово-суздальском диалекте. Так, видимо, следует понимать последовательность в лабиализации [е] на территории диалектной зоны центра.

Дифтонгоидное начало звуков [^{и}е] и [^{у}о] в центральных говорах делает фонологически незначимым в системе вокализма признак наличия–отсутствия начальной фазы верхнего подъема и приводит к утрате гласных фонем верхне-среднего подъема [ê] и [ô]. Учитывая дорсальный характер твердых взрывных [т], [д], [н] в центральных говорах, степень смягчения которых более значительна, чем при палатализации соответствующих апикальных в вологодских говорах, можно предположить, что это свойство артикуляции твердых взрывных способство-

вало последовательности их вторичного смягчения в древнем ростово-суздальском диалекте.

Таким образом, в результате исторической интерпретации тех комплексов изоглосс, которые характеризуют Вологодский ареал и ареал юго-запада Белоруссии, с одной стороны, и диалектную зону центра, с другой – становится возможным выявление двух типов диалектов древнерусского языка в зависимости от того, в какой мере было пережито этими диалектами вторичное смягчение согласных. Диалекты, где смягчение полумягких было непоследовательным, характеризуются фонологической системой с семифонемным вокализмом. В этой системе лабиовелярность согласных и фонологичность признака ряда образования у гласных препятствует развитию корреляции по ДП "палатализованность–непалатализованность" в консонантизме и противопоставлению по наличию–отсутствию лабиализации у гласных фонем.

В диалектах, последовательно переживших вторичное смягчение согласных, фонологическая система сформировалась как развившая вследствие утраты лабиовелярности согласными корреляцию по ДП "палатализованность–непалатализованность" в системе согласных и противопоставление по лабиализованности–нелабиализованности в пятифонемной системе гласных.

Проследив историческую связь говоров Вологодского ареала с древненовгородским диалектом, говоров диалектной зоны центра – с древним ростово-суздальским диалектом, обнаружив принципиальное сходство говоров Вологодского ареала с говорами юго-запада Белоруссии и с украинским языком, полагаем, что противопоставление выявленных фонологических систем связано с более широким противопоставлением восточнославянских говоров в направлении с запада на восток, безотносительно к оформившемуся позже противопоставлению южной и северной территории.

Развитие фонологической категории твердых–мягких согласных фонем, по мнению К.В. Горшковой, придало ростово-суздальской системе консонантный характер[26]. Представляется весьма плодотворной формулировка лингвогеографической оппозиции архаического запада восточнославянской области (современные периферийные говоры в совокупности с украинским и частично белорусским языками) и востока, представленного центральными говорами как носителями новообразований, возникшими в эпоху Ростово-Суздальской земли, предложенная С.В. Бромлей: лингвистическая сущность обнаруженного противопоставления определяется ею как противопоставление систем по признаку вокальности–консонантности[27]. Наши выводы, полученные в результате интерпретации изоглосс, подтверждают наличие данной оппозиции.

---

[26] См.: *Горшкова К.В.* Очерки исторической диалектологии Северной Руси. М., 1968, с. 171.

[27] *Бромлей С.В.* Лингвистическое содержание понятий "центральные" и "периферийные" говоры. – В кн.: Проблемы изучения русских говоров вторичного образования. Кемерово, 1983, с. 12–20. *Она же.* Различия в степени вокализованности сонорных и их роль в противопоставлении центральных и периферийных говоров. – Диалектография русского языка. М.: Наука, 1985.

Р.Ф. Пауфошима

О СВЯЗИ ХАРАКТЕРА ПРИМЫКАНИЯ И ЗВУКОВОГО ЭЛЛИПСИСА С ОСОБЕННОСТЯМИ ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ (на материале говоров русского языка)

В статье рассматриваются две характеристики фонетической системы – степень примыкания согласных к гласным и характер звукового эллипсиса – в их связи с некоторыми особенностями фонологической системы. Обе эти характеристики относятся к речевому уровню фонетической системы: первая, определяющая стереотип коартикуляции в звуковых последовательностях СГССГ, характеризует артикуляционную базу того или иного языка (диалекта); вторая относится к функционированию фонем в речи.

Комплексы фонетических явлений, связанных с этими характеристиками, различны для говоров, относящихся к севернорусскому и южнорусскому наречиям. Остановимся подробнее на каждой из названных характеристик.

На характер примыкания согласных к гласным в славянских языках впервые обратил внимание О. Брок. В его классической работе "Физиология славянской речи", не утратившей своей актуальности и в настоящее время, различаются два вида примыкания – "твердое" и "нетвердое". Эталоном твердого примыкания для Брока служит способ примыкания в немецкой речи. В славянских языках преобладает "нетвердый" способ примыкания: "Для твердого примыкания, столь известного в германской речи..., трудно привести несомненные примеры из славянской речи"[1].

Тем не менее, и на материале некоторых славянских языков исследователь обнаруживает случаи приближения к этому эталону твердого примыкания. Такие примеры он находит в украинском, болгарском и западнославянских языках – польском и чешском.

Суммируя все сказанное О. Броком по поводу сильного примыкания согласных к предшествующим гласным в славянских языках, можно вывести следующее:

1. Показателем сильного примыкания О. Брок считает длительность согласного в звуковой последовательности ГС (ср. его транскрипции syn̄, tyl̄).

2. Таким же сигналом, очевидно, служит и краткость гласного в звуковой последовательности ГС: польск. tўl̄, ŏl в немецких словоформах Holz, Holm и т. п.

3. Следствием сильного примыкания Брок считает особый характер слогоделения, в результате которого возникают внутрисловные закрытые слоги: польск. cór-ka, ín-dyk, néx-ce и др.

Наши наблюдения над характером потенциального слогоделения в русских говорах показали, что типологическим отличием севернорусских

[1] *Брок О.* Очерк физиологии славянской речи. – В кн.: Энциклопедия славянской филологии. – Изв. ОРЯС имп. Академии наук. Спб., 1910, с. 189.

говоров от всех остальных, включая и окающие среднерусские говоры, является возможность существования в них внутрисловных закрытых слогов. В этих говорах в звуковой последовательности –ГССГ– сочетание согласных имеет тенденцию отходить к разным слогам: –ГС–СГ–; та же самая звуковая последовательность в южнорусских и среднерусских говорах как бы распадается на два открытых слога: –Г–ССГ–[2]. Эта особенность севернорусских говоров была нами связана с наличием в них сильного примыкания.

Характер слогового строения в севернорусских говорах, обнаруженный нами, был позднее подтвержден исследованиями Л.Э. Калнынь и Л.И. Масленниковой[3], которые проводили опыты со скандированием диалектных слов информантами – носителями диалекта.

Важным свидетельством в пользу наличия сильного примыкания в севернорусских говорах служат результаты, полученные С.С. Высотским, но оставленные им без интерпретации. Исследуя ритмическую (темпорально-динамическую) организацию слова в русских говорах, он обнаружил следующую закономерность: в севернорусских говорах в составе фонетического слова длительность согласных значительно превышает длительность гласных[4]. Такое соотношение по длительности консонантных и вокалических компонентов словоформы, по данным Высотского, наблюдается во всех группах севернорусских говоров с полным оканьем.

Для инструментальной проверки С.С. Высотский выбирал слова трехсложной структуры с однотипным консонантно-вокалическим наполнением: с а-образными гласными: ъ – Λ – а́, Λ– Λ – а́, ъ – Λ – а́, с преобладанием твердых глухих взрывных согласных (*топота́ть, покопа́ть, потака́ть* и т. п.).

Результаты, полученные Высотским, хорошо согласуются с данными О. Брока о характеристике сильного примыкания, которое сопровождается большей длительностью согласных, нежели гласных.

Следовательно, севернорусским говорам в отличие от южнорусских и среднерусских, свойственно сильное примыкание согласных к гласным, что подтверждается инструментальными исследованиями соотношения по длительности вокалических и консонантных компонентов словоформы, с одной стороны, и характера слогоделения, с другой.

Исследования последнего времени в области фонетики русских говоров позволяют предположить, что рассматриваемая характеристика – степень примыкания согласных к гласным – является производной от определенной особенности фонологической системы.

Совместно с Л.Л. Касаткиным мы обнаружили в некоторых севернорусских говорах, а именно в говорах по Пинеге и Мезени Архангельской обл.

---

[2] См.: *Пауфошима Р.Ф.* О структуре слога в некоторых русских говорах. – В кн.: Экспериментально-фонетические исследования в области русской диалектологии. М.: Наука, 1977.

[3] *Калнынь Л.Э., Масленникова Л.И.* К вопросу о соотношении звуковой синтагматики и слогоделения (на материале славянских диалектов). – В кн.: ОЛА. Материалы и исследования. 1980. М.: Наука, 1982; *Калнынь Л.Э., Масленникова Л.И.* Опыт изучения слога в славянских диалектах. М.: Наука, 1985.

[4] *Высотский С.С.* О звуковой структуре слова в русских говорах. – В кн.: Исследования по русской диалектологии. М.: Наука, 1973, с. 36.

иные, чем в литературном варианте русского языка, отношения согласных по напряженности–ненапряженности[5].

Из общей фонетики известно, что признак "звонкость–глухость" тесно связан с признаком "напряженность–ненапряженность", но в разных фонологических системах эти две связанные между собою корреляции проявляются по-разному. В одних на первый план выходит признак "звонкость–глухость", в других – "напряженность–ненапряженность", или, в традиционной фонетической терминологии "fortes – lenes" (сильные – слабые).

В русском литературном языке, а также в большинстве русских говоров, согласные противопоставлены по глухости–звонкости; напряженность–ненапряженность – сопутствующий признак, который лишь в особых условиях может выходить на первый план (например, при произношении шепотом).

В противоположность этому, в ряде языков доминирующим в этом комплексе оказывается признак напряженности–ненапряженности, а признак глухости–звонкости – сопутствующим. Таковы, например, многие языки германской и финской групп (английский, немецкий, финский, эстонский и др.). Согласно нашим наблюдениям, к подобным фонологическим системам относится и фонологическая система севернорусских говоров.

Следующий комплекс фонетических параметров свидетельствует о доминантном положении признака "напряженность – ненапряженность": 1) ярко выраженный контраст по длительности членов оппозиции ⟨п – б⟩, ⟨т – д⟩, ⟨с – з⟩ и др.; 2) наличие придыхания у глухих смычных в определенных позициях; 3) несущественность признака "глухость – звонкость" в интервокальной позиции (спорадическая мена звонких с глухими и наоборот); 4) ослабление интервокальных ненапряженных смычных, приводящее к их спирантизации и даже выпадению; 5) преобладание прогрессивной ассимиляции по напряженности в консонантных сочетаниях; 6) в консонантных сочетаниях SR, где S – глухой шумный, а R – сонант, наблюдается потеря голоса сонантом.

Весь приведенный набор параметров был нами обнаружен в архангельских говорах Пинеги и Мезени. Дальнейшие исследования показали, что все эти явления представлены и в других севернорусских говорах, но с разной степенью концентрации. Так, например, придыхательные смычные за пределами Архангельской обл. не отмечались; столь же редкой чертой оказалось также и прогрессивное оглушение сонантов. Остальные фонетические явления, связанные с признаком "напряженность – ненапряженность", широко распространены во всех севернорусских говорах.

Следует заметить, что русские говоры, в которых представлена корреляция согласных по напряженности–ненапряженности, не являются изолированными в славянском мире. Косвенные свидетельства о том, что именно этот признак доминирует в корреляции по участию голоса,

---

[5] *Касаткин Л.Л., Пауфошима Р.Ф.* К лингвогеографическому описанию Архангельской области. Напряженность–ненапряженность согласных в говорах Пинеги и Мезени. – В кн.: Совещание по вопросам диалектологии и истории языка (лингвогеография на современном этапе и проблемы межуровневого взаимодействия в истории языка) (Ужгород, 18–20 сент. 1984 г.) Тезисы докладов и сообщений, т. 1. М., 1984.

имеются для ряда славянских языков и в первую очередь для языков западной группы. Так, например, в этих языках или в их диалектах отмечено прогрессивное оглушение сонантов после глухих шумных. В одних языках это живое фонетическое явление так же, как и в архангельских говорах русского языка, например, в диалектах польского[6] и чешского[7] языков, в других — уже закончившийся фонетический процесс, оставивший после себя след в виде чередования фонем — так обстоит дело в польском литературном языке и в нижнелужицком[8].

Нетрудно заметить, что противопоставление согласных по напряженности—ненапряженности тесно переплетается с артикуляционной характеристикой сильного примыкания согласных к гласным.

Естественно, что более напряженная артикуляция согласного ведет к его более тесному слиянию с гласным. Косвенное проявление напряженности — бóльшая длительность согласного — также находится в согласии с наблюдением Брока о фонетических проявлениях сильного примыкания. Неслучайно в качестве образца сильного примыкания Брок приводит фонетическую систему немецкого языка, где столь же хрестоматийно представлена корреляция согласных по напряженности—ненапряженности.

Если это так, то, видимо, можно говорить о сильном примыкании к гласным только глухих, т. е. напряженных, согласных. Как же обстоит дело со звонкими (слабыми, ненапряженными)?

Рассмотрим разные случаи сочетания гласных с согласными.

1. Последовательность ГС #.
2. Последовательность ГССГ-.
3. Последовательность ГСГ #.

Последовательность ГС[9]. В этой звуковой цепочке С — всегда напряженный: ⟨т — д⟩, ⟨п — б⟩, ⟨к — г⟩ и т. д. нейтрализуются в этой позиции, реализуясь в напряженном варианте. Следовательно, примыкание С к Г здесь сильное. Пользуясь транскрипцией Брока, изобразим это как Г$\overline{\text{С}}$ #.

Последовательность ГССГ-. В этой последовательности -СС- — либо сочетание двух глухих (напряженных) согласных[10], либо двух звонких (ненапряженных). Наше исследование показало[11], что в двойных сочетаниях согласных, как глухих, так и звонких, первый согласный находится в сильной позиции, что проявляется в его большей длительности и интенсивности. Следовательно, и звонкие согласные здесь становятся напряженными, примыкание согласных к гласным — сильное: Г$\overline{\text{СС}}$Г- . Следствие этого — возможность появления внутрисловного закрытого слога (ГС-СГ-).

Последовательность ГСГ #. Здесь выступают интервокальные согласные. Если С — глухой (напряженный) и реализуется в геминате, как это про-

---

[6] См.: *Селищев А.М.* Славянское языкознание, т. 1. Западнославянские языки. М.: Учпедгиз, 1941, с. 391, 398.

[7] *Bělič J.* Nástin české dialektologie. Praha, 1972, s. 59.

[8] *Калнынь Л.Э.* Некоторые закономерности изменений в консонантных сочетаниях, содержащих сонорный, в славянских диалектах. — В кн.: ОЛА. Материалы и исследования. 1975. М.: Наука, 1977, с. 81.

[9] Последовательности СГС#, ГСС#, ГССГ-, СГСГСГС- и т. п. можно рассматривать как частные случаи трех основных моделей.

[10] Рассматриваются сочетания только шумных согласных.

[11] *Касаткин Л.Л., Пауфошима Р.Ф.* Указ. соч.

исходит в вологодских и архангельских говорах, то примыкание может быть сильным: ГС̄Г–. При необходимости выявления слоговой границы может оказаться, что она проходит внутри геминаты: ГС̄Г #.

Звонкие согласные в этой позиции – слабые, поэтому их примыкание к предшествующему согласному также можно считать слабым. Интервокальная позиция может способствовать ослаблению глухих; в таких случаях наблюдается слабое примыкание согласных к гласным.

Однако определяющей для характеристики способа примыкания следует все же считать не интервокальную позицию согласного, а первые две позиции – ГС # и ГССГ-, в которых, как было показано, системам с напряженными–ненапряженными согласными свойственно сильное примыкание.

Итак, такая характеристика артикуляционной базы, как степень примыкания согласных к гласным, а также производная от нее характеристика – характер слогоделения – оказываются связанными с наличием в фонологической системе корреляции по напряженности–ненапряженности.

Это свойство фонологической системы определяет и многие особенности функционирования фонем в речи, в частности, характер звукового эллипсиса.

Наблюдения над большими массивами текстов спонтанной диалектной речи позволили нам выявить существенное различие в характере звуковых цепей, относящихся к севернорусскому и южнорусскому ареалам[1 2]. Обобщенно это можно сформулировать следующим образом: если для южнорусских (и среднерусских) говоров характерен преимущественно эллипсис гласных, то для севернорусских говоров преобладающим оказывается эллипсис согласных.

Мы связывали эту особенность севернорусской речи с такими характеристиками языковой системы этой диалектной зоны, как отсутствие редукции гласных и слабой выраженностью словесного ударения. Это, безусловно, так, но отражает только одну сторону вопроса – устойчивость гласных в речевой цепи. На другую сторону вопроса – почему в звуковых цепях современных севернорусских говоров происходят значительные консонантные потери, можно ответить лишь теперь, когда мы располагаем новыми данными о большей напряженности глухих согласных и большей слабости звонких в этих говорах по сравнению с другими диалектными системами.

Наше исследование характера эллипсиса в говорах русского языка показало, что в севернорусских говорах согласные могут утрачиваться в следующих позициях: 1) в интервокальной позиции; 2) в консонантных сочетаниях, которые могут находиться в начале, конце и середине слова.

В интервокальной позиции утрачиваются, как правило, звонкие согласные. Глухие согласные, по нашему наблюдению, в севернорусских говорах не подвержены эллипсису в этой позиции.

Из шумных звонких согласных чаще утрачиваются смычные: *д, д', б, б'*, ср. например, [л'у́и (*люди*), ои́н (*один*), го́спои (*господи*), на́о, пр'иу́т, проава́т, ба́ушка, шу́иха, у т'еа́, с'еа́] и т. п.

Более редки случаи утраты звонких фрикативных, однако и такие примеры отмечены: [ка́е̄а, скаа́w, ска̄ш] и т. п.

[1 2] *Пауфошима Р.Ф.* Фонетика слова и фразы в севернорусских говорах. М.: Наука, 1983, с. 48–55.

Из сонантов наиболее чувствительным к эллипсису оказывается *j*. Его утрата в интервокальной позиции – явление, хорошо известное в русской диалектологии и многократно и всесторонне описанное.

Такой же неустойчивостью в речи отличаются реализации *в*, которые в большинстве севернорусских говоров имеют губно-губное образование – *w*. Ср. примеры: [на п'ер'еóс, зоýт, ц'и́стоо, назыaloc', траý, ка́жноо, корýшку, корóа, самоáр, постáиш].

Если не ограничивать случаи фонетического эллипсиса только утратой речевых звуков, но включить в это понятие и утрату признаков, как предлагает С.В. Кодзасов[13], то к числу эллиптических явлений, отмечаемых в севернорусских говорах, могут быть отнесены и такие факты, как озвончение интервокальных глухих и спирантизация смычных.

Спирантизация звонких смычных широко распространена повсеместно на русском Севере. Отмечена она и в говорах Сибири[14].

Утрата затвора звонкими губными смычными представлена в севернорусских говорах на территории Архангельской, Вологодской, Кировской, Костромской областей, а также в некоторых говорах Калининской и Новгородской областей, относящихся к среднерусским.

Ср. примеры: [пр'ив'ерýт, ахтóвусы, завы́ла (забыла), рывý, сóвой (с собой), сов'ирáт, н'е вывáла, ф клýв'е, пов'ежáл'и, р'ев'áта, гр'ивýw, хл'éва (хлеба), злóв'иха (Злобиха), фс'о в'егýт и в'егýт].

В отдельных случаях замена смычных *б, б'* спирантами *в, в'* фиксируется даже словарями. Так, слово *обыденный* представлено в словарях Даля и Фасмера в двух вариантах – со смычным и фрикативным губным. Д.К. Зеленин также приводит формы *овыдень* и *овыденный* и указывает, что они распространены на северо-востоке России[15]. Разные произносительные варианты отражены В. Беловым в книге "Лад": "...женщина давала обет *обыденной*, или, как чаще говорили, *овыденной*, пелены. *Овыденная* – значит *обыденная*, краткая (*овыденными* могут быть и пироги, например)"[16] (курсив мой. – *Р.П.*).

Так же варьирует – фонетически и графически – слово *обет*. Например, у М.И. Мильчика есть такие строки о мезенских крестах: "...большинство ставлено "по обещанию" – по *обету*, и называют их потому *обетные* (или по-местному – *оветные*)"[17] (курсив мой. – *Р.П.*).

В этой связи можно заметить, что попытки этимологизировать эти слова[18] должны учитывать особенности фонетического фона, на котором существуют формы с *в*.

Столь же регулярно отмечается в говорах севернорусского наречия спирантизация *д'*, замена его *j*. Такой путь изменения *д'* в *j* севернорусских

---

[13] *Кодзасов С.В.* Фонетический эллипсис в русской разговорной речи. – В кн.: Теоретические и экспериментальные исследования в области теоретической и прикладной лингвистики. Изд-во МГУ, 1973, с. 109.

[14] См.: *Селищев А.М.* Избранные труды. М., 1968, с. 245–246; 321–323.

[15] *Зеленин Д.К.* "Обыденные" полотенца и обыденные храмы (русские народные обычаи). Живая старина. XX, вып. 1, 1911.

[16] *Белов В.* Избранные произведения в трех томах, т. 3. М.: "Современник", 1984, с. 73.

[17] *Мильчик М.И.* По берегам Пинеги и Мезени. Л.: "Искусство", 1971, с. 106–108.

[18] См.: *Страхов А.Б.* Восточнославянское *обыденный* (семантика и происхождение слова и понятия). – Russian linguistics. Vol. 9, NN 2–3, 1986.

говорах закономерен, поскольку, как показала в своих исследованиях А.М. Кузнецова, *д'* (так же, как и *т'*) представляет собой в этих говорах палатальный среднеязычный согласный[19]. При таком способе артикуляции не наблюдается свистящего послевзрывного элемента (ассибиляции) после смычной фазы, поэтому в результате спирантизации появляется также палатальный, но фрикативный согласный, каким и является *j*.

Подверженность других звонких смычных спирантизации меньше обращала на себя внимание исследователей, однако, по нашим наблюдениям, в севернорусских говорах подобным же изменениям подвержены и другие звонкие смычные, т. е. *д* и *г*. На месте *д* может произноситься звук типа [ð] : [ф том году́, пр'иðу́т] и т. д. Возможна субституция *д* одноударным *р:* [эрак] (*эдак*), ср. также лексикализованные случаи типа *сварьба, усарьба, кларьбище,* отмечаемые только на территории севернорусского наречия[20].

Звонкий смычный заднеязычный также подвержен спирантизации: в интервокальной позиции в соответствии с фонемой ⟨г⟩ нередко произносится γ, а также γ' вместо *г'*, напр., [проγуо̂н'иш, руγа́м, заруγа́ла, мну̂γо, сто γγо̂w] и т. п. Подобные примеры отмечались и ранее исследователями, подробно это явление описано С.С. Высотским[21].

Глухие смычные *т, т', к, к'* в севернорусских говорах, по нашим наблюдениям, не подвержены спирантизации.

Следовательно, звонкие согласные в интервокальной позиции – наименее устойчивые элементы речевой системы, они подвержены либо полному выпадению[22], либо ослаблению "консонантности", что проявляется в утрате некоторых консонантных признаков (напр., признака "смычность"). Несомненна связь такого поведения звонких согласных в севернорусских говорах с их особой слабостью.

Та же причина лежит в основе упрощения многих консонантных сочетаний, особенно в тех случаях, когда изменениям или полной утрате подвергается второй член сочетания. Позиция второго согласного сочетания – слабая по напряженности–ненапряженности, здесь и звонкие, и глухие согласные – слабые. Можно предположить, что этим обстоятельством объясняется широко развитая прогрессивная ассимиляция в севернорусских говорах. Примеры такого рода весьма многочисленны, приведем лишь некоторые из них: доставала > до [с̄] авала, опоздала > опо [з̄] ала, Настя > На [с̄'] я, гвозди > гво [з̄'] и, в баню > [в̄] аню, платье > пла [т̄'] е, ночью > но [ч̄'] у, бьешься > бьё [ш̄] а и др.

Полная утрата конечных согласных в сочетаниях, широко распространенная в севернорусских говорах (ср. пост > пос, наст > нас, пасм > пас,

---

[19] *Кузнецова А.М.* Разновидности способа образования согласных в русских говорах. – В кн.: Экспериментально-фонетические исследования в области русской диалектологии. М., 1977.

[20] О случаях регулярной замены d > r в говорах чешского языка и в нижнелужицком пишут Белич (*Bělič J.* Op. cit., s. 64) и Л.Э. Калнынь (*Калнынь Л.Э.* Типология звуковых диалектных различий в нижнелужицком языке. М.: "Наука", 1967, с. 189).

[21] Физические основы современных фонетических процессов в русских говорах. М., 1978, с. 121.

[22] В результате этого процесса возникает большое количество зияний, т. е. вокалических сочетаний.

добр > до[п] и т. п.) может объясняться ослабленностью конечного согласного.

Следовательно, наличие в фонологической системе севернорусских говоров корреляции согласных по напряженности–ненапряженности дает возможность объяснить ряд фонетических явлений, специфических для этого ареала.

Е.В. Щигель

СООТНОШЕНИЕ ТЕМПА И ИНТЕНСИВНОСТИ ВО ФРАЗЕ (на материале севернорусских говоров)

В многочисленных работах, посвященных изучению интонации тех или иных языков, различное толкование авторами самого понятия "интонация" во многом определяет круг вопросов, являющихся предметом исследования. Т.М. Николаева пишет по этому поводу: «Что такое интонация, если говорить о субстанции плана выражения? Проще говоря, что надо фиксировать в звуковом потоке, занимаясь "интонацией"? Традиционным является сознательное сужение этого понятия, его, если можно так выразиться "этимологизирование", т.е. сведение интонационных данных к движению основного тона, к мелодике. Параллельно этому интонация изучается как комплексное явление, формируемое несколькими гетерогенными величинами, разными в разных "наборах": мелодикой, интенсивностью, темпом, ритмом, тембром и т.д.»[1].

В соответствии с таким подходом к изучению интонации в данной работе была предпринята попытка выявления соотношения длительности и интенсивности гласных звуков во фразе на материале некоторых севернорусских диалектов.

Хотя многие аспекты интонации русского языка достаточно подробно описаны в работах советских и зарубежных лингвистов, интересный в этом плане диалектный материал оставался до недавнего времени за пределами внимания исследователей (исключая статью Е.А. Брызгуновой)[2].

Из хранящихся в фонотеке Лаборатории экспериментальной фонетики ИРЯ АН СССР магнитофонных записей вологодских и архангельских говоров был отобран материал, представляющий собой около 60 простых вопросительных предложений (как с вопросительным словом, так и без него) и кратких ответов на вопрос. Длина каждой отобранной конструкции не превышала одну синтагму. Длительность измерялась по отметке времени на осциллограмме. Интенсивность измерялась в децибелах на регистраторе интенсивности РИ–58. Полученные результаты бы-

---

[1] *Николаева Т.М.* Интонация сложного предложения в славянских языках. М., 1969, с. 10.

[2] *Брызгунова Е.А.* Анализ русской диалектной интонации. – В кн.: Экспериментально-фонетические исследования в области русской диалектологии. М., 1977.

Таблица 1

Фраза	Звуки	Длительность (в мсек)	Фраза	Звуки	Длительность (в мсек)
Пло́хо.	о	60	... (о) на в том	а	60
	о	80	доме и живет?	о	65
Опа́сно?	о	30		о	60
	а	115		е	75
	о	75		и	75
Да.	а	405		и	85
Так он (а) ...	а	40		о	120
	о	40			

Таблица 2

Фраза	Звуки	Длительность	Фраза	Звуки	Длительность
А сколько де́те́й	а	80	А ты пошто в	а	40
было? (волог.)	о	95	очка́х ходишь?	ы	20
	о	65	(арх.)	о	40
	е	65		о	20
	е	150		о	35
	ы	60		а	55
	о	80		о	60
Куды ты пошёл-то?	у	60		и	80
(волог.)	ы	40	Что́ вам сказать?	о	65
	ы	45	(арх.)	а	60
	о	60		а	55
	о	160		а	80
	о	50			

Таблица 3

Фраза	Звуки	Длительность	Фраза	Звуки	Длительность
Там у вас сва́дьбы	а	105	... (жи) вут	у	45
жив (у) т...	у	65	ли [л'е]?	е	120
	а	100	Быва́ют ли	ы	60
	а	65	[л'е]?	а	90
	ы	30		у	40
	и	35		е	240

Таблица 4

Фраза	Звуки	Длительность	Фраза	Звуки	Длительность
Ло́шадь?	о	85	Пло́хо жить?	о	80
	а	35		о	65
				и	55

Таблица 5

Фраза	Звуки	Интенсивность (в децибелах)	Фраза	Звуки	Интенсивность (в децибелах)
До го́рода только.	о	−8	До го́рода только.	о	−7
	о	−3		о	−7
	о	−9	Пло́хо.	о	−4
	а	−10		о	−7

Таблица 6

Фраза	Звуки	Интенсивность (в децибелах)	Фраза	Звуки	Интенсивность (в децибелах)
Да не́т еще.	а	−1	Все ла́дно.	о	−4
	е	−3		а	−4
	е	−9		о	−3
	о	0			

ли зафиксированы в таблицах и графиках, некоторые из них представлены ниже в качестве иллюстраций.

Прежде всего были рассмотрены ответы на вопрос, в которых, как видно из табл. 1, длительность гласных звуков неодинакова и увеличивается к концу ответа. В целом, по материалам, полученным от разных дикторов, ответ произносится в более медленном темпе, чем вопрос.

В предложениях с вопросительным словом выявляется расхождение по длительности ударного гласного в интонационном центре фразы в соответствии с принадлежностью к разным говорам. В рассмотренных примерах ударный гласный в вопросе с вопросительным словом имеет в вологодском говоре большую длительность по сравнению с соседними звуками. В архангельских говорах в подобной конструкции нет такой прямой связи между длительностью и акцентной выделенностью (табл. 2).

В примерах, относящихся к архангельским говорам, особо выделяется по длительности частица *ли* [л'е] (табл. 3).

Для вопросов без вопросительного слова характерен более или менее равномерный темп с некоторым удлинением гласного интонационного центра (табл. 4).

Таблица 7

Фраза	Звуки	Интенсивность	Фраза	Звуки	Интенсивность
Пошто не ла́дно-то?	о	0	Куды ты	у	–6
	о	–2	пошёл-то?	ы	–7
	е	–4		ы	–14
	а	0		о	–7
	о	–7		о	–6
	о	–8		о	–14

Таблица 8

Фраза	Звуки	Интенсивность	Фраза	Звуки	Интенсивность
Вы были во дворе́?	ы	–2	Пло́хо жить?	о	0
	ы	–2		о	–3
	и	–3		и	–8
	о	–3	Проси́ли?	о	–2
	о	–2		и	–1
	е	–1		и	–6

Таблица 9

Фраза	Звуки	Интенсивность	Фраза	Звуки	Интенсивность
Не ви́дели вы?	е	0	В те го́ды-ти?	ы	0
	и	–2		и	–10
	е	–2	Ходи́ли уж?	о	–6
	и	–3		и	–10
	ы	–9		и	–7
В те го́ды-ти?	е	–3		у	–6
	о	–2			

Другим из исследуемых в данной работе параметров являлась интенсивность.

В ответах на вопрос максимум интенсивности реализуется в соответствии с двумя моделями. В одной из них пик интенсивности совпадает с интонационным центром (табл. 5), в другой – с абсолютным концом синтагмы (табл. 6).

Движение интенсивности в вопросительных предложениях с вопросительным словом можно было бы представить в виде кривой с двумя локальными максимумами, при этом абсолютным является максимум,

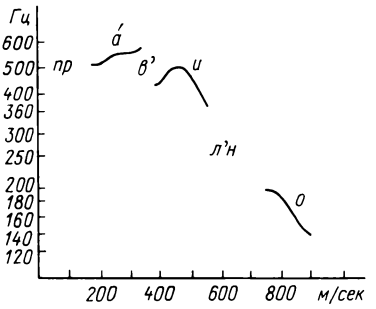

Рис. 1. Пра́вильно?

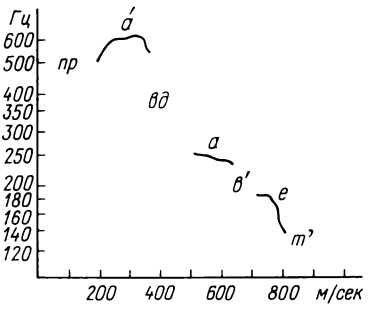

Рис. 2. Пра́вда ведь?

соответствующий вопросительному слову. Второй пик интенсивности приходится на слово – носитель интонационного центра вопроса (табл. 7).

Акцентная кривая в вопросе без вопросительного слова представлена разнообразными показателями и не имеет четко выраженного положения максимума интенсивности. В части рассмотренных примеров пик интенсивности совпадает с гласным интонационного центра (табл. 8), в других случаях максимум интенсивности смещается на 1-й предударный или 1-й заударный слоги (табл. 9). Если же в вопросе без вопросительного слова имеется частица *ли* [л'е] то, при большей или меньшей акцентной выделенности гласного интонационного центра, абсолютный максимум интенсивности приходится на частицу (табл. 10).

Исследованные примеры не дают, по-видимому, возможности выявить определенной зависимости между расмотренными параметрами (дли-

Таблица 10

Фраза	Звуки	Интенсивность	Фраза	Звуки	Интенсивность
Быва́ют ли [л'е]?	ы	–12	Справля́ете ли?	а	–8
	а	–5	[л'е]	а	–10
	у	–7		е	–4
	е	–5		е	0
				е	0

Таблица 11

Фраза	Звуки	Длительность	Интенсивность	Фраза	Звуки	Длительность	Интенсивность
Правильно?	а	85	–4	Правда	а	80	–5
	и	100	–5	ведь?	а	60	–3
	о	75	–4		е	60	–2

тельностью и интенсивностью). Одинаковой интенсивности (даже в пределах одной синтагмы) соответствовали различные длительности (иногда отличавшиеся в несколько раз) и наоборот.

Следует отметить, что в некоторых случаях наблюдалась тенденция к выравниванию значений длительности и интенсивности на протяжении всей фразы, если при этом как третий компонент сложной зависимости присутствует резкое изменение движения основного тона. В частности для фраз *Правильно*? и *Правда ведь*?, в которых наблюдается резкое падение основного тона (рис. 1, 2), характерно относительно небольшое изменение интенсивности звуков по ходу фразы, при этом относительная длительность гласных также мало изменялась и колебалась около некоторого среднего значения (табл. 11).

Таким образом, использованные примеры позволяют говорить о независимости таких интонационных параметров, как длительность и интенсивность. Окончательный вывод требует, по-видимому, привлечения более обширного материала и более глубокого сравнения данных параметров с другими суперсегментными средствами выражения (в частности, с мелодикой).

Н.Л. Голубева

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ УСЕЧЕННОЙ ЗВАТЕЛЬНОЙ ФОРМЫ В РУССКИХ ГОВОРАХ

Задачей статьи является введение в научный оборот материала ДАРЯ, относящегося к так называемой усеченной звательной форме (типа *мам*! *Вань*!); этот материал рассмотрен здесь в свете существующих гипотез о происхождении усеченной звательной формы (далее – зв. форма).

Вопрос о пути возникновения употребляющихся в русских говорах усеченных звательных форм не раз затрагивался лингвистами[1]. А.А. Шахматов, П.С. Кузнецов склоняются к мнению, что эти формы возникли фонетическим путем: в функции звательного падежа издавна употреблялся именительный падеж; в связи с особой интонацией, с которой произносится обращение, и, вследствие этого, сильным ударением, падающим на зв. форму, произошла редукция безударного флективного гласного *-а*; полученная форма стала осмысляться как особая звательная.

Другую точку зрения представляют С.П. Обнорский и – вслед за

[1] См.: *Шахматов А.А.* Историческая морфология русского языка. М., 1957, с. 348; *Обнорский С.П.* Die Form des Vokativs im Russische. – Zeitschrieft für slavische Philologie, Bd. 4. H. 1–2. 1927, с. 102–115; *Кузнецов П.С.* Историческая грамматика русского языка. Морфология. Изд-во МГУ, 1953, с. 123; *Николаева Т.М.* К вопросу о происхождении новообразований типа *Алеш, Паш, Маш.* – В кн.: Казанский государственный университет: Сборник аспирантских работ (Гуманитарные науки. Филология). Казань, 1971, с. 50–56; *Чумакова О.М.* Звательный падеж в русских диалектах. – Учен. зап. Каршинского пед. ин. Ташкент, 1964.

С.П. Обнорским – казанский исследователь Т.М. Николаева, считающие, что причины возникновения усеченных звательных форм были морфологические. С.П. Обнорский не отрицал влияния указанных фонетических условий, однако считал их не главными, а только облегчающими распространение усеченной зв. формы[2]. С точки зрения С.П. Обнорского, этот путь мог быть следующим. После падения редуцированных им. падеж существительных в склонении на *ŏ стал сильно отличаться по звуковому составу от зв. падежа (ср.: *сы́н–сы́не*), в то время, как им. и зв. падежи всегда обнаруживали близость. Редукция флективного гласного в зв. падеже явилась способом вновь сблизить разошедшиеся формы. По аналогии произошло отпадение флективного гласного в зв. падеже существительных склонения на **ā*. Кроме того, говорит С.П. Обнорский, в языке[3] издавна существовала тенденция употреблять в зв. падеже чистую основу существительного: ведь зв. падеж не является членом предложения, поэтому может не иметь флексии, которая выражет отношения между членами предложения. (Впрочем, как считают А.А. Шахматов и П.С. Кузнецов, можно предполагать, что и эта древняя тенденция сама по себе появилась в языке не без влияния фонетических условий[4].)

Т.М. Николаевой предпринята попытка доказать на историческом материале высказанное С.П. Обнорским предположение. Она обращает внимание на многочисленные параллельные образования на *-ка* и *-ко* в памятниках Древней Руси: *Ва́ско* и *Ва́ська, Фе́дко* и *Фе́дька* и др. Т.М. Николаева говорит, что призводящими основами для них послужили дублеты собственных имен: *Ва́съ* и *Ва́ся, Фе́дъ* и *Фе́дя*[5]. Одним из доказательств существования такого параллелизма является, по мнению Николаевой, четкая соотнесенность притяжательных прилагательных с определенным типом именных основ: *ва́сковых,* но *ва́синых* и т.п.[6] Как считает Николаева, степень близости им. и зв. падежей, их взаимодействие способствовали тому, что вместо утраченной формы им. падежа на *-шъ* появилась зв. форма типа *Але́ш, Па́ш, Ма́ш,* которая до сих пор весьма употребительна. Названные вокативные образования есть не что иное, как утраченные номинативы. Итак, в образовании новых вокативов *Але́ш, Па́ш, Ма́ш* основную роль сыграли причины не фонетического, а морфологического характера[7]. Что же касается существительных жен. рода склоне-

---

[2] *Обнорский С.П.* Указ. соч., с. 110.

[3] С.П. Обнорский не приводит примеров; по всей вероятности, он имеет в виду общеиндоевропейский язык-основу (ср. цитату из книги П.С. Кузнецова в следующей сноске).

[4] "Рассматривая соответствующие формы [зв. формы современных русских говоров – *Ко́ль! Ка́ть!* и под. – *Н.Г.*], существенно обратить внимание на интонационные условия, в которых они возникают. Эти условия в какой-то мере напоминают те, в которых возникли старые зв. формы еще в общеиндоевропейском языке–основе. Там также в результате усиления предшествующего слога наблюдалось ослабление конечного гласного" (см.: *Кузнецов П.С.*: Указ. соч.; см. также указанную работу А.А. Шахматова, где он говорит о новообразованиях типа Маш!: "Возможно, что мы имеем дело не с древней формой зв. падежа, утратившего свое окончение, а с формой им. падежа, употребленного в значении звательного".

[5] *Николаева Т.М.* Указ. соч., с. 51.

[6] Там же, с 53.

[7] Там же, с. 54.

ния на *ā, являющихся самой многочисленной группой существительных, от которой образуются усеченные зв. формы в русских говорах (и разговорной речи современного русского литературного языка), то этой форме Обнорский не уделяет особого внимания, а в указанной статье Николаевой она не рассматривается.

Аргументом против предположения о фонетическом пути возникновения зв. формы типа *Ма́ш*!, по С.П. Обнорскому, является тот факт, что подобные формы есть не только в южнорусских говорах, которым свойственна редукция безударных гласных, но и в севернорусских говорах, которым такая редукция не свойственна[8]. Однако при оценке этого аргумента важно иметь в виду, что статья С.П. Обнорского опубликована более 50 лет назад[9] и отражает существовавший в то время уровень накопления сведений о русских говорах (Обнорский пользовался материалами МДК и монографическими описаниями говоров).

Материалы ДАРЯ по усеченной зв. форме значительно превосходят по количеству материалы, использованные С.П. Обнорским[10], и благодаря своей массовости вносят новые факты в представления о происхождении усеченной зв. формы – содержат аргументы в пользу гипотезы о фонетическом происхождении этой формы. Эти материалы представляют интерес и сами по себе, безотносительно к вопросу о происхождении усеченной зв. формы. Перейдем к их рассмотрению.

Усеченная зв. форма типа *ма́м*! *Ва́нь*! является одной из возможных в русских говорах[11] зв. форм от существительных I склонения и содержится в ответах на вопрос 79 "Программы собирания сведений для составления Диалектологического атласа русского языка" (М.; Л., 1947): "Не употребляется ли при обращении особая звательная форма?.. *ма́ма*!.. *сестри́ца*!.. *Маруся*!.. или *ма́мо*!.. *сестри́це*!.. *Марусю*!.." (эти ответы хранятся в архиве сектора диалектологии ИРЯ АН СССР). Хотя вопрос Программы не предусматривает усеченной зв. формы, в ответах приводится достаточно большой и разнообразный материал по этой форме.

Как известно, усечения зв. форма образуется от существительных I склонения (исторически склонения на *ā). При этом важно сказать, что указанная форма образуется только от существительных с безударным окончанием в им. падеже ед. числа, ни одной усеченной зв. формы от существительных с ударенным окончанием в им. падеже ед. числа (к ним

---

[8] См.: *Обнорский С.П.* Указ. соч., с. 30. Т.М. Николаева не приводит новых диалектных данных, опираясь на вывод С.П. Обнорского.

[9] При этом статья до сих пор является, вероятно, самой крупной работой о зв. форме в русском языке, в том числе в его диалектах, и по приведенному метериалу, и по постановке проблем.

[10] В статье С.П. Обнорского приводится 202 примера из 40 нас. п., расположенных на территории, превосходящей территорию ДАРЯ в направлениях на север, восток и юг; ср. с материалами ДАРЯ: около 2 тыс. – всего их в Атласе 4 270, – в каждом из которых отмечено от 1-го до 10 примеров усеченной зв. формы.

[11] На всей территории русских говоров в зв. функции употребляется форма им. падежа существительных I склонения *ма́ма*! *Ва́ня*! и т.п. Эти формы не рассматриваются в статье и не картографировались. Что касается других диалектных зв. форм от существительных I, а также (единично) других типов склонения (например, *ма́мо*! *ма́му*! *ма́моу*! *ма́май*! *Ива́ну*!), то эти зв. формы частично освещены в названной статье О.М. Чумаковой.

относятся – из тех, которые могут выступать в функции обращения к лицу – кажется, только *жена́* и *сестра́*) в материалах ДАРЯ не отмечено, что также является аргументом в пользу фонетического происхождения этой формы.

С точки зрения лексического наполнения материал делится на 2 части: 1) усеченные зв. формы от нарицательных существительных (*ма́ма, ба́ба, ба́бушка, па́па, дя́дя, тётя, ба́тюшка, ма́тушка, тётушка, дя́дюшка, неве́стка, сосе́дка, сестри́ца, вну́чка, де́тонька, душа́, ду́шенька* – примеры расположены в порядке убывания их частотности в материалах), которые обозначают лиц и/или могут выступать в функции обращения к лицу; 2) усеченные зв. формы от неофициального и фамильярного вариантов имени лица (*Ва́ня, Са́ша, Пе́тя* и др., *Ва́нька, Са́шка, Пе́тька* и др.; *Ма́ня, Ма́ша, Ка́тя, На́стя* и др., *Ма́нька, Ма́шка, Ка́тька, На́стька* и др.).

Лингвисты, предполагавшие, что причины возникновения усеченной зв. формы носят фонетический характер, подразумевали под этими причинами редукцию конечного гласного существительных – флексии им. падежа. Подтверждающие это факты материалов ДАРЯ сводятся к следующему. Усеченная зв. форма распространена на территории южнорусских и среднерусских говоров с их фонетической системой консонантного типа, характеризующейся редукцией безударных гласных, в том числе редукцией их до нуля, и почти не встречается на территории севернорусских говоров с их вокалической фонетической системой и очень незначительной редукцией гласных (см. карту к данной статье на вкл.)[12]. На первый взгляд, вышесказанное противоречит данным С.П. Обнорского, который писал, что усеченная зв. форма встречается как в южнорусских, так и в севернорусских говорах[13]; более подробное рассмотрение материала ДАРЯ снимает это противоречие.

На карте видно, что граница, разделяющая территории значительного и незначительного распространения усеченной зв. формы, совпадает с границей, отделяющей северное наречие от среднерусских говоров и южного наречия, исключая, однако, Костромскую группу северного наречия, где усеченная зв. форма достаточно распространена[14]. Здесь следует учесть,

---

[12] О противопоставлении названных говоров по признаку вокальность–консонантность, в том числе о характере редукции гласных см.: *Бромлей С.В.* Различия в степени вокализованности сонорных и их роль в противопоставлении центральных и периферийных говоров. – В кн.: Диалектография русского языка. М., 1983; *Пауфошима Р.Ф.* Фонетика слова и фразы в севернорусских говорах. М., 1983, с. 54–55. При оценке такого факта, как наличие некоторого количества усеченных зв. форм в севернорусских говорах (а также, вероятно, при рассмотрении других вопросов, связанных с различными зв. формами – см. далее) важно учитывать не только такие общесистемные тенденции, как консонантность или вокальность, но и, как пишут исследователи, особенности, свойственные призывной функции языка (эту функцию выполняет, в частности, зв. форма) в плане формальных средств выражения: имея целью вызвать немедленную реакцию слушателя, "состав призывных средств в ряде языков является прямым нарушением законов, господствующих в других языковых планах того же языка" (см.: Recuel linguistique de Bratislava, 1948).

[13] Ср. соотношение примеров в материалах С.П. Обнорского: 202 и 40.

[14] В данной статье используется классификация русских говоров, изложенная в книге К.Ф. Захаровой и В.Г. Орловой "Диалектное членение русского языка" (М., 1970). С.П. Обнорский исходил, по всей вероятности, из классификации русских говоров, представленной на карте МДК (см. вкладку к указанной монографии

что Костромская группа говоров относится не к северной зоне (как другие группы северного наречия), а к центральной; при этом одним из признаков, противопоставляющих говоры центральной и периферийной зон является признак вокальности–консонантности (центральные говоры, как известно, характеризуются консонантностью, периферийные, к которым относится северное наречие, – вокальностью – см. названную статью С.В. Бромлей). В связи с вышесказанным, распространенность усеченной зв. формы в Костромской группе северного наречия, как кажется, не опровергает вывода о соотнесенности этой формы с говорами, характеризующимися консонантным типом фонетической системы.

Помимо характера распространения усеченной зв. формы, о принадлежности ее говорам с консонантным типом фонетической системы говорят и другие факты. Рассмотрим их.

В имеющемся материале не обнаружено расхождений в образовании и распространении усеченных зв. форм у существительных, различающихся твердостью–мягкостью согласного в исходе основы, поэтому различие по данному признаку не учитывалось при картографировании материала, однако учтена другая черта исхода основы, оказавшаяся значимой: наличие или отсутствие в исходе основы стечения согласных. Стечение согласных присутствует, за немногими исключениями, в фамильярном варианте имени лица – обращения типа *ма́мк*! *Ва́ньк*! (но также и *На́сть*! *невéск*!, *дéдушк*! *бáбушк*! *дя́деньк* – в ограниченном круге слов, не являющихся фамильярным вариантом имени лица) – когда образуются словоформы, оканчивающиеся на двучленное сочетание согласных, последний из которых – глухой смычный, что делает сочетание согласных в данной позиции еще менее удобопроизносимым. Словоформы типа *Ва́нь*! *ма́м*! имеют более широкую территорию распространения, а также бóльшую частотность, чем словоформы типа *Ва́ньк*! *ма́мк*! Следует обратить внимание, на то, что в севернорусских говорах отмечаются только более удобопроизносимые словоформы типа *Ва́нь*! *ма́м*!, в южнорусских и среднерусских – как более удобопроизносимые, так и менее удобопроизносимые словоформы типа *Ва́ньк*! *ма́мк*! (см. карту).

В материалах южнорусских и среднерусских говоров встречаются усеченные зв. формы, в которых отпадает не только флективный гласный (как в формах типа *па́п*! *ма́м*! *Ва́ньк*! *ма́мк*!), но и конечный согласный основы: *ма́*! *па́*! *ма́туш*! *ба́буш*! *ба́тюш*!; реже – *ма́муш*! *ма́м*[ън']! *тёте*[н']! *невéс*! *до́че*[н']! *ба́те*[н']!; единично – *до́чуш*! *жéнуш*! *дéтуш*! (к ребенку), *вну́ч*! *тётуш*! *сусéт*! (к женщине, соседке), *На́де*[ж]! *Ка́те*[н']! *Праско́*[ф']! *Авдо́*[т']! *Ната́*[л']! *Ии*[л']! (к *Ильé*), *Ма*[р']! (к

К.Ф. Захаровой и В.Г. Орловой). Территория севернорусских говоров, по классификации МДК, шире, чем по классификации Захаровой – Орловой: в нее включаются Новгородская и Владимиро-Поволжская группы говоров, относимые Захаровой и Орловой к среднерусским говорам. Таким образом, контрастность противопоставления севернорусских и южнорусских говоров с точки зрения распространения в них усеченной зв. формы, хорошо видная на прилагаемой к данной статье карте, для С.П. Обнорского выглядела не столь очевидно и ярко, вероятно, отчасти в связи с используемой им менее детализированной классификацией говоров, отчасти в связи с диалектным материалом, которым он располагал, – небольшим с современной точки зрения (хотя и исчерпывающим для его времени).

Ма́рье), *А́нич*! *Ма́нюш*!; а также *ма́*! *ба́*! *па́*!, реже – *дя́*! *тё*![15]. Если же причина отпадения согласного у существительных со стечением согласных в конце – скорее всего, упрощение неудобопроизносимого сочетания (*ма́тушк* → *ма́туш*), – то причина возникновения форм типа *ма́*! – вероятно, общая тенденция к усечению в зв. форме. На территории севернорусских говоров (исключая их Костромскую группу) указанные выше формы не отмечены (см. карту).

Распространение усеченной зв. формы на территории южнорусских и среднерусских говоров характеризуется неоднородностью: на западе и юго-западе этой территории выделяется полоса говоров, вытянутая в направлении с севера на юг, где эта форма наиболее распространена (Донская, Курско-Орловская, межзональная группа говоров южнорусского наречия). Будем в дальнейшем называть эту территорию эпицентром распространения усеченной зв. формы. Территория эпицентра выделяется на основании нижеследующих фактов.

В то время, как на всей территории южнорусских и среднерусских говоров отмечены формы с отпадением флективного гласного *-а*, в эпицентре ее распространения находится еще и большая часть форм с отпадением флективного гласного и конечного согласного основы (формы типа *ма́*! *ба́*! *ма́туш*! *ба́тюш*! *ба́буш*! и др. – см. карту). Перечисленные варианты усеченных зв. форм, будучи лексически ограниченными на территории южнорусских и средне русских говоров, в эпицентре распространения явления обнаруживают тенденцию к меньшей лексической ограниченности, ср.: подавляющее большинство редких и единичных образований типа *дя*! *тё*! *невёс*! *мам* [ън']! и др. – отмечены на территории эпицентра.

Фактом, говорящим в пользу того, что запад и юго-запад ДАРЯ является эпицентром распространения усеченной зв. формы, является характер распространения вариантов этой формы, образованных от основ, оканчивающихся на парные по глухости–звонкости согласные; такие формы встречаются в материалах южнорусских и среднерусских говоров: *Ли*[*с*]! и *Ли́*[*з*]!, *дя́*[*т'*]! и *дя́*[*д'*]!, *Серё*[*ш*]! и *Серё*[*ж*]! (в севернорусских говорах примеры усеченной зв. формы не только малочисленны, но и однообразны с точки зрения лексической (это чаще всего словоформа *ма́м*!), вероятно, поэтому здесь не отмечено усеченных зв. форм образованных от основ на звонкий согласный – такие формы редки в речи).

Прежде чем говорить о распространении усеченных зв. форм такого типа в говорах, приведем оценку этих вариантов А.А. Реформатским и С.С. Высотским (авторы не указывают на каком материале они делают свои наблюдения и выводы; вероятно, речь идет о разговорной форме русского литературного языка, в которой усеченные зв. формы также есть)[16]. Реформатский и Высотский считают вариант зв. формы *На*[*д'*]!

---

[15] В материалах нескольких нас. п. есть замечания о том, что формы типа *ма́*! *па́*! не являются принадлежностью только детской речи, а распространены у носителей говора разного возраста.

[16] См.: *Реформатский А.А.* Введение в языкознание. М., 1967, с. 299 (сноска); *Он же.* О лингвистических нулях. – В кн.: Реформатский А.А. Очерки фонетики, морфологии и морфонологии. 1980. Мнение С.С. Высотского изложено в указанной статье А.А. Реформатского.

Серё[ж]! (со звонким неоглушенным согласным в конце слова) чисто фонетическим явлением, фактом речи. Что же касается оценки варианта с оглушением конечного согласного основы (*Серё[ш]*! *На[т']*!), то здесь мнения лингвистов разошлись: если Реформатский считает зв. формы типа *На́[т']*! *Серё[ш]*! невозможными, то Высотский признает существование таких форм и считает их фактом уже не речи, а языка[17]. Таким образом, по мнению Высотского, в языке одновременно сосуществуют варианты типа *Серё[ж]*! *На́[д']*! *у́[ж]* (*уже́*) и варианты типа *Серё[ш]*! *На́[т']*! *у́[ш]* (*у́ж*); при этом примеры первой группы являются фактом речи, фонетики (а именно: результатом сильной редукции гласного: *Серёжа* → *Серё[ж]*! *На́дя* → *На́[д']*![18]). Вторая группа примеров типа *На́[т']*! представляет собой ставшие фактом языка варианты усеченной зв. формы, а значит, представляющие собой уже морфологический факт, грамматикализацию, имеющую под собой фонетическую подоплеку, не что иное, как сильную редукцию гласного.

Может возникнуть следующий вопрос. Поскольку диалектный материал по усеченной зв. форме, используемый С.П. Обнорским, собран приблизительно на 50 лет раньше, чем материал ДАРЯ, не могло ли за это время явление усеченной зв. формы прогрессировать, тем более, что такая форма есть и в разговорной речи современного русского литературного языка. Если это так, то за 50 лет картина распространения указанной формы могла измениться в сторону увеличиния частотности этих форм в говорах (прежде всего, южнорусских, судя по соотношению юга и севера в материалах С.П. Обнорского и материалах ДАРЯ). Однако яркие территориальные различия в распространении усеченной зв. формы в материалах ДАРЯ и отсутствие этих различий в материалах, используемых С.П. Обнорским, связаны, на наш взгляд, не с указанными изменениями (указанные изменения могли иметь место, но не являются, по всей вероятности, главной причиной), а с большей регулярностью, более частой сеткой нас. п. при обследовании в материалах ДАРЯ. Такому выводу не противоречат и материалы Общеславянского лингвистического атласа (ОЛА), собранные на территории РСФСР: они не отражают дальнейшего расширения территории усеченной зв. формы, хотя относятся к периоду на 30 лет более позднему, чем материалы ДАРЯ. Что касается зв. формы, то она для территории РСФСР в ОЛА обследована по редкой

---

[17] «...здесь конца слова фонетически нет (здесь апострофирован флективный гласный). По-моему, "внешне" это как раз нарушает закон добросовестного и автоматического оглушения звонкого согласного в слабом положении. Наверно – это элемент речи, а не языка. В языке безусловно отстоялись нормальные словоформы типа *На́[т']*! *Серё[ш]*!..», пишет С.С. Высотский (см.: *Реформатский А.А.* Указ. соч., с. 52).

[18] Как следует из работ, посвященных сильной редукции гласных в разговорном варианте литературного языка, такая редукция может иметь несколько стадий сокращения, и на определенной ее стадии гласного как такового нет, но "следы" этого гласного проявляются в особенностях реализации окружавших его согласных. Вероятно, отмеченное неоглушение согласного можно отнести к одним из таких особенностей реализации (см.: *Кодзасов С.В.* Фонетический эллипсис в русской разговорной речи. – В кн.: Теоретические и экспериментальные исследования в области структурной и прикладной лингвистики. Изд-во МГУ, 1973; Развитие фонетики современного русского языка. М., 1977) : см. также сноску 12 данной статьи.

сетке (80 нас. п. из 318 на территории, которая шире территории ДАРЯ в направлении на север и уже в восточном направлении; материалы хранятся в архиве сектора истории языка и диалектологии ИРЯ АН СССР). Картина распространения усеченной зв. формы по этим материалам, вобщем совпадает с соответствующей картиной по материалам ДАРЯ, но граница территории распространения и нераспространения усеченной зв. формы по материалам ОЛА не столь яркая, что связано, на наш взгляд, опять же с меньшей регулярностью материалов ОЛА на территории русских говоров по сравнению с материалами ДАРЯ.

Обратимся к материалу Атласа: усеченные зв. формы с оглушением конечного согласного основы чаще встречаются на территории запада и юго-запада ДАРЯ (эпицентра распространения явления), большая часть зв. форм с неоглушением согласного на конце – на остальной территории южнорусских и среднерусских говоров. Основываясь на оценке С.С. Высотским этих форм, можно сделать вывод, что на территории запада и юго-запада ДАРЯ усеченная зв. форма в большей мере стала и становится фактом морфологии, чем на остальной территории.

К фактам, подтверждающим выделение запада и юго-запада территории ДАРЯ как эпицентра распространения усеченной зв. формы, следует отнести и большую относительную частотность этих форм в материалах говоров этой территории (последнее могла бы показать статистическая карта).

Итак, данные ДАРЯ о распространении усеченной зв. формы, подтверждающие гипотезу о фонетическом происхождении этой формы, сводятся к следующему. С точки зрения распространения этой формы, на территории русских говоров, представленной в ДАРЯ, выделяются две части: территория северного наречия (исключая Костромскую группу) – здесь указанная форма отмечается редко; территория южного наречия и среднерусских говоров, а также территория Костромской группы говоров – здесь усеченная зв. форма отмечается почти повсеместно[19], при этом является менее лексически ограниченной, а также менее ограниченной с точки зрения типов основ существительных, от которых она образована, и типов усечения. Территория значительного распространения усеченной зв. формы в свою очередь не является вполне однородной, здесь выделяется территория наибольшего распространения этой формы.

Итак, усеченная зв. форма почти повсеместно распространена в говорах консонантного типа и редко отмечается в говорах вокального типа, – то есть нельзя отрицать роль фонетического фактора в возникновении усеченной зв. формы.

С другой стороны, приведем парадоксальный, на первый взгляд, факт. На востоке и юго-востоке ДАРЯ находятся говоры, для фонетических систем которых характерна сильная редукция безударных гласных, доходящая нередко до полного исчезновения гласного (редукция до нуля, эл-

---

[19] По всей вероятности, за счет того, что усеченная зв. форма не предусмотрена Программой, в материалах ДАРЯ распространенность и частотность этой формы преуменьшена – как на севере, так и на юге.В севернорусские говоры усеченная зв. форма может проникать вследствие влияния разговорного варианта литературного языка (см. карту: те немногие усеченные зв. формы, которые отмечены на территории северного наречия, встречаются зачастую вблизи городов, например, Вологды, Тихвина, Череповца).

липсис гласных)[20]. Не является ли редукция безударных гласных до нуля причиной возникновения усеченной зв. формы? Материалы ДАРЯ говорят о том, что эти явления не связаны между собой: одно из них наиболее распространено на западе и юго-западе, другое – на востоке и юго-востоке.

Объяснение этого факта не входит в задачу данной статьи. Выскажем лишь предположение: не связано ли это несовпадение аналогичных на первый взгляд явлений с таким фактором, как особая фонетика призывных средств языка? Цель призывных средств – "вызвать немедленную реакцию слушателя", и поэтому фонетика призывных средств особая, часто непривычная для носителей данной фонетической системы, в известном смысле противостоящая данной фонетической системе[21]. Таким образом, в говорах, где редукция гласных до нуля отмечается лишь спорадически и является не столь привычным фактом, более распространена зв. форма с усечением конечного гласного, а в говорах, в которых сильная редукция гласных является фактом системы, усеченная зв. форма менее распространена (рис. 1).

Интересно, что преимущественно на востоке и юго-востоке территории ДАРЯ отмечаются зв. формы с продлением гласного основы и/или окончания: *ма́ма*! *мамо́*! *ма́му*! *мамо́ю*! и т.п. (рис. 2 и карта). Возникает сомнение: не появляются ли подобные формы в ситуации, когда зовут на расстоянии, когда необходимо крикнуть громко? Действительно, в материалах некоторых нас.п. есть именно такие замечания собирателей. Но если зв. формы с долгим гласным (основы и/или окончания) являются исключительной принадлежностью ситуации зова на расстоянии, их распространение на территории русских говоров должно быть относительно равномерным. Материалы же ДАРЯ показывают, что зв. формы с долгим гласным более распространены на востоке и юго-востоке (см. рис. 2).

С.П. Обнорский говорил о двух противоположных тенденциях в образовании звательных форм, издавна свойственных языку: тенденции к усечению флективного гласного и к его продлению. Как видим, эти две тенденции представлены в русских говорах, однако они воплотились здесь с неодинаковой последовательностью; если территория распространения зв. формы с отпадением флективного гласного видна с достаточной определенностью, то в отношении распространения зв. форм с продлением флективного гласного, вероятно, точнее будет говорить о территории, на которой обнаруживается лишь тенденция к большему распространению последних (хотя есть и компактные "островки" ее распространения). Но с учетом такой оговорки русские говоры в известном смысле можно противопоставить с точки зрения воплощения двух названных тенденций. Причем, в этом противопоставлении не участвует северная зона русских говоров – здесь больше сохранились старые зв. формы: *ма́мо*!, а на востоке этой зоны часты также и зв. формы с продлением гласного окончания (см. карту и рис. 2, *3*).

---

[20] См. карту 32 вып. I ДАРЯ "Фонетика" – "Редукция безударных гласных до нуля", а также комментарий к этой карте.

[21] См. работу, упомянутую в сноске 12 данной статьи. На связь нашего материала с описанными в этой работе закономерностями указала Е.В. Красильникова, автор благодарит ее за консультацию.

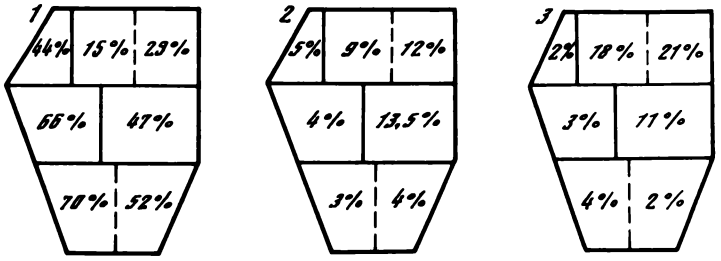

Рис. 1–3. Распространение звательных форм на территории ДАРЯ.

Многоугольник является схематическим изображением территории ДАРЯ; членение многоугольника соответствует членению территории ДАРЯ на регионы (тома и полутома: северо-западный, северный – разделен на 2 полутома, западный, восточный и южный – разделен на 2 полутома), цифры – выраженное в процентах относительное количество нас. п. данного тома (полутома), в которых встречается звательная форма того или другого типа; *1* – усеченная звательная форма; *2* – звательная форма с продлением гласного основы и/или окончания; *3* – звательные формы на *-о, -у*

Думается, что материал ДАРЯ расширяет представление об усеченной зв. форме и позволяет более конкретно и детализированно поставить вопрос о ее происхождении.

В статье и на карте отражен не весь материал ДАРЯ по зв. форме, а лишь его часть (хотя эта часть и является бóльшей) – зв. форма от сущ. I скл. Рассмотрена прежде всего усеченная зв. форма, а разновидности старой зв. формы показаны на карте как фон. Не описано лексическое наполнение зв. формы от сущ. I скл., в том числе и усеченной (материал ДАРЯ по зв. форме от сущ. I скл. лексически разнообразен и количественно богат).

Отметим, что в Программе предусмотрена зв. форма и от сущ. II скл. (муж. рода); эта часть материала ДАРЯ количественно меньше и лексически однообразнее, чем материал по I скл. (в ответах, как правило, повторяются примеры Программы). Интересно, что старой зв. формы от сущ. II скл. не отмечено, в функции обращения употребляется форма Им. падежа этих сущ.: *Ива́н! сы́н! сыно́к! бра́т! дру́г! де́д! стари́к! пасту́х! Его́р! каза́к!*

Как известно, в части говоров, прежде всего в севернорусских, для называния лиц мужского пола употребляются некоторые сущ. и ср. рода – *де́душко, ба́тюшко* (см.: Теплова В.Н. Склонение существительных мужского рода с суф. *-ушк-, -ишк-* в говорах русского языка. – Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1980. М., 1982). Эти словоформы на *-ушко* отмечены по материалам ДАРЯ и в функции обращения: *де́душко! ба́тюшко!* реже – *сы́нушко! зя́тюшко! сва́тушко!* Согласно материалам ДАРЯ, в севернорусских говорах чаще, чем в среднерусских и южнорусских, в функции обращения у сущ. I скл. употребляется форма имени с уменьшительно-ласкательным суф.: *Ни́нушка! Тóнюшка! Га́ленька! Ва́сенька!* и др.; в некоторых ответах встречаются и словоформы с окончанием *-о: Та́нюшко! ба́бушко! лю́бушко! сва́тьюшко!*; как видно из карты, на этой же территории отмечается и старая зв. форма на -о: *ма́мо*! Думается, что факт употребления в одних и тех же говорах словоформ типа *ба́тюшко, ба́бушко! ма́мо!* существен для вопроса о взаимодействии существительных разных типов склонений.

Л.Н. Булатова

ФОРМЫ ПРЕДЛОЖНОГО ПАДЕЖА С ОКОНЧАНИЕМ *-у* В РАЗЛИЧНЫХ ДИАЛЕКТНЫХ СИСТЕМАХ СКЛОНЕНИЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Вопросы, связанные с темой данной статьи, уже рассматривались автором[1]. Повторное обращение к этой теме вызвано тем, что с завершением морфологического выпуска Диалектологического атласа русского языка[2] появился новый материал, дающий возможность автору заново оценить свои прежние выводы и высказывания других исследователей.

Во многих работах по диалектологии и по истории русского языка отмечается более широкое распространение окончания *-у* в предложном падеже в современных русских говорах по сравнению с литературным языком. При этом редко дифференцируются совершенно различные направления "расширенного" употребления окончания *-у* в говорах.

Как известно, термин "предложный падеж" объединяет два разных падежа литературного языка: изъяснительный (предложный I) и местный (предложный II), которые противопоставлены друг другу только в ограниченном круге существительных II и III типов склонения.

Существительные II типа склонения, у которых в литетарутрном языке различаются формы двух предложений падежей, обладают следующими признаками: все они относятся к неодушевленным существительным мужского рода и, как правило, имеют односложную основу [3] и подвижное ударение[4]. Показателем предложного II (местного) падежа является окончание *-у* и ударение на окончании в отличие от предложного I (например, *в лесу́* и *о ле́се, на ветру́* и *при ве́тре*).

Во многих говорах круг существительных, у которых противопоставляются формы предложного I и предложного II падежа более широк, чем в литературном языке. Он шире прежде всего за счет других лексем с теми же формальными и морфонологическими признаками. Так, например, в разных говорах окончание *-у́* отмечается в местном падеже у существительных *баз, бак, бук, болт, брод, брус, бут, воск, враг* 'овраг', *гипс, груд, грунт, жир, зуб, квас, клен, корм, кран* (*крант*), *кряж, куб, лан, лов, лом, луб, лук, март, май, найм, план* (плант), *плат, плуг, рей, рис,*

---

[1] См.: *Бромлей С.В., Булатова Л.Н.* Очерки морфологии русских говоров. М., 1972.

[2] Диалектологический атлас русского языка (Центр. Европейской части СССР)/ Под ред. Р.И. Аванесова и С.В. Бромлей. Вып. II. Морфология. Рукопись хранится в Институте русского языка АН СССР (Содержание выпуска раскрывается в ст. С.В. Бромлей "О морфологическом выпуске Диалектологического атласа русского языка". – В кн.: Русские народные говоры. Лингвогеографические исследования. М., Наука, 1983, с. 3–24).

[3] Особая форма предложного II у существительных с неодносложной основой не в составе фразеологизмов употребляется лишь у единичных слов. В качестве безусловно нормативной она признается лишь у существительных *аэропорт, берег, ветер, отпуск* (*в отпуску́* наряду с *в о́тпуске*).

[4] Из существительных с постоянным ударением на окончании особую форму в предложном II падеже имеют только единичные слова с уменьшительным суф. *-ок* (бочок и некоторые другие), а также некоторые односложные словоформы с вынужденным местом ударения: *на льду, во льну, на лбу, во рву, во рту, во мху.*

рог, склад, склон, слой, смысл, сплав, срок, став, стан, сток, струб, стул, стяг, суп, сход, тес, торф, тын, фунт, хлам, хлеб, хлуд, хор, храм, чан, шлем, шум, у топонимов *Буй, Лух*[5]. Эта же форма отмечается в говорах и у слов сравнительно поздно (а частично только в советское время) пришедших в говоры из литературного языка (*в акту́, на зису́, в клубу́, на лифу́, на флоту́, на фронту́, на шарфу́, ф штату́*), что свидетельствует о ее продуктивности в данных говорах.

Кроме того, в говорах более свободно, чем в литературном языке, образуется форма предложного II на *-у́* от существительных с двухсложной основой, особенно если в ней есть беглый гласный (т.е. основа косвенных падежей является односложной) или полногласное сочетание. Так в разных говорах отмечены словоформы *на гребню́, на голбцу́* (им. *го́лбец*), *в дегтю́, на камню́* (и с сохранением в основе ⟨ е ⟩ – *на каменю́*), *в лаптю́, на локтю́, на пальцу́, на стеблю́, в улью́*; *в голоду́, в городу́, в холоду́.*

Известна форма на *-у́* и у некоторых существительных с двухсложной основой, не имеющих указанных выше признаков, например: *на острову́, в месяцу́, в кузову́, в клеверу́, в поезду́, на жернову́, в колосу́, на сахару́, на пеледу́, в проводу́, в осеку́, на волоку́, в щелоку́, в сапогу́, в поясу́, в грохоту́, в биseру́, в острогу́*[6].

Таким образом, если говорить о говорах в их совокупности, то особая форма предложного II падежа (с окончанием *-у*) имеет в них более широкую лексическую базу, чем в литературном языке, хотя в конкретных говорах очень различны и сам круг существительных, у которых возможна форма на *-у́* (он может быть и у́же, чем в литературном языке) и последовательность в употреблении этой формы.

Во многих говорах (но территориально более ограниченных) окончание *-у* выступает не только в предложном II, но и в качестве общего окончания обоих предложных падежей (насколько можно говорить о различии двух предложных падежей в таких говорах). Это окончание может употребляться как у неодушевленных, так и у одушевленных существительных муж. рода, а отчасти и у существительных среднего рода (например, *на старику́* и *при старику́, на концу́* и *при концу́, на станку́* и *при станку́, на детёнку* и *об детёнку, на сто́рожу* и *при сто́рожу, на сы́ну* и *об сы́ну, на молоку́* и *об молоку́, в го́рю* и *при го́рю, об го́рю*). Оно меньше ограничено количеством слогов и местом ударения основы: встречается как у существительных с ударными, так и безударными окончаниями (*на отцу́* и *при отцу́, на сы́ну* и *о сы́ну*), причем ударение в предложном падеже, как правило, соответствует ударению остальных косвенных падежей[7].

---

[5] Материал "Очерков русской морфологии" пополнен здесь и далее за счет подготовительных материалов и комментариев к картам ДАРЯ, составленных Е.Г. Буровой. При этом учитывались только те примеры, где не приходилось подозревать переход предложно-падежного сочетания в наречие.

[6] Некоторые из этих существительных были возможны в данной форме (наряду с формой на *-е*) и в литературном языке недавнего прошлого (см.: Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного в русском литературном языке XIX века. М.: Наука, 1964, с. 193–201).

[7] Подвижность ударения, как уже говорилось, обычно является признаком парадигмы, в которой различаются предложный I и предложный II. Но иногда она отмечается и в тех случаях, когда эти падежи не противопоставлены (ср. словоформы *об супу́, о лесу́, о дому́, о корню́*, изредка встречающиеся в материалах ДАРЯ).

Зато бóльшую роль в выборе окончания *-е* или *-у* в этих говорах приобретает согласный в исходе основы существительного. Наибольшее распространение окончание *-у* получает у существительных с основой на задненебный согласный (*на потолкý, на чердакý, о своякý, при помéщику, в ящику, на просёлку* и т.п.).

Такую закономерность можно также рассматривать как более широкое по сравнению с литературным языком употребление окончания *-у*. Но окончания эти в первом и во втором случае разные по своей функциональной нагрузке.

Не исключено, что в некоторых говорах возможна дифференциация предложного I и предложного II с обратным соотношением окончаний *-у* и *-е* (например, *при нарóду* и *в нарóде, о дворý* и *на дворé*). Столкнувшись с такими словоформами при изучении огорского говора (Калужская обл.), я сочла подобное соотношение окончаний случайным[8]. Теперь я в этом не уверена. В материалах ДАРЯ есть и другие примеры на такое же соотношение окончаний: например, *пр'и нóраду* и *у нóрад'ъ* (Ю̄.551), *пр'и калхóзу* и *ф калхóз'ъ* (Ю.655)[9]. К сожалению, материала по предложному I падежу (если речь идет не о названиях людей) всегда мало, особенно редко встречаются формы предложного I и предложного II от одних и тех же слов в материалах одного населенного пункта. Поэтому трудно сделать окончательный вывод. Но во всяком случае свою прежнюю трактовку этих примеров и общее утверждение, что при окончании -е (-ê) или -и в предложном II (по терминологии "Очерков", местном) то же окончание имеется и в предложном I (по терминологии "Очерков", предложном)[10], я считаю теперь слишком поспешными.

ДАРЯ позволяет уточнить территориальное распределение двух основных типов соотношения предложного I и предложного II падежей.

Первый тип (такой же, как в литературном языке) распространен повсеместно, но его мощность очень различна на разных территориях. Это отчетливо видно на карте "Употребительность окончания *-у* в предложном падеже единственного числа неодушевленных односложных существительных мужского рода типа *дом, бок*", составленной с применением статистического подсчета вариантов[11]. Карта показывает, что класс существительных с подвижным ударением, у которых прежде всего представлен первый тип употребления окончания *-у*, наиболее мощным является на северо-востоке и в центре и наименее мощным на юго-западе. В то же время второй тип парадигм (т.е. употребление окончания *-у* в предложном I и в предложном II при постоянном месте ударения), как известно, наиболее широко представлен именно в юго-западных говорах[12]. Таким образом, в тех говорах, где окончание *-у* в предложном падеже охватывает наиболее широкий круг существительных, одновременно у тех из них, где оконча-

---

[8] См.: *Бромлей С.В., Булатова Л.Н.* Указ. соч., с. 369.

[9] Следует также иметь в виду, что и в I типе склонения в некоторых говорах (в том числе и в огорском) форма предложного I совпадает с дательным и отличается (хотя бы факультативно или в части парадигм) от предложного II (см.: *Бромлей С.В., Булатова Л.Н.* Указ. соч., с. 48–51 и 361–363).

[10] См.: *Бромлей С.В., Булатова Л.Н.* Указ. соч., с. 77.

[11] ДАРЯ, вып. II, карта 14 (автор Е.Г. Бурова).

[12] См.: *Бромлей С.В., Булатова Л.Н.* Указ. соч., с. 77.

ние *-у* получило наиболее раннее и широкое распространение, эта форма встречается значительно реже. Видимо, окончание *-у* у одушевленных и у неодушевленных существительных с постоянным местом ударения появилось не под влиянием таких существительных, где оно отмечалось издавна, а каким-то другим путем (по-видимому, при воздействии тех типов склонения, в которых совпадают дательный и предложный или родительный, дательный и предложный падежи).

Такое распределение окончаний свидетельствует, что в синхронном описании, использующем понятие ядерных классов, вряд ли правильно было считать ядерным классом алломорфа *-у* класс существительных типа *дом, бок*[13] и что сами принципы выделения ядерных классов нуждаются в доработке.

Характер падежных противопоставлений, в которые вступают формы I и II предложных падежей, определяется их взаимоотношением с другими падежами, где может быть окончание *-у*.

В некоторых работах окончание *-у* в предложном падеже рассматривается применительно к русским говорам вместе с омонимичным окончанием родительного падежа как нечто взаимосвязанное[14]. Крайнее выражение такой взгляд получает в описании пинежского говора Г.Я. Симиной. Для существительных муж. рода она приводит только два типа парадигм: или с окончаниями *-а* в родительном и *-е* в предложном падаже (в двух вариантах в зависимости от одушевленности или неодушевленности: например, парадигмы слов *сын, пастух, дедушко* и парадигмы слов *хомут, двор, камень*) или с окончанием *-у* как в родительном, так и в предложном падежах (например, парадигмы слов *лес, снег, цяй, год, свет*)[15]. Таким образом, исключаются или, во всяком случае, считаются мало характерными парадигмы, где окончание *-у* представлено только в одном из этих падежей. А такие парадигмы у бóльшего или меньшего круга существительных широко известны в говорах самого разного типа (и вряд ли пинежские говоры составляют здесь исключение), потому что хотя окончание *-у* в обоих падежах имеет в конечном счете общий источник (парадигму* *и*-основ), закономерности их распределения в современных говорах существенно разошлись. О сути этого расхождения в современном литературном языке уже писал В.М. Марков[16]. Во-первых, выбор окончания *-у* или *-е* в предложном падеже имеет обязательный характер – выбор окончаний *-у* или *-а* в родительном падеже (там, где окончание *-у* вообще возможно) носит факультативный характер (почему некоторые исследователи современного русского языка и выделяют местный падеж, не выделяя партитивного). Во-вторых, ударение в форме родительного падежа с окончанием *-у* соответствует ударению в других косвенных падежах (причем значительно чаще это окончание свойственно существительным с ударением на основе), а окончание *-у* предложного падежа – всегда только

---

[13] См.: Там же, с. 75.

[14] См., например: *Обнорский С.П.* Именное склонение. Вып. 1. Единственное число. Л., 1927; Русская диалектология / Под ред. Н.А. Мещерского М., 1972.

[15] *Симина Г.Я.* Пинежье. Очерки морфологии пинежского говора. Л., 1970, с. 23–31.

[16] *Марков В.М.* Историческая грамматика русского языка. Именное склонение. М., 1974, с. 56–57.

ударное – в основном контингенте словоформ противоположно по месту ударения формам других падежей единственного числа. В-третьих, окончание *-у* в родительном падеже присоединяется как к односложным, так и к многосложным основам, в то время как в предложном падеже *-у* сочетается главным образом с односложными основами.

В говорах четкого различия в обязательности или факультативности выбора окончания между предложным и родительным падежами нет. В различных говорах и у различных слов вариативность отмечается то в том, то в другом падеже. Остальные указанные В.М. Марковым различия действительны и для многих говоров северо-востока и центра. Что касается западных и особенно юго-западных говоров, то там у многих слов форма предложного (в том числе и предложного II) на *-у* совпадает и по окончанию и по месту ударения с таким же окончанием родительного (партитивного и/или отделительного) падежа[17]. Но при этом там широко представлено окончание *-у* в предложном падеже одушевленных существительных, которым, как правило, соответствует -а в родительном (отделительном) падеже, поскольку такие словоформы как *от жениху́, для сто́рожу* и т.п. даже и в этих говорах встречаются единично[18]. Таким образом, разновидностей парадигм, связанных с совпадением различных падежей в форме на *-у*, гораздо больше, чем два. Если говорить о говорах в их совокупности, то таких разновидностей не меньше шести: 1) окончание *-у* имеет только дательный падеж (например, *от отца́–к отцу́ – на отце́* и *об отце* в северных и центральных говорах); 2) окончание *-у* имеют дательный и партитивно-отделительный падеж (например, *из вагону́–к вагону́–в вагоне́–о вагоне́* во многих говорах разной территории); 3) окончание *-у* имеют дательный и предложный II падежи, но форма последнего отличается местом ударения (*без глаза́–к глазу́–в глазу́–о глазе́*); 4) окончание *-у* имеют партитивно-отделительный, дательный и предложный II, но форма последнего отличается местом ударения (например, другой диалектный вариант предшествующей парадигмы: *без глазу́–к глазу́–в глазу́–о глазе́*); 5) окончание *-у* имеют дательный и оба предложных падежа (*от отца́–к отцу́–на отцу́–об отцу́* в ряде южных говоров); 6) окончание *-у* имеют все рассматриваемые падежи (*из посёлку–к посёлку–в посёлку–о посёлку* в юго-западных говорах). Но на самом деле таких разновидностей еще больше, так как возможно расхождение партитивного и отделительного падежей (или, напротив, единство родительного падежа), не исключено также обратное соотношение окончаний предложного I и предложного II, о чем говорилось выше.

---

[17] О неоднородности родительного падежа см.: *Бромлей С.В., Булатова Л.Н.* Указ. соч., с. 34–35.

[18] Вообще диалектные различия в распределении окончаний *-а* и *-у* по разным классам существительных муж. рода, по моим наблюдениям, менее ярко выражены, чем диалектные различия в распределении окончаний *-е* и *-у*.

И.А. Букринская

ФОРМА ИМЕНИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ СРЕДНЕГО РОДА В РУССКИХ ГОВОРАХ

1. В литературе по истории языка и диалектологии неоднократно описывались формы им. падежа мн. числа существительных среднего рода на *-и́* (*-ы́*) типа *се́лы, ве́дры, о́кны* и т.п. Традиционно, вслед за С.П. Обнорским[1], большинство исследователей объясняют эти формы морфологическими причинами, а именно трактует их как аналогические образования, возникшие под воздействием форм им. падежа мн. числа существительных жен. рода (*се́стры, ве́тлы*), или же "взаимодействием существительных мужского и среднего рода вследствие тенденции нейтрализации признака рода в парадигмах мн. числа"[2]. Точно так же данные формы трактуются и исследователями белорусского языка: "унификация окончаний им. падежа мн. числа в белорусском языке привела к тому, что существительные среднего рода, как и существительные мужского рода, имеют окончания *-и́* (*-ы́*): *во́кны, дре́вы, азёры, пали́* и др."[3]

2. Материалы ДАРЯ, а именно карта, показывающая распространение данного окончания на территории русских говоров центральной части РСФСР (автор Н.А. Липовская)[4] позволяет уточнить причины возникновения форм типа *сёлы*. Как показывает эта карта, территория сплошного распространения данных форм практически полностью совпадает с территорией, где отмечается редукция гласных *о, а, э* в безударном положении (в том числе и на территории Чухломского акающего острова) и с ареалом, где происходит морфологическая нейтрализация безударных окончаний глаголов I и II спряжения (типа *но́ся, пи́ша* в ед. ч. при *но́сють, пи́шуть* во множественном). Ареал распространения форм на *-и́* (*-ы́*) у слов. ср. рода в основном совпадает с территорией "аканья" (в широком смысле) (см. карту). Можно указать и другие случаи, когда редукция гласных послужила благоприятным фоном для действия морфологической аналогии, например, сближение безударных окончаний существительных и прилагательных в тв. падеже мн. числа: *то́нкими ни́ткими* или *то́нками ни́тками*[5]. Все эти явления, в том числе и описываемое, еще раз показывают исключительную важность противопоставления оканья–аканья не только

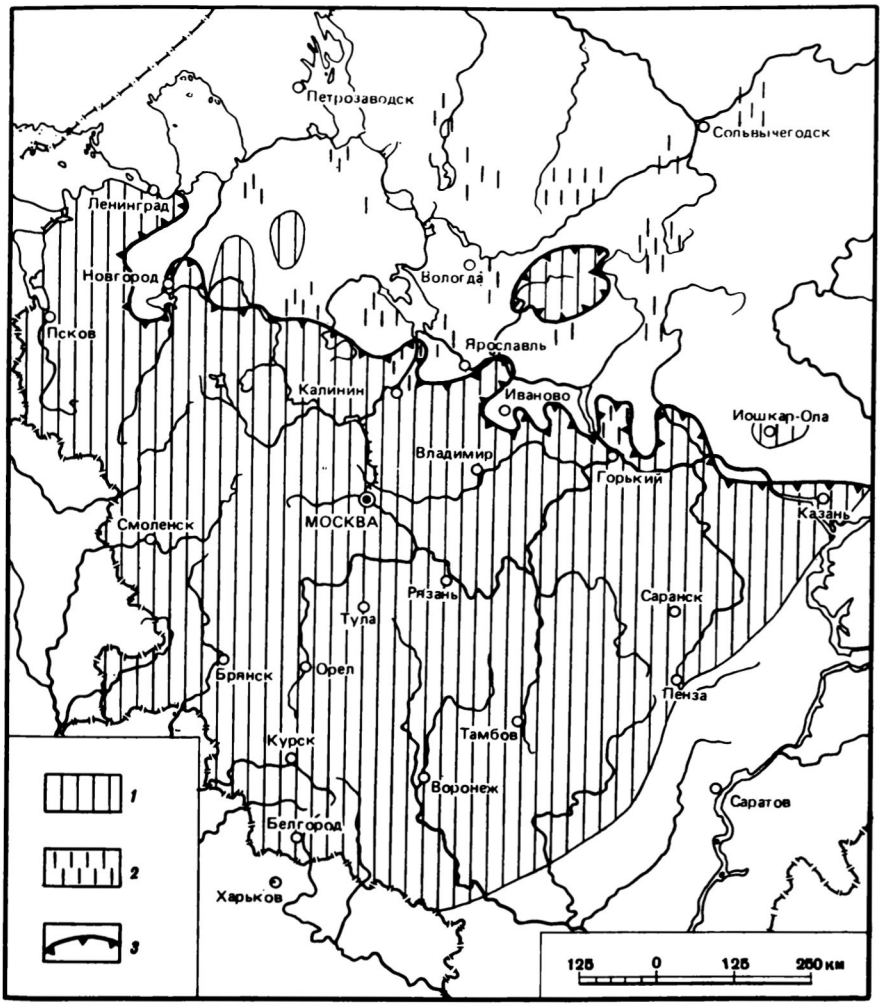
[1] *Обнорский С.П.* Именное склонение в современном русском языке. Вып. 2. Множественное число. Л., 1931, с. 109–129.

[2] *Иорданиди С.И.* Из истории форм существительных именительного множественного на *-а* в русском языке. – В кн.: ОЛА. Материалы и исследования. 1980. М., 1982, с. 225.

[3] Историческая морфология белорусского языка. Минск, 1979, с. 67; см. также: Очерки по истории белорусского языка. Минск, 1957.

[4] Диалектологический атлас русского языка. Вып. II. Морфология. Карта 33.

[5] *Булатова Л.Н.* Взаимоотношение окончаний одноименных форм существительных и прилагательных в русских говорах (на материале безударных окончаний творительного падежа множественного числа). – В кн.: Диалектология и лингвогеография русского языка. М., 1981.

1 – отмечено окончание *-ы* в им. падеже мн. числа существительных ср. рода (*о́кны, се́лы* и т.д.); *2* – данное окончание отмечено единично; *3* – отмечена редукция гласных после твердых согласных в конечном заударном открытом слоге

для фонетики, но и для многих явлений морфологического уровня[6].

3. Окончание *-ы́* (почти без сосуществования с *-а́*) у существительных ср. рода в безударном положении распространено преимущественно в центральной части ареала. Это Калужская, Тульская, Орловская, Рязанская, Тамбовская области, на северо-западе – Псковская, Калининская и южные

[6] *Орлова В.Г.* Русско-белорусские языковые отношения по данным диалектологических атласов. – В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии. Вып. II. М., 1961. См. также: Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М., 1970, с. 150–152.

части Ленинградской и Новгородской областей, а на западе на границе с Белоруссией – Смоленская и Брянская области. В очень многих говорах окончание *-и* (*-ы*) сосуществует с окончанием *-а*. В первую очередь это говоры, расположенные вдоль границы оканья–аканья: северо-восток Ленинградской и Новгородской областей, южная часть Вологодской, Ярославская, Ивановская, Владимирская и Горьковская области; говоры, находящиеся на юге картографируемой территории, на границе с Украиной (т.е. с украинским оканьем) – юг Курской, Воронежской и Белгородская область; говоры на границе с территорией говоров позднего заселения – Пензенская область; говоры, расположенные вокруг Москвы (для них очевидно влияние литературного языка); говоры, входящие в ареал Чухломского аканья (т.е. находящиеся в окружении окающих говоров). В говорах, расположенных вокруг Сычевки и в некоторых других говорах восточнее Смоленска, в Волоколамском р-не Московской обл., восточнее Брянска, а также в говорах, расположенных по левобережью Западной Двины не различаются фонемы ⟨и⟩ и ⟨а⟩ в заударном положении (например, *мы рад* [а], *сыт* [а] и т.п.), поэтому здесь неясен фонологический статус заударных окончаний.

В говорах юго-востока, где распространено окончание *-и* (*-ы*), при наличии единичных примеров с *-а*, это бывает чаще всего в словоформах *платья, болота, озера*, что может объясняться довольно широким распространением в говорах данной территории этих слов с ударным окончанием *-а*: ***болота, озера, платья***.

4. Карта, посвященная окончаниям существительных ср. рода в им. падеже мн. числа, которая опубликована в Диалектологическом атласе белорусского языка, подтверждает высказанные предположения о связи появления форм типа *сёлы* с фонетической системой говора. На всей территории северо-восточных белорусских акающих говоров распространено окончание *-и* (*-ы*) без сосуществования с *-а*. Белорусские окающие говоры сохраняют окончание *-а*, это Полесская группа говоров, которая находится на границе с Украиной на юге Белоруссии. Юго-западный диалект белорусского языка характеризуется аканьем, но одновременно и различением гласных в конечном заударном открытом слоге. Эти говоры расположены как бы "клином" между Северо-Восточным диалектом (с аканьем во всех позициях) и Полесской группой говоров. В них в основном сохраняется окончание *-а*: *сёла, вёдра*, хотя уже во многих из этих говоров, особенно граничащих с Северо-Восточным диалектом, появляется окончание *-и* (*-ы*)[7].

5. В говорах западной группы южнорусского наречия, примыкающих к белорусским говорам, значительно меньше, чем в литературном языке, распространено ударное окончание *-а* в им. падеже мн. числа существительных ср. рода. В этих говорах (правда, спорадически) отмечены следующие формы (по материалам ДАРЯ): *поли, словы, мори, древы, делы, месты, кружевы, зеркалы, правы, стады, семяны/семяны, просы*. В некоторых из этих говоров в подобных случаях имеется также ударное окончание *-и* (*-ы*): *поли, словы, кружевы, месты, сер(д)цы, семяны, имены, чудесы, войски, облаки*. Еще с ударным окончанием *-и* (*-ы*) в материалах ДАРЯ

[7] Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Минск, 1963, карта 97.

по западным говорам отмечены такие слова: *селы́, озеры́, ведры́, вокны́, бревны́, гумны́, гузны́, веки́* (от *ве́ко*), *воротЫ́, кины́, килы́, копыты́, кольцы́, крыльцы́*, а также *дны*. В белорусском литературном языке и в Северо-Восточном диалекте также отсутствуют существительные ср. рода с окончанием *-а́* в им. падеже мн. числа: *сло́вы, пали́* и т.д. Множественное число от существительного *дно–дны* – отмечено не только в пределах Западной группы русских говоров, но и в отдельных нас. п. восточной территории. Кроме этой формы, на востоке еще довольно часто встречается форма *пальты́*. Другие формы с ударным окончанием *-и́* (*-ы́*) для восточной территории не характерны. В диалектах Восточной группы южнорусского наречия ударное окончание *-а́* в им. падеже мн. числа существительных ср. рода, наоборот, представлено бо́льшим количеством лексем (сравнительно с литературным языком). Широко распространены формы *проса́, сена́, пива́, берда́* (в литературном языке во мн. числе практически не употребляемые), а также: *озера́, болота́, платья́, средства́, сита́, блюда́*, имеющие в литературном языке наосновное ударение; отмечены во многих нас. п. и другие примеры этого типа: *имя́, семя́, вымя́, брюха́, горя́, общества́, стойла́, торпиша́*; отмечены единично: *горла́, гумна́, зерна́, жита́, жнива́, железа́, кросна́, теста́, тягла́, прясла́, лета́, чуда́, огнива́, уха́, шила́, пуза́, окна́, решета́, села́, ведра́*. Как видно из примеров, окончание *-а́* во мн. числе главным образом получают существительные с безударными окончаниями в формах ед. числа. Примеры типа *окна́, зерна́* указывают, видимо на тенденцию к выравниванию акцентной парадигмы слов такого рода в отдельных говорах, а в некоторых случаях (в словах а.п. *в* с кратким корневым гласным) возможно, сохраняют старое место ударения. В большинстве же говоров восточной территории существительные с безударными окончаниями в ед. числе во мн. числе имеют ударное окончание (*о́зеро, о́зера... –озера́, озера́ми...*); существительные с ударными окончаниями в ед. числе во мн. числе имеют безударные окончания (*село́, села́.. –сёлы, сёлыми...*)[8].

6. Наосновное ударение в формах типа *сло́вы* в некоторых говорах Западной группы южнорусского наречия, возможно, исторически связано с тем, что, как предполагает А.А. Зализняк, в старору́сском языке западной зоны существительные ср. рода акцентной парадигмы *с* типа *сло́во, мо́ре* имели в им. падеже мн. числа безударное окончание[9]. Эти формы впоследствии, имея окончание в безударном положении, изменяются в *мо́ри, сло́вы, по́ли*[10]. Напротив, старорусские памятники показывают, что на восточной территории эти существительные имели флексионное ударение в им. падеже мн. числа: *моря́, слова́, поля́*, что хорошо сохраняют и современные восточные говоры.

---

[8] Строгое противопоставление парадигм единственного и множественного числа по месту ударения у существительных среднего рода зафиксировано автором в говоре д. Поповка Тамбовской обл. (Восточная группа южного наречия), обследованного в 1981 г. с целью сбора материала по формам им. падежа мн. числа.

[9] *Зализняк А.А.* От праславянской акцентуации к русской. М., 1985, с. 254–261.

[10] Вероятно, такое же место ударения в этих формах было характерно и для говоров, легших в основу белорусского языка. Примеры типа *сло́вы* памятниками старобелорусского языка фиксируются начиная с XVI в. (см.: Историческая морфология белорусского языка. Минск, 1979).

7. Данные памятников письменности свидетельствуют, что для говора Москвы было характерно широкое употребление существительных среднего рода с безударным окончанием *-и́* (*-ы́*) в им. падеже мн. числа (*о́кны, вёдры, озёры*). Но современному литературному языку и некоторым центральным говорам свойственно окончание *-и́* только после задненебных согласных: *я́блоки, лы́ки,* но *о́кна, вёдра.* История вытеснения форм с окончаниями *-и́* (*-ы́*) формами с окончанием *-а́* и причина сохранения *-и́* после задненёбных согласных в литературном языке подробно рассмотрены С.П. Обнорским в указанном исследовании (с. 122–127). В современном московском просторечии формы с окончанием *-ы́* распространены довольно широко (*о́кны, вёдры, сёлы, по́льты* и др. – записи просторечия сделаны в секторе современного русского языка и автором), в целом же как литературный язык, так и московское просторечие относятся к "восточному" типу, имея контрастное противопоставление акцентных парадигм ед. и мн. числа (*село́*:*сёла*/*сёлы* при *мо́ре*:*моря́*).

8. История окончаний им. падежа мн. числа существительных ср. рода интересна не только сама по себе, но и в связи с историей окончаний им. падежа мн. числа существительных муж. рода. Так, в западных говорах, где в им. падеже мн. числа существительных ср. рода почти полностью отсутствует окончание *-а,* слабее проникновение инновационного *-а́* у существительных муж. рода. Для этой территории характерно наличие старого окончания *-и* (*-ы*) у существительных муж. рода, которые имеют окончание *-а* в литературном языке: *ле́сы*/*лесы́, до́мы*/*домы́, лу́ги*/*луги́, го́роды*/*городы́, ро́ги*/*роги́* и т.д. В восточных говорах, где ударное окончание *-а* в им. падеже мн. числа существительных ср. рода представлено в значительном количестве лексем, окончание *-а́* широко распространено и у существительных муж. рода. Но история возникновения окончания *-а́* в словах муж. рода и взаимодействия окончаний муж. и ср. рода – предмет отдельного исследования.

9. В говорах северного наречия и в украинском языке (т.е. там, где нет нейтрализующей редукции заударных гласных) сохраняется заударное окончание *-а* у существительных ср. рода. Окончание *-и́* (*-ы́*) отмечается здесь спорадически, сосуществуя с окончанием *-а́* в тех же словах. Интересно отметить, что в говорах, где окончание *-и́* (*-ы́*) зафиксировано единично (в одном слове) при многих примерах с *-а́,* очень часто, а именно в одной трети случаев, это словоформа *боло́ты.*

Для многих говоров северного наречия характерно окончание *-а́* также и в положении после задненёбных: *я́блока, лы́ка, ве́ка.* Особенно часто отмечается окончание *-а́* у существительных, имеющих в исходе основы *-к-* суффиксальное: *око́шка, кры́лышка, блю́дечка, луко́шечка, бревёшка, дели́шка, крыле́чка, гнёздышка, пёрышка, зёрнышка, пя́тнышка, ведёрка, месте́чка, се́мечка, коле́чка, я́ичка, коле́нка*[11]. Кроме существительных среднего рода, с окончанием *-а* после суффиксального *-к-* регулярно отмечаются существительные, обозначающие детенышей. Эти существительные,

---

[11] Атлас русских народных говоров к северу от Москвы. Карта 183 "Распространение диалектного окончания *-а* в им. падеже мн. числа у существительных на задненёбный согласный *к*", автор Н.А. Липовская (рукопись хранится в ИРЯ АН СССР, Москва).

как правило, образуются с помощью суф. *-атк-*, *-ишк-*. Существительные с суф. *-атк-* в единственном числе обычно относятся к среднему роду, например, *теля́тко, цыпля́тко,* которые восходят к старым существительным ср. рода типа *теля*, Р.п. ед.ч. *теляте*... В говорах северного наречия распространены такие формы: *порося́тка, теля́тка, цыпля́тка, котя́тка, утя́тка, ягня́тка* и т.д. Образованы ли они от коррелятов ср. рода (*теля́тко*), или суплетивно соотносятся со словами муж. рода (*телёнок*), для каждого случая выяснить невозможно[12]. Вероятно, формы с окончанием *-а* во многих говорах образованы от существительных ср. рода. Очень часто с окончанием *-а* отмечаются также слова *ребяти́шка, ребя́тка, ребя́тушка.* Реже, почти единично, окончание *-а* во мн. числе обнаруживается у существительных муж. и жен. рода, а также pl. tantum, с суф. *-к-*: *сапожо́нка, боти́нка, огурчи́шка, башмачи́шка, глазёнка, девчо́нка*[13], *бабёшка, дрови́шка, штани́шка.* Подобные формы, видимо, появились под влиянием существительных ср. рода.

В.Н. Теплова

О СКЛОНЕНИИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО *мышь* В ГОВОРАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

В древнерусском языке существительные муж. и жен. рода, имеющие в именительном падеже единственного числа окончание *-ь*, относились к склонению основ на *-ĭ*. К числу этих слов принадлежало и изучаемое существительное.

Известно, что довольно рано началось качественное преобразование старых типов склонения[1], в результате которого прежняя система окончаний, характерная для определенной группы слов, отрывалась от своей лексической среды и проникала в другие группы слов, в другие типы склонения. Данные процессы нередко приводили к утрате этих типов склонения. Начало изменению типов склонения было положено, как известно, влиянием родовой дифференциации[2].

Естественно, преобразованию подвергся и данный тип. Часть существительных основ на *-ĭ* из мужского рода перешла в женский (*гортань, степень, печать*). Значительное их число приняло окончание продуктивного типа на *-jo*, перейдя в этот тип. Лишь слово *путь*, единственное, сохранило в литературном языке старые формы склонения основ на *-ĭ*. Однако во многих говорах русского языка оно также перешло в иные типы склонения[3].

В современном русском литературном языке это склонение (III) объединяет все существительные жен. рода, кроме слов на *-а*: *мазь, власть, степь, грязь, тень, даль, мышь, це́рковь, дробь, молоде́жь, плешь* и под.

---

[12] В отдельных говорах (например, в псковских) слова на *-ёнок* относятся к ср. роду (*ребёнок лежало* и т.п.).

[13] Существительное *девчо́нко* в некоторых говорах отмечено как существительное ср. рода.

[1] *Иванов В.В.* Историческая грамматика русского языка. М., 1983, с. 262.

[2] Там же, с. 263.

[3] *Теплова В.Н.* О склонении существительного *путь* в русских говорах. – В кн.: ОЛА. Материалы и исследования. 1984. М., 1986.

Подобное распределение лексики представлено и в большинстве говоров русского языка. Однако в отношении лексического состава в русских говорах имеются свои особенности. Так, в состав склонения данного типа могут входить слова, отсутствующие в литературном языке, являющиеся сугубо диалектными, относящимися к словарному фонду отдельных говоров[4]: *лопоть, сырь, темь, щеть* и др. В отдельных говорах к этому типу склонения относятся слова: *зверь, шавель, деготь* и др. С другой стороны, из этого типа склонения выбыли некоторые существительные, перейдя в другой тип: *лошадь, церковь, мышь* и др. Они перешли во II-й тип склонения существительных жен. рода на *-а*.

Среди последней группы существительных представляет интерес слово *мышь*, при образовании форм которого в говорах наблюдаются различия, касающиеся прежде всего грамматического рода: в одних говорах оно может относиться к муж. роду (*серый мыш*), в других – к жен. (*серая мышь*). Кроме того, при употреблении этого существительного в жен. роде выявились различия, связанные с принадлежностью его к разным типам склонения (ко II-у или III-у).

Помимо указанных, обнаружены особенности акцентологического характера. Выявлены также особые парадигмы склонения, в которых представлены формы, относящиеся к различным типам склонения, образующие смешанные парадигмы.

Описанию этих различий и посвящена статья. Цель статьи – выявить встретившиеся в материалах ДАРЯ парадигмы склонения существительного *мышь* и представить особенности, связанные с образованием форм некоторых падежей.

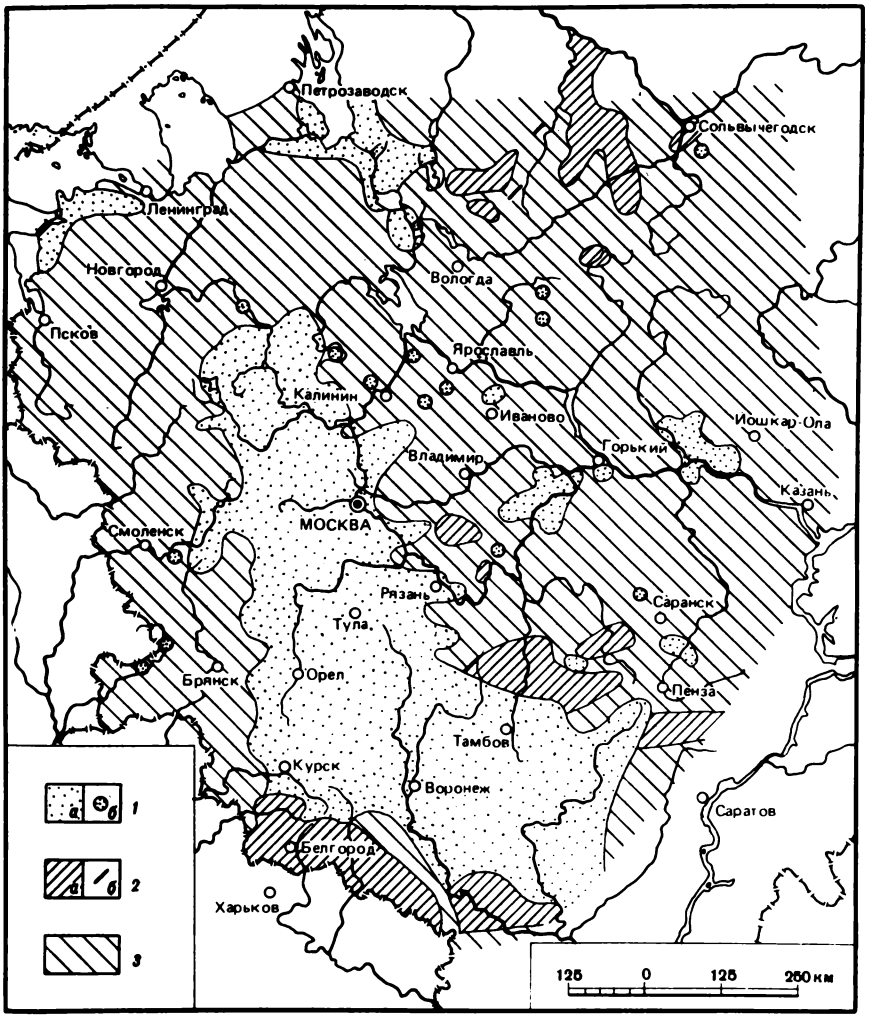
Статья построена на материалах ДАРЯ с привлечением карт региональных диалектологических атласов[5], большинство которых составлено автором статьи. Собранный материал охватывает территорию Европейской части СССР, где представлены наиболее исконные говоры русского языка. Хотя эти материалы в конкретных говорах в ряде случаев и не содержат исчерпывающих сведений о склонении данного существительного, однако систематически собранные, они содержат много нового о парадигмах его склонения, о формах ряда падежей, а также о принадлежности к грамматическому роду. По некоторым различиям удалось выявить территорию их распространения.

Так, существительное *мышь* по типу слов муж. рода склоняется в значительном числе говоров центра и почти на всей территории южнорусского наречия. Основной ареал с этим типом склонения (карта) занимает территорию Селигеро-Торжковских западных среднерусских говоров Калининской подгруппы и смежной с ней юго-западной части Владимирско-Поволж-

---

[4] См.: *Сологуб А.И.* История существительных женского рода в русских говорах (опыт историко-морфологического исследования по данным лингвистической географии). Автореф. докт. дис. М., 1980, с. 23–24.

[5] См. карты: С.-Зап 82 "Род существительного *мышь*"; С. 163 "Грамматический род и формы склонения единственного числа существительного *мышь*;" Зап. 147 "Формы единственного числа существительного *мышь*"; Ю. 136 "Грамматический род существительного *мышь*", где буквы перед номером обозначают индекс соответствующего тома атласа. Все эти карты хранятся в Институте русского языка АН СССР.

Склонение существительного *мышь*

1 – по типу слов муж. рода: *мыш–мыша́–мышо́м...; 2* – по продуктивному типу слов жен. рода: *мы́ша–мы́шу–мы́шей...; 3* – по непродуктивному типу слов жен. рода

ской группы, а также сектора "А" восточных среднерусских говоров. На территории южнорусского наречия данный ареал продолжается в восточных частях Курско-Орловской, Верхне-Днепровской групп и Межзональных говоров типа "А", а также в пределах территории Межзональных говоров типа "Б" и Рязанской группы. При этом на самом юге Курско-Орловской группы и Оскольских говоров южнорусского наречия, в пограничной с УССР зоне, данное существительное в большинстве нас.п. склоняется по жен. роду.

Склонение существительного *мышь* по муж. роду авторы "Диалектного

членения"[6] относят к явлениям индивидуального распространения, дающим основание для выделения говоров центральных территорий.

Небольшие ареалы, где слово *мышь* склоняется по муж. роду, имеются на территории северного наречия, один из них расположен в Онежской группе, занимая почти полностью ее, с выходом на сопредельную территорию Ладого-Тихвинской группы и Белозерско-Бежецких Межзональных говоров. Отдельные группы нас.п., в которых также наблюдается это явление, встречаются в Вологодской группе (в районе Вел. Устюга) и в Костромской (в низовье р. Ветлуги).

На территории среднерусских говоров отдельные "островки" с изменением существительного *мышь* по муж. роду отмечены: на северо-западе, в районе Чудского оз.; в восточной их части они встречаются в пределах Владимирско-Поволжской группы – в районе г. Иванова, в междуречье Клязьмы и Оки. Подобный "островок" имеется в секторе "В" восточных среднерусских говоров – около г. Саранска.

При склонении его по муж. роду[7] – в парадигмах обнаружены различия акцентологического характера, наблюдающиеся в формах косвенных падежей. Так, для большинства говоров в этом случае характерен перенос ударения на окончание: И *мыш убежа́л* Р–В *мыша́* Д *мышу́* Т *мышо́м* П *о мыше*[8]. (См., например: С. 265; Зап. 184, 215, 270, 425, 450, 620, 623, 638, 728, 733 . . .)

В значительном числе говоров отмечены формы с неподвижным ударением на основе, как, например, в нас.п. С. 79 И *большо́й мы́ш* Р *мы́ша* Д *мы́шу* Т *мы́шем* П *о мы́ше* (см. также: Зап. 164, 355, 356; С.-Зап, 28[9]). Каждая из приведенных парадигм не сосредоточена на определенной территории; обе рассеяны по территории описанного ареала.

В части нас.п. ударение на основе зафиксировано только в форме Т падежа при ударении на окончании в формах других косвенных падежей. См., например: Зап. 426 И *серый мыш* Р-В *мыша́* Д *мышу́* Т *мы́шем*[10]. (См. также: С.-Зап. 47, 98; С. 25; Зап. 739; Вост. 819, 820; Ю. 448, 651)

В отдельных говорах зафиксированы и другие парадигмы акцентологического характера, в которых отмечено иное место ударения лишь в одной из ее падежных форм. Так, а) при формах Д, Т с ударением на оконча-

---

[6] *Захарова К.Ф., Орлова В.Г.* Диалектное членение русского языка. М. 1970, с. 54–70.

[7] Употребление слова *мышь* в муж. роде зафиксировано в памятниках письменности: . . . аще мышеⁿ изъедено бѹдетъ ... – Отрывки из "Мерила Праведного" (XIV в), включенные в Кормчую Балашова, л. 533 (XVI в); кошка взять мыша не може . . . – Словарь Барсова Е.В. к "Причитаниям северного края", ч. II. М., 1872–1882.

[8] Заметим, что парадигма склонения зафиксирована далеко не во всех ответах. Обычно приводятся лишь некоторые показательные формы косвенных падежей: Р, Д, Т.

[9] Возможно, такая же парадигма в следующих нас.п., но здесь приводятся лишь три формы: И *такой мыш* Р *мы́ша* Т *мы́шем*- С.-Зап. 12, 45, 48, 156, 179;; С. 19, 81, 90; Зап. 164, 192, 245, 354, 356, 358, 456, 551, 599; Ю. 97, 232, 262, 279, 299. 393, 397, 398, 406, 410, 480, 497, 531, 535, 537, 552, 803, 837.

[10] Лишь три формы, возможно, указывающие на приведенную парадигму, отмечены: Зап. 98, 164, 188, 193, 220, 236, 258, 372, 382, 391, 445, 457, 470, 485, 492, 645, 661; Вост. 502, 725, 923; Ю. 227, 231, 241, 257, 288, 527, 675, 684, 789, 808, 809.

нии (*мышу́, мышо́м*) в Р зафиксирована форма *мы́ша-* С. 15[11]; б) при формах Р, В, Т, П с ударением на окончании (*серый мыш, мыша́, мышо́м, о мыше́*) в Д падеже приведена форма *к мы́шу* (напр.: С. 98,108)[12].

Совершенно единичны говоры, в которых представлена парадигма с ударением на основе в косвенных падежах, за исключением Т, где отмечено ударение на окончании, например, С. 68 И *какой мыш* Р *мы́ша* Д *мы́шу*, но Т *мышо́м*.

Имеются случаи, когда в одних и тех же падежах употребляются параллельные формы с ударением на основе и на окончании. Чаще всего подобное встречается в Т падеже: *мы́шем* и *мышо́м* при всех формах с ударением на окончании: С.-Зап. 47 И *большой мыш* Р-В *мыша́* Д *мышу́*. См. также: Зап. 165, 227, 645, 739; Ю. 233, 288, 298, 336, 721, 833; Вост. 819, 906, 908. В других падежах аналогичное встречается реже: Р *мы́ша* и *мыша́-* Зап. 405, 417, 679; В *мыша́* и *мы́ша* – С. 4; Зап. 679; П *об мы́шу* и *об мыше́-* Ю. 832. Заметим при этом, что форма П *о мыше* обычно не показательна при определении ее принадлежности к типу склонения: формы *о мыше́* и *о мы́ше* могут быть в пардигме склонения этого существительного как по муж. роду, так и по женскому, причем по типу слов, относящихся к склонению на *-ĭ*, а также по типу основ на *-а*. Лишь форму *о мышу́* (*о мы́шу-* Ю. 832) указывает на принадлежность ее к муж. роду. Зафиксирована она в нас.п. Ю. 83, 84, 267, 285, 303, 319, 325, 373, 634, 651, 744, 745, 747, 758, 832, 835, расположенных в пределах Ливенско-Елецких говоров южнорусского наречия и в прилегающих к ним нас.п. в Круско-Орловской и Рязанской группах В этих случаях в данных говорах формы П падежа с окончанием *-у* отмечены и от других одушевленных существительных муж. рода[13].

Приведенные данные о склонении существительного *мышь* по муж. роду свидетельствуют о том, что наиболее распространенной является парадигма с ударением на окончании, несколько чаще встречавшаяся в Калининской группе западных среднерусских говоров. Парадигма с неподвижным местом ударения (на основе) также наблюдается в значительном числе говоров, на западе Тульской группы и в некоторых нас.п. на территории Курско-Орловской группы южнорусского наречия.

Парадигма с ударением на флексии, но при форме Т падежа *мы́шем* характерна главным образом для говоров отделов "А" и "В" восточных среднерусских говоров. Парадигмы, в которых иное место ударения только в Д или только в Р падеже, не имеют определенной территрии распространения.

Каждая из указанных парадигм встречается в отдельных нас.п. и на других частях территории большого ареала со склонением существительного *мышь* по муж. роду.

---

[11] См. подобную парадигму в нас. п. Ю. 253, 278, 524.

[12] Возможно, такая же парадигма в говоре нас.п. С. 14, где приведены только такие формы: И *большой мыш* Р-В *мыша́* Д *к мы́шу*.

[13] См.: ДАРЯ, вып. II. "Морфология". Карта 18. Автор Е.Г. Бурова. На употребление данных форм на территории южного наречия указывалось и ранее. Их существование связывают с влиянием склонения существительных основ на *-ī*. См.: *Обнорский С.П.* Именное склонение в современном русском языке, вып I. Единственное число. Л., 1927, с. 190, 193.

По жен. роду изучаемое существительное склоняется в западной части южного наречия и среднерусских говоров и почти во всех говорах северного наречия (за исключением Онежской группы и прилегающих к ней Белозерско-Бежецких говоров), а также в значительном количестве восточных среднерусских говоров. В этом случае оно может относиться к разным типам склонения: либо сохраняется старая парадигма основ на *-ĭ*, либо слово *мышь* полностью перешло в продуктивный тип склонения существительных жен. рода на *-а* (*мы́ша, мыша́*). Вместе с тем во многих говорах имеют место так называемые смешанные парадигмы, когда в одной и той же ЧДС в одних падежах употребляются формы, соответствующие старому типу склонения основ на *-ĭ*, в других — по продуктивному типу склонения основ на *-а*, т.е. в одном и том же говоре сосуществуют формы, относящиеся к разным парадигмам. В этом случае мы имеем дело с результатами взаимодействия межпарадигматических процессов. В имеющихся материалах обнаружены также результаты внутрипарадигматических процессов, когда окончания одних падежей повлияли на окончания других и у изучаемого существительного, что привело к уменьшению количества форм.

В единичных говорах встречается сосуществование различных парадигм склонения данного существительного.

Укажем при этом, что не представляется возможным определить территорию, на которой распространена та или иная парадигма, поскольку парадигмы приводятся нерегулярно, но чаще всего в материалах представлены лишь отдельные формы, часть из которых (отдельно взятые) не могут с достоверностью свидетельствовать о наличии определенной парадигмы в говоре. Однако сам по себе факт представленных в материалах значительного числа парадигм склонения существительного *мышь* считаем важным. Так, на территории северного наречия для многих говоров характерна та же парадигма склонения существительного *мышь*, что и для литературного языка. Она зафиксирована на территории Костромской, Ладого–Тихвинской, Белозерско–Бежецкой и в некоторых говорах Вологодской группы. Данная парадигма наблюдается на территории среднерусских говоров, как восточной их части (во Владимирско-Поволжской группе, в Горьковской подгруппе), так и в некоторых западных говорах (в Новгородской и Псковской группах). В единичных нас.п. она отмечена в западной части южнорусского наречия (в Западной, в Верхне-Деснинской и Верхне-Днепровской группах).

Для Западной группы южного наречия, за исключением ее юга, и Псковской группы среднерусских говоров наиболее характерна парадигма, отличающаяся от парадгимы склонения *мышь* в литературном языке только формой Т падежа, которая образована по продуктивному типу склонения, как, например: Зап. 727 И *большая мышь* Р-Д *мы́ши* В *мышь* Т *мы́шей* П *о мы́ши.*

Принято считать, что эта форма Т падежа, появившаяся у существительных, ранее принадлежавших к склонению основ на *-ĭ* (*со́лей, мы́шей* и др.) является принадлежностью лишь южных говоров[14]. Современные данные свидетельствуют о том, что она характерна и для западных среднерус-

[14] См., например: *Кузнецов П.С.* Русская диалектология. М., 1954, с. 72.

ских говоров, образуя общий с южными говорами ареал с данной парадигмой. В пределы его входят также некоторые говоры на территории Верхне-Днепровской группы. В единичных говорах она встречается в Калининской подгруппе среднерусских говоров, а также в Костромской и Вологодской группах северного наречия.

На территории последнего, где в безударном положении различаются ⟨е⟩ и ⟨и⟩, отмечены парадигмы с окончанием *-е*: 1. В форме П падежа при тех же формах в остальных падежах – И *серая мышь* Р-Д *мы́ши* В *мышь* Т *мы́шей* П *о мы́ше* (например, С. 153, 830). 2. В формах Д-П: И *седая мышь* Р *мы́ши* Д-П *мы́ше* Т *мы́шей*. Данная парадигма зафиксирована, например, в нас.п. С. 694, 1048. Число таких говоров единично, возможно, по причине того, что парадигмы полностью приводятся нерегулярно. 3. Несколько больше говоров на территории северного наречия, где форма с окончанием *-е* в Д-П отмечена при тех же формах, но в Т *мы́шью* (И *больша́я мышь* Р *мы́ши* Д-П *мы́ше* Т *мышью*[15]. Она свойственна преимущественно говорам Костромской группы. 4. В формах трех падежей Р-Д-П[16]. Такова эта парадигма: И *белая мышь* Р-Д-П *мы́ше* Т *мы́шью*- С. 1404. Полностью эта парадигма существительного *мышь* более не зафиксирована. Однако есть основания полагать, что она в отдельных северных говорах возможна, но часто приводятся не все формы. Правда, аналогичные парадигмы слабо распространены в русских говорах и от других существительных жен. рода с нулевой флексией в И падеже, на что обращалось внимание некоторыми исследователями[17].

Наличие указанных синкретических форм, видимо, может свидетельствовать о действии тенденции к установлению единого типа склонения существительных жен. рода.

В некоторых перечисленных парадигмах представлены результаты внутрипарадигматических процессов, когда в ряде форм отмечено одинаковое окончание, приведшее к сокращению форм в парадигме.

В изучаемых материалах встретились парадигмы, в которых форма Т падежа, образованная по продуктивному типу, имеет ударение на окончании – *мышо́й*,[18], причем не только при форме И *мышь* Р-Д *мыши́* В *мы-*

---

[15] Данная парадигма отмечена в нас.п.: С. 248, 257, 272, 301, 456, 474, 497, 618, 646, 679, 693, 698, 1092, 1182, 1187, 1406, 1409, 1412. В нас.п. 1182 наряду с этой парадигмой в Т падеже приведена еще форма *мы́шьей* (см. ниже).

[16] Аналогичные формы в этих падежах в ряде говоров северо-восточной диалектной зоны встречаются от существительных *мать, дочь*. См.: *Сологуб А.И.* О синкретизме форм в склонении существительных женского рода единственного числа по диалектным данным. – В кн.: Русские народные говоры (лингвогеографические исследования). М., 1983, с. 85.

[17] См.: Там же, с. 85.

[18] При И *мышь* форма *мышо́й* отмечена: Ю. 421; при И *мы́ша*- Вост. 614, 729; Ю. 596.

Заметим, что форма Т *мышо́й* наблюдается также в белорусских говорах: к западу от Минска и Полоцка, на северо-западе БССР. См.: Дыялекталагічны Атлас беларуская мовы. Мінск, 1963. Карта 80.

Подобные формы Т падежа с ударением на окончании встречаются и от других существительных жен. рода с нулевым окончанием в И падеже: Зап. 734. 738 *грязёй, дверёй*; 342 *грязёй*; 560, 697 *костёй*.

В нас.п. Зап. 675 зафиксировано двухсложное окончание с ударением на первом слоге *дверёю*.

шу́ П *о мыше́* (Вост. 460), но и при форме И *мы́ша* (напр., Ю. 741) и *мыша́* (напр., Вост. 486), и при формах ряда падежей, свидетельствующих о переходе данного существительного в продуктивный тип склонения. Формы Т падежа у существительных типа *ко́стей, но́чей, мы́шей* исследователи считают появившимися под влиянием форм существительных с основой на *-а*[19].

Представляют интерес парадигмы существительного *мышь* с формой Т падежа *мы́шьей*. Одна из них отличается тем, что для нее характерно подвижное ударение, а в Д-П выступает окончание -е: И-В *мышь* (ж.р.) Р *мы́ши* Д-П *мыше́*[20] С. 789, 896, 939.

Другая же состоит из форм с неподвижным местом ударения и с гласным *-ё в* окончании П падежа: И *се́рая мышь* Р-Д *мы́ши* В *мышь* Т *мы́шьей* П *о мы́ше-* С. 882. В большинстве своем форма *мы́шьей* отмечена при наличии лишь некоторых форм, на основании которых нельзя соотносить с определенной парадигмой: С. 1233 И *седая мышь* Р *мы́ши* В *мышь* и *мы́шу* Т *мы́шьей*. В остальных случаях – при формах И *мышь* Р *мы́ши-* С. 155, 318, 320, 914, 915, 920, 1003, 1007, 1021, 1029, 1204, 1212, 1236. Как видим, форма *мы́шьей* в большинстве нас.п. отмечена при И *мышь* в жен. роде. В отдельных нас.п. она употребляется при форме И *мы́ша* Р *мы́ши* Т *мы́шьей-* С. 320, 1137. В нас.п. С. 814 – при наличии двух форм И *мы́ша* и *мышь*.

Употребление формы *мы́шьей* наблюдается по преимуществу в говорах Вологодской группы северного наречия при некоторой их сосредоточенности в бассейнах р. Ветлуги (в 6-ти нас.п.) и р. Юг (в 5-ти нас.п.)

---

[19] *Дурново Н.Н.* Очерк истории русского языка, вып. II. Историческая морфология. Харьков, 1913, С. 58, 65; *Шахматов А.А.* Очерк современного русского литературного языка. – В кн. Из трудов Шахматова А.А. по современному русскому литературному языку (учение о частях речи). М., 1952, с. 171; *Кузнецов П.С.* Историческая грамматика русского языка. М., 1953, с. 91; *Он же.* Русская диалектология, с. 72.

[20] Укажем, что формы Д-П с ударенным окончанием *-е́* у существительного *мышь* зафиксированы в единичных говорах северной части Вологодской группы. Однако аналогичные формы от других существительных типа *кость* (*по косте́, к пече́; в косте, на пече́*) широко распространены на территории северо-восточной диалектной зоны и на юго-востоке Европейской части СССР, на каждой из которых они представлены в пределах значительных ареалов, при этом ареал с таким окончанием только в форме П падежа (*в косте́, на пече́*) несколько обширнее, чем ареал с распространением аналогичных форм в Д падеже (*к степе́, по пече́*). На севере он занимает не только территорию Вологодской группы с выходом на востоке и западе в Костромскую группу, но и часть примыкающей к ним территории Межзональных северных говоров; на юго-востоке формы типа *в грязе́, на пече́* свойственны отделам "Б" и "В" восточных среднерусских говоров, а также большинству говоров Рязанской группы южнорусского наречия (см. карты 5, 6 ДАРЯ, вып. II. "Морфология").

От существительных типа *кость* формы с конечным ударением *-е́* одновременно в двух падежах Д-П довольно широко отмечались и ранее. См.: *Обнорский С.П.* Указ. соч., с. 254–255, где подчеркивается, что формы Д-П типа *косте́* широко распространены в Вологодско-Вятской группе северновеликорусского наречия (с. 257). Между тем эти формы также свойственны многим говорам юго-востока. Подобные формы отмечают и в говорах Сибири: *к мыше́, по куте́, к ноче́, к двере́; в пыле́, в шерсте́, на степе́* (*Селищев А.М.* Диалектологический очерк Сибири, вып. 1. Иркутск, 1921, с. 88, 122.

На этой же в общем территории подобные формы отмечаются[21] и от существительных типа *ко́стьей, но́чьей,* встречающихся в пределах небольших ареалов: а) к северу от Вологды; б) по течению р. Юг; в) в районе г. Котельнича – все на территории Вологодской группы.

Аналогичные формы Т падежа отмечены также в Верхне-Днепровской и в Западной группах южнорусского наречия.[22]

В говоре нас.п. С. 1228 встретилась форма с ударением на окончании: И *серая мышь* Р *мы́ши* Т *мышо́й.* Подобной формы Т падежа от существительных типа *кость* не встретилось.

Формы *мы́шьей* (*мышьёй*), а также типа *ко́стьей, гря́зьей* являются новообразованиями, при этом вторичными, представляющими "собой по-видимому, контаминацию исконного окончания твор.п. (существительных типа *кость – В.Т.*) и окончания *-ей* продуктивного типа склонения существительных"[23]. Формы Т падежа *мы́шьей,* а также типа *ко́стьей* свойственны немногим говорам.

Представляют интерес парадигмы с формой Т падежа *мы́шьуй.* С данной формой зафиксировано несколько парадигм. Одна из них содержит окончание *-е* в Д-П падеже, при этом данные формы имеют разное место ударения, см., например: С. 896 И *какая мышь* Р *мы́ши* Д *к мыше́* Т *мы́шйуй* П *о мы́ше.* Другая имеет неподвижное место ударения: 939 И *большая мышь* Р *мы́ши* Д-П *мы́ше* Т *мы́шйуй.* Эти парадигмы отмечены в отдельных говорах на территории Вологодской группы.

Форма *мышьюй* встретилась в единичных говорах в Калининской группе среднерусских говоров при наличии форм отдельных падежей, которые не могут быть соотнесены с какой-либо парадигмой: Зап. 221 И *маленькая мышь* Р *мы́ши* Т *мы́шьюй*; 242 И *мышь* и *мы́ша* Т *мы́шйуй*[24].

В единичных ответах зафиксирована форма Т падежа *мы́шуй,* приведенная при отсутствии других форм, кроме И *черная мышь*- Зап. 365[25].

---

[21] См. карту к ст.: *Сологуб А.И.* Диалектные формы творительного падежа существительных типа *кость.* – В кн.: Диалектология и лингвогеография русского языка. М., 1981, с. 99–100.

[22] См.: С.-Зап. 223 *же́рзйой,* 247 *но́чйей;* Зап. 14 *о́сьнйый,* 88 *с ро́жйый, но́чйый,* 319, 320 *но́чьей, пы́льей,* 326 *но́чьей, гря́зьей,* 379 *ро́жьей,* 382 *дв'е́рйой, о́с'енйей,* 392 *но́чйой,* 560 *гря́зьей,* 696 *ло́шадьей, но́чьей* и др, а также формы с двухсложным окончанием: Зап. 533, 540 *гря́зьею,* 559 *ло́шадьею, но́чьею.*

[23] *Сологуб А.И.* О диалектных формах творительного падежа существительных женского рода, с. 100.

В нас.п. Зап. 570 отмечена форма *мы́шишуй,* но не в парадигме, а лишь при И *белая мышь,* Р *мы́ши.* Наличие этой формы Т падеже обусловлено системой данного говора, в котором в соответствии сочетаниям согласного с [j] произносятся двойные согласные: *пла́ття, свиння́* и т.п. (см. ДАРЯ, вып. I. "Фонетика". Карта 74.

[24] Образование форм Т падежа, подобно *мы́шьюй,* от существительных типа *ко́стьюй* представлено главным образом на территории среднерусских говоров. См., например: Вост. 264 *ша́л'йуй, со́л'йуй,* 267 *ро́жйуй,* 285 *ро́жйуй, гармо́нйуй,* 295 *но́чйуй, ро́жйуй, ша́л'йуй;* Зап. 190 *о́сйнйуй, ло́шъдйуй, но́ч'йуй, две́рйуй, марко́вйуй,* 212 *гря́зйуй, арте́л'йуй, о́сйнйуй, ло́шъдйуй, дв'е́рйуй,* 215 *з гармо́н'йуй тва́рйуй, гря́зйуй, со́л'йуй, ноч'йуй* и т.д.

[25] Особо укажем, что форма *мы́шуй* один раз встретилась при единственной форме И *большой мыш* (?) Т *мы́шуй* – Вост. 234. Данный нас.п. расположен на границе ареалов с употреблением данного существительного в муж. и жен. роде, поэтому можно допустить, что форма И падежа в жен. роде тоже известна, но не зафиксирована наблюдателями.

Окончание *-уй* в форме Т падежа существительного *мышь* представлено там же, где расположен ареал с окончанием *-уй* в безударных окончаниях существительных жен. рода продуктивного типа склонения (*пáлкуй, берéзуй, мáссуй, дерéвнуй* и др.)

Образование форм типа *мы́шуй, мы́шьюй*, а также типа *ко́стюй, ко́стьюй* объясняют по-разному. Одни исследователи их развитие связывают с влиянием форм Т. падежа, имеющим окончание *-уй* существительных продуктивного типа склонения[26], где они в свою очередь являются вторичными.

Другие языковеды считают подобные формы результатом контаминации форм существительных старого склонения на *-а* и старого склонения на *-ꙑ*[27].

Взаимодействие форм Т падежа существительных жен. рода разных типов склонения С.П. Обнорский объяснял стремлением языка к унификации форм Т падежа существительных жен. рода под влиянием совпадения данных форм у существительных мужского и среднего рода[28].

Окончание [-yj] ф формах Т падежа существительных продуктивного типа склонения на *-а* А.А. Шахматов объяснял фонетическими причинами: уподоблением гласных в акающих говорах в двухсложном окончании Т падежа и последующей утратой конечного гласного, связанной с сокращением слогов в этой форме по аналогии с другими формами. Изменению в окончании гласного *-а-* в *-у-*, по мнению Шахматова, содействовало лабиализующее влияние соседних задненебных[29].

Однако точка зрения Шахматова вызывала сомнение у С.П. Обнорского[30], обратившего внимание на то, что окончание *-уj* представлено главным образом на территории среднерусских говоров и даже отчасти в отдельных северных говорах, в то время как двухсложное окончание присуще прежде всего говорам южного наречия.

Мнение Шахматова на происхождение безударного окончания [-yj] в существительных жен. рода на *-а* поддерживает Р.И. Аванесов, считая также, что оно произошло из двухсложного окончания: *пáлкоjу–пáлкъjу–пáлкуjу–пáлкуj*, где "формы с гласной *-у-*, появившись первоначально в положении после задненебных и губных, в дальнейшем могли распространиться на положение после любой согласной, в том числе и после мягкой. Так появились формы *берéзуj, невéстуj, кóжуj, птúцуj, дерéвн'уj, торгóвл'уj*"[31].

В материалах, собранных для ДАРЯ, безударное окончание *-уj* в соответствии ⟨-oj⟩ представлено при преобладании случаев после задненебных и губных, которые способствовали лабиализации. Однако нельзя не учитывать и того факта, что в этом типе склонения преобладают слова, имею-

---

[26] *Дурново Н.Н.* Очерк истории русского языка, вып. II, с. 58; *Обнорский С.П.* Указ. соч., с. 28.

[27] *Кузнецов С.П.* Русская диалектология, с. 72. *Он же.* Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1959, с. 27.

[28] *Обнорский С.П.* Указ. соч., с. 277–286.

[29] *Шахматов А.А.* Звуковые особенности Ельнинских и Мосальских говоров. – РФВ, 1896, № 3, 4, с. 78.

[30] Обнорский С.П. Указ. соч., с. 286–288.

[31] *Аванесов Р.И.* Очерки русской диалектологии. М., 1949, с. 115.

щие в конце основы задненебный согласный[32]. В большинстве ЧДС с данным явлением гласный [у] в окончаниях выступает после любого твердого согласного, а нередко также и после мягких согласных. Кроме того, он встречается и в северных говорах, которым не свойственны ни редукция безударных гласных, ни двухсложное окончание.

Что касается окончания *-уj* в диалектных формах типа *ко́стюй, кос'т'йуй*, то появление их обычно считают результатом контаминации форм Т падежа старого склонения на *-ĭ* и существительных старого склонения на *-а*.

Вместе с тем представляет интерес предположение А.И. Сологуб, считающей, что формы типа *ко́стюй* и *кос'т'йуй* являются результатом контаминации форм типа *ко́стью* и типа *ко́стей*, а формы продуктивного типа склонения *па́лкуй, бере́зуй*, видимо, развились уже под воздействием форм типа *ко́стюй*[33]. Аргументы, позволившие выдвинуть это предположение, заслуживают внимания, поскольку в ее распоряжении имелся достаточно богатый материал говоров.

У изучаемого существительного двухсложное окончание Т падежа отмечено только в трех насл. Два из них – Зап. 540, 547, где зафиксирована форма *мы́шъйу*, – расположены в Западной группе южного наречия, на территории которого подобные формы встречаются и у других существительных жен. рода. Один – С. 740, где отмечена форма *мы́шею*, – находится на западе Костромской группы северного наречия, в которой аналогичные формы от других существительных жен. рода не встретились. Указанная форма в первых двух говорах отмечена только при форме И *серая мышь*, в третьем, помимо ее, приведена еще форма Р *мы́ши*.

В значительном числе говоров, как видим, отдельные формы косвенных падежей слова *мышь* образуются по продуктивному типу склонения. В немногих говорах на изучаемой территории это слово полностью перешло в продуктивный тип склонения жен. рода на *-а*. В них соответственно и образуется форма И *мы́ша*.[34]

Правда, полностью парадигмы склонения содержатся в немногих от-

---

[32] См.: Обратный словарь русского языка. М., 1974. В нем приведено 4443 слова с основой на задненебные согласные, 413 – с основой на губные, 1577 слов – на все зубные согласные.

[33] *Сологуб А.И.* О диалектных формах твор. падежа, с. 103.

[34] Известно, что процесс перехода существительных, ранее принадлежавших к склонению основ на *-ĭ*, в другие типы склонения, в частности, в продуктивный тип на *-а*, в ряде говоров охватил и ряд других слов: например, *посте́ля, о́сеня, те́ча, ладо́ня, но́ча, во́ша, мы́сля, жи́зня* и др. (см.: *Обнорский С.П.* Указ. соч., с. 61, 62).

Переход этот у разных слов, очевидно, происходил в разное время. У одних он совершился, видимо, еще в древнерусский период: с окончанием *-а* они отмечаются в памятниках письменности. Так, подобное образование, например, у слова *постеля* зафиксировано уже в XII в.: в Ефремовской кормчей, л. 98а: "...и въноутрь домоу ѥ҃сти и постелѧ стълати"; в Лобковск. прологе, л. 141 б–в (XIII в.) – "...спахъ на земли а постелѧ не имѧхъ" (Примеры взяты из картотеки ДРС XI–XIV вв). Позднее словоформа *постеля* употреблялась в литературном языке и в такой форме встречается у ряда писателей XIX в. Некоторые слова такое образование, видимо, получили позднее: например, *ве́ща, мы́сля* являются новообразованиями. Что касается слова *мы́ша*, то данная форма также, очевидно, является новообразованием, поскольку в картотеках ДРС XI–XIV в. и Словаря русского языка XI–XVII вв. она не зафиксирована. Слово *фа́льша*, заимствованное, по мнению Обнорского, такой облик приобрело благодаря избавлению в конце от группы согласных.

ветах, но и эти данные имеют большое значение для выявления различных парадигм. Так, одна из них имеет неподвижное ударение и отличается качеством гласного в окончаниях: например, С. 753 И *мы́ша* Д-П *мы́ше* В *мы́шу* Т *мы́шей* (см. также С. 758, 782, 839, 853, 857)[35]. Неподвижное место ударения обнаружено и в другой парадигме, в которой формы И-В-Т образованы по типу существительных жен. рода на *-а*. (остальные формы не показательны): Ю 376 И *мы́ша* Р-Д-П *мы́ши* В *мы́шу* Т *мы́шъй*. Эта же парадигма отмечена в нас.п. Ю. 355, 360, 390 – на юге территории Межзональных говоров южного наречия; Ю. 542, 543 – на юге Рязанской группы; Ю. 725 – в южной части отдела "В" среднерусских говоров.

Зафиксированы и парадигмы с подвижным ударением при И *мы́ша* Р *мыши́* Д *к мыше́* В *мы́шу* Т *мышо́й* – Ю. 741. В приведенной парадигме ударение на основе сохраняется лишь в И-В., в формах остальных падежей – ударение на окончании.

Отметим при форме И *мы́ша* другие наблюдающиеся в парадигмах различия акцентологического характера. Так, при обычном *мы́ша* в И падеже в говорах зафиксирована форма с ударением на окончании *мыша́*[36]. При этом сведения о полной парадигме с формой *мыша́* с последовательным ударением на окончании не встретились. Однако есть основания полагать, что, видимо, подобные парадигмы в говорах возможны, поскольку в отдельных ответах содержатся некоторые формы, позволяющие соотнести их с такой парадигмой. См., например: Вост. 202 И *мыша́* В *мышу́* Т *мышо́й*, 307 И *мыша́* Р *мыши́* В *мышу́* П *о мыше́*.

Вместе с тем при этой же форме И падежа в некоторых падежах встретились формы, указывающие на подвижное ударение: например, Ю. 591 И *мыша́* Р *мыши́* Д *к мыше́*, но Т *мы́шей*; или Вост. 486 И *мыша́* Р *мы́ши* В *мышу́* Т *мышо́й*.

Следует заметить, что отдельно взятые формы *мы́ша* и *мыша́* не локализуются на определенной территории. Однако образование этого существительного по продуктивному типу склонения с окончанием *-а* (независимо от места ударения *мы́ша* или *мыша́*) с парадигмами или отдельными формами представлено в пределах небольших ареалов, находящихся в разных диалектных подразделениях. Два из них, различные по размерам, расположены на территории Вологодской группы северного наречия: один находится в междуречье Ваги и Сухоны, другой – в районе г. Вожеги (на левом берегу оз. Воже).

В пределах южного наречия образование данного существительного с окончанием *-а* сосредоточено главным образом в пограничной с Украиной полосе – на смежной территории юга Курско-Орловской группы и Межзональных говоров южного наречия. Эту их сосредоточенность можно условно назвать также ареалом. Две небольшие группы нас.п. с подоб-

---

[35] Возможно, та же парадигма в нас.п. С. 759, 781, 855, 868 и др. – при неполном приведении форм.

[36] Существительное *мыша́* представлено: С. 96, 554, 809; Вост. 311, 312, 317, 322, 341, 386, 647, 869, 896, 915; Ю. 186, 489, 499, 582, 732, 827.

Укажем, что форма *мыша́* зафиксирована в 26 нас.п. на территории Белоруссии, расположенных на границе с Лит.ССР (Дыялекталагічны Атлас беларускай мовы. Карта 80).

ным образованием данного существительного расположены в Рязанской группе: а) к юго-западу от г. Острогожска; б) в районе г. Моршанска.

В отдельных разбросанных нас.п. или небольших их группах формы *мы́ша–мыша́* встречаются в восточных среднерусских говорах:[37] в отделах "Б" и "В".

На основании изучения современных диалектных данных, выясняется, что у существительного *мышь* в жен. роде наряду с парадигмами, сохраняющими формы старого типа склонения основ на *-ĭ*, либо образующимися по продуктивному типу склонения, имеются различные парадигмы, в которых представлены результаты процессов взаимодействия этих двух типов.

Очевидно, как результат межпарадигматических процессов следует квалифицировать те данные по образованию форм существительного *мышь*, когда в отдельных ЧДС в одних падежах представлены формы, образованные по типу мужского рода, в других – по типу женского.

К сожалению, материал этот обычно недостаточен; парадигмы полностью приводятся лишь в двух нас.п.: С. 108, 832 И *большая мышь* но Р *мыша́* Д к *мышу́* В *мыша́* Т *мы́шем*, где только в И падеже представлена форма, образованная по жен. роду, в косвенных же падежах – все формы образованы по муж. роду[38]. В остальных случаях мы имеем дело только с отдельными формами, принадлежащими к различному грамматическому роду. См., например: Ю. 773 И *серая мышь*, но Р *мыша́* Т *мы́шем*[39]; или С. 1143 И *большая мышь* Р *мы́ши*, но Т *мы́шем*[40], в которых форма И падежа образована по жен. роду , Р – то по муж., то по жен. роду, но в Т падеже – только по муж. роду.

В материалах встретилось и обратное соотношение форм муж. и жен. рода, хотя и в неполной парадигме; см.: Вост. 922 И *большой мыш* Р–В *мыша́*, но Т *мы́шью*; или С. 75 *большой мыш* Р *мыша́*, но Т *мы́шью*, в которых при формах муж. рода в И и Р падежах только в Т падеже зафиксирована форма жен. рода. В нас. п. Вост. 483 при этом форма Т падежа образована по продуктивному типу склонения: И *какой мыш* Р *мыша́*, но Т *мы́шъй*.

Следует отметить и такое расхождение между формой И падежа и формами косвенных падежей: С. 1218 И *большой мыш*, но Р–Д *мы́ши* Т *мы́шью* П *об мы́ши*[41]. Подобное расхождение зафиксировано также Зап. 91, где форма Т падежа образована по типу склонения существительных жен. рода на *-а*: И *мыш* (он) Р-Д-П *мы́ши* В *мышь* Т *мы́шъй*.

Наличие у существительного *мышь* в одной ЧДС форм, образованных

---

[37] См. нас.п. Вост. 719, 720, 726, 731, 878, 882, 883, 904, 915; Ю. 606, 614, 619, 725, 731.

[38] Подобное расхождение между формой И падежа и формами косвенных падежей отмечено: С. 68, 70 И *большая мышь* Р *мыша́* Д *мышу́* Т *мышо́м*; С. 113 И *серая мышь* Р *мыша́* Т *мы́шем* П *о мыше́*.

[39] См. также: Зап. 152, 395; Вост. 27, 117, 137, 154; С. 119, 658, 1309, 1357. Важно отметить, что при тех же формах Р и Т падежей в нас.п. 869 в И падеже зафиксирована форма *мыша*: И *мы́ша*, но Р *мыша́* Т *мы́шем*.

[40] См. также: С. 391, 531, 1456; Зап. 131; Вост. 37, 94, 528, 735.

[41] Только три указанные формы (И, Р, Т) приведены: С. 350, 352; Зап. 157; Вост. 165.

по муж. роду в одних падежах, по жен. – в других, по-видимому, часто связано с неполнотой материала. Однако подобное их употребление может свидетельствовать о незавершенности в некоторых говорах процессов унификации всех его форм в пределах одного грамматического рода, который, очевидно, мог быть заторможен влиянием литературного языка. Видимо, по этой причине в отдельных говорах зафиксировано сосуществование парадигм данного существительного по муж. и жен. роду, как это отмечено в нас.п. Вост. 778 И *мышь* (она) Р-Д *мы́ши* В *мышь* Т *мы́шью* П *о мы́ши*; здесь же: И *мыш* (он) Р-В *мыша́* Д *мышу́* Т *мышо́м* П *о мыше́*[42].

Подчеркнем, что такие случаи зафиксированы в единичных нас.п. и не только в пограничной зоне склонения существительного *мышь* по муж. и жен. роду.

Итак, видим, что в связи с общим явлением утраты самостоятельности старого типа склонения существительных основ на *-ĭ*, слово *мышь*, как и некоторые другие, переживало различные инновации. Судьба его отличается от судьбы других слов этого класса. Как показало изучение современных диалектных данных, в склонении существительного *мышь* по говорам выявились различия, касающиеся принадлежности его к грамматическому роду: в одних говорах оно перешло в муж. род[43], в других – сохранило принадлежность к жен. роду, но при этом в части говоров *мышь* перешло в продуктивный тип склонения существительных на *-а*, что связано, видимо, с общей тенденцией унификации типов склонения.

Очевидно, благодаря данной тенденции у существительного *мышь* выявились различные парадигмы в пределах каждого грамматического рода. При этом в муж. роде различия в парадигмах носят прежде всего акцентологический характер, т.е. различаются местом ударения, но в формах П падежа – еще и качеством гласного в окончании (*о мы́ше–мыше́, о мышу́*).

В жен. роде парадигмы слова *мышь* содержат различия как одноплановые, так и многоплановые. При одноплановых различиях обычно представлены результаты внутрипарадигматических процессов аналогического характера (воздействие одних форм на другие). Однако для парадигм по жен. роду более характерны многоплановые различия, в которых отражаются результаты межпарадигматических процессов. В этом случае особенно ощутимо влияние продуктивного типа склонения, способствующее образованию новых форм с измененным характером ударения гласного окончания, что в итоге приводит к образованию новых парадигм.

Процесс взаимодействия разных типов склонения у существительного *мышь* в части говоров, по-видимому еще не завершен, о чем свидетельствует наблюдающееся расхождение в грамматическом роде между различными падежными формами в пределах конкретных говоров. Незавершенность этого процесса видна и в том, что в отдельных ЧДС наблюдается сосуществование парадигм, относящихся к муж. и жен. роду.

---

[42] См. также: Вост. 424, Ю. 581. Сосуществование параллельных форм отдельных (И, Р, Т) падежей зафиксировано в нас.п.: С. 619, 635, 1285, 1305; Зап. 477; Вост. 112, 343, 869, 878.

[43] Употребление его в муж. роде, как указывалось, является одной из комплекса черт, на основании которых выделены говоры центра (см.: *Захарова К.Ф., В.Г. Орлова.* Диалектное членение русского языка, с. 51, 55).

Е.В. Немченко

ОБ УДАРЕНИИ В ФОРМАХ СТРАДАТЕЛЬНЫХ ПРИЧАСТИЙ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ В РУССКИХ ГОВОРАХ

Изучение материалов Диалектологического атласа русского языка (ДАРЯ) по морфологии причастий показало, что диалектные различия создаются не только за счет разных суффиксов, выступающих в образованиях от глаголов одного и того же класса, но и за счет того, что ударение в причастных формах может быть при этом не одинаковым. Соответствующие данные были извлечены из ответов на вопрос 114 Программы при работе автора над следующими картами морфологического выпуска ДАРЯ: "Образование страдательных причастий прошедшего времени от глаголов с основой инфинитива на *оро-, оло-* и с основой на корневое *а-* из **ę*" (109) и "Диалектные формы страдательных причастий прошедшего времени от глаголов на *-ать* и от глаголов II спряжения на *-ить*" (110)[1]. Однако лингвистическая нагрузка названных карт не позволила отразить на них различия в ударении картографированных форм, чем и объясняется, что эти различия стали объектом описания в настоящей работе.

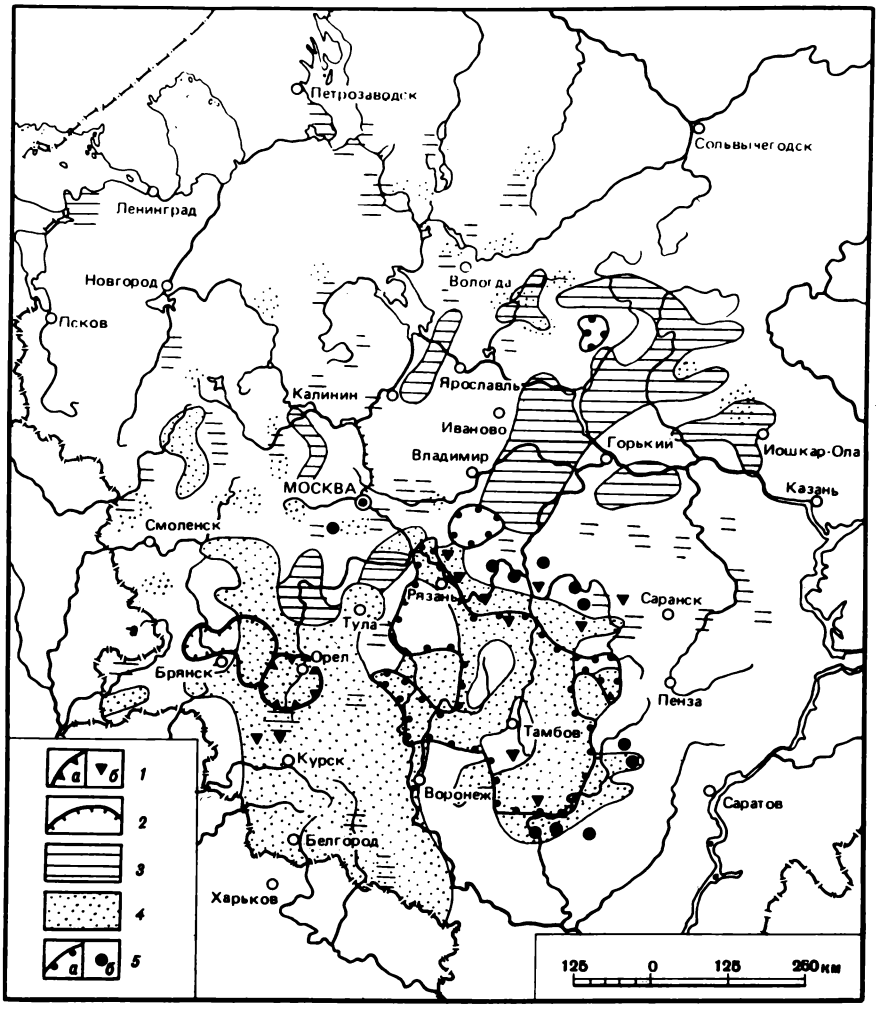
Как свидетельствует анализ материалов, собранных для составления ДАРЯ, говоры различаются между собой по ударению в формах причастий, образованных от двух групп глаголов: 1) с основой инфинитива на *оро-, оло-* и 2) с *а-* в исходе основы. Сказанным определяется то обстоятельство, что данная работа ограничивается описанием диалектных различий в ударении именно этих двух групп причастных образований.

1. Причастия с основой на *оро-, оло-* представляют собой образования от лексически ограниченной группы глаголов: *-пороть, -бороть, -колоть, -молоть, -полоть* (причем в материалах ДАРЯ нет примеров с причастиями от глаголов *-бороть*, – они в диалектной речи, видимо, не употребляются).

В говорах рассматриваемые причастия образуются с помощью двух суф. – *-т-* и *-н-* – и могут иметь ударение как на первом, так и на втором слоге полногласного сочетания. Образования типа *распóротый, смóлото* – общерусские и практически известны всем говорам; формы типа *распóроный, смóлоно* также не имеют территориальных ограничений в своем распространении по говорам, хотя и отмечаются значительно реже первых. Таким образом, диалектные различия создаются за счет образования форм только с ударением на втором слоге полногласного сочетания.

Ударение на втором слоге полногласия в причастиях зафиксировано, по данным ДАРЯ, в 133 нас.п., абсолютное большинство которых образует два разобщенных между собой ареала (карта): 1) на западе это – территория, относящаяся к говорам Верхне-Деснинской и центральной части Курско-Орловской группы южного наречия; 2) ареал, показанный на востоке, включает в себя главным образом восточные среднерусские акающие го-

[1] Диалектологический атлас русского языка (Центр Европейской части СССР). Вып.П. Морфология (рукопись, хранящаяся в Институте русского языка АН СССР. М.).

Ударение в формах страдательных причастий прошедшего времени

1 – распоро́та, прополо́ты...; 2 – распоро́на, прополо́ны...; 3 – о́тдата, со́браты, на́звато и т.п.; *4 – отда́та, собра́ты, назва́то* и т.п.; *5 – отдата́, собраты́, назвато́* и т.п.

воры Б и В, а из говоров южного наречия – только часть северо-восточной окраины Восточной (Рязанской) группы.

Как видно по карте, западный ареал не однороден по составу говоров, в которых употребляются причастия с основой на *оро́-, оло́-*: он разделяется на две части в зависимости от того, с каким суф. – *-н-* или *-т-* – употребляются в говорах соответствующих нас.п. рассматриваемые формы.

Образования типа *распоро́ный, смоло́но* характерны только для части западных южнорусских говоров – главным образом Верхне-Деснинской группы (ареал, обозначенный на карте); за пределами показанного ареала

соответствующие формы отмечены всего в пяти разрозненных нас.п.: три из них расположены на территории говоров Западной группы, а два – Верхне-Днепровской группы.

Причастия типа *распоро́тый, смоло́то,* в отличие от рассмотренных, отмечаются не только в западных южнорусских говорах, где они характерны для центральной части Курско-Орловской группы, но также в говорах Восточной (Рязанской) группы южного наречия и в восточных среднерусских акающих говорах Б и В (см. карту). Помимо показанных на карте ареалов распространения форм данного типа, они единично зафиксированы в 30 разрозненных нас.п. на достаточно широкой территории, охватывающей следующие группы говоров: из среднерусских окающих – Новгородскую и Владимирско-Поволжскую, из севернорусских – Ладого-Тихвинскую, Белозерско-Бежецкую и Костромскую, из южнорусских – Восточную (Рязанскую) и Тульскую.

Возникновение диалектных форм причастия с основой на *оро́-, оло́-* можно, по-видимому, объяснить как явление аналогического характера: внутри парадигмы глагола в говорах происходит выравнивание основ прошедшего времени по месту ударения (ср.: *распоро́тый* или *распоро́ный* и *распоро́ть, распоро́л*; *смоло́то* или *смоло́но* и *смоло́ть, смоло́л*). Более широкое распространение по говорам форм с суф. *-т-*, типа *распоро́т, смоло́та,* чем форм типа *распоро́н, смоло́на,* объясняется, по всей вероятности, тем, что общерусский вариант, образуемый также с помощью суф. *-т-*, практически известен всем говорам.

Чтобы дать некоторое представление о составе словоформ причастия с основой на *оро́-, оло́-*, зафиксированных в материалах ДАРЯ, а также – о сочетании в отдельных говорах форм как с разноместным ударением, так и с разными суффиксами, приведем данные по части нас.п., относящихся к двум группам южнорусских говоров, – западной, с одной стороны, и восточной – с другой.

Зап.: Брянск. обл.: *зерно смоло́но* Павловское; *не поло́ное, поко́лоты* Иловица; *коло́ный, поро́ный* Сметковщина; *коло́ный, поро́ный, зерно смо́лото* Строительная слобода; *моло́ное* Хотылево; *смоло́на мука, поро́ный, ко́лоный* Каменная Гора; *коло́тая, наколо́тые дровы, подпоро́тые* Увелье; *отпоро́ный, ко́лоный* Гута Корецкая; *распоро́тый, смо́лоно, ко́лоный* Святец; *зерно змоло́но* Хоромное; *поро́тый, смо́лоно, ко́лоный, ко́лотый* Гололобово; *моло́ной муки* Алешенка; *коло́ный* Красная слобода; Орловск. обл.: *моло́ный хлеб* Коптево; *смоло́но зерно, сахар коло́ный, шуба распо́рона* Жудре; *зерно смоло́то, ко́лоный* Ворошилова; *зерно смоло́но, по́роный* Солнцево; *рожь смоло́та, смо́лона, смо́лоная* Михнево; *смоло́та, смо́лона* Архангельское; *зерно смоло́то, коло́тый, поро́тый* Красные горки; *зерно смоло́то* Карпово; *моло́тые* Чулково; *коло́тый, поро́тый смоло́та,* реже – *смо́лона* Рядогощ; *коло́тый* Желябуга; *смоло́то, коло́тый, поро́тый* Лаврово; *смоло́то, коло́тый, поро́тый, по́роный* Ломовое; *смоло́та* Зубково; Калужск. обл.: *коло́ный, ко́лотый, смо́лоно* Утриково; *горох коло́ный, не поло́ная* Огорь; *распоро́на, раско́лоная* Буки; Курск. обл.: *смоло́но, поро́ный* Самохваловка; *смоло́то, коло́тый, поро́тый* Трояново; *смоло́та, смо́лона* Ржава; *коло́тый, поро́тый* Первое Скородное; *поро́тый, смоло́но* Фентисово; *смоло́то, ко́лоный, по́роный* Дерлово.

Вост.: Рязанск. обл.: *расколо́того* Посерда; *поро́тый, смо́лота, ко́лотый*

Шаранино; *смолóта, смóлона* Требухино; *смолóтая, распорóтый, кóлотая* Аграфенина пустынь; *смолóта* Лубяники; *расколóта* Веретье; *смолóта, распорóта, смóлона, распóрона* Папушево; *смолóта, порóтый, кóлотая* Васильевка; *молóтая, приколóтая, полóтая* Которово; *смолóта, кóлотый* Доронино; *смолóто* Мокрое; *смолóтая, кóлоный, распóроная* Карабухино; *расколóтый* Шача; *расколóт* Б. Агишево; *распорóтая* Ключи; *наколóтые* Пичкиряево; *смолóта, колóтый, распóроная* Апушка; Владимирск. обл.: *помолóта, молóтая* Уляхино; Мордовск. АССР: *наколóты, смолóта* Шалы; *смолóта, колóтый, порóтый* Долговерясы; Тамбовск. обл.: *поколóты, накóлоны* Серповое; Пензенск. обл.: *пропорóта, смóлото* Б. Кирдяшево.

2. Причастия с суф. *-т-* от глаголов на *-ать* представлены в говорах, по материалам ДАРЯ, как правило, приставочными образованиями от следующих глагольных классов (через запятую дается разрядный показатель)[2]: 1) I_1, *ø//j* (*-знать, -ломать*, и т.п.); 2) II_3, *а//ø* (*-брать, -гнать, -звать* и т.п.); 3) III, *ова//уj* (*-бороновать, -ковать, рисовать* т.п.); 4) I_5, *ø//д* (*-дать*); 5) I_2, *ø//н* (*-стать*); VII_1, *ва//j* (*доставать*).

Данные классы различаются между собой прежде всего по охвату глагольной лексики диалектным образованием причастий. Так, если образование форм с суф. *-т-* от глаголов первых трех из указанных классов является лексически не ограниченным, то для соответствующих форм каждого из последних трех классов круг глагольной лексики значительно более узок – он ограничивается либо только различиями в глагольной приставке (классы, обозначенные 4) и 5), либо даже одним глаголом (последний из перечисленных классов). Не одинакова, в частности, и широта распространения по говорам причастий с суф. *-т-* от глаголов разных классов, а внутри отдельных классов – и от некоторых конкретных глаголов (о чем свидетельствует карта 110 морфологического выпуска ДАРЯ).

Анализ рассматриваемых форм причастия по месту ударения в них показал, что говорам свойственны три следующих типа ударения: 1) на приставке, 2) на гласной *а-* в исходе основы и 3) на окончании. При этом существенно заметить, что для каждого из выделенных акцентологических типов свойственна более или менее определенная территория распространения (см. карту). Прежде чем перейти к краткой характеристике указанных типов ударения в изучаемых причастиях, следует сказать несколько слов о том материале, на основании которого они были выделены.

Среди рассматриваемых причастий с суф. *-т-* выделились по широте распространения в разных говорах формы, образованные от приставочных глаголов *брать, гнать* (класс II_3) и *дать* (класс I_5). Именно эти образования, благодаря их сопоставимости и массовости, послужили основанием для выделения указанных трех типов ударения в причастных формах, а также для установления территориальной приуроченности форм с определенным ударением.

Ударение на приставке кратких и полных (значительно реже) причастий фиксируется в формах им. падежа ед. числа всех трех родов, а также в формах им. падежа мн. числа. Поскольку сопоставимыми между собой явля-

[2] В работе принята классификация глаголов, разработанная на диалектном материале С.В. Бромлей, см.: *Бромлей С.В., Булатова Л.Н.* Очерки морфологии русских говоров. М., 1972 (Глагол).

ются только словоформы, в которых ударение может свободно варьироваться (т.е. в равной степени быть на приставке, основе или окончании), то их, очевидно, и следует рассмотреть прежде всего (причастия с общераспространенной приставкой *вы-* из рассмотрения исключаются, так как не могут быть противопоставлены соответствующим формам с ударением на окончании, образованным от того же глагола, за одним исключением).

Для образованных от глаголов *-брать* кратких причастий в формах им. падежа жен. и ср. рода, а также в форме мн. числа зафиксированы следующие приставки под ударением: *за-, на-, подо-, при-, со-, у-* (наиболее употребительными являются формы с приставками *со-* и *у-*). Те же падежные формы полных причастий с ударением на приставке – *со-* и *у-* – отмечены единично.

В причастиях от глаголов *-гнать* – регулярно для кратких форм именительного падежа и изредка для полных – фиксируются следующие приставки под ударением: *за-, на-, пере́-, при-, разо́-, со-, у-*.

Ударение на приставке в причастиях от других глаголов, кроме указанных выше, ограничено, по данным ДАРЯ, несколькими образованиями от двух глагольных классов. Так, к тому же классу, что и формы типа *со́брато, при́гнаты*, относятся единично отмеченные причастия от глаголов *-рвать* и *-драть*: *по́рвато, со́рваты*; *обо́драта, по́драто*. От глаголов I класса также единично зафиксированы следующие формы: *при́знато, у́знато* (I_1); *за́стата* (I_2); *о́тдато, по́дато* (I_5)[3].

Как видно по карте, рассматриваемый тип ударения в причастиях отмечается в разных говорах. Более характерным, однако, его можно считать для говоров севернорусских и среднерусских (в частности, наибольший из показанных ареалов охватывает часть говоров Костромской группы северного наречия и прилегающие к ней восточные среднерусские говоры). Те разрозненные нас.п., где зафиксированы соответствующие формы, также в большинстве своем расположены на территории севернорусских и среднерусских говоров.

Ударение на окончании в причастных формах рассмотрим, расположив материал в том же порядке, как это было сделано при описании форм с ударением на приставке.

В говорах употребляются причастные формы с ударенным окончанием, образуемые от следующих глаголов: *-брать – забрата́, избрата́я, набрата́* (*-ы́*), *побрато́, прибрата́* (*-о́*), *разобрато́й, собрата́* (*-ы́, -о́й, -ы́е*), *убрата́* (*-о́, -о́й, -а́я, -о́е*); *-гнать – загната́* (*-ы́е*), *пригната́* (*-о́, -ы́*), *прогнаты́, согната́, угната́* (*-о́й*); *-дать – выдата́, отдата́* (*-ы, -а́я, -о́е*), *продата́, создата́*; *-драть – задрата́, надрато́, ободрата́* (*-а́я*), *содрата́*; *-звать – назвата́* (*-о́*), *позвата́*; *-рвать – изорвата́я, надорвата́* (*-ы́е*), *оборвата́, оторвата́, порвато́* (*-ы́*), *разорвата́*; *-стлать – настлата́, постлаты́*.

Сопоставление между собой данных двух групп образований, различающихся по месту ударения в них, свидетельствует прежде всего о варьировании последнего в формах причастия одного и того же приставочного глагола. Таковы, в частности, формы с приставками *за-, на-, при-, со-, у-* соответствующих глаголов *-брать*, выступающими как в положении под уда-

[3] Следует заметить, что более распространенными в говорах являются краткие формы причастий с суф. *-т-* от глагола *вы́дать*.

рением, так и без ударения (ср. также причастия от глаголов *-гнать*). Далее можно заметить, что среди причастий с ударением на окончании сравнительно чаще отмечаются полные формы. Более продуктивны здесь и сравнительно чаще употребляются в определенных говорах образования от глаголов *-дать*; среди них единично отмечены и причастия от глагола *вы́дать* – единственного глагола, по материалам ДАРЯ, в причастной форме которого зафиксирована безударная приставка *вы-*. Наконец, следует заметить, что в целом образование форм с ударением на окончании характеризуется большей регулярностью и представлено более широким кругом глагольной лексики (хотя и ограниченной классами II_3 и I_5).

Что касается территории распространения форм с ударением на окончании, то они, как это видно по карте, сосредоточены главным образом в говорах Восточной (Рязанской) группы южного наречия и отчасти – в говорах Костромской группы северного наречия. Изредка отмечаются такие образования в отдельных говорах и других диалектных групп, исключая западные среднерусские говоры и большинство говоров западной диалектной зоны в целом.

Формы с ударением на гласной *а-* в исходе основы причастий с суф. *-т-* в отличие от рассмотренных выше представляют собой образования, в целом лексически не ограниченные и наиболее продуктивные. Они образуются от глаголов всех показанных выше классов, но наиболее регулярно от следующих: I_1, *ø//j* (*-знать, -копать, -ломать, -сажать* и т.п.); II_3, *а//ø* (*-брать, -гнать, -вязать, -драть, -рвать, -стлать* и т.п.); I_5, *ø//д* (*–дать*). Причастия именно этих глагольных классов представлены в материалах ДАРЯ многочисленными примерами. Абсолютное большинство приведенных форм образовано от приставочных глаголов, причем репертуар приставок весьма обширен (среди них отмечаются и характерные для южнорусских говоров сложные приставки, ср., напр.: *позакрыва́ты, понабива́ты, понадева́тые, понапха́то, понатка́ты, поразлома́ты, поразбива́та, порасстреля́ты*).

В связи с тем, что сопоставить данные формы с рассмотренными выше можно лишь на ограниченном материале, представляется целесообразным привести примеры приставочных образований от глаголов *-брать* и *-дать*: *забра́тый* (*-а, -ы, -ая*), *избра́т, набра́ты* (*-а, -о*), *обобра́та...*, *отобра́та...*, *перебра́ты* (*-а, -ые...*), *подобра́ты* (*-а, -о...*), *позабра́ты, поотобра́ты, поразобра́ты, понабра́ты* (*-о*), *пособра́ты, прибра́та* (*-ы, -ый...*), *разобра́ты* (*-ый*), *убра́т* (*-а, -о...*); *обда́ты, отда́та...*, *переда́ты, пода́та, прода́то...*, *разда́ты, сда́то* (*-а*), *созда́то* (*-ы*). Приведенные иллюстрации – даже по ограниченному кругу лексики – свидетельствуют о сравнительно большой свободе в выборе приставочных глаголов при образовании причастий с ударением на основе; кроме того, можно заметить, что от целого ряда приставочных глаголов в равной степени могут быть образованы причастия с ударением на приставке, окончании и основе.

Причастия с ударением на *а-* в исходе основы представляют собой, по всей вероятности, новообразования (как и рассмотренные выше формы с ударением на втором слоге полногласного сочетания *оло-, оро-*, типа *приколо́та, распоро́н*), возникшие в говорах под действием тенденции к выравниванию основ прошедшего времени внутри парадигмы глагола (ср.: *убра́т* и *убра́л, убра́ть*; *слома́т* и *слома́л, слома́ть*; и т.п.). Процесс этот в неодинаковой степени затронул разные говоры, чем объясняется

и то обстоятельство, что формы типа *забра́ты, слома́то* нередко отмечаются наряду с образованиями, имеющими другое ударение. Однако есть говоры, где употребляются почти исключительно формы с ударением на *-а* в исходе основы.

Как видно по карте, данный тип ударения в формах причастия сосредоточен главным образом на территории южного наречия – в трех его группах: Курско-Орловской, Восточной (Рязанской) и Межзональных говоров типа "Б".

Ю.С. Азарх

ОДНОКОРЕННЫЕ СИНОНИМИЧНЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ В ЧАСТНОЙ ДИАЛЕКТНОЙ СИСТЕМЕ

Задача настоящей статьи – анализ синонимических рядов, членами которых являются однокоренные существительные, полностью или частично, хотя бы в одном лексико-семантическом варианте (ЛСВ), эквивалентные по своему значению. Объектом исследования избраны однокоренные слова, различающиеся по своему морфемному составу, в частной диалектной системе – говоре д. Деулино Рязанского р-на Рязанской обл. Деулинский словарь (ДС) является, как нам кажется, вполне достаточным источником для решения поставленной задачи. По составу словника (около 7000 словарных единиц) ДС не уступает словарям, отражающим лексику достаточно обширных регионов.

В деривационном аспекте однокоренные синонимичные существительные в частной диалектной системе (ЧДС) еще изучены недостаточно. Обычно исследователи ограничиваются списками однокоренных синонимов при описании лексики или словообразования группы говоров, причем нередко подобные "синонимы" принадлежат разным ЧДС. При этом внимание обращается на количество членов синонимических рядов однокоренных слов, их частотность, регулярность рядов с однотипной формальной структурой членов. В последнее время интерес к полным или частичным однокорневым синонимам в диалектной речи активизировался в связи с разработкой теории вариантности слова (Минина 1981, Галуза 1982, Богословская, 1983). Собственно деривационный аспект однокорневой синонимии (словообразовательные процессы и отношения, следствием которых являются ряды однокоренных синонимов, специфика словообразовательного значения производных и регулярность синонимов одного гнезда, структура и функциональная нагрузка словообразовательных морфем у однокоренных синонимов, особенности словопроизводственной базы подобных образований) в сущности еще не исследован.

В современной русистике нет общепринятого определения понятий "синонимия", "синоним". Мы разделяем точку зрения С.Г. Бережана, согласно которой синонимами являются слова, эквивалентные по смыслу (соотнесенности с одним и тем же денотатом) хотя бы в одном из своих значений (Бережан 1973, 76, 87). Синонимы могут различаться стилистически, частотностью, лексической сочетаемостью, они могут быть харак-

терны для разных социально-возрастных групп населения, осознаваться как инновации или архаизмы, принадлежать к словам исконным для данной системы или заимствованиям. Об отношениях синонимии можно говорить лишь в том случае, если полностью или частично идентичные по значению лексемы функционируют в одной языковой системе. Синонимы принадлежат к одному лексико-грамматическому разряду слов.

В исследованиях по русскому языку однокоренные синонимы чаще всего называют "словообразовательными синонимами", "словообразовательными вариантами", "словообразовательными параллелями", реже "лексико-морфологическими вариантами", "морфологическими вариантами", "параллельными формами". При этом упомянутые термины у разных авторов употребляются иногда в нетождественных значениях.

Термин "словообразовательный синоним" правомерен лишь в том случае, если отношения синонимии являются следствием словообразовательных процессов и отношений, выражаются словообразовательными средствами. Хотя большинство русистов-дериватологов полагает, что синонимия разноаффиксальных однокорневых слов определяется синонимией словообразовательных морфем, это вовсе не аксиома, а положение, требующее доказательств. Анализ однокоренных синонимов, функционирующих в одной языковой системе, и прежде всего исследование словообразовательного значения аффиксов членов синонимических рядов должны приблизить нас к решению вопроса о специфике этого регулярного в диалектной и разговорной речи явления.

Термин "словообразовательный вариант" представляется не вполне удачным. Во-первых, в современной лингвистике отсутствует однозначное общепринятое определение понятия "вариант" (см., например: Вариантность как свойство языковой системы. М., 1982). Во-вторых, разноаффиксальные образования являются разными словами при тождестве плана содержания, а не вариантами одной лексемы. Следовательно, считать вариантами однокорневые синонимы можно лишь в том случае, если признавать вариантами и разнокорневые синонимы. Неудачен, на наш взгляд, и термин "лексико-морфологический вариант", который также не отражает сущности явления синонимии однокоренных образований. Если этот термин указывает на одновременное варьирование в плане выражения лексических (корень, приставка), словообразовательных (суффикс, префикс, постфикс), формообразовательных (суффикс, префикс), словоизменительных морфем, а именно на такое понимание термина наталкивает словосочетание "лексико-морфологический", то этот термин относится к меньшей части однокоренных синонимов, различающихся не только суффиксами или наличием/отсутствием суффикса и словоизменительными морфемами, но и вариантами корня, приставками или наличием/отсутствием приставки. Кроме того, вариантами морфемы целесообразно считать ее алломорфы; функционально однотипные и материально различные морфемы, не находящиеся в отношениях дополнительного распределения, правомерней считать разными морфемами, а не вариантами.

Термин "морфологический вариант" следовало бы сохранить при указании на варьирование морфологических показателей лексемы (рода, падежной и числовой парадигм, вида, залога). Термин "словообразовательная параллель" малоудачен и вследствие многозначности слова парал-

лель, и потому, что однокоренные синонимы имеют общую тождественную часть – корень. Неудачен и термин "словообразовательная форма", так как в настоящее время "форма" обычно употребляется по отношению к словоформам лексемы, а не к разным лексемам.

Итак, термин "однокоренной синоним" представляется пока наиболее удачным, так как он лишь указывает на разновидность синонимии, не предопределяя ее квалификацию как синонимию лексическую или словообразовательную. Кроме того, составляющие этого термина однозначны. Понятие "однокоренной синоним" охватывает не только кодериваты – образования с тождественной производящей основой, но и слова, составлявшие первоначально словообразовательную пару – производящее и производное типа *печь – печка, целый – цельный,* а также синонимы с разными производящими основами – члены одного гнезда типа *мутёжка – мучéнье* < *мутúться* 'переносить возрастную болезнь' (о домашних животных).

Рассмотрим однокоренные синонимы, во-первых, в зависимости от семантического типа соотношений между производным и производящим, или от типа словообразовательного значения производных (СЗ) и, во-вторых, в зависимости от специфики словообразовательной структуры подобных синонимов, функциональной нагрузки словообразовательных формантов.

Однокоренные синонимы с транспозиционным СЗ, или транспозиты, синтаксические дериваты. При этом типе семантического соотношения члены словообразовательной пары различаются прежде всего общекатегориальным (или грамматическим) значением. Они принадлежат к разным частям речи. Производное полностью или частично по своему лексическому значению эквивалентно производящему, то есть члены словообразовательной пары при транспозиции семантически находятся в отношениях "нулевой оппозиции". Они могут заменять друг друга в синонимичных высказываниях. В ЧДС, как и в нормированном языке, функционируют транспозиты со значениями отвлеченного от носителя признака – процессуального (имена действия и состояния) или качественного (имена качества, свойства). В ЧДС количество синонимичных транспозитов по сравнению с однокоренными синонимами других типов СЗ относительно невелико. Видимо, это объясняется тем, что для диалектной речи более характерны глагол и прилагательное в своей прямой номинативной функции, чем эквивалентные им по смыслу производные существительные. Транспозиты и их производящие нередко употребляются в синтаксически связанных высказываниях. Часто предложению с транспозитом непосредственно предшествует предложение с производящим глаголом или прилагательным. Подобная соотнесенность высказываний с транспозитом и его производящим характерна и для русской разговорной речи (Земская 1981[а], 116). *Пл'аскáйуцца* на р'ик'é – *пл'искав'éн'* ид'óт'; С табóй ууутáр'им, а патóм ты пашлá йей *п'ир'иказáла,* знáч'ит', йéта *п'ир'икáс* нъзывáицца; У нас рабóч'ии зъфс'аудá *шум'áт' – шумóфку* д'éлайут'; Н'и пав'é-р'у йа... штоп *улáткай* ч'илав'éк бал'нóй был... гл'укóзу,ийó мóжнъ вл'ивáт' дл'а *улáдъс'т'и*; Вó ч'илав'éк какóй *лóфкай,* у н'авó какáйъ *лóвас'т'.* Иногда в предшествующем транспозиту высказывании употребляются синонимы его производящего: *Аруóт', кр'ич'áт' – шумóйўкъ*; *Злóй, л'úхас'* йес'.

Синтаксические дериваты со значением действия или состояния образуют в ЧДС по большей части двучленные ряды синонимов. Они могут включать полные синонимы, или дублеты. В подобные ряды могут входить не только кодериваты, но и слова, составлявшие некогда словообразовательную пару: отглагольное имя с нулевым суффиксом и производное от него с суф. -(*о*)*к*-. Последнее может также мотивироваться глаголом и осознаваться как производное непосредственно от глагола, а не от отглагольного имени. Например: Зъ м'ин'е́ *заступу* н'е́ту; Зъ н'ав'о́ заш'ш'и́ть йес', *заступа*; Зна́йит', што *заступка* йес'т'; С *по́ддыхам* – с остано́вам, с *паддышкай* – адно́ и то́ жа. *Пр'изо́р*-та стал йаму́ н'ихаро́шай, сын-та стал йаво́ аб'ижа́т'; Чаво́ ш *пр'из'ира́т'*... у нас ызв'е́сна, *пр'изо́рка* кака́йа. *Пр'ису́ха* ана по-на́шему ана́ н'идълуав'ешнъйа, пр'ису́шныи (мужья с женами) ан'и́ до́луа н'и жыву́т'; *Пр'ису́шка*, д'е́душка пр'ису́шываит'. *Моч'* плаха́йъ ста́ла, фс'о бо́л'на; Ч'иво́-та *мо́ч'к'и* н'ет, зъбал'е́лъ што л'?

В приведенных примерах синонимия однокоренных имен с нулевым суффиксом и суф. -(*о*)*к*- базируется прежде всего на тождестве производящей основы, равной корню. При этом суффиксы – нулевой и -(*о*)*к*- – не являются формальными показателями определенного типа СЗ. Не указывают эти суффиксы и на грамматический класс, часть речи производного. Они обладают лишь так называемым релятивным значением, то есть сигнализируют о производности слова, соотносят его с другим однокоренным словом – производящим. У однокоренных транспозитов отношения синонимии поддерживается и семантическим равенством их производящим. В ряде случаев синонимия может поддерживаться и общностью морфологических показателей транспозитов (*прису́ха – прису́шка*). Словообразовательные средства – нулевой суффикс и суф. -(*о*)*к*- обладают минимальной функциональной нагрузкой, они лишь служат средством выражения производности слов, не являясь показателями их словообразовательного или грамматического значения. Лексическое и словообразовательное значение производных с подобными суффиксами всегда контекстно-зависимо. Лишь в сочетании с субстантивной парадигмой эти суффиксы выражают значение предметности, то есть переводят глагольную или адъективную основу в существительное. В данном случае суффиксы не являются средством создания или выражения синонимии, они лишь не препятствуют установлению отношений синонимии между однокоренными словами.

Транспозиты со значением действия или состояния образуют и такие синонимические ряды, члены которых не связаны непосредственными словообразовательными отношениями, первичными или вторичными. Обычно только у одного из членов такого ряда суффикс является формальным показателем транспозиционного СЗ, суффиксы других членов ряда имеют лишь релятивное значение. Следовательно, и в этом случае синонимия базируется прежде всего на тождестве корня, а потому она является разновидностью лексической синонимии. Нередко существование подобных синонимических рядов сигнализирует о многозначности одного из членов ряда, как правило, того, суффикс которого не указывает на тип СЗ производного. Например: *Ко́ска*, *уъвар'и́т' же́нскъйа*... ну, н'а ва́с'к'ина *ко́ска*. Мужук'и́ ан'и́ пън'има́йут', хто кас'и́л-та; Вот нъкас'и́л – и н'а ра́да йаво́ *кас'е́н'йу*,, изму́ч'илас'; Е́нтът *уот* ан'и́ кас'и́л'и йей, а л'е́-

ташн'ий γот кака́йа *кашéн'йа*? (записи речи одного и того же лица). В говоре д. Деулино слово *коска* может обозначать не только действие, но и место действия ('покос'), объект действия ('трава для кошения'), а *косенье*, вариант *кошенье* употребляются только в транспозиционном значении отвлеченного действия. Другой пример: Йе́тат д'ен' и ноч' зуд'ит' как анч'у́тка, з *зуды́* пръпад'о́ш; Вот мы зуд'и́м и зуд'и́м. – Ан'и́ *зуд'е́н'йа* на́шъвъ н'ь слу́шайут'. В говоре *зудой* называют надоедливого брюзгу, а *зуденье* имеет только значение действия по производящему глаголу.

Однокоренные синонимы со значением действия или состояния могут различаться по признакам нейтральность/экспрессивность. При стилистической нейтральности членов синонимического ряда они обычно являются лишь частичными синонимами, совпадают по значению лишь в части ЛСВ. При различиях в стилистической окраске члены синонимического ряда могут быть полными или частичными синонимами. Стилистически нейтральные члены ряда, как правило, имеют более широкий семантический диапазон: З'имо́й он (ребенок) м'е́н'шъ *б'е́γу* в'и́д'ит'; Б'е́γаиш ы б'е́γаиш... *б'иγавн'и́.* Бапкъ Дун'а, спас'и́бъ ты н'и пашла́, там была *ло́мкъ*-та (давка в очереди); Ч'о наро́ду! *Лъмав'е́н* н'исас'в'е́тнайь! Ба́бы пъбран'и́л'ис', вот ы *шум*; Пабро́н'уццъ – вот ы *шумав'е́н*; Йа праснулас', ду́мълъ нъ зада́х ч'о у мн'е́ гар'и́т'. Ару́т', кр'ич'а́т' – *шумо́у́ка*; Там γалда́-та, *шума́*-та была́ н'исас'в'е́тньйа на луγу́. Экспрессивы *ломове́нь, шума́, шумове́нь, шумо́вка,* как правило, соотносятся лишь с одним ЛСВ производящего глагола: *ломове́нь* 'давка, толкотня', *шума́, шумове́нь, шумо́вка* 'ссора, брань'.

Синонимические ряды имен состояния также могут быть представлены стилистически нейтральными полными синонимами, при этом только у одного члена ряда суффикс является показателем транспозиционного СЗ: Б'из *мут'о́шк'и* тр'ина́ццыт' штук (поросят) бы́ла; Б'из *муч'е́н'йа* пърас'о́нак н'и быва́ит', хот' у нас н'а бу́дут' мут'и́ца, там (у покупателей) бу́дут'. Карто́шк'и зъл'ило́ – в'ит' йе́та *п'ир'ажы́так,* в'ит' ана п'ир'ижыла́ *п'ир'ажы́так* како́й; Фс'е мужук'и́ н'ив'ис'о́лаи, фс'о итн'ало́с'а, *п'ър'ижы́т'йа* кака́йа. При частичной синонимии слово, в словообразовательной структуре которого отсутствует суффикс – показатель транспозиционного СЗ, как правило, многозначно: Йа н'икуда́ н'а хо́д'у, етъ уш майа *нужда́,* йа зашла к н'аму́ наво́с прас'и́т; Йа йей пр'исав'е́тъвала ден'γ' и нъ зб'аркн'и́шку пълажы́т'... Дъ па *ну́жнас'т'и* ваз'м'о́ш аттуда. Слово *нужда* в говоре многозначно, праславянский общеименной суф. *-j-* в этом слове не вычленяется, этот суффикс не является показателем типа СЗ производного слова.

В единичных случаях синонимия имен действия обусловлена и тождеством корня, и одинаковой функциональной нагрузкой суффиксов, или их синонимией. Это характерно для экспрессивных образований от транспозитов, сохраняющих значение производящих слов с суффиксами – показателями этого типа СЗ: Ан'и ку́п'ут' фс'аво́, в'ина́ ку́п'ут, в'ич'ины́ нажа́р'ут'-напа́р'ут' – вот *γу́л'б'иш'ш'ь* и ид'о́т'; У нас када́ кс'т'и́ны ил' в а́рм'ийу-фс'а'γда́ *γул'а́нку* съб'ира́йут'. *Гульба > гульбище, гулянье > гулянка,* производные экспрессивы являются полными синонимами, в отличие от производящих транспозитов.

Однокоренные синонимы со значением отвлеченного качества немногочисленны в говоре. Отношения синонимии обусловлены и в этом случае

прежде всего тождеством корня, так как обычно лишь у одного члена ряда суффикс является формальным показателем транспозиционного СЗ: Гд'е ты шла к р'ак'е́-тъ? Там *скл'и́за*; Бу́д'ит' пасто́м *скл'ис'*, йа бу́ду па́дат'; Мъкрата́, *скл'изата́*. И н'а сл'е́з'иш, и н'а вы́л'из'иш. Брат'-тъ сп'ашу́ (клюкву), а *спары́*-тъ н'е́ту; И дайо́т' мн'е ɣаспо́т' т'ир'п'е́н'йа и *спъраты́* дайо́т'; Б'е́ɣъим, б'е́ɣаим, а фс'о *спо́рьс'т'и* н'е́ту. Синонимия может поддерживаться и тем, что члены ряда составляют словообразовательную пару, производное отличается от производящего дополнительным экспрессивным или усилительным значением: В ɣлаза́х т'амно́, *т'имната́* пашла́; Кака́йа *т'имнат'и́на*-тъ, н'ич'иво н'и в'и́дна (в речи одного и того же лица). При переносном употреблении первичных транспозитов их синонимия с другими членами ряда основывается на общности корня, а не на синонимии словообразовательных средств: Пъсыла́йут' вас фс'о п'иса́т', ка́жнъйу *пустату́*; Каку́йу *пус'т'ир'ɣу́* съб'ира́ит'и (о работе словарной экспедиции). Суф. *-от (а)* при прямом значении слова указывает на транспозиционное СЗ производного, суф. *-ерьг (а)* присущ экспрессивам с собирательным значением.

В редких случаях полные синонимы с транспозиционным СЗ различаются префиксами: Адна́ б'ир'е́м'а хватаит' на адну́ *истапл'а́нку*; Рас пртап'и́т' – нъзыва́ицца *стапл'а́нка*. А мо́жыт' ета на́ша *хва́тас'* ху́жъ, хвата́иш аун'о́м, испъддаво́л'к'и, мо́жът' лу́ч'ч'и? *Ухва́тъс'* у нас йес'. Синонимия производных обусловлена и общностью корня, и синонимией производящих *истопить – стопить, хватать – ухватить*, и, наконец, тождеством суффиксов и словообразовательного типа производных.

В ЧДС регулярны однокоренные синонимы среди конкретных одушевленных и неодушевленных существительных с мутационным СЗ. При мутации члены словообразовательной пары находятся в отношениях семантического пересечения. Производное сохраняет лишь часть семантических признаков производящего. Между членами словообразовательной пары при мутации устанавливается эквиполентная оппозиция. Производящее и производное либо принадлежат к разным частям речи, либо к разным лексико-грамматическим разрядам одной части речи (одушевленное–неодушевленное, неодушевленное–одушевленное, собственное – нарицательное у существительных), либо реже к разным тематическим группам одного лексико-грамматического разряда (название животного – название лица). Производные с мутационным СЗ идиоматичны по своему лексическому значению (Панов, 1956; Ермакова, 1975; Земская, 1981[б], 137–138). Производные существительные с мутационным СЗ называют носителя признака – процессуального при глагольной производящей основе, качественного при адъективной производящей основе или предметного при субстантивной производящей основе.

Членами синонимического ряда могут быть одушевленные имена с релятивными суффиксами. Производные при этом обозначают живое существо по какому-либо характеризующему признаку. Синонимия в этом случае создается общностью корня и морфологических показателей (рода или принадлежности слова к разряду имен общего рода, одушевленности, коррелятивности числовых форм). Например: Д'афч'о́нка и мало́жы йаво́, а *ɣаво́рка, ɣъвар'и́т'*, как бал'ша́йъ; Т'о́т'и ду́н'ина д'е́фка в'ит' кака́йа *ɣъваруха*; Ой *ɣъваро́к*... фс'о расска́жыт'... така́йъ

гъварýшка н'ивазмóжнъйа (о внучке). *Др'óпкъ,* хóд'ит', др'óпайит', т'ихóн'ич'къ ид'óт'; Стáрьи, во *др'ип'óшка,* др'óплъйъ, адр'апл'éла... иныи мъладьи йес'т' др'óпайут', мы-та уш стáрьи *др'óпалк'и*; Анá в'ит' *др'ипшóткъ,* др'óпайит', др'óпъйит'. Т'ил'óнка... йавó пайúш, пайúш мълакóм, он нъзывáицца *апóик*; *Апóих* – йавó мълакóм пайáт'; Т'алóк, какóва пайúш мълакóм, етъ *апóйух.*

В один синонимический ряд могут входить наименования лиц по характеризующему процессуальному признаку. При этом суффикс одного из членов ряда является формальным показателем мутационного СЗ, суффикс же другого либо указывает только на производность слова, либо, кроме того, имеет и экспрессивную функцию. И в этом случае синонимия базируется прежде всего на общности корня и морфологических показателей производных, а не на синонимии словообразовательных формантов. Например: Он срóду рабóтат' н'а л'убúт', *н'ърабат'éн'*; Баγáтыи, *н'ирабат'áи. Хвал'ýн*-тъ, хвал'úццъ ум'éит'; *Хвал'бýн* и *хвал'óк* – хто хвал'úцца л'убúт'. Если суф. *-'ай-* и *-ун-* указывают на мутационное СЗ производных, то суф. *-(е)н'-* и *-(о)к-* не связаны однозначно с типом словообразовательного значения. Дублетность образований *хвалюн* и *хвальбун* поддерживается и тем, что *хвальба* является транспозитом глагола *хвалить,* от которого произведено *хвалюн.* При тождестве значений производящих (*хвалить, хвальба*) и формантов производные являются полными синонимами.

Синонимичные наименования лиц могут представлять собой словообразовательную пару. В говоре д. Деулино регулярны наименования лиц мужского пола, производные от слов общего рода. Синонимия в этом случае обусловлена и общностью корня, и включением производящей основы в основу производного слова, и присоединением к производящей основе мутационных или релятивных суффиксов, не меняющих тип СЗ производящего слова. Регулярность в русском языке словообразовательной корреляции одушевленных существительных по признаку пола поддерживает появление в диалектной речи маркированных по признаку пола имен м.р. от существительных общего рода, в особенности если в говоре употребляется однокоренной синоним м.р. продуктивной словообразовательной модели. Например: Ех ты, *кр'úкса*!... Ех ты, *кр'иксýн, кр'иксýн* (нянчит грудного ребенка); Кр'икýн какóй, *кр'úкша* (о ребенке). Синонимический ряд пополняется общерусским *крикун,* которое служит образцом для новообразования *криксун. Крикша* – результат распространения слова *крикса* суф. *-j-,* что характерно для славянских экспрессивов (Sławski, 1974, 80–81). Он н'а слýхъит'... *н'ипаслýшн'ик* и *н'éслуш* – с'о равнó; Пар'ин' н'ибал'шóй – как йес' *н'аслýшн'ик.* Слова общего рода входят в один синонимический ряд с однокоренными экспрессивами м.р.: Йéтат *т'ýхал'* нъ работу т'ихóн'ич'къ ид'от'; Ид'óт' как *т'ухл'áк* какóй, сам сайé н'и абрáз'ит'; Какóй ач'ч'áйанай... вот ч'илав'éка нъзывáйут' б'итóк... а какой *т'ухл'áй.*

Дублетами могут быть словообразовательные корреляты ж.р. к наименованиям лиц мужского пола и слова общего рода. Синонимия в этом случае обусловлена и общностью корня, и общностью морфологических показателей, и тождеством СЗ (мутационного) у слов общего рода и существительных м.р., коррелятами которых являются наименования лиц женского

пола. Мутационное СЗ у одного из членов синонимического ряда и модификационное СЗ у другого члена ряда не препятствуют установлению между ними отношений синонимии, так как при модификации значение производящего полностью включается в значение производного слова. Это, как нам кажется, также свидетельствует о том, что отношения синонимии между однокоренными словами возникают на лексическом уровне, а не вследствие словообразовательных процессов и отношений. Синонимия в данном случае поддерживается и тем, что суффиксы слов общего рода и суффиксы модификатов со значением женскости не являются формальными показателями определенного типа СЗ. Этим суффиксам присуще либо релятивное значение, либо релятивное и экспрессивное значения, что характерно для производных имен общего рода. Например: Ана бо́л'нъ *л'ажн'и́хъ*, н'икудышнъйъ, л'ан'ивъйъ бо́л'нъ, л'ен' стра́шнъйъ, л'ажыт' и л'ажы́т' (*лежниха* < *ле́жень* м.р.); А н'и уб'ир'о́ш – тайе́ су́д'ут': *л'ажо́ха*! Нахва́стъит'... *хвастун'йа* ана́; Ана́ хва́стаит', *хвастушка*, ана из ве́ры вы́шла.

В один синонимический ряд могут входить корреляты ж. р. по признаку пола и однокоренные с ними образования ж.р. с мутационным СЗ: Е́нтъ сро́ду *пр'итво́рн'ица*, фкалхо́с н'и схо́дит' (*притворник*: *притворница*); Ана́ сро́ду пр'итвар'а́ицца, така́йъ *пр'итво́рка*. Кудр'и́ха в Д'ау́л'инах выхад'и́ла, и к Гавр'и́л'и выхад'и́ла, така́йа *пу́тал'н'ица* (*путальник*: *путальница*); Кудр'и́ха сама́ *пу́тн'ица* харо́шайа... У нас в Д'ау́л'инах шес't' рас за́муш выхад'и́ла; Хто игра́ит'с мужыка́м'и с ч'ужы́м'а – *пу́тънка*, *пу́тал'н'ица*. Синонимия обусловлена в этом случае и тождеством корня, и общностью морфологических показателей у членов ряда, и релятивным значением суффиксов *-иц(а)* и *-(о)к-*.

В ЧДС отмечается синонимия модификатов со значением женскости. Она поддерживается и общностью корня, и однотипностью морфологических показателей, а также тем, что при модификации производные включают лексическое значение производящих, отличаясь от последних дополнительным семантическим компонентом. Между производящим и его модификатом семантические отношения привативной оппозиции. Они принадлежат к одному лексико-грамматическому разряду и одной лексико-семантической группе. Модификаты с одинаковым частным словообразовательным значением являются полными синонимами, они могут отличаться стилистической окраской. Например: *М'ид'в'ад'и́ха* з' д'ат'м'и́; *М'ид'в'ад'и́ца* з' д'ат'м'и́. Ана уш давно́ *пръдафч'и́хай* стаи́т'; *Пръдафч'и́ца* уйе́хала.

Отношения синонимии могут устанавливаться между членами словообразовательной пары, если производное утрачивает первичное уменьшительное или увеличительное значение и сопутствующие им экспрессивность, оценочное значение. Утрате производным модификационного значения способствует экспрессивность производящего. Суффиксы модификатов не являются показателями СЗ и потому не препятствуют установлению отношений синонимии между членами словообразовательной пары. Например: *Валха́*... калду́н'йа; *Валшы́цы* – е́та зау́т' калду́н'йа. Д'е́й-тъ *лабан* д'е́лс'и?... Он то́лстай, кру́пнай па́р'ьн'; Ты в'ит' н'и ма́хан'к'ай, вон како́й *лъбан'и́на*. В д'е́фках *лом* была, вон кака́йъ *лъмавшы́на*. У м'ин'а́ ат'е́ц *п'йан'*; Муш папа́л *п'йан'у́га*; Фс'е д'е́н'ги *п'йан'у́шка*

прап'йо́т'. Лишь в единичных случаях в ЧДС полными синонимами являются наименования лиц с мутационными суффиксами. Это характерно для экспрессивов: *лобан – лобач*: Твой сын – вон како́й *лаба́ч'*; Д'е́й-тъ *лаба́н* д'е́лс'и?. . . то́лстай, кру́пнай па́р'ьн'.

Редки среди однокоренных наименований лиц дублеты, различающиеся префиксами или наличием/отсутствием префикса. Префикс при этом принадлежит не производному, а производящему слову. В данном случае синонимичны не только производные, но и их производящие. Синонимия производных обусловлена также их принадлежностью к одному словообразовательному типу. Например: Йаво́ в *в'идак'и́* што́ л'а? (свидетелем вызывают в суд); П'ат' γадо́ў усло́внъ да́л'и, *с'в'идак'и́* фс'е пъказа́л'и. Информативность суффиксов возрастает к исходу морфемы. Общность финалей у суффиксов поддерживает синонимию однокоренных образований при однотипности их морфологических показателей: *неслу́шник* и *непослу́шник* (см. примеры выше).

Немногочисленны в ЧДС однокоренные синонимы – наименования лиц, различающиеся морфемным составом производящих основ. Дублетность подобных образований обусловлена и тождеством суффиксов. Производящие подобных дублетов обычно находятся в отношениях семантического включения: одно из них является модификатом другого. Например: *ма́терник – матерни́нник* 'матерщинник'; *сно́шница – сноше́льница* 'жена брата'; *хло́пник – хло́почник* 'старьевщик' (*ма́терный > ма́терниный, сно́шный > > сноше́льный, хло́п > хло́пок*).

При деривации наименований лиц на базе словосочетаний возникают производные, эквивалентные по смыслу исходному словосочетанию. В русском языке суффиксальные существительные, возникающие в результате семантического сжатия, конденсации словосочетаний имеют, как правило, релятивные суффиксы, не указывающие на тип СЗ производных. Суффикс при конденсации словосочетания в слово вместе с системой флексий указывает лишь на грамматический класс производного, выполняет чисто структурную функцию преобразования словосочетания в слово. При стяжении словосочетаний возникают не только суффиксальные имена, но и субстантивированные прилагательные, тождественные по смыслу словосочетанию. Подобные субстантиваты являются дублетами суффиксальных имен, образованных от того же словосочетания. Синонимия в этом случае базируется на тождестве производящего и тождестве корня у параллельных образований. В один синонимический ряд могут входить восходящие к словосочетанию суффиксальное имя и субстантиват, а также производное от суффиксального имени слово с утраченным модификационным значением. Например: Аста́лас' *въдава́йа,* муш по́м'ар; Д'в'е *вдо́фк'и*; О́б'и ан'и́ *вдав'и́цы,* н'и мужавы́и. Н'ет, *в'икава́йа* буду, а зъ йаво́ н'и пайду́; Е́ть мн'е *в'икау́ха* сказа́ла; В'е́с' в'ек *в'икаву́ша*; Йа *в'икаву́шка* аста́нус'. Ч'илав'е́к γлухо́й и нъзав'е́ш *γлушы́на*; *γлушы́ца* – γлуха́йъ, када́ руγа́ис'с'и. Хто – *мъладу́ха,* хто – *мало́ткъ,* хто – *мълада́йа. Пч'ал'и́н'ик,* хош *пч'ал'и́н'ик* – пч'ол развод'ит'.

Среди неодушевленных имен в ЧДС регулярны полные синонимы. Суффиксы подобных образований не являются показателями определенного типа СЗ. Достаточная информативность производящей основы, ее тождество у членов ряда, а также общность у них морфологических показа-

телей поддерживают отношения синонимии. Например: Зът'ава́иш хл'еп – е́та *бабу́шк'им'и*, е́та ф т'е́с'т'и, ан'и́ (комки) н'и ръзб'ива́йуцца н'ика́к; Йе́с'л'и сра́зу къп'ато́к в муку́ вы́л'йиш, *бабо́шк'им'и* бу́д'ит', камка́м'и. В осно́в'и па́лач'к'и – е́та *бра́н'цы*; *Бра́л'н'ицы* д'е́ржут' асно́ву (в речи одного лица). Двор на сталба́х клад'о́щъ, а пато́м *забо́р'инъ* зъб'ира́ищъ; *Забо́рн'у* зъб'ира́им. Д'е о́фцы стайа́т' – зна́ч'ит' е́тъ *афч'а́р'н'ик*; *Афч'а́р'н'ица* дл'и ав'е́ц. Р'ака́ там *прато́ч'ку* пръсаса́лъ в друго́йъ м'е́стъ; Лужо́к, там, как'и́и-н'ибут' *прато́ч'н'и*, рад'и́ща трава́. Тапо́р н'а мой, у н'аво́ *руч'е́йка*-та н'и така́йа. Калда́ш – ры́бу б'йут'. Вот така́йа-та у н'аво́ *руч'а́ица*. Нередко у таких синонимов суффиксы имеют одинаковые или коррелятивные согласные (*-ушк-, -ошк-*; *-(е)ц-, -иц-*; *-ин-, -(е)н'-*), генетически родственны (*-ник-* и *-ниц(а)*. У славянских субстантивных суффиксов основная смыслоразличительная функция принадлежит согласным, в особенности согласным финали суффикса. Это способствует дублетности однокоренных неодушевленных имен, суффиксы которых имеют общую часть в своем исходе. Обычно дублетами бывают и однокоренные образования, если исторически суффикс одного из них распространен суф. *-j-*: *Гъдав'и́ны* атм'ич'а́йут', бо́гу мо́л'ущцъ; Но́н'и го́т, мы мал'и́л'ис' бо́гу – *гъдафшы́ны*. Кало́д'иц ро́йут' – аб'иза́т'ел'на *д'ит'о́нух* туды́ кладу́т'; *Д'ит'о́нуш*, е́нтъ вон ф кало́д'ис'и мы истру́п ру́б'им. Иногда контекст с лексическим синонимом "провоцирует" усложнение морфемной структуры слова: *Катл'и́на–* вада́ хало́днъйъ, о́кълъ р'ак'и́ *прамы́в'ина, кътл'ав'и́на.*

В ЧДС однокоренными синонимами могут быть конкретные существительные разных типов СЗ: образования с мутационным значением и первичные деминутивы, утратившие уменьшительное значение, суффиксальные имена и субстантиваты, восходящие к словосочетанию. Синонимия в этом случае обусловлена и общностью корня, однотипностью морфологических показателей и релятивным значением суффиксов, указывающих лишь на производность слова. Например, полные синонимы – имена с мутационным СЗ и первичные деминутивы, утратившие это значение: Р'ака́ там в Р'аза́н'и н'ь зъстыва́ла, так, *акра́инк'и*; Пайду́т' л'д'и́ны – *паткра́йк'и* атайду́т', *аткра́йк'и* аташл'и́. Первичные деминутивы образованы от слов с мутационным СЗ, они вытеснили в говоре свои производящие: *окраинки* < *окраинка* < *окраина* < *окрай*; *окрайки* < *окраек* < < *окрай*; *подкрайки* < *подкраек* < *подкрай.* Што *паткла́душык*, што *паткла́д'ин'* – ра́зн'ицы н'ет. *Подкладушек* < *подкладух* ‘ подкладное яйцо'. Синонимический ряд, состоящий из суффиксальных конденсатов словосочетаний и первичных деминутивов: *Лахмо́тку* каку́йъ-н'ит' найд'и́, тр'а́пку; *Лъхмату́шк'и* нън'иза́ла нъ н'аво́ (грудного ребенка); П'ил'онъч'ак, *лахмо́тач'ик* ваз'му́ и иду́ на пако́с. *Лохмотая тряпка* > *лохмотка, лохмотушка*; *лохмотка* > *лохмоточка.*

Полными синонимами являются и суффиксальные имена, восходящие к атрибутивным словосочетаниям, тождественным по смыслу, с однокоренными прилагательными. Синонимия конденсатов обусловлена здесь синонимией производящих прилагательных и тождеством стержневых слов – существительных исходных словосочетаний, а также однотипностью словообразовательной структуры производных существительных. Например: *В'ич'е́р'н'ик* н'ь прък'иса́ит'; у м'ин'а́ *в'ич'е́р'ъшн'ик* мълако́ астайо́цца (*вечерний, вечерешний* надой молока). У м'ин'а́ *у́тръшн'ик* прък'иса́ит';

у т'иб'а́ *у́тр'ьн'ика* н'е́ту? (*утро́шный, у́тренний* надой молока). П'ираγи́ п'акл'и́ *лу́къвн'ик'и*; *Лу́кашн'ик* п'аку́т' (*луковный, лукошный* пирог). Йа пайду́ *ас'и́н'н'ик'и* парву́; Пайду́ *ас'и́нъв'ик'и* съб'ару́ (в речи одного лица, *осинный, осиновый* гриб). Возможно, дублет *осиновик* своим появлением обязан известному диалектоносителям названию *подосиновик*: ко́л'к'и *пъдас'и́н'икъф* (в речи того же лица).

Часть однокоренных неодушевленных имен, составляющих синонимические ряды, представлена членами словообразовательных пар. Производные в подобных рядах могут отличаться от производящих дополнительными модификационными значениями усилительности, определенности. Синонимия поддерживается тождеством корня, включением лексического значения производящего и его основы в значение и основу производного слова, общностью морфологических показателей синонимов: М'е́ста в л'асу́ йес'т' *улу́шнайъ, улухата́*, йе́л'н'ик... у, ка́кайъ тут *улухат'и́на*, н'и прал'е́з'иш н'ика́к. В л'асу́ *γуш'ш'ар'и́ца* зърасла́, н'и прайе́хат', н'и прайт'и́, адна́ *γуш'ш'ара́*. Каку́й-тъ *б'ел'* пр'ив'аз'л'и́ о́кна кра́с'ит'. Пр'ив'о́с каку́й-тъ *б'ал'и́ну*... и кра́с'ит' бу́д'ит' (в речи одного лица). Ръскапа́йут' дарóγу-та... вот йе́т'и *къ́лдыба́х'и* нъзыва́йуцца; Пажа́р был, п'ан'к'и́-та вы́γар'ил'и з'д'е́лал'ис' так'и́ *къ́лдыба́шыны*. Йа нъс' ид'е́лъс', и́л'нъ*с'ип* (зад) в'ес ато́х; Пъ *с'ип'и́цы* хр'а́с'н'ит'. Сру́б'иш какой-н'ит *ро́ч'ах*, вот ы нъзы́ваицца *ръч'ажы́на*.

Продуктивность наименований зарослей деревьев, кустарников, трав одного вида с суф. *-ник-* в говоре д. Деулино способствовала появлению дублетов на *-ник* от собирательных названий растений непродуктивных словообразовательных моделей. Например: *γарч'у́γа* расла́ на карто́шках... ана́ го́р'к'айъ; *γарч'у́жн'ик*, го́р'к'ай, то́жа на *γаро́д'и* рас'т'о́т'. Што *л'аш'ш'у́γа*, што *л'аш'шу'жн'ик* – адно́ и то́жа (вид травы).

Единичны в ДС синонимичные ряды, включающие наряду с образованиями, суффикс которых не является показателем СЗ, и производные, суффиксы которых указывают на мутационное СЗ. Члены подобных рядов не связаны между собой непосредственными словообразовательными отношениями. Подобные синонимы чаще отмечаются у слов со связанными корнями, у лексем пассивного словаря, называющих вышедшие из употребления предметы обихода. Например: На б'ир'е́з'и вот вы́ръс'т'ит' *калдай*; Б'ир'о́за т'ик'е́т', во како́й *калдаш* нът'ик'е́т'; Б'ир'е́за – *калдых* зав'ем; Вот йе́та жа́γар... и *къ́лдайа* – йе́та адно́ и то́ жа (в речи одного и того же лица); В'иш нърасло́, *къ́лдышы*-та как'и́и; Нъ б'ир'о́з'и рас'т'о́т *къ́лдав'и́на*, жа́γар-та йе́тат; (на березе) така́йъ на́рас' нърста́ит', йе́та жа́кра... он вро́д'и *къ́лдав'и́цы*. *Къ́лыба́й* кач'а́иш; Ш'ш'ас уш ста́л'и *къ́лыб'е́й* апшыва́т'; *Къ́лыба́р'*, д'ит'е́й кач'а́т', стар'и́ннъйа; Хто л'у́л'к'а зав'е́т', хто зы́пка зав'е́т', а хто *кал'ы́пка*; д'е́вач'ка кач'а́лас' ф *кал'ы́бач'к'и*. Йес'т' *мамо́лк'и*, у н'их ф с'ир'е́тках жо́лтыи, а пъ крайа́м б'е́лыи, *Мамо́нк'и*, бр'е́д'н'ьм лав'им (кувшинки); Пайд'е́м им *мамо́н'н'ик* рват'; В аз'ара́х *мамо́н'ч'ик'и* расту́т' жо́лт'ин'к'ии. *Ч'ис'т'и́на, ч'ис'т'и́нка* – вот пал'а́нка; Гд'е́-н'ибут' *ч'истата́* в л'асу́ – вот нъзыва́йицца пло́ш'ш'ит' (в речи одного и того же лица).

Редки среди неодушевленных однокоренных дублетов образования, различающиеся приставками или наличием/отсутствием приставки: *двори́ще – подво́рище, полбй – разлбй* 'половодье', *пу́тка – спу́тка* 'фабрич-

ные нитки в мотке', *откра́йки – подкра́йки* 'подтаявший у берега лед'. Дублетность подобных образований обусловлена синонимией производящих слов, идентичностью морфологических показателей и словообразовательного типа производных (*двор = подворье* 'усадьба, крестьянское хозяйство'; *путать – спутать*, приставка имеет чистовидовое значение). Разноприставочные имена синонимичны при полной или частичной синонимии приставок (*от-* и *под-*, *по-* и *раз-*).

Самая многочисленная группа полных синонимов в говоре д. Деулино – конкретные имена и их производные с суф. -(*о*) *к-* и первичным уменьшительным значением. Последние в большинстве своем уже утратили уменьшительное значение. Иногда они отличаются от производящих экспрессивной окраской, правда, весьма слабой. Нередко производящие и первичные деминутивы от них употребляются в одном контексте. При этом высказывание с производящим словом обычно предшествует высказыванию с производным. Упоминая вторично какой-либо предмет, диалектоноситель предпочитает номинацию уменьшительным по форме именем. Возможно, это проявление общеязыковой тенденции к экспрессивности речи. При утрате уменьшительного значения у первичного деминутива может актуализироваться значение определенности – дополнительное модификационное значение субъективно-оценочных имен. Видимо, значение определенности отличает в ряде приводимых примеров первичные деминутивы от производящих слов: *Га́с'н'ицъ* – капт'у́шкъ б'ис с'т'акла́, капт'у́шк'и са́м'и д'е́лал'и, а *га́с'н'ич'к'и* на ры́нк'и купл'а́л'и. У, ана́ как *гагóлка* хо́д'ит, ана как *гагóлач'къ* хо́д'ит' (*гоголка < го́голь* 'рослый, молодцеватый человек') *Гр'а́тка* ана́ и *гр'а́тка*... а хош *гр'а́дъч'ка*. Тут *дубн'а́х, дубн'ажо́к*. Д'е́лайут' *дупл'о́* дл'а скварцо́ф, ан'и́ там в'аду́щъ и д'ит'е́й вывóд'ут' в йе́там *ду́пл'ушк'и*. Ш'ш'ас ко́йк'и, крава́т' зав'е́м, а тада́ *за́д'н'ик'и*, на *за́д'н'иках* спа́л'и... ш'ш'ас *кравд'т'и*, ко́йк'и, ко́йк'и жыл'е́зныи, а тада *за́д'нич'ик* на сто́лб'иках стайа́л. Нъ *истапл'а́нку* с'о пр'ин'асла́. Дъ йа то́ка пр'ин'асла́ нъ адну́ *истапл'а́нач'ку*. А *каз'о́нка* -йе́тъ п'ир'ат п'е́ч'ай... П'ир'е́т нъ *каз'е́нач'ку* зал'е́з'иш, а пато́м на́ п'ич'. Как ста́л'и сажа́т' како́й-та йе́тат лорх, н'а в'и́д'им н'и днаво́ *катка́* (плодовой завязи в виде шарика)... а ш'ш'ас што́й-та йа н'а в'и́жу, ва в'ес' гаро́т н'и днаво́ *като́ч'ка* н'а в'и́жу. *К'ис'е́л'* талкла́ у ба́п'к'и Вас'у́н'и, *к'ис'ал'к'у́* зъхат'е́лас' карто́внава. Лугá харо́шыи, а гд'е *калч'и́* (моховые кочки) йес'т', пъпада́йут' *ко́лч'ик'и*, и ку́с'т'ик'и йес'т. Там н'ет *калч'е́й* у т'иб'е́? – Дъ йес' и *калч'о́'к'и*. Мълады́и *ко́пны* бу́дут' таска́т', а йа уш хот' *кап'е́нк'и* пъдур'аба́т'. *Къч'ат'йа́* дрaл'и́с' у нас и мой *къч'ато́к* задра́л йийо́. Гл'ай, вон *къч'ато́к* такой, *къч'ато́ч'ик* какой харо́шын'к'ай. Д'е́н'ги вот с'ич'а́с на ла́пку! Д'е́н'г'и на *ла́пу* – бу́ду д'е́лат'. До́м-та ... в двух избáх дв'е *л'ажа́нк'и*, ру́скъйа п'еч' дъ *л'ажа́нъч'ка*. Хвасты́ (у бобров) до́лгыи, *л'ипшо́ткай*... (хвост у бобра) шыро́кай, н'а кру́гулай, а шыро́к'ин'к'ай, *л'ипшо́тач'кай* (сплюснутый). (Ловить рыбу) асо́б'инна вот така́йа-та вот *на́вълач'ка* аш'ш'о́ лу́ч'ч'ай. А как *на́вълака* (облачность), в'и́жу т'и́ха, вот йа и иду́... ры́ба лу́ч'ч'и ла́в'ицца. *Гд'е но́рку* ан'и́ найду́т', в е́тъй нар'е́ ан'и паймáйут' жывóва (бобра). Струп кало́д'ис'а абал'и́лс'и и тах-та – *нар'а́*, (девочка) нырну́ла и как-тъ сама́ вы́скач'ила из *но́рач'к'и*. Пр'ив'из'о́м н'ибал'шо́й вос с'е́на – етъ *астра́мък*. С'е́на пр'ив'из'о́м н'ибал'шой вазо́к – етъ *астра́мъч'ик*. Йе́с'л'и вот р'ака́ пр'а́мъ ид'о́т', а то гд'е́-н'ибут' *завóткъ* прамóит' – етъ вот *атро́стак* нъ

р'ак'е́. То р'ака́ пр'а́ма ид'о́т', а то кака́йъ-н'ит' *завóдач'ка,* прамóит' снова... вот е́та *атрóстач'ик* ат р'ик'е́. *Пъзванок* и *пъгрáмок,* и патóм буб'е́н'ч'ик'и. Йе́та *пъзванóч'ик,* а йе́та *пъгрáмоч'ик.* Дастáн'ищща трава́ – йе́та *пóжънка,* йе́та твайа́ *пóжн'а.* Бóгъва *пал'и́ч'ка,* вот ана́, абразóк на н'ей. Бóгава *пóлка* – на ла́фку бóга (икону) н'и пъстанóв'иш. Ан'и́ (лапти) бу́дут' *пръстапл'е́тк'и,* ад'и́н с'л'ет. Йе́та пръдава́т' пл'ату́т' *пръстапл'е́тач'к'и.* Ацце́л' л'ес и ацце́л' л'ес, а е́та пайд'о́т' ч'и́стай – *прът'ажóк, прат'áх.* Пр'игатóв'ут' *прат'áнъч'к'и, прат'áнк'и* (хлопчатобумажную ткань). Ана гулатаи́т' *р'е́з'н'ик* (кусок) за *р'е́з'н'икъм...* А мы ваз'м'о́м *ре́з'н'ич'ък* – и в гуло́тк'и астанóв'ищъ у нас. На *сънапр'áх'и,* нъ *сънапр'áшк'и* спутку ск'ем. Ка́жный кон стънав'и́т' пъ *с'ам'и́тьч'к'и* (при игре в карты), ан'и́ два́щщът' кап'е́йак, што н'и *с'ам'и́тка,* так два́ццът' кап'е́йак. *С'е́ру* жуйут', *с'е́рку...* жва́ч'ку. Ад'и́н *ч'е́р'ав,* ад'и́н *ч'арвóк. Ч'улáн'ик*? Вот абъкнав'е́нна *ч'улáн'ик,* ку́хн'а адгарóжына – *ч'улáн.* Нъ масту́ вот з'д'е́лаиш *ч'улáн'ч'ик.* Д'е п'еч', стр'а́пъиш – ап'е́т' фс'о ф *ч'улáн'и.*

В Деулинском словаре, по нашим подсчетам, около 200 подобных дублетов, отличающихся едва уловимыми модификационными значениями экспрессивности, определенности от своих производящих. Первичные деминутивы в говоре нередко употребляются в функции сингулятивов, в особенности при сочетании со словом *один* или отрицательной частицей: *Н'и бы́лач'ки* 'нисколько', 'ничуть'; У м'ин'а́ *н'и бы́лач'к'и* муч'и́цы. Ноч'йу стуч'а́щъ, йа в *адной гулашéйш'к'и* выхóд'у. Пашла́ (за грибами), н'игд'е́ *н'и аднавó пагáн'ч'ика.* Фс'е-фс'е да *адной пл'éтач'к'и* ср'азáл'и (о картофельной ботве). (Белых грибов нет?) – *Н'и аднавó* и *пайáвач'ку* н'е́ту; ср. Вон в е́нтъй лук'е́ грыбы́, а в е́тъй и *пайáву* н'ету. *Рубашка аднá, сърахвáн'ч'ък ад'и́н. Ад'н'и́ м'áкушк'и* йе́ма. Дай мн'е *ад'и́н тóн'ч'ик;* ср. *Тóн'цы* – есть ... тóнкай бл'ин, пр'е́снай, абыд'о́нъшнай. Нередко в говоре д. Деулино первичные деминутивы совмещают значение единичности и определенности: *Вот* т'ибе́ *л'истóч'ик* капу́стк'и. *Тут* тр'и *катóч'ка.* Он был в *е́нтъй к'ийóтач'к'и* (о фотографии мальчика в рамке, где собраны семейные фотографии). С *нáшыва кан'е́ч'къ* штук п'атóк здáл'и с'в'ин'е́й. Ты пр'иб'ар'и́ *ету къраб'у́шъч'ку.* И сингулятивное значение, и значение определенности у первичных деминутивов является дополнительным и контекстно-зависимым, поэтому в тексте обычны актуализаторы этих значений (*один, ни один*; указательные и притяжательные, личные местоимения.

Возможно, о слабости в говоре у первичных деминутивов уменьшительного значения свидетельствует регулярное употребление их с уточняющими определениями, указывающими на малость предмета при необходимости выразить уменьшительное значение: *Даж'ж'óк* он был *мáл'ин'к'ий.* Фу'ара́ *дъж'ж'ач'óк* был ну *н'ь с'и́л'най. Кругулав'и́нач'ку н'ьбал'щу́йу. В'илóч'к'и* (капусты) *ч'у́ташныи.* Такóй *крахóтач'най мужыч'óк,* ка́рл'ик. *М'ид'в'е́жык'и мáл'ин'к'ш. Струбóч'ик мáл'ин'к'ий. Мáл'ин'к'ийа аз'ару́шка* и т.п.

Стирание семантических различий между производящими существительными и производными от них уменьшительными образованиями отмечается в говорах разных регионов (см., например, Янценецкая 1965, 77; Юмаева 1972, 116; Пантелеева 1977, 77; Гриб 1978, 134). Этот процесс характерен для русской разговорной речи и говоров других славянских

языков (Нещименко 1980, 309–310). Следствием этого является рост в славянских языках так называемых вторичных деминутивов. Они образуются от уменьшительных имен первой ступени. К основе последних присоединяется второй суф. *-(о)к-: былка – былочка, дождёк – дождечёк* и т.п. Угасание уменьшительного значения у первичных деминутивов обусловлено, видимо, тем, что указание на размер предмета нередко оказывается социально менее значимым, чем его оценка, в особенности если называемый предмет хорошо известен говорящим. Утрате модификационного значения уменьшительности не препятствуют суффиксы *-(о)к-, -ик-, -иц-, -(е)ц-, ушк-* и т.п. полифункциональные суффиксы, не указывающие на тип словообразовательного значения производных, вычленяющиеся у существительных разного грамматического рода. Подобные суффиксы в разговорной и диалектной речи регулярны у тех производных, которые либо семантически эквивалентны производящим (транспозиты, конденсаты), либо полностью включают значение производящих (модификаты). Общность морфологических показателей – рода, одушевленности/неодушевленности, падежной и числовой парадигм – у производящих и деминутивов первой ступени также поддерживает ослабление семантической оппозиции между ними. Модификационное значение устойчивее при различии морфологических показателей членов словообразовательной пары. Например, для словообразовательных коррелятов по признаку пола обязательно противопоставление в грамматическом роде и типе склонения (ср. корреляты *волк – волчица*, но дублеты *лиса = лисица, кура = курица*). Аналогичные различия характерны для производящих и производных от них собирательных. Кроме того, у собирательных нет коррелятивных числовых форм: *дуб/дубы – дубьё, зверь/звери – зверьё, солдат/солдаты – солдатня, офицер/офицеры – офицерство, пацан/пацаны – пацанва* и т.п. Противопоставлены по роду и/или типу склонения производящие производным увеличительным именам (*дом – домина, друг – дружище*), сингулятивы – производящим вещественным именам (*мармелад – мармеладка, мармеладина, горох – горошина*), в то же время при однотипности морфологических показателей значение единичности у производного постепенно угасает (дублеты типа *береза = березина* в ряде современных говоров). При общности морфологических показателей противопоставление модификатов производящим усиливается за счет супплетивизма основ числовых форм (*волчата – волчонок*, диал. *гусёнок – гусенёнки, гусятёнки*).

Итак, синонимия однокоренных слов является разновидностью лексической синонимии. Основная функция словообразования – производство лексем, называющих новые в жизни общества предметы, явления, процессы, а также таких названий, которые актуализируют мотивировочный признак, еще не отраженный у данного предмета, явления, процесса в существующих их обозначениях. Таким образом, основное назначение словообразования – производство слов с новым лексическим значением, а не дублирование уже функционирующих в языке производных. Основной способ словообразования – аффиксация служит производству новых слов.

Средствами словообразования регулярные словосочетания преобразуются в слово. Правомерно термин "словообразовательный синоним" употреблять по отношению к производным, представляющим результат семантического сжатия, конденсации словосочетаний: подобные синонимы по-

являются вследствие словообразовательного процесса. В данном случае словообразование используется для экономии языковых средств. Словообразовательными синонимами можно называть также лексемы, возникающие в результате сращения словосочетаний. Словообразовательными синонимами являются и производные экспрессивы. Они возникают вследствие словообразовательного процесса, когда средства словообразования служат для усиления экспрессивности речи. Все другие типы однокоренных синонимов, функционирующих в данной языковой системе, являются не словообразовательными, а лексическими синонимами. Подобные синонимы возникают в результате относительной свободы выбора говорящими словообразовательных средств, обслуживающих определенную лексико-семантическую или тематическую группу. В языке функционируют словообразовательные категории, или совокупность, блок словообразовательных типов с одинаковым семантическим отношением между членами словообразовательных пар и однотипной или частично совпадающей словопроизводственной базой, сочетаемостью словообразовательных формантов. Свобода выбора суффиксов обусловлена и абстрактностью их значения, или обобщенностью их функций.

Суффиксы указывают на связь между производным и однокоренными с ним словами. Эта функция свойственна всем словообразовательным морфемам. При этом лишь в момент порождения слова оно обычно обладает единственной мотивацией, т.е. семантически производно от одного слова или словосочетания. В процессе функционирования смысловая производность, или мотивация, слова может меняться. Оно может становиться полимотивированным, причем множественность мотиваций – явление регулярное. Затем суффиксы могут указывать на тип семантических отношений между производным и производящим (либо транспозицию, либо мутацию, либо модификацию). Подобные словообразовательные форманты, как правило, одновременно являются и формальными показателями части речи производного, морфологической категории (рода и типа склонения у существительных), лексико-грамматического разряда (у прилагательных, глаголов). Некоторые суффиксы экспрессивны.

В диалектной речи бóльшая по сравнению с нормированным языком свобода выбора словообразовательных средств и большее число функционирующих однокоренных синонимов связаны прежде всего с устной формой существования диалекта, отсутствием кодификации и жесткой нормы употребления словообразовательных средств. Говор – открытая языковая система. Воздействие на диалекты литературного языка, городского просторечия, а также междиалектные контакты способствуют появлению в речи однокоренных дублетов. Таким образом, синонимия стилистически однородных однокоренных слов возникает не вследствие регулярных словообразовательных процессов и отношений, а является фактом случайным, хотя и достаточно распространенным в языке. Отношения синонимии между однокоренными словами устанавливаются на лексическом уровне, а не в словообразовательной цепи, если однокоренные лексемы стилистически однородны в синхронии. К синонимии членов словообразовательных пар – производящих и производных – приводит нарушение исконных словообразовательных отношений (ослабление семантической оппозиции у производящих и их модификатов).

Производное слово функционирует в речи как готовая к употреблению лексема. По завершении акта словопроизводства дериват вступает в многочисленные и многообразные связи как в синтагматике, так и в парадигматике. Именно лексическая сочетаемость производного, принадлежность его к определенной тематической или лексико-семантической группе, определенному лексико-грамматическому разряду, словообразовательному гнезду играют решающую роль в установлении между производными и другими однокоренными словами того же типа словообразовательного значения отношений синонимии. Словообразовательное значение можно уподобить такому явлению в области психологии восприятия образов, как "остаточный след изображения". Чем длительнее отрезок времени, прошедший с момента восприятия предмета, тем слабее его образ в нашей памяти. Точно так же и словообразовательное значение производного, будучи достаточно четко осознаваемым в момент порождения слова, может постепенно тускнеть. Ослабевают со временем и мотивационные связи производного. Следствием этого является развитие вторичных лексических значений в результате ассоциативных переносов по сходству, смежности и т.п., а также явление опрощения производных основ, фразеологизация значения производного слова.

Материалы Мотивационного диалектного словаря говоров Среднего Приобья со всей очевидностью свидетельствуют о том, что функционирующее в речи производное слово мотивируется не только непосредственно производящим словом, но и рядом однокоренных слов (явление множественности мотивации), а также словами того же, что и производное, словообразовательного типа, входящими в одну тематическую или лексико-семантическую группу с данным производным (общность частного словообразовательного значения у дериватов одного словообразовательного типа). Производное мотивируется и словами той лексико-семантической или тематической группы, к которой оно принадлежит. При этом существенно не тождество словообразовательной структуры, а идентичность словообразовательных формантов ряда членов подобных групп: ср. суффиксальные конденсаты *валенки, катанки, чёсанки* и суффиксальное отглагольное имя *вы́ходки*, называющие виды обуви (примеры из Мотивационного словаря).

Однотипность функциональной нагрузки суффиксов не предопределяет синонимии производных с подобными формантами. Синонимичными можно считать суффиксы – показатели определенного типа семантических отношений между производящим и производным, или определенного типа СЗ – либо транспозиционного, либо мутационного, либо модификационного. Словообразовательный суффикс не предопределяет тождества лексического значения производных и при синонимии производящих, так как диапазон лексических значений производных с однотипным словообразовательным значением достаточно широк: ср. *начало* и *зачин*, производные *начальник* и *зачинщик*, с функционально однотипными суффиксами. И при идентичности суффиксов производных, а также синонимии производящих первые не обязательно являются синонимами: *пугать* и *страшить* – *пугало, страшило.* Синонимические ряды однокоренных слов с суффиксами – показателями определенного типа СЗ – неустойчивы в языке. Например, в текстах XV–XVII вв. *писатель, писарь, переписчик* являют-

ся частичными синонимами, отношения синонимии между этими словами в синхронии отсутствуют. Правда, и в диахронии эти слова, по всей вероятности, не были собственно синонимами, то есть не употреблялись в одной языковой системе. Здесь, видимо, можно говорить лишь об "исторической" синонимии подобных образований.

В подавляющем большинстве случаев в синонимический ряд входят те однокоренные образования, суффиксы которых обладают лишь релятивным значением, либо одновременно релятивным и экспрессивным. Среди членов ряда однокоренных синонимов обычно лишь один имеет словообразовательный формант – показатель типа СЗ, у других членов ряда суффикс не предопределяет их словообразовательное значение, дериваты имеют лишь контекстно-зависимое значение.

Так как отношения синонимии между стилистически однородными однокоренными словами возникают на лексическом уровне, то разнопрефиксальные образования сравнительно редко образуют синонимические ряды. Префиксы подобных образований либо синонимичны в части своих значений, либо один из префиксов имеет грамматическое (чистовидовое) значение. Различие морфемного состава производящих основ не препятствует установлению синонимии однокоренных производных, если их производящие являются членами одной словообразовательной пары и связаны между собой отношениями транспозиции или модификации.

Исследователи справедливо указывают такие причины регулярности однокоренных синонимов в диалектной речи, как взаимодействие литературного языка и диалектов, междиалектные контакты. Материалы Деулинского словаря убедительно свидетельствуют о том, что появление в ЧДС однокоренных синонимов определяется прежде всего внутриязыковыми закономерностями и особенностями устной речи, ее неподготовленностью, важной ролью в ней конситуации. Синонимия однокоренных слов возможна при существовании в языке не только словообразовательных формантов, однозначно связанных с определенным типом словообразовательного значения, но и таких аффиксов, которые указывают лишь на производность или экспрессивность слова. Аффиксы этого типа являются своего рода "дублерами" тех формантов, которые указывают на транспозиционное, либо мутационное, либо модификационное СЗ производных. В устной речи, когда значение слова определяется контекстом и конситуацией, при относительной свободе выбора словообразовательных средств в пределах одной словообразовательной категории и необходимости быстро найти и употребить слово, понятное слушающему, собеседнику, важнее выбор наиболее информативных показателей лексического значения слова – корневой морфемы, грамматической формы слова. Чем менее значимы словообразовательные аффиксы, тем регулярнее наблюдается синонимия однокоренных слов с подобными аффиксами при общности морфологических показателей подобных синонимов. Поэтому в ЧДС регулярны синонимические ряды, члены которых имеют нулевой суффикс или образованы с помощью релятивных суффиксов. В то же время, синонимические ряды, членами которых являются образования с суффиксами – показателями определенного типа СЗ – единичны в ЧДС. Наибольшая функциональная нагрузка словообразовательной морфемы, ее наибольшая информативность препятствуют установлению синонимии между одно-

коренными образованиями, если их аффиксы обладают различным лексическим значением (приставки) или указывают тип семантических отношений между производящим и производным (суффиксы). Отношения синонимии между подобными однокоренными словами одной словообразовательной категории возможны лишь при совпадении финалей суффиксов. В этом случае возможно длительное сосуществование однокоренных дублетов, таковы, например, параллельные образования на *-ник* и *-щик* от одного и того же производящего в истории русского языка. Дублетность этих образований сохраняется и в ряде современных говоров. Но сколь бы длительным ни было сосуществование подобных однокоренных дублетов, один из них выходит из употребления, если отношения синонимии между ними не разрушаются. Уже для начала XX в. характерно употребление соответствий на *-ник* и *-щик* в разных ЧДС, например, *моло́ченик* пск. и *моло́ченщик* вят. 'моло́тильщик' (СРНГ, вып. 18, 244). Подобных отношений конкуренции не существует, или они выражены весьма слабо, между членами синонимического ряда, суффиксы которых не являются показателями СЗ производных. Не характерны отношения конкуренции и между последними и тем членом синонимического ряда, суффикс которого сигнализирует о типе СЗ производного. Подобные синонимические ряды постоянно обновляются, но существуют в ЧДС регулярно.

ЛИТЕРАТУРА

Бережан С.Г. Семантическая эквивалентность лексических единиц. Кишинев, 1973.

Богословская З.М. Явление варьирования слова в системе говора. АКД. Томск, 1983.

Галуза О.Ю. Лексико-морфологическое варьирование имен существительных в амурском говоре. АКД. Томск. 1982.

Гриб Р.Т. Уменьшительно-ласкательные слова в говоре и литературном языке. – В кн.: Проблемы грамматики, словообразования и лексики сибирских говоров. Красноярск. 1978.

ДС – Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области)/Под ред. И.А. Оссовецкого (Материал собрали и словарь составили Баринова Г.А., Коготкова Т.С., Некрасова Е.А., Оссовецкий И.А., Силина В.Б., Смолина К.П.; в сборе материала принимала участие Азарх Ю.С.).

Ермакова О.П. Фразеологичность семантики производных слов различных словообразовательных структур. – В кн.: Актуальные проблемы русского словообразования, I. Ташкент, 1975.

Земская Е.А. 1981[а] – *Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н.* Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981.

Земская Е.А. 1981[б] – *Земская Е.А.* Словообразование. – В кн.: Современный русский язык. М., 1981.

Минина Л.И. Вариантность местоимений и прилагательных в переходном говоре Анучинского района Приморского края. АКД. Л., 1981.

Мотивационный диалектный словарь. Говоры Среднего Приобья/Ред. О.И. Блинова, т. I–II. Томск, 1982–1983.

Нещименко Г.П. Очерк деминутивной деривационной системы в истории чешского литературного языка. Прага, 1980.

Панов М.В. О слове как единице языка. – В кн.: Учен. зап. МГПИ им. В.П. Потемкина, т. 51, 1956.

Пантелеева Е.М. Особенности имен существительных эмоционального и экспрессивного значения на словообразовательном уровне (на материале старожильческих сибирских говоров). – В кн.: Грамматические проблемы русского языка. Барнаул, 1977.

СРНГ – Словарь русских народных говоров, вып. 18/Ред. Ф.П. Филин. Л., 1982.
Юмаева Л.А. Вариантно-синонимические отношения однокоренных существительных в говоре с. Колмогорово Енисейского района Красноярского края. – В кн.: Материалы и исследования по сибирской диалектологии. Красноярск, 1972.
Янценецкая М.Н. К вопросу об именах существительных с утраченной уменьшительностью. – В кн.: Учен. зап. Томского ун-та, № 57, 1965.
Słownk prasłowiański, t. I. Pod red. Fr. Sławskiego. Zarys słowotwórstwa prasłowiańskiego. PAN. Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk, 1974.

Н.В. Маркова

К ВОПРОСУ О КОНСТРУКЦИЯХ С ПРИЧАСТНЫМИ ФОРМАМИ, ОБРАЗОВАННЫМИ ОТ ОСНОВЫ НЕПЕРЕХОДНЫХ ГЛАГОЛОВ С ПОМОЩЬЮ СУФФИКСОВ *-н-, -т-*, В ОНЕЖСКИХ ГОВОРАХ

Одной из ярких диалектных особенностей синтаксиса севернорусских и западных среднерусских говоров являются конструкции, в которых предикат выражен такими причастными формами с суф. *-н-, -т-*, которые образованы от основы непереходных глаголов. В настоящей работе конструкции типа *у него уйдено, у него женёнось, жена уехано, мы перееханы* и др. рассматриваются применительно к территории онежских говоров[1], которые относятся к зоне наибольшего употребления названных конструкций (особенно конструкций с причастиями, имеющими постфикс *-сь*)[2]. Своеобразие территории онежских говоров состоит в том, что на севере и западе она граничит с районами, в которых преобладает иноязычное население, а на юге и востоке – с территориями других групп севернорусского наречия. Внутри рассматриваемой территории выделяются четыре части: северное, западное, восточное и южное побережья Онежского озера, естественными границами которых оказывается само озеро, а также р. Свирь и Вытегра[3].

Основную часть материалов составляют записи 50–80-х гг. XX в.: материалы Словаря русских говоров Карелии (СРГК) Петрозаводского гос.

---

[1] На диалектологической карте 1915 г. эта территория показана как территория олонецких говоров (см.: Труды Московской диалектологической комиссии, вып. 5. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии. Составили Н.Н. Дурново, Н.Н. Соколов и Д.Н. Ушаков. М., 1915). На современной диалектологической карте представлена только часть территории онежских говоров – до 62° с.ш. (см.: *Захарова К.Ф., Орлова В.Г.* Диалектное членение русского языка. М., 1970).

[2] См.: Русская диалектология. М., 1964, с. 190.

[3] Северное побережье – часть Медвежьегорского р-на КАССР, Заонежье, западное – Прионежский р-н КАССР, восточное – Пудожский р-н КАССР, южное – часть Подпорожского р-на Ленинградской обл. и Вытегорский р-н Вологодской обл. Указанное деление карельской территории было предложено Т.Г. Доля, причем на основании синтаксических черт (см.: *Доля Т.Г.* Синтаксические особенности говоров Заонежья Карельской АССР. – В кн.: Лингвистический сборник, вып. 1. Петрозаводск, 1961, с. 58).

ун-та им. О.В. Куусинена и Карельского пединститута; материалы Диалектологического атласа русского языка (как вошедшие в ДАРЯ, так и хранящиеся в архиве Института русского языка АН СССР); материалы диалектологических экспедиций, осуществленных автором статьи и сотрудницей Института русского языка АН СССР И.Б. Кузьминой. Были использованы также данные конца XIX – начала XX в.: ответы на диалектологические программы, относящиеся к Олонецкой губ.[4]; материалы, приведенные в статье В.П. Мансикки, посвященной говорам Пудожского у.[5]; некоторые архивные материалы[6].

Несмотря на то что конструкции с причастными формами типа *уйдено, женено*сь, широко представленные в фольклорных материалах, были замечены учеными уже давно – еще до того, как началось изучение собственно говоров[7], – ряд вопросов, касающихся их происхождения и развития, остается не выясненным до настоящего времени[8].

В данной работе ставится задача описать все бытующие в онежских говорах типы конструкций, включающих в свой состав причастные формы с суф. *-н-, -т-*, образованные от основы непереходных глаголов, учитывая качественное и количественное варьирование явления по территории. Поскольку имеющиеся диалектологические записи охватывают период около ста лет, при описании конструкций учитывается возможность некоторых изменений во времени. Нельзя не принимать во внимание при характеристике диалектных черт онежских говоров и своеобразия их местоположения, которое предполагает возможность взаимодействия с говорами финских языков.

Основной тип конструкций – односоставные с предикативной основой, состоящей из причастной формы на *-но, -то*; *-нось, -тось*, и субъектным детерминантом – сочетанием предлога *у* с род. п. имени: *у него уйдено, у него женено*сь (в некоторых случаях – их 186 из 493 – субъект остается невыраженным). Употребительность данных конструкций наиболее высока в говорах северного побережья Онежского о. (в наших материалах с этой территории имеется 361 пример; в материалах с восточного побережья встретилось 59 примеров, с южного – 42 примера, с западного –

---

[4] Материалы для изучения великорусских говоров, вып. I – Изв. ОРЯС, т. 1, кн. 2, 1896; вып. IV – Изв. ОРЯС, т. 2, кн. 1, 1897; вып. V – Изв. ОРЯС, т. 3, кн. 1, 1898; Труды комиссии по диалектологии русского языка (бывшей Московской диалектологической комиссии); вып. XII. Л., 1931.

[5] *Мансикка В.* О говоре северо-восточной части Пудожского уезда. – Изв. ОРЯС, т. 19, кн. 4, 1916.

[6] Автор благодарит И.Б. Кузьмину за предоставленную возможность использовать ее выписки из материалов: 1) *Шахматов А.А.* Великорусская диалектология. Лекции. Рук., 1915/16 уч. г. Архив АН СССР, ф. 134, оп. 1, № 66; *Шахматов А.А.* Диалектологические материалы. Записи, произведенные в Олонецком крае летом 1884 г. Архив АН СССР, ф. 134, оп. 1, № 255; 2) *Федорков В.И.* Диалектологические материалы Олонецкой губернии. 1920. Рукописный отдел БАН 25.3.44.

[7] См., в частности: *Шафранов С.* О видах русских глаголов в синтаксическом отношении. М., 1853, с. 10; *Буслаев Ф.И.* Историческая грамматика русского языка. М., 1853, с. 108, 349, 381; *Некрасов Н.* О значении форм русского глагола. СПб, 1865, с. 75.

[8] См., в частности: *Борковский В.И.* Синтаксис древнерусских грамот. Простое предложение. Львов, 1949, с. 79; *Филин Ф.П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972, с. 499.

31 пример). Для этих конструкций высокочастотным является употребление субъектного детерминанта: 307 примеров из 493. Обращает на себя внимание тот факт, что в наших материалах более употребительны причастия, соотносительные с глаголами движения, например: *уехано* 85, *уйдено* 56, *приехано* 25, *убежано* 10, *хожено* 8, *выйдено* 7, *езжено* 7, *пойдено* 4 и под. (33 лексемы – 231 пример). Остальные 142 примера содержат 42 лексемы: *замуж выйдено* 42, *поработано* 13, *бывано* 12, *жито* 14, *привыкнуто* 10, *ляжено* 6 и др. Причастия с постфиксом *-сь* характеризуются бо́льшим разнообразием лексем (110 примеров – 69 лексем): *женено́сь* 18, *телено́сь* 5, *простуженось* 2, *напитось, наученось, устроенось* и др. В наших материалах отмечены конструкции и с такими причастиями, имеющими постфикс *-сь*, которые соотносительны с глаголами без этого постфикса, – приведем их все: *а уж уйденось, дак не вернешь*; *где у него уеханось, не знаю* Кузаранда Медв. СРГК; *бытось кошено, да вся мокрешенька* Типиницы Медв. И.Б.К.[9] Отмечены два примера с причастием на *-тось*, соотносительным с переходным глаголом *взять: у тебя взятось ли хлеба? у ей взятось ли хлеба?* Кижи Медв. СРГК.

По-разному распределяются по территории причастия сов. и несов. вида (*придено, выученось; идено, ученось*). В говорах северного побережья преобладают причастия сов. вида, причастия несов. вида составляют предикативную основу менее 10% всех примеров с этой территории. В говорах же западного побережья, где преобладают деепричастные формы перфекта типа *он ушедши*, число примеров с причастиями несов. вида составляет больше половины (15 из 23)[10].

Субъектный детерминант *у* + род. п., как правило, называет одушевленный предмет, например: *у прокурора было приехано* Кузаранда Медв. СРГК; *прибегано у медведя в лодку* Путилово Пудож. ДАРЯ. Единственный в наших материалах пример с неодушевленным субъектом отмечен в говорах северного побережья: *у цветов совсем засохнуто* Кузаранда Медв. СРГК[11]. Почти обязательная одушевленность субъекта отличает данные конструкции от синонимичных деепричастных (ср.: *теперь деляны все заросши* Ладва Прион. СРГК), подчеркивает посессивность причастного перфекта[12].

Конструкции с неназванным субъектом распадаются на две группы. К первой относятся примеры, в которых субъект может быть определен по контексту. Они близки личным предложениям, в которых конкретный субъект подразумевается, например: *поехала к врачу, а врача не было,*

---

[9] Из материалов И.Б. Кузьминой.

[10] Отмечалось, что в говорах западного побережья (напр., Ладвинском) "нет оснований связывать перфектное значение с идеей законченности действия". См.: *Булатова Л.Н.* Перфектные формы в одном русском говоре КАССР (к вопросу о грамматическом значении причастий в функции сказуемого в русских говорах). – В кн.: Русские говоры. М., 1975, с. 198.

[11] Пример с неодушевленным существительным *у дожжа было* приводит В.А. Матвеенко в статье: Некоторые особенности структуры страдательно-безличного оборота в русских говорах. – В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии. М., 1961, с. 125.

[12] *Филин Ф.П.* Заметки о записях материалов по синтаксису. – В кн.: Бюллетень диалектологического сектора Института русского языка АН СССР, вып. 4. М.; Л., 1948, с. 41.

уехано в Толвую Надмозеро Медв. СРГК; *мать его женщина проста, она за ним за молодым лейтенантиком поехала и все шатанось, вслед ездено* Толвуя Медв. СРГК и под. Ко второй группе относятся конструкции, по своему значению близкие к неопределенно-личным предложениям, например: *к ей приехано давно* Толвуя Медв. СРГК; *там без нашего схожено* Деревянное Прион. ДАРЯ; *в соседнем доме уехано в прошлом годе* Шутиково Медв. СРГК и др.

Конструкции с причастиями прош. времени, образованными при помощи суф. *-н-, -т-*, и субъектным детерминантом – сочетанием предлога *у* с род. п. имени определяются как посессивный перфект, так как причастие называет состояние, возникшее в результате совершенного действия, а детерминант – деятеля и обладателя состояния (*у них есть приехано; у него лежано спать было* Шуньга Медв. СРГК). Однако в конструкциях с причастиями на *-но, -то*, соотносительными с непереходными глаголами, "значение деятеля в семантике посессивного сочетания выдвигается на первый план и предельно ослабляется, соответственно, значение обладания"[13]. Значение чистого агенса, выраженного сочетанием *у* + род. п., особенно подчеркивается таким контекстом, в котором причастие и личные формы глагола оказываются однородными членами предложения, например: *у этих приехано, косят в деревне* Кузаранда Медв.; *теперь уж у Тани записанось в стройотряд, дак не передумат* Шуньга Медв. СРГК; *у него в окошко выскочено и бежит сюда* Лебещино Медв. СРГК; *у нее уйдено уж, принесет ли хлеба*? Кижи Медв. СРГК и др.

В наших материалах отмечены и такие примеры, где *у* + род. п. обозначает не субъект, а объект действия: *у нее было выгнано, она с кем-то ребенка нагрешила* Побережье Медв. СРГК; *у него теленось* Бураково Пудож. ДАРЯ. Примеры, подобные первому, приводит В.А. Матвеенко: *у него рожено* (*он рожен*) Корчагино Пудож.; *севонни у них накормлена раньши* (*они накормлены*) Голиково Молотовицкой Новг.[14], – первый относится к рассматриваемой территории. Необходимо заметить, что в обороте *у него теленось* причастие, соотносительное с непереходным глаголом, приобретает иное значение (*теленось = рожден*).

Сочетание *у* + род. п. является самым распространенным средством выражения субъекта действия в односоставных конструкциях, а для западной части территории – единственным. В говорах на остальной территории единично отмечены и другие способы выражения субъекта действия в причастных конструкциях.

Так, отмечены два примера с тв. п. субъекта в конструкциях с причастиями на *-но, -то*: *мной туды перейдено* Кузаранда Медв. СРГК; *здесь за земляницей людьми хожено* Космозеро Медв. СРГК. Тв. п. субъекта – общерусский способ выражения деятеля в причастных конструкциях. Однако подобные примеры в современных говорах являются редкостью[15].

В материалах СРГК по северной территории встретились односоставные предложения с причастиями на *-но, -то* и субъектом действия в дат. п., приведем их все: *господи, до чего я этих автобусов понаслухалась,*

---

[13] *Трубинский В.И.* Очерки русского диалектного синтаксиса. Л., 1984, с. 147.
[14] *Матвеенко В.М.* Указ. соч., с. 126.
[15] Русская диалектология, с. 190.

шумно, кому не привыкнуто, дак хуже Ламбасручей; *не поважено нам супы есть* Сенная Губа; *нам как поважено работать* Кузаранда; *нам привыкнуто, знашь* Белохино. В русском языке дат. п. субъекта широко используется в односоставных предложениях с предикативной основой – неизменяемым словом (наречием, инфинитивом). По-видимому, в данных диалектных конструкциях можно видеть перенос общерусского способа выражения субъекта на причастную конструкцию. Заметим, что один пример с причастием, образованным от переходного глагола, и субъектом в дат. п. приводится (без паспортизации) в "Русской диалектологии": *девять классов кончено парню*[16].

В материалах по современным онежским говорам отмечены конструкции и с им. п. субъекта действия и предикатом – причастием, образованным от основы непереходного глагола с помощью суф. *-н-, -т-*. Эти конструкции делятся на два типа. Первый тип составляют обороты с причастиями на *-но, -то, -нось, -тось*, главные члены которых не координируют друг с другом (24), например: *жена от мужа уехано уже; Виктор Васильевич Великой Нивы на пенсию выйдено* Сенная Губа Медв. СРГК; *он спотета* Кузаранда Медв. СРГК; *девка приехано, выученось на зоотехника; она тоже делать ничему не наученось* Загорье Медв. СРГК; *и то, видать, чужой люд наприезжено, своих-то, видать, нет* Бураково Пудож. СРГК и др. Вероятно, конструкции без координации главных членов возникли на базе страдательно-безличного оборота, на что указывает неизменяемая форма предиката. "Переразложенным" посессивным перфектом назвал подобные обороты Ф.П. Филин[17]. К другому типу конструкций относятся обороты с координированными главными членами (все 15 примеров относятся к северной территории): *он уехал в Беломорск и я туда съехана; она уехана в отпуск* Загорье; *я привыкнута работать* Загубье; *сын был погибнут* Кожма; *мы были перееханы в 1939 году* Шуньга; *мы с Саней записанысь* Толвуя и др. Обращает на себя внимание тот факт, что имя существительное, называющее субъект, как в том, так и в другом случае, одушевленное. Исключение составляет пример: *чашечка да ложечка приехана* Ламбасручей Медв. СРГК.

Существенно указать, что 22 примера конструкций с им. п. субъекта первого типа и все примеры второго типа отмечены в говорах северного побережья. В материалах по этой территории двусоставные конструкции с им. п. субъекта действия и причастием, соотносительным с непереходным глаголом, в предикативной функции составляют 9% от всего числа примеров. (В говорах восточного и южного побережья встретилось по одному примеру без координации главных членов.) Исследования И.Б. Кузьминой свидетельствуют о том, что данные обороты являются редкими, хотя спорадически употребляются на обширной территории севернорусских говоров (всего 63 подобных примера по материалам ДАРЯ[18]). Таким образом, вероятно, можно говорить о некоторой концентрации названных конструкций в части онежских говоров.

---

[16] Там же.

[17] *Филин Ф.П.* Заметки о записях материалов по синтаксису..., с. 43.

[18] *Кузьмина И.Б., Немченко Е.В.* Синтаксис причастных форм в русских говорах. М., 1971, с. 26, 82–84.

В материалах СРГК отмечены конструкции, предикативную основу которых составляют образования на *-ность, -тость* с глагольным корнем. Приведем весь материал (который относится к северной территории): *может, и втянутость была бы с коровой; у него записаность в пехоту* Кузаранда; *того у меня и наученость; намученость, нажитость у меня за войну; лейтенантом была выученость у него* Шуньга; *а нынче насмотреность* Хашозеро; *у сына женености было* Перхино; *но скажи сейчас, я те горбушу принесу, не скажут, не надо, а то с детства привыкнуто наклоненость косили; ели творог, колобы, тесто из овсяной муки, у нас запитаность у старых людей* Толвуя; *у него еще зимой женености* Загорье; *утром, если у ней набеганость, так еще можно нагнать* Палтеха; *здесь она не живет, у нее в Толвуе устроеность* Прошовская.

Причастие приобретает облик существительного с суф. *-ость* (ср.: *у нас была договоренность*). Предположим, что перед нами факты перехода причастий в существительное. Вероятно, именно этим обстоятельством объясняется употребление глагола–связки в форме жен. рода (*лейтенантом была выученость у него*). В таком случае сочетание *у* + род. п. выступает в обычном значении обладания.

Однако возможно и другое объяснение: формы на *-ность, -тость* возникли вследствие так называемой гиперкоррекции, характерной для архаических онежских говоров ([мос] вм. [мост], но [жененост'] вм. [жененос'])[19]. В известной автору литературе подобные конструкции не зафиксированы.

Итак, сопоставление материалов по территории показывает, что наибольшим богатством диалектных черт отличается северное побережье. Только в заонежских говорах отмечены конструкции с дат. п. субъекта, образования на *-ность, -тость* с глагольным корнем, отмечается заметная концентрация причастных оборотов с им. п. субъекта. Напротив, малоупотребительны и не отличаются разнообразием структурных типов обороты с причастиями, соотносительными с непереходными глаголами, на западном побережье. Южное побережье выделяется тем, что в его говорах преобладают обороты с устраненным субъектом (27 из 43).

В материалах конца XIX – начала XX в. представлены только односоставные конструкции с причастиями, образованными от основ непереходных глаголов при помощи суф. *-н-, -т-*. В большинстве случаев конструкции включают в себя субъектный детерминант – всегда сочетание *у* + род. п. (ср.: *приехано было у Устиньи и у Маланьи*[20]). Только в материалах В.П. Мансикки по говорам Пудожского у. бóльшую часть (22 примера) составляют обороты с невыраженным субъектом (*туда хожено и ехано; шесь годов не виданось* и т.п.) и только 7 содержат субъектный детерминант (*у батюшки уехано в Петрозаводск; у нас в собственники выйдено* и др.)[21].

Таким образом, сопоставление материалов современных и материалов конца XIX – начала XX в. позволяет предположить, что односоставные

---

[19] Это объяснение предложено Ю.С. Азарх, которую автор благодарит за ценные замечания, высказанные в адрес настоящей работы.

[20] *Шахматов А.А.* Диалектологические материалы. См. сноску 6.

[21] *Мансикка В.П.* Указ. соч., с. 165–166.

конструкции с дат. п. субъекта, двусоставные с им. п. субъекта, обороты с образованиями на *-ность, -тость* могут быть новообразованиями последнего времени.

Было высказано предположение о западнофинском влиянии в отношении конструкций с причастиями на *-но, -то, -нось, -тось*, соотносительными с непереходными глаголами[22]. Вслед за Ф. Феенкером, обратимся к финскому пассиву, но не к имперфектным, а именно к перфектным и плюсквамперфектным формам:

Syy on valkoisilla kaunaan:
Talvi kun on maattu tässä,
Pitäis päästä Poriin saunaan,
Pääsiäinen kun on lässä.

Есть причина у белых для злобы:
зиму лежали здесь (зима лежано),
надо бы попасть в баню в Пори,
ведь Пасха близко[23].

Особенностью финского пассива, отличающей его от русского языка, в частности, является то, что все формы пассива предполагают в качестве деятеля неопределенное лицо[24]. Другой его особенностью является то, что причастие пассива может быть образовано как от переходных, так и от непереходных глаголов: *on (oli) tehtu есть (было) сделано; on (oli) tultu пришли*[25].

Таким образом, наиболее близкими оказываются конструкции финского перфекта и плюсквамперфекта пассива и русские односоставные обороты типа *уйдено, было женено*сь с устраненным субъектом действия. Они близки по структуре, так как образованы с помощью глагола–связки в форме 3 лица ед. числа и причастия пассива, близки по значению, так как главный член и в русских, и в финских предложениях называет действие одушевленного предмета. Помимо того, обращает на себя внимание тот факт, что в финском языке "иногда непереходные глаголы получают существенно отличное значение по сравнению со значением пассива соответствующего глагола, ср., например: *asukkaita sorrettiin·жителей угнетали; asukkaita sortui жители гибли*"[26]. По-видимому, нечто подобное мы наблюдаем и в примерах *у него теленось, чашечка да ложечка приехана* – явлении не известном в русском языке и явно иноязычного происхождения, когда глагол в разных своих формах может иметь разное лексическое значение. Существенным отличием русских диалектных конструкций является наличие конкретного субъекта действия, выраженного чаще всего сочетанием *у* + род. п. Очевидно, что русские обороты типа *уйдено, у него женено*сь не являются кальками финских, но на основании некоторого сходства в семантике и структуре финского перфекта пассива и русского однокомпонентного оборота с причастиями на *-но, -то, -нось, -тось*, соотносительными с непереходными глаголами, вероятно, можно предположить поддерживающее влияние со стороны финских конструкций на употребляемость подобных русских оборотов.

---

[22] *Veenker W.* Die Frage des finnougrischen Substrat in der russischen Sprache. Bloomington, 1967, S. 137–139.

[23] Rakettu on raudalla... Сталью закаленная... Стихи на финском языке. Петрозаводск, 1976, с. 105. Дословный перевод с финского автора настоящей статьи.

[24] *Хакулинен Л.* Развитие и структура финского языка, ч. II. М., 1955, с. 238.

[25] Грамматика финского языка. Л., 1961, с. 156–157; *Морозова А.Г.* Учебник финского языка. Петрозаводск, 1982, с. 207.

[26] *Хакулинен Л.* Указ. соч., с. 238.

И.Б.Кузьмина

НОВЫЕ ДАННЫЕ О РАЗЛИЧИТЕЛЬНЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЯХ РУССКИХ ГОВОРОВ

Настоящая статья посвящена анализу относящихся к территории РСФСР синтаксических материалов Общеславянского лингвистического атласа, выписка и предварительное картографирование которых осуществлены ее автором.

История изучения русского диалектного синтаксиса насчитывает уже около полутора столетий[1]. За это время накоплены значительные материалы как монографического, так и лингвогеографического характера[2], позволившие выделить известный круг конструкций, являющихся различительными элементами русских говоров[3]. В настоящее время этот фонд пополняется данными, полученными по программе ОЛА.

Синтаксический раздел ОЛА довольно обширен: он включает в себя 100 вопросов, которые относятся к разным синтаксическим единицам и в своей совокупности должны обеспечить материал для разносторонней и относительно полной характеристики круга различительных синтаксических явлений, представленных в современных говорах разных славянских языков. К сожалению, только 13 вопросов из числа синтаксических были выделены для обследования по густой сетке (в пределах РСФСР 318 нас.п.): 11 из них предполагают выяснение наличия/отсутствия определенных типов простых предложений и 2 – употребления предложных/беспредложных словосочетаний. Основная же часть синтаксических вопросов признана обязательной для работы только в тех нас.п., которые обследовались по редкой сетке (так называемые опорные населенные пункты), – на территории распространения русского языка имеется всего 80 нас.п.,

---

[1] Так, в статье В.И.Даля "О наречиях русского языка. По поводу опыта областного великорусского словаря, изданного вторым Отделением Академии Наук" (Вестник Русского географического общества, 1852, кн. V) упоминаются – с указанием на принадлежность тем или иным говорам – такие конструкции как *лес зазеленевши; принести вода; сходим по грибы, сбегай по его*; имеются здесь также замечания о служебных компонентах синтаксических конструкций – частицах (постпозитивных *то, от, ти...*, утвердительной *ну*, и нек. др.), союзах, вопросительных словах. С работ П.А.Лавровского (О языке северных русских летописей. СПб., 1852) и Ф.И.Буслаева (Опыт исторической грамматики русского языка. М., 1858) начинается использование диалектных данных в сравнительном плане – при описании синтаксических явлений древнерусских памятников письменности.

[2] Наиболее ранние лингвогеографические материалы по русским говорам относятся к первой половине XIX в. Уже здесь имеются ответы на вопрос, предусматривающий выяснение возможности/невозможности предикативного употребления неизменяемых причастных форм типа *ушедши, умерши*.

[3] Приходится признать, однако, что имеющиеся материалы еще недостаточны для того, чтобы можно было предпринять попытку системного описания синтаксического уровня языка применительно к говорам. Тот факт, что синтаксис говоров изучен более фрагментарно, чем их фонетика и морфология, обусловлен, помимо трудностей, связанных со сбором синтаксического материала, самим характером изучаемого объекта – многоэлементностью и сложностью синтаксической системы, необходимостью рассматривать явления не только в структурном, но и в функциональном плане.

для которых мы располагаем ответами на все или на некоторые из этих вопросов.

Несмотря на то что вопросы, включенные в "Вопросник Общеславянского лингвистического атласа" (М., 1965), рассчитаны на выявление различий в пределах говоров всех славянских языков, ответы на многие из них свидетельствуют о наличии тех или иных территориальных противопоставлений и для говоров одного – русского – языка. Как будет видно из дальнейшего изложения, материалы ОЛА содержат по преимуществу сведения о явлениях, в той или иной мере уже описанных в имеющейся литературе: ценность этих материалов (как и всяких других, полученных лингвогеографическими способами) определяется прежде всего наличием в них однородных, сопоставимых данных по разным говорам. Думается, что эти материалы, сигнализирующие диалектные различия, но не позволяющие – в силу своей малочисленности – четко определить территорию распространения соответствующих конструкций, должны быть учтены в дальнейшем при составлении каких-либо новых программ, предусматривающих обследование синтаксического строя русских говоров.

Ниже в статье излагаются данные ОЛА по различительным синтаксическим явлениям – за исключением тех, которые уже описаны по значительно более полным лингвогеографическим материалам и картографированы в ДАРЯ (перечень этих последних дается в конце статьи). Различительные явления группируются следующим образом: I беспредложные словосочетания; II предложные словосочетания; III соотношение предложных и беспредложных словосочетаний; IV структурные схемы простых предложений; V именное сказуемое; VI служебные компоненты синтаксических конструкций (союзы, частицы, относительные и вопросительные слова). Материал по каждому явлению сопровождается отсылкой к соответствующему вопросу Вопросника – это представляется тем более необходимым, что в рамках короткой статьи называемые конструкции не получают достаточно полной структурной и семантической характеристики.

I. Род. падеж объекта после переходных глаголов (2904°, 2905°) известен всем русским говорам, но условия употребления этой синтаксической единицы, по-видимому, не одинаковы: если на юго-востоке бланковки ОЛА (оскольские и рязанские говоры)[4] род. падеж отмечен даже не во всех случаях, определяемых как родительный выделительный (для конструкций со значением "временного пользования" здесь характерен вин. падеж), то в севернорусских и западных среднерусских говорах употребление род. падежа не ограничивается рамками родительного выделительного (*купить муки на пироги; одолжить ножа*), ср.: *раньше любила я соленых огурцов* Долгощелье Мезенск. Архангельск.[5]; *денег нельзя в руках держать* Лаврентьево Междуреченск. Вологодск.; *избы хотела хорошей, большой*

---

[4] Как известно, картографируемая в ОЛА часть РСФСР отличается от той, которая картографирована в ДАРЯ: бланковка ОЛА ограничена в направлении с запада на восток (не включает говоров новой колонизации), но охватывает бо́льшую территорию на севере РСФСР, где расположены архаические говоры новгородского происхождения.

[5] Примеры даются в орфографическом написании; вслед за названием нас. п. указываются последовательно район и область (или республика).

Теребутицы Солецк. Новгородск.; *купить самовара* Ладва Прионежск. Карельск. АССР.

Материалы ОЛА позволяют думать, что несколько разнится по говорам относительная употребительность таких общерусских конструкций как конструкции с родительным падежом принадлежности и с притяжательными прилагательными (2996°–3000°). Относительная употребительность род. падежа – особенно от уменьшительных собственных имен (*нож Вани*), – по-видимому, наиболее низка в восточных среднерусских говорах и в восточной части южнорусских (оскольских, рязанских). К этому следует прибавить, что для названных говоров характерны случаи употребления притяжательных прилагательных в именных сочетаниях такого типа как *у ее отцова брата* Кунилово Талдомск. Московск.; *около тёти васениной избы* Комарово Городецк. Горьковск.

В западных среднерусских и севернорусских говорах концентрируются разные случаи употребления дательного падежа принадлежности (2844°, 2906°), ср.: *как тебе бока не заболят*? Тумалины Игналинск. Литовск. ССР; *тебе нет мамы* Хотилицы Андреанопольск. Калининск.; *а где папа им*? Подборовье Гдовск. Псковск.; *отцу сестра – тётя* Койда Мезенск. Архангельск.

II. На самом северо-западе РСФСР (часть западных среднерусских и севернорусских говоров) отмечается употребление при сочетании с предлогом *под* твор. падежа имени в пространственных конструкциях, имеющих значение не только местонахождения, но и направления (2911°), ср.: *коты задушат мышь и принесут под дверью* Тумалины Игналинск. Литовск. ССР; *поставил под столом* Копорье Ломоносовск. Ленинградск.

Материалы ОЛА не свидетельствуют о наличии зависимости между семантикой пространственных конструкций – местонахождение или направление – и формой имен, выступающих в сочетании с предлогом *между* (2909°): как в тех, так и в других конструкциях по говорам употребляются и род. и твор. падежи имени. Диалектное различие заключается в том, что в одних говорах (севернорусских) в род. падеже при предлоге *между* выступают обычно существительные мн. числа (*стоять между окон, поставить между окон*), в других (среднерусских и южнорусских) – существительные не только мн., но и ед. числа, ср.: *стань между брата и сестры* Подборовье Гдовск. Псковск.; *между осоки растет клюква* Кунилово Талдомск. Московск. На самом севере рассматриваемой территории отмечены единичные случаи употребления при предлоге *между* вин. падежа имени, ср.: *нашел заулочек меж байны* (-банями); *поставь меж стол и шкаф* Тамица Онежск. Архангельск.; *меж ру́ки пойдут* Долгощелье Мезенск. Архангельск.

Объектные конструкции с предлогом *до* и род. падежом имени, выражающие движение к кому-либо, типа *идти до соседей* (2914°) концентрируются на юге РСФСР, около границы с Украиной, но спорадически отмечаются и на другой территории (включая севернорусские говоры).

В материалах ОЛА по разным говорам встретились единичные случаи употребления предлога *сквозь* (*скрозь*) в значении 'через' (2922°), ср.: *он шел сквозь лес* Боровская Верховажск. Вологодск.; *скрозь болото сам прошел* Погорельцово Железногорск. Курск.

В севернорусских и восточных среднерусских говорах отмечены объект-

ные конструкции, в которых имя в вин. падеже с предлогом *про* называет лицо, для которого, ради которого совершается действие, ср.: *трудились про себя* Ладва Прионежск. Карельск. АССР; *это она про зятя* (вино берет) Гридино Красносельск. Костромск.; *я баню про вас истопила* Шихириха Пучежск. Ивановск. (соответствующие примеры приводятся в ответах на вопрос 2924°).

III. Вопросник ОЛА предусматривает фиксацию случаев употребления конструкций с предлогом *с* и именем в твор. падеже, соотносительных с общерусскими беспредложными конструкциями (2907, 2908). Соответствующие примеры зафиксированы в десяти ответах, относящихся к нас. п., расположенным в разных областях, – приведем весь материал: *кот царапает с ногтям, с пальцем неможно кушать, с вилам ровняют, мазали с дегтем, белили с попелом* (о полотне) Тумалины Игналинск. Литовск. ССР; *намазываем хлеб с маслом ребятишкам*[6] Шушелово Поддорск. Новгородск.; *он намазал хлеб с маслом* Романово Старицк. Калининск.; *буду я драться с тобой с палкой* Устье Одинцовск. Московск.; *хлеб молотят с цепами* Вахрамейка Любимск. Ярославск.; *он намазал хлеб с маслом* Амачкино Павловск. Горьковск.; *он копает землю с лопатой, намазал хлеб с маслом* Лосинино Кармановск. Смоленск.; *намазать хлеб с маслом* Козилово Холм-Жирковск. Смоленск.; *копаем с сохой* Деулино Спасск. Рязанск.; *я посыпала хлеб с песком* Гришина Слобода Жуковск. Брянск.

IV. Предусмотренные в вопросе 3124 безличные конструкции, называющие физические ощущения человека (*глаза щиплет, спину ломит*) принадлежат к числу общерусских. Различительными элементами в пределах русских говоров оказываются личные конструкции той же семантики. Предложения типа *глаза щиплют, глаза режут, спина ломит, грудь моя колет* отмечаются в западных среднерусских и в южнорусских говорах[7].

В севернорусских говорах концентрируется употребление безличных предложений, предикативная основа которых выражена безличными глаголами с корнем *дожд-*: *дождить, подождить, раздождиться, дождиться, надождить* (2451). Спорадически предложения типа *сегодня опять дождит* отмечаются и в других говорах.

В материалах ДАРЯ по севернорусским говорам (обычно в ответах на вопрос 123 Программы, касающийся утвердительных экзистенциальных конструкций) иногда встречаются двусоставные отрицательные предложения прошедшего времени, типа *самовары здесь не были*. В ОЛА фиксация отрицательных бытийных конструкций специально предусмотрена (3119°): соответствующие материалы, правда, единичные – показывают, что явление не ограничивается севернорусскими говорами, ср.: *у нас волки не были* Алексеевка Кимовск. Тульск.; *козы не были у нас* Плёхово Суджанск. Курск.

Для выражения значения 'видно что-нибудь' (3122°) по говорам употребляются конструкции с прилагательным *виден* (*отсюда видна школа*)

---

[6] Повторяющийся в ответах пример *намазать хлеб с маслом* приведен как иллюстрация в Вопроснике.

[7] Данная изоглосса представлена на карте в статье: *Кузьмина И.Б.* Первые результаты изучения синтаксических материалов ОЛА по русским и белорусским говорам. – В кн.: ОЛА. Материалы и исследования. 1981. М., 1984. Здесь же опубликована изоглосса конструкций с относительным местоимением *какой*.

и с безличными предикатами *видно* и *видать*, при которых имя может стоять как в вин., так и в им. падеже (*видно школу* и *школа; видать школу* и *школа*). Двусоставные предложения с координацией компонентов предикативной основы (*видна школа*) отмечаются в разных говорах, но наиболее частотны они, по-видимому, на юго-востоке рассматриваемой территории, в южнорусских говорах. Из предложений с безличными предикативами одни – в которых имя имеет объектную форму, – видимо, не знают территориальных ограничений, другие – в которых выступает им. падеж имени – употребляются в севернорусских, среднерусских и южнорусских говорах, относящихся к западной части РСФСР.

V. Материалы ОЛА показывают, как варьируется по говорам форма именного сказуемого, имеющего семантику сравнения, а точнее – форма сравнительных оборотов после сравнительной степени прилагательных (2978°). Наряду с общерусскими предложениями типа *сестра старше меня*, в севернорусских и среднерусских говорах изредка отмечаются конструкции с союзом *как* и предлогами *против* и *от*, типа: *Ваша жена красивей, как она* Тумалины Игналинск. Литовск. ССР; *теплее дома́ против наших* Кочергино Солнечногорск. Московск.; *больше морж от тюленя* Койда Мезенск. Архангельск. В западной части западных среднерусских говоров (территория, прилегающая к БССР) единично отмечены конструкции с предлогом *за*, типа *он старше за меня* Горки Нелидовск. Калининск. Конструкции с союзом *чем*, по-видимому, более частотны в южнорусских говорах.

Именное сказуемое – прилагательное, распространенное объектом (3018°), употребляется в русских говорах по преимуществу в краткой форме – *ботинок мне мал.* Только в некоторых нас. п., расположенных близко к западной границе РСФСР, отмечены предложения с полной формой – *ботинок мне малый.* (Конструкции с полными формами обычны в белорусском языке.)

VI. На северо-западе РСФСР (территория, примыкающая к Чудскому озеру, Финскому заливу, Онежскому озеру и Белому морю) спорадически отмечается употребление утвердительной частицы *ну*. Эта частица выступает здесь в функции *да* – как положительный ответ на замкнутый вопрос (3111°), ср.: *– а вы тоже из этой деревни? – ну* Теребутицы Солецк. Новгородск.; *– около огородов купались? – ну-ну-ну* Подборовье Гдовск. Псковск.

Вопрос 3139° предполагает фиксацию частиц, функция которых – показать, что те или иные факты излагаются с чужих слов. На большей части территории русских говоров в этой функции отмечаются частицы *мол* и – реже – *дескать* (следует, однако, сказать, что материал по данному вопросу не велик и, видимо, получен по преимуществу не в процессе живой беседы). В восточных среднерусских говорах отмечены также частицы, получившиеся из форм глаголов *говорить* и *баять* (*гът, бай, бат*). Ни названные, ни какие-либо другие частицы, специальной функцией которых является сигнализация передачи содержания чужой речи, не отмечены в гдовских, псковских и западной части новгородских говоров (отсутствуют такие частицы и в говорах белорусского языка).

Вопросник ОЛА включает в себя ряд вопросов, касающихся союзов – как сочинительных, так и подчинительных. Ответы по этим вопросам

в сумме своей весьма интересны. (Можно заметить кстати, что здесь приводится много материала и по бессоюзным сложным предложениям.) Но уверенно говорить о локализации представляется возможным по отношению только к отдельным союзам. Из временных союзов (3141°–3143°) локализуются на востоке рассматриваемой территории *дока(м)* и *коли*. Союз *дока(м)*, отмеченный в Ивановской и Горьковской областях, употребляется в придаточных предложениях, выражающих действие, которое происходит либо одновременно с действием, названным в главном предложении, либо следует за ним, ср.: *кушайте, докам она хорошая* Шихириха Пучежск. Ивановск.; *бывало играешь, дока мать не скричит* Рогово Кулебакск. Горьковск. Союз *коли*, отмеченный в Ивановской, Горьковской, Рязанской и Воронежской областях, в плане семантическом является, подобно общерусскому *когда*, универсальным временны́м союзом. Применительно к условным союзам (3145°, 3146°) представляется возможным говорить о локализации *когда* и *раз*. *Когда* в качестве союза в придаточных предложениях со значением нереального условия (ср.: *когда б я могла, я никого не просила* Козилово Холм–Жирковск. Смоленск.) отмечается на западе РСФСР – в среднерусских и южнорусских говорах. Союз *раз*, употребляющийся в придаточных предложениях со значением реального условия (ср.: *раз молока не пьешь, не вырастешь* Койда Мезенск. Архангельск.), по-видимому, не характерен для южнорусских говоров. Как ограниченный в своем употреблении территорией среднерусских и южнорусских говоров выступает, по материалам ОЛА, причинный союз *потому* (3144°) – в севернорусских говорах фиксируются союзы *потому что* и *что*.

Из вопросительных слов, употребляющихся в предложениях, выражающих вопрос о причине и цели (3114°, 3115°), наиболее отчетливо локализуется *почто*. Вопросительное слово *почто*, характеризующееся, в отличие от таких слов как *почему* и *зачем*, синкретичной семантикой (ср.: *они тебя почто знают? почто ко глупой идёте?* Койда Мезенск. Архангельск.), употребляется на северо-востоке рассматриваемой территории – в севернорусских и восточных среднерусских говорах. Как ограниченное в своем употреблении главным образом территорией южнорусских говоров предстает по материалам ОЛА относительное местоимение *какой* (2878°, 2879°; см. сноску 7) – тогда как *который* имеет общерусский характер.

В заключение следует указать, что материалы ОЛА содержат также данные о ряде различительных синтаксических явлений русских говоров из числа тех, которые уже картографированы и описаны на основе лингвогеографических материалов – материалов ДАРЯ. Это следующие явления: употребление предлога *з*, соответствующего русскому литературному *из* (2877°); сочетания предлога *по* с предложным падежом существительных мн. числа (*ездить по городах*; 2912°); употребление объектно-целевых конструкций с предлогами *по* и *в* (*сбегать по врача, сходить в грибы*; 2915°, 2916°); сочетание предлога *над* с вин. падежом существительных (*повесить над кровать*; 2910°); употребление предложений, предикативная основа которых состоит из причастной формы на *-но, -то* и вин. падежа имени (*овцу съедено*; 3127); употребление утвердительных экзистенциальных предложений с род. падежом субъекта (*волков здесь есть, волков здесь было*; 3116°, 3118°, а также 3120°); предикативное употребление неизменяемых причастных форм типа *ушодши, умерши* (3100); употребле-

ние в предложениях с именным сказуемым связки настоящего времени (*она старушка уже ест'; кот ест' злой;* 3017°, 3018°, 3022°, 3023°); употребление вопросительных частиц и разделительных союзов *ти* и *чи* (3110°, 3113°, 3135°–3137°). В силу того, что вопросы Вопросника не повторяют буквально вопросов Программы, причем обычно ставятся более развернуто и детально, материалы ОЛА, несмотря на их малочисленность (как уже указывалось выше, значительное большинство синтаксических явлений обследовалось по редкой сетке), в известной мере дополняют и уточняют материалы ДАРЯ.

О.Е.Кармакова

ЛЕКСИЧЕСКАЯ КАРТА: МЕТОДИКА СОСТАВЛЕНИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

При составлении атласов перед лингвистами встают три основных вопроса: "1) ...что является предметом картографирования; 2) как производится картографирование и какие цели оно ставит; 3) как интерпретируются данные лингвистической географии"[1]. Эти вопросы всесторонне исследовались в работах представителей московской школы лингвогеографии, которые являются составителями региональных атласов и сводного Диалектологического атласа русского языка[2].

В данной статье анализируются основные этапы построения карты, теоретически опирающиеся на критерии, выделенные в указанных трудах. Этапы эти мы считаем целесообразным обозначить следующим образом: I предкартографирование (дивергентный анализ материала); II выбор темы и типа карты (конвергентный этап); III установление членов диалектного различия (собственно картографирование); IV определение основных линий интерпретации.

Материалы ДАРЯ, которыми мы располагаем, почерпнуты из ответов на Программу, обычно формулирующую вопрос весьма кратко (например, вопрос 221: "Как у вас называется период работы без перерыва, отдыха: *упря́жка, пря́жка, у́повод, зало́га, упо́й, выть*...").

Определенные разъяснения и дополнения к вопросам содержатся в Методических указаниях к Программе[3]. Эти методические разработки были необходимым откликом на первоначально собранные по Программе материалы, которые вскрыли неясности и лакуны в вопроснике, а также трудности теоретического и методического характера, встающие перед собирателем. Но и методические указания не могли предусмотреть всех значений (и употреблений) нужных слов, не всегда учитывали экстралингвистиче-

---

[1] *Аванесов Р.И.* Достижения современного языкознания в области русской диалектологии. – Известия АН СССР, ОЛЯ, т. XVII, 1958, с. 17.

[2] Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы/ Под ред. Р.И.Аванесова. М., 1957; Вопросы теории лингвистической географии/ Под ред. Р.И.Аванесова. М., 1962.

[3] Методические указания к "Программе собирания сведений для составления Диалектологического атласа русского языка". М., 1957. (Далее – Указания).

ские факторы, предполагая инициативу собирателей и обращая их внимание на наиболее важные особенности слов. Так, например, разъяснения, касающиеся сохи (вопрос 163), являются самыми подробными, поскольку это орудие почти повсеместно вышло из употребления (Указания, с. 121–124); примечания, относящиеся к женской и мужской одежде (вопросы 235–239), содержат этнографические приметы, без знания которых трудно квалифицированно собрать материал (Указания, с. 139–141); большинство же вопросов снабжены лингвистическими сведениями. По поводу вопроса 221, например, отмечено: "Следует иметь в виду, что часть приводимых в Программе слов может употребляться не только в значении работы без перерыва, но и для обозначения самого перерыва между двумя периодами работы в течение одного и того же дня. Некоторые слова могут обозначать период работы без перерыва во время выполнения определенного вида работ, например, во время молотьбы, во время пахоты, при забивании свай. Поэтому необходимо возможно более точно выявлять и фиксировать значение каждого слова в отдельности.

Желательно выявить возможные другие значения указанных в Программе слов (*пряжка* – расстояние в 25 верст? *залога* – свободная от пахоты земля? сухие бугры в лугах? и др.)" (Указания, с. 135). Методические указания расширяют картину диалектного мира для собирателя (если, конечно, он сам не является сельским жителем), стремясь довести ее до картины мира информанта, помогают верно ориентироваться при беседе и направлять ее в нужное русло, уточняя значения слов, выявляя полисемические, омонимические, синонимические, антонимические отношения.

Предкартографирование

На первом этапе работы составителем карты учитывается и оценивается весь материал, приведенный в ответах на Программу. Как подчеркивается в "Вопросах теории лингвистической географии", "подготовка материала к картографированию в некоторых отношениях является как бы продолжением той работы, которую ведет собиратель материала при составлении ответа, поскольку уже и перед собирателем стоит задача – дать оценку состояния отдельных звеньев системы изучаемого говора"[4].

Целью глобальной оценки собранного материала является, во-первых, его селекция, в процессе которой отбрасываются неинформативные ответы: например, собиратель не понял информанта, или наоборот, и потому в ответе только повторен весь перечень названий, данных Программой в качестве образцов, без каких-либо пояснений; отводятся обороты, не содержащие требуемого названия (например, когда на упомянутый выше вопрос 221 дан ответ описательной конструкцией типа: "работали цельный день", "~ до обеда, после обеда", "~ безотлыгу", "~ без привала", "~ на один шабаш"). Во-вторых, осуществляется предварительная семантическая классификация: например, среди номинаций, собранных в ответах на в. 221, выделяются группы лексем со значением: 1) "период работы без перерыва", 2) "отдых, перерыв", 3) группа лексем с другими (единичными) значениями.

---

[4] Вопросы теории..., с. 187.

Когда же на вопрос анкеты приводится однословный ответ (в рассматриваемом случае *уповод, упряжка, упруг* и т.д.), не содержащий развернутых контекстов, он трактуется как прямая информация о лексическом эквиваленте соответствующего значения.

На этом этапе работы учитываются также разъяснения этнографического характера, содержащиеся в ответах. Так, на исследуемой территории ДАРЯ известно два типа косы: *коса-стойка* (литовка) и *коса-горбуша*, имеющая короткую искривленную ручку без напалка, ею косят обычно на неровных, кочковатых местах, нагнувшись; распространена на севере и востоке территории ДАРЯ (карта № 42, III вып. ДАРЯ, автор О.Е.Кармакова). Много этнографических помет содержится в ответах, касающихся названий одежды, жилища, хозяйственных построек и под. Учет этнографического параметра необходим для следующего этапа работы и влияет на выбор типа будущей карты[5].

Таким образом, этап предкартографирования состоит из двух шагов – селекции и классификации, предполагающих содержательную оценку и предварительную интеграцию (классификацию) материала.

Выбор темы и типа карты

Казалось бы, реализация этого этапа не представляет собой проблемы, поскольку предполагается, что тема карты задана самим вопросом Программы: названия овощей – моркови, картофеля, брюквы, названия коллективной помощи в сельской работе (лексические карты); значения слова *курень*, значения слова *пелед* (семантические карты). Однако такое однозначное соответствие вопроса Программы теме карты возможно лишь в случаях адекватности материала Программе. На деле же материал оказывается в ряде случаев шире, информативнее и разнороднее, чем предполагалось. Поэтому диалектолог должен осуществлять ареально-статистическую оценку отобранного на первом этапе – этапе предкартографирования – материала. Эта операция включает, с одной стороны, оценку статистической представительности лексических и семантических данных, а с другой стороны, ареальную характеристику (территориальное распространение) материала. Для этой цели составляется вспомогательная рабочая карта. В результате такого анализа формулируется тема карты. Так, при лингвогеографическом изучении лексико-семантической группы слов "ход в подполье" (в. 143), обилие материала привело к необходимости выделения нескольких релевантных признаков, которые дали возможность провести более тонкую семантическую классификацию внутри группы и выявить основания для построения нескольких карт: "Слова, с корнями *-пол-, -мост-*, обозначающие подполье, ход в него, прорезанный в полу, и дверцу, прикрывающую этот ход", "Слово *голбец* и другие слова, обозначающие ход в подполье в виде пристройки к печи", "Слово *подва́л, подызбица* и *исте́бка* в значениях 'подполье' и 'ход в подполье' (преимущественно

[5] Подробнее см.: *Мораховская О.Н.* О сопоставлении лингвистических и этнографических ареалов. – В кн.: Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Л., 1977; *Она же*: Сопоставление лингвистических и этнографических ареалов для уточнения значений слов. – В кн.: Диалектология и лингвогеография русского языка. М., 1981.

снаружи)", "Слова, используемые для обозначения хода в подполье в виде отверстия в полу или предмета (крышки, дверцы), закрывающего этот ход (кроме слов с корнями *-пол-* и *-мост-*)" (карты 6–8, III вып. ДАРЯ, автор О.Н.Мораховская). Возможны и обратные случаи, когда карта составляется по ответам на целую группу вопросов, если семантическая структура отдельных слов проясняется лишь в результате их анализа в составе группы. Так изучение информации по вопросам 141, 145, 146 привело к построению карты "Существительные с корнем *-двор-* в значениях, связанных с крестьянской усадьбой и постройками на ней" (карта 2, III вып. ДАРЯ, автор О.Н.Мораховская).

Допустимо введение на карту дополнительного материала, не имеющего отношения непосредственно к теме карты, но помогающего осмыслению ее составляющих. В ответах на в. 221 слов со значением 'отдых' немного, они не образуют крупных или компактных ареалов и не могут составить отдельную карту[6]. Однако слово *залога*, которое отмечено со значением 'период работы без перерыва' (что является темой карты), часто зафиксировано со значением 'отдых, перекур, перерыв', образуя средней величины ареалы по всей территории ДАРЯ, примыкающие к ареалам этой же лексемы с противоположным значением. Показ на карте упомянутой лексемы в значении 'отдых' способствует не только уяснению семантической структуры данного слова, но, на наш взгляд, дает определенную возможность моделировать процессы семантического сдвига в рассматриваемой ЛСГ.

Ареально-статистическая апробация материала в ряде случаев может быть дополнена лексикографической верификацией: составитель по диалектным словарям уясняет значение вызвáвших сомнения лексем (главным образом это касается единичных слов, приведенных в ответах, или же слов, обычно отмечаемых с иным значением), выясняет грамматические характеристики слов (род, число), но полученными сведениями не дополняет и не подправляет материалы ДАРЯ, а принимает их к сведению, впоследствии используя при интерпретации. К примеру, слова *дожи́нки, спожи́нки, вспожи́нки, обжи́нки* обозначают, как правило, 'праздник, связанный с завершением жатвы', 'последний день ее', но в материалах ДАРЯ это название относится в ряде населенных пунктов к коллективной помощи. В словаре В.Даля отмечено: "*Дожи́н* и *дожи́нка, дожи́нки* или *до́жни* ж. мн. последний день жатвы, пир или праздник, *обжи́нки, спожи́нки, вспожи́нки*; ...зажиточные крестьяне также празднуют *до́жни*, иногда собирая на этот день помочь"[7].

Подводя итог II-го этапа работы над картой, следует отметить, что все разнообразие отходов составителя от пунктов Программы, широта его поисков служит одной цели – испытанию намеченного Программой элемента с точки зрения его способности выступать в роли темы карты. В резуль-

---

[6] Это утверждение справедливо для ДАРЯ, но в региональных атласах (а ДАРЯ включает 5 региональных атласов) может быть иное соотношение материала, следовательно, и иная тема карты. Например, в "Атласе русских говоров северо-западных областей" по в. 221 составлена карта "Распространение слов *упряжка, залога* и их вариантов в значении периода работы без перерыва или перерыва в работе" (карта 207, автор С.С.Высотский).

[7] *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978, т. 1, с. 453.

тате этих поисков для большинства случаев подтверждается то, что намечено Программой, а для других – уточняется и дополняется. При выборе темы карты одновременно решается и вопрос о ее типе, т.е. будет ли карта лексической, семантической, лексико-семантической, осложнена ли она этнографическими различиями. После этого этапа следует картографирование.

Установление членов диалектного различия (карта и комментарий)

Как известно из теории лингвистической географии[8], типы диалектных различий характеризуются четырьмя оппозициями. Картографируемые явления могут быть: а) противопоставленными – непротивопоставленными. Так, в нашем материале по в. 221 прежде всего противопоставляются территории распространения корня – *-пряг-/-пряж-* (*упряжка, упряг* и т.д.) и основы *-повод-* (*уповод*); б) двучленными – многочленными; для приведенных выше противопоставлений на карте наличествуют многочленные отношения, т.е. состоящие из ряда лексем: кроме уже упомянутых слов отмечены лексемы *выть, залога* (карта, см. вкл.); в) однопланными – многопланными; в рассматриваемом случае налицо многопланность, отраженная в различных словообразовательных отношениях в данной группе, в лексикализации фонетических явлений (*упря́г – упре́г, упря́жка – упре́жка* по типу *запря́г – запре́г, пя́тна – пе́тна*); г) простыми – сложными; на разбираемой карте мы имеем дело с простым различием, поскольку на этапе выбора темы и типа карты остановились на лексической карте, где план содержания фиксирован (строится карта для значения 'период работы без перерыва') при варьируемом плане выражения.

Эта маркировка по оппозициям (или типам диалектных различий) позволяет сгруппировать материал уже в применении к создаваемой карте и соотнести с ним набор технических средств, адекватно отражающих установленную иерархию отношений лингвистических единиц.

Карта, представляя собой высшую ступень лингвогеографического обобщения диалектных данных, ориентирована прежде всего на установление типов диалектных различий и не должна в полной мере отражать весь материал, послуживший ее источником и частично отсеянный на этапах предкартографирования и выбора темы. Не включенный в процесс картографирования, но сыгравший роль классификационного фона, этот материал составляет предмет комментария к карте. Ниже приводятся в качестве теоретико-методического образца составленная нами карта и комментарий к ней (карта 54, вып. III, ДАРЯ)[9].

Понятие "период работы без перерыва", которому посвящена данная карта, связано, в основном, с сельскохозяйственными работами.

В части ответов отмечено не только слово, но также объяснено понятие,

---

[8] См: Вопросы теории...; *Мораховская О.Н.* Раздел "Лексика". – В кн.: Русская диалектология. М., 1973; *Она же.* Исследование предметной лексики русского языка с применением методов лингвогеографии. Автореф. докт. дис. М., 1982.

[9] В комментарии буквами обозначены шифры региональных атласов, входящих в ДАРЯ, арабскими цифрами – номера населенных пунктов (каждый атлас имеет свою нумерацию).

им обозначаемое (например, сказано, что рабочий день может состоять из 2-х, 3-х, 4-х уповодов или упряжек; указывается длительность периода работы, вид сельской работы, при котором употребительны эти названия, и пр.). Однако учесть информационно-семантические, т.е. относящиеся к знаниям о мире, характеристики не представляется возможным ввиду нерегулярности их приведения и разнородности семантических признаков.

На карте сделаны следующие обобщения: как *упря́жка* картографировано *впря́жка* (Зап. 34, 61), *запря́жка* (С.-Зап. 245, Ю. 198), *у́пряжь* (С.-Зап. 13, 19, 78), *упря́жек* (С.-Зап. 2, 3, 6), *упря́жечек* (С.-Зап. 6, 43, 78), *упря́жечка* (С.-Зап. 60, 61); как *пря́жка – пря́жечка* (С.-Зап. 245); как *упре́жка – запре́жка* (Зап. 504), *пре́жка* (Ю. 665, 668, 752, 755); как *у́пряг – упря́га* (С. 589, 616; Ю. 420), *однопря́г* (С. 497), *у́пряг* (Зап. 681); как *у́повод – уповодо́к* (С. 118, 293, 733, 739, 929, 1053), *у́поводок* (Вост. 14), *уповодо́чек* (С. 287, 678, 750), *упо́й* (Ю. 436), *у́под* (С. 283), *упо́д* (Вост. 446), *по́вод* (Вост. 725).

Место ударения при картографировании отдельным знаком не показано. Как правило, в материалах приводится вариант *упря́жка* при единичных *у́пряжка* (С.-Зап. 23, 77, 91, 95; Зап. 246).

Не картографированы ответы, в которых отмечены те же слова, но только со значением 'отдых, перерыв': *пря́жка* – перерыв на обед (Зап. 553, 556; Ю. 778); работали *без у́пряжу*, т.е. без отдыха (Ю. 192); проработали до 9 часов – давайте *упряжку* делать (Ю. 783); *уря́жек* – отдых (С.-Зап. 3); *упря́жка* – перерыв (С.-Зап. 1, 132, 198, 259); *у́повод* – перерыв, обед (С. 1047, 1349; 1291; Вост. 50); *у́поводок* – небольшой перерыв при молотьбе и период работы без перерыва; последнее картографировано (Вост. 14). Также не показаны следующие значения рассматриваемых слов, не отвечающие теме карты: *упряжка, пряжка* – расстояние, которое проезжают на лошади, не кормя ее (С. 294, 838, 892, 906, 907, 909–912, 939, 1007, 1008, 1021; Зап. 690; Вост. 128, 839); *пряжка* – отдых, остановка лошадей (С. 817).

Материалы ДАРЯ содержат сведения о том, что слова *у́повод* и *упря́жка* стали употребляться в более широком значении – отрезок времени вообще (С. 16, 40, 87, 121, 132, 138, 146, 208, 611, 815, 829, 1006, 1124, 1345; Зап. 218, 248).

Слово *выть* картографировано лишь в том случае, когда есть указание на значение, соответствующее теме карты.

Слово *залога* (и его однокоренные) чаще отмечено в значении 'отдых, перерыв в работе, перекур'. Причем ареалы, где зафиксированы противоположные значения данного слова, часто граничат друг с другом. Поэтому представляется интересным их показ на карте.

В ряде нас.п. слово *залога* употребляется лишь при молотьбе (С. 1290; С.-Зап. 209, 211; Зап. 262, 371; Вост. 14, 25, 41, 65, 82, 84, 332, 494, 704; Ю. 218, 222, 595).

Так же как *залога* картографируется *зало́г* (Зап. 145; Вост. 153, 272, 295, 332, 701, 833; Ю. 128); *зало́жка* (Ю. 126), *зало́говать* (*позало́говать*) (Зап. 163, 195; Вост. 374, 375, 593, 594).

Не показаны на карте единичные слова, приводимые без пояснений: *безотлы́гу* (Зап. 542, 544), *бесполдён* (Зап. 666), *вы́тяжка* (Ю. 368),

дообе́док, допау́жинок (С. 154), *заря́дка* (Вост. 785), *па́ужин* (С.-Зап. 45), *папы́шка* (Вост. 663), *перева́л* (Вост. 505), *переюрт* (Вост. 901), *полде́н* (Вост. 161), *по́лдня* (Зап. 381), *по́лдник* (Зап. 398), *подобе́док, пау́жинок* (С. 1410), *по́стать* (Ю. 543), *поста́ть* (Вост. 612, 845), *сго́нка* (Ю. 326), *труха́* (С. 139), *у́деньс* (С.-Зап. 77).

При составлении настоящей карты использованы карты региональных атласов: С.-Зап. 207, С. 406, Зап. 44 (доп. фонд), Вост. 233, Ю. 327.

Результаты данного этапа, т.е. карта и комментарий к ней[10], служат объектами анализа на последующем этапе, к характеристике которого мы теперь переходим.

Определение основных линий интерпретации карты

При создании многих карт, входящих в лексический раздел ДАРЯ, было необходимо, как уже отмечалось выше, учитывать этнографические сведения. В первую очередь, естественно, те, которые содержатся в самих ответах на Программу, а помимо них привлекались данные историко-этнографического атласа "Русские" (ИЭА), словари и прочие источники. Объект картографирования всегда связан либо с материальной культурой этноса, либо отражает в той или иной степени народный менталитет, понимая под ним все, что касается категорий народного сознания, склада ума, мышления и пр. К картам последнего типа, где связь с этнографией выражена скорее имплицитно, в идеографическом, понятийном плане, и относится данная карта 54 "Слова, обозначающие понятие 'период работы без перерыва'". Напомним, что материалы для атласа собирались в 40–60 гг., от информантов старшего поколения, помнящих быт и уклад старой деревни. Анализ этого материала свидетельствует о том, что лишь на части входящей в ДАРЯ территории существуют лексемы для выражения указанного понятия, такие как *уповод, упряжка, пряжка, упряг, упруг, залога, быть* и др., распределение которых и дает соответствующие ареалы. Белые же пятна на карте выделяют территории, где в бытующих говорах картографируемое понятие выражено описательно – словосочетанием, предложно-падежной конструкцией, наречием: *работать цельный день, безотдышна работа, без отдыха, без обеда, рабочая пора* (чаще это территория Ю. и Вост., реже – С.). Есть в ответах и дополнительные указания: не употребляется, нет специального названия, нет термина и под.

Таким образом, рассматриваемый фрагмент лексико-семантической системы свойствен не всем русским говорам, а значит, характеризуется частичной непротивопоставленностью. Отсутствует он в отдельных говорах южного наречия (в Рязанской группе южного наречия и переходных южнорусских говорах) и в части восточных среднерусских акающих говорах. Но для большинства русских говоров (см. карту) данное явление

[10] О значении комментариев для правильного прочтения и интерпретации карты, а также о структуре комментариев см., например, Вопросы теории..., с. 218–231, Атлас русских народных говоров..., с. 36–37; *Дзендзелевский И.А.* К вопросу о содержании комментариев к лексическим картам (на материале славянских лингвистических атласов). – В кн.: Ареальные исследования в языкознании и этнографии: Тезисы 5 конференции на тему "Проблемы атласной картографии". Уфа, 1985.

выступает как противопоставленное. Как уже говорилось, рассматриваемое диалектное различие представлено на карте как простое, многочленное, многопланное. Однако, хотя карта и построена на ономасиологической основе, это не значит, что существует полная идентичность плана содержания приводимых лексем. Ономасиологическая общность лишь указывает на сооотносительность членов диалектного различия, установленную на основе общего семантического признака, явившегося фильтром для вхождения приводимых в ответах слов в данную ЛСГ. Карта могла бы быть построена и на семасиологической основе, с учетом дифференциальных признаков, но, к сожалению, семантические пометы даются в ответах фрагментарно, поэтому сложное по сути диалектное различие картографируется как простое.

Обратимся непосредственно к семантической структуре слов, данных на карте. В говорах, где зафиксировано анализируемое явление, т.е. наличествуют специальные слова, отмечены различия в сегментации внеязыковой действительности. Так, слова *уповод* и *упряжка* (в меньшей степени *упряг*) имеют почти полностью совпадающий набор значений, связанных с наименованием различных по длительности промежутков времени, в течение которого осуществляется трудовой процесс. Все слова с этими значениями картографированы. Между тем слова *залога* и *выть* имеют в составе своих значений энантиосемичные варианты. Приведем классификацию значений слов *уповод, упряжка, упряг, упруг* (и их вариантов) по данным ДАРЯ.

1 группу составляют значения, связанные с делением рабочего дня на определенные промежутки. Их количество в каждом говоре закреплено традицией: трудовой день состоит либо из 2 частей (упряжек, уповодов, упрягов) и тогда первая, утренняя (утрешная) часть – до обеда; вторая, вечерняя, последняя – до вечера. Если день делится на три части, то первая – с 3 часов до 7 часов утра (с 5 до 7); вторая, средняя – с 7 час. до 12 час., до обеда; третья, последняя, вечерняя – или с 12 час. до 4 час. дня, или же с 4 час. до вечера (это в том случае, когда устраивался перерыв на обед)[11]. Реже находим указания на деление дня на 4–5 частей. В материалах встречаются уточнения такого типа – "летом 3 уповода (упряжки), зимой (весной) – два"; "раньше было 4 упряжки, теперь 3". Примеры употребления этих слов довольно часты в художественной литературе. Л.Н. Толстой: "Мне представилось дело так: день всякого человека самой пищей разделяется на 4 части, или 4 упряжки, как называют это мужики". М.А. Шолохов: "В первом упруге до завтрака Давыдов вспахал около четверти десятины..." В.А. Солоухин: "Все колхозные летние работы в нашем селе велись в три уповодка. Первый уповодок – с 4 час. утра до 8 (с 8 до 9 завтрак); второй уповодок – с 9 до часу дня (с 1 до 4 – обед); третий уповодок – с 4 до 10, т.е. до тех пор, пока не

[11] Ср. с информацией в статье Т.А. Бернштам, почерпнутой, в основном, из областных словарей: "Части рабочего дневного времени имели почти повсеместно в России три основных названия – уповод, упруг/упряжка и выть. Последнее слово, однако, чаще употреблялось в значении еды между уповодами. В весенне-летний период уповодов бывало 3–4 (иногда – до 5), в осенне-зимний – 2–3..." с. 124. (*Бернштам Т.А.* Будни и праздники: поведение взрослых в русской крестьянской среде (XIX – нач. XX в.). – В кн.: Этнические стереотипы поведения. Л., 1985).

начнет темнеть". В.И. Белов: "Будний день после завтрака красен трудом, делом. Дообеденный уповод (упряжка) раззадоривал и самых последних лентяев..."

В случае бинарного членения трудового дня иногда термин относится только к одной из частей: упряжка, уповод... – работа только до завтрака или только до обеда или только после обеда, иными словами это половина дня.

Наконец, у этих терминов отмечаются значения, связанные с длительностью рабочего периода, которая может характеризоваться известной определенностью (например, *упряжка, упруг* длится 1,5–2 часа или 3–4 часа или 6 часов), либо обозначать неопределенный промежуток рабочего времени.

Прочие значения не составляют групп, поскольку они не настолько богаты оттенками, как в первом случае.

2-е – период работы только во время сенокоса, молотьбы, пахоты, боронования, т.е. здесь значимой оказывается соотнесенность с определенным процессом, видом выполняемой работы.

3-е значение предусматривает необходимость выполнения заданной нормы, "урока" во время работы без перерыва.

4-е – время работы на лошади, в течение которого ее не распрягают.

5-е – отдых, перерыв на обед, перекур.

6-е – отрезок времени вообще.

7-е (только для *пряжки, упряжки*) – расстояние, которое проезжают на лошади, не кормя ее; отдых, остановка лошадей.

Таким образом, классификация семантических особенностей картографируемых слов приводит исследователя к структуре, напоминающей структуру словарной статьи. Сопоставление полученной нами классификации с материалами словаря В. Даля подтверждает это наблюдение.

Ср. у В. Даля: "*Упру́г* м.влд.... рабочий срок, от выти до выти, продолжение работы в один прием, до роздыха; у́повод (т. IV, с. 505)." "*Упря́г* арх. рабочий у́повод, срок от роздыха до роздыха" (т. IV, с. 505) "*Упряжка*... Станция, перегон, расстояние, какое проезжают не кормя, 20–30 верст... *Упряжка*, нвг.твр. срок, время, сколько лошадь ходит за один раз в сохе, или также// пространство, полоса, сколько пашут не кормя и без отдыха на одной и той же лошади; отсюда это и вообще// треть рабочего дня, упруг влд. у́повод сев.вост". (т. IV, с. 505); "*У́повод* м. иногда *у́поводь* ж. сев.вост. *у́пой* пнз. *упру́г* влд. срок, время, в несколько часов, 2 до 4 часов...//Время работы в один прием, от выти до выти, до еды и роздыху. Зимний рабочий день делится на 2 у́повода, летний на три, иногда на четыре, особенно у ленивых, у которых и самые у́поводы короче. Первый уповод, от восхода и завтрака до обеда (8 или 9 часов); второй, от обеда до паужина (2–3 часа); третий, до заката; или: прв. от восхода до завтрака; втр. от завтрака до обеда; трт. до паужины; чтврт. до заката и ужина // В езде, у́повод, упряжка, перегон, конец, сколько проедешь не кормя, 20, 30 верст..." (т. IV, с. 503).

Сравнение с приведенными словарными статьями можно развивать по трем линиям: семантической, ареальной и лексического состава (оформления лексем). Как видим, набор значений исследуемых слов по материалам ДАРЯ представительнее, что может быть объяснимо тем, что сравни-

ваемые материалы относятся к разным хронологическим срезам. Поэтому одни из значений могли трансформироваться (ср. в ДАРЯ значение 'отрезок времени вообще', 'отдых, перерыв', 'период рабочего времени в частном виде работы'), другие – утратиться. Не исключено иное объяснение: эти значения были известны и прежде только в отдельных говорах. Ареальный план, безусловно, в атласе показан шире и полнее для изучаемой в нем территории. Репертуар словообразовательных вариантов также представительнее в ДАРЯ (см. комментарий и легенду к карте).

Помимо слов *уповод, упряжка, упряг* и производных от них, которые имеют самое широкое распространение, на территории ДАРЯ со значением 'период работы без перерыва' известны слова *залога* и *выть*. Лексема *залога* в упомянутом выше значении не дает больших ареалов, а встречается только в отдельных частных диалектных системах. Например, в говорах южного наречия и среднерусских *залога* чаще обозначает период рабочего времени при молотьбе; в других говорах – период работы, за который необходимо сделать определенное задание. Гораздо частотнее слово *залога* в его первоначальном значении 'отдых', 'небольшой перерыв', при котором, как правило, "не покидают рабочего места (поля, леса) и не устраивают приема пищи". Дважды на территории ДАРЯ отмечено наличие в частной диалектной системе энантиосемии, т.е. существование слова *залога* в противоположных значениях 'период работы' и 'перерыв, перекур' (с. Лунёво Владимирского р-на Владимирской обл., д. Ваганьково Борского р-на Горьковской обл.). Из карты следует, что в подавляющем большинстве случаев употребление слова в значении 'период работы' граничит с употреблением его же в значении 'отдых' (см. раздел II Выбор темы и типа карты). Это еще одно подтверждение давнего наблюдения в лингвогеографии, согласно которому чисто семантические отношения – типа полисемии, как в данном случае, – получают ареальное воплощение. Подобные факты, наряду с другими и позволяют говорить об основаниях лингвогеографической модели диалектной лексикологии, которая, исходя из изучения механизмов взаимодействия внутренней и внешней структур языка, устанавливает параллели, казалось бы, несоизмеримых величин: семантической "траектории" слова (например, полисемии) и ареальной его "траектории", исторической эволюции семантики и пространственной ее распределенности.

Аналогично ведет себя слово *выть*[12], имеющее по говорам, с одной

---

[12] Ср. в статье Н.В. Поповой: "Для называния отрезков дневного времени в русских говорах чаще всего употребляется слово выть. Обычно оно обозначает часть дня от завтрака до обеда или от обеда до ужина, вообще от еды до еды; в некоторых местах выть – общее название завтрака, обеда, ужина, полдника..." с. 77 (*Попова Н.В.* День. – Русская речь, 1970, № 4). Ф.П. Филин отмечает, что деление дня на выти сохранило свое строго производственное значение: в рабочую пору употребляется, в другое время – нет, а также объясняет значения этого слова, связанные со временем принятия пищи и потребностью в еде вообще как производные от деления дня на выт. *Филин Ф.П.* Исследование по лексике русских говоров. – М.–Л., 1936, с. 49–50. Об этимологии слова *выть* см.: *Потебня А.А.* К истории звуков русского языка. Этимологические заметки. Варшава. 1880–1883; *Филин Ф.П.* К истории северновеликорусского слова *выть*. – В кн.: Проблемы современной филологии. М., 1965.

стороны, значения, связанные с работой (в ДАРЯ только в северном наречии 12 нас.п.), с другой стороны, связанные с приемом пищи (ср. множество значений этого слова: аппетит, еда, количество пищи, которое человек может съесть в один прием, всякие съестные припасы и проч. См. СРНГ, т. VI, с. 44–45, а также материалы вопроса 264 Программы, хранящиеся в ИРЯ АН СССР). По материалам ДАРЯ можно предположить, что эта лексема в рассматриваемом значении раньше была известна на большей территории: "*уповод* и *выть* – одно и то же; *выть* употребляется реже" (д. Кречетово Чарозерского р-на Вологодской обл.), "*уповод*, раньше *выть*" (д. Шапки́ Котельнического р-на Кировской обл.), "*упряжка, уповод* – понятия о небольшом периоде работы... *долгая выть* – большой период работы без еды" (д. Спиридоновская Винницкого р-на Ленинградской обл.).

Интересный материал для интерпретации дает сосуществование слов в пределах одной ЧДС, здесь возможен как синхронный, так и диахронный подход. Сосуществование лексем может объясняться междиалектными контактами, разновременными процессами миграции населения, динамикой самой лексико-семантической системы, наличием в ней синонимов и дублетов. Так, в ряде говоров *упря́жка* – работа недолгая, *у́повод* – работа более продолжительная (д. Давыдовская Винницкого р-на Ленинградской обл.); период работы без перерыва – *у́повод*, при молотьбе – *зало́га* (д. Рыспаево Приволжского р-на Ивановской обл.); *упря́жка* – работа до обеда, *па́бедок* – работа после обеда (д. Новая Андомского р-на Вологодской обл.); *у́повод, упря́жка* – период работы без перерыва, *зало́га* – отдых во время работы (д. Щелково Тутаевского р-на Ярославской обл.).

В отличие от других групп архаической лексики данная ЛСГ реже снабжена пометами об употребительности входящих в нее слов (таких, как "молодежь не знает", "устарело", "уже не говорят" и под.). И вот в чем, пожалуй, кроются причины этого отличия – в расширении сферы употребления данных слов. Ранее их обычно употребляли применительно к сельскохозяйственной работе, в рабочую пору, а позднее они стали использоваться для обозначения времени вообще, произошло расширение значения, его генерализация. Например, "*целу упря́жку под козам* (козами) *просиди́ла*" (долго доила коз); "*я с тобой у́повод проговорила*" (много времени); "*на упря́жку к соседям выскочу*" (ненадолго) и т.д.

При интерпретации карты представляется возможным и интересным рассматривать единичные номинации, включенные в комментарий (например, *у́деньe, па́ужин, перехва́тка, сго́нка, труха́* и т.д.)[13], используя для этой цели исторические и этимологические словари, данные родственных и неродственных языков (в зависимости от территории распространения).

---

[13] См. в статье Л.В. Вялкиной сведения о том, что ни словари современных славянских языков, ни древнерусского языка не отмечают слов *выть, уповод, паужин, перехватка.* Упоминается лишь слово *уденье* во временном значении 'полдень' или же 'время непосредственно после обедни'. (*Вялкина Л.В.* Об одной лексико-семантической группе в славянских языках (слова, обозначающие временные отрезки, связанные с принятием пищи). – В кн.: ОЛА. Материалы и исследования. 1973. М., 1975, с. 38.

Лингвистическая карта поставляет материал для анализа лексики в разных направлениях, в частности, в историческом, этнографическом. Опираясь на карту, правомерно предположить, что рассматриваемое лексико-семантическое явление было, по существу, свойственно северному наречию, где оно четко локализовалось: старые Новгородские земли и Ростово-Суздальские; сосуществование лексем (например, в Белозерско-Бежецких говорах[14]) объясняется частыми переселениями и контактами населения Новгорода и новгородских пятин, с одной стороны, и, с другой стороны, населения земель, находившихся под управлением Ростово-Суздальского, позднее Московского княжества. Вероятно, на определенном этапе исторического развития рассматриваемые слова распространились на другие территории. Наличие ареала слов *пряжка* и *упруг*[15] по линии Муром–Рязань, возможно, объясняется тем, что данная территория переселенческая: некоторыми исследователями трактуется как занятая и освоенная переселенцами с западных земель (из историков этой точки зрения придерживаются Ю.В. Готье, М.К. Любавский и др., из лингвистов – В.Г. Орлова, С.И. Котков).

"Тамбовский угол" (территория на север, восток и юг от Тамбова) заселялся позднее по сравнению с основной территорией расселения русских, уже после 16 в. Здесь также могли быть выходцы с западных земель. Наличие на этой территории слов *упряг, упруг* указывает на контакты русского населения с украинцами (ср. в украинском языке "*упруг* – мера земли, которую обрабатывают на волах, а также 1/4 рабочего дня"[16]) и с носителями донских говоров (ср. "*упруг* – период времени, состоящий из нескольких часов сельскохозяйственной работы без перерыва. 3 упруга в рабочем дне"; "*упряжка* – то же, что *упруг*"[17]).

Естественно, для более точных и категоричных суждений нужны глубокие ретроспективные изыскания, что не входит в наши задачи в данном случае.

Таким образом, интерпретация лексической карты развертывается в синхронном и диахронном аспектах, причем первый из них включает следующие линии: 1) изучение семантической структуры слова и группы слов, или выявление "семантической траектории слова"; 2) установление отношений взаимной корреляции между "семантической траекторией" и лексикографическими представлением картографируемого слова (изоморфизм семантической структуры слова и структуры словарной статьи); 3) функциональный анализ диалектных слов в художественной литературе и переход их в литературный язык[18]. Диахронный аспект

---

[14] О языковых процессах, связанных с территорией Белозерья см.: *Чайкина Ю.И.* Вопросы истории лексики Белозерья. – В кн.: Очерки по лексике севернорусских говоров. Вологда, 1975.

[15] *Упруг* в значении 'период работы' не встречается в говорах северного наречия. В Картотеках СРНГ и Архангельского областного словаря эта лексема отмечена на севере со значениями 'ребро судна', 'шпангоут', 'ящик для рыбы в середине лодки' и под.

[16] Словарь українськоі мови/Под ред. Б.Д. Гринченко. Кіев, 1909, т. 4.

[17] Словарь русских донских говоров. Изд-во Ростовского ун-та. Ростов-на-Дону, 1976, т. 3, с. 171.

предполагает такие линии изучения: 4) процессы исторических изменений в картографируемой ЛСГ[19], 5) этимология; 6) этнография явления (выход в сферу знаний о мире); 7) процессы интерференции, т.е. следы взаимодействия разных языковых систем на сопредельных территориях.

Перечисленные линии интерпретации лексической карты, по сути дела, задают основные параметры лингвогеографической модели диалектной лексикологии, которая строится на принципах взаимодействия внутренней и внешней структур языка, и предполагает всегда, как минимум, двумерное или многомерное описание: если анализируется семантический аспект, то он осложняется территориальной составляющей и/или энциклопедическими данными; исторический аспект обогащается пространственными и этнографическими характеристиками.

При анализе этапов составления карты были охарактеризованы определенные признаки лингвогеографической модели диалектной лексикологии. 1. Было показано, как дискретные по самой своей природе локально-статистические исходные данные с помощью универсального метода картографирования преобразуются в непрерывные (континуальные) характеристики путем трех видов лингвогеографической экстраполяции: от единичных информантов – к обобщению и распространению установленных явлений на всю ЧДС; от сети опорных населенных пунктов – к ареалам; от отдельных лексических явлений, включенных в Программу, к выводам о лексической системе в целом. 2. На конкретном материале показано, что при изучении собственно лексико-семантических групп в говорах для их адекватного анализа и описания лексиколог не может ограничиваться уровнем лингвистической семантики, т.е. оперировать только языковыми значениями, как это принято при построении общей лексикологии. Диалектный материал требует включения энциклопедических сведений – обязательного обращения к сфере знаний о мире носителя диалекта. 3. Из широкого спектра направлений и методов, используемых современным языкознанием при изучении и описании лексики, лингвогеографическая модель вычленяет и использует такие, которые дают на диалектном материале нетривиальные результаты. Это прежде всего сочетание семасиологического и ономасиологического подходов, компонентный, семантико-словообразовательный и структурный анализ семантических отношений.

---

[18] См., например: *Сидорова Т.Л.* Функционирование народноразговорной лексики в типах речи персонажей. Автореф. канд. дис. М., 1985; *Филатов В.А.* Процессы ассимиляции диалектной лексики в современном русском литературном языке. Автореф. канд. дис. М., 1978.

[19] См. работу О.Н. Мораховской, посвященную слову *курень*. *Мораховская О.Н.* К исторической интерпретации лексической карты. – В кн.: Русские говоры. М., 1975.

Н.А. Липовская

НАЗВАНИЯ КУКУШКИ

Исследуемые слова относятся к древнейшей лексике русского языка. С кукушкой, предвещающей смерть, связаны поверья древних племен. "Коль скоро поверие, – пишет Ф.П. Филин, – связанное с кукушкой, является древним, то, следовательно, должны были существовать в древности и ее названия"[1].

К изучению названий кукушки обращался ряд исследователей[2]. Однако детального изучения названий кукушки в русских говорах не проводилось. Данные атласа и показания словарей, на основании которых построена данная статья[3], служат материалом для такого изучения.

В говорах русского языка в качестве основных, связанных с различными территориями их распространения, отмечаются следующие названия кукушки: *кукушка, кокушка, загоска, зезюля,* в меньшей степени такие как *кукуша* и *кокуша,* остальные названия такие как *кукушица, кокушица, кикушка, зозуля, зозулька, загвоска, зезюля, зузуля, зозульна, гигошка, ястреб, тетера, тетерка* и *пустушка* являются единичными.

Большинство названий кукушки образованы от корней *kuk-* и zegz- и имеют соответствия во всех славянских языках: от корня *kuk-*: болг. *кукавица*; сербохорв. *кȕкавица*; словен. *kikavica*; чеш. *kikavka, kikavička*; польск. *kikawka*[4]; от корня zegz-: укр. *зегзиця, зезюля*; белор. *зозуля, зязюля*; чешск. žežhule; словацк. žežhulica, польск. gżegżółka[5].

Мнения ученых едины о звукоподражательном характере наименований с корнем *kuk-*. Слово *кукавица* Л.А. Булаховский[6] считает одним из самых ясных по своему звукоподражательному характеру слов. "Корень слова, – пишет А. Габовштяк, – ономатопоэтического происхождения (подражание голосу птицы)"[7].

---

[1] *Филин Ф.П.* Образование русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972, с. 558.

[2] *Майков А.Н.* Полное собрание сочинений. СПб., 1893, т. II, с. 558. *Орлов А.С.* Слово о полку Игореве. М.; Л., 1946, с. 131. *Котков С.И.* Еще одно древнерусское свидетельство о зегзице. – В кн.: Слово о полку Игореве (Заметки к тексту). М., 1958. *Булаховский Л.А.* Общеславянские наименования птиц. – Изв. ОЛЯ. 1948, т. VII, вып. 2. *Он же.* Морфологическая проблематика русских наименований птиц. – ВЯ, № 4, М., 1968. *Габовштяк А.* Два названия птиц в славянских языках. – В кн.: ОЛА. Материалы и исследования 1973. М., 1975. *Левина Г.М.* Кукушка, какушка, загоска. – Русская речь. 1976, № 6.

[3] В статье использованы следующие карты региональных атласов: 229 Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. М., 1957 (авторы Высоцкий С.С. и Васильева А.К.); 447 Атлас русских говоров центральных областей к северу от Москвы (автор Бурова Е.Г.); 445 Атлас русских говоров центральных областей к западу от Москвы (автор Мораховская О.Н.); 316 Атлас русских говоров центральных областей к югу от Москвы (авторы Преображенская М.Н. и Липовская Н.А.). В необходимых случаях привлекались данные словарей.

[4] *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1967, т. II, с. 404. Там же приводятся названия *кукушки,* образованные от этого же корня в литовском, латышском, латвийском, древнеиндийском, французском, немецком, греческом, ирландском и турецком языках.

[5] *Там же,* с. 91.

[6] *Булаховский Л.А.* Общеславянские наименования птиц ..., с. 112.

[7] *Габовштяк А.* Указ. соч., с. 24.

Среди всех наименований кукушки в русских говорах наиболее распространенным является слово *кукушка*[8], оно имеет почти повсеместное употребление. Но на разных территориях все же прослеживается неодинаковый характер его употребления.

На картографируемой территории *кукушка* встречается как единственное так и в сосуществовании с другими названиями.

Широкой полосой с северо-запада на юго-восток проходит территория говоров, знающих исключительное употребление слова *кукушка*. На остальной территории его отмечают как в исключительном употреблении, так и в сосуществовании с другими названиями.

Как единственное название оно отмечается в островном распространении на территории северо-восточной диалектной зоны. В границах этой же территории, а также в юго-западной части русских говоров прослеживаются значительные ареалы отсутствия этого слова.

Известны говоры, знающие наряду с *кукушка* и другие названия. Преимущественно это вариант слова *кукушка – кокушка*. Подобные говоры зафиксированы на западе Костромской группы, в северо-восточном углу Вологодской группы и в Белозерско-Бежецких говорах. Отдельные случаи подобного сосуществования вне пределов описанной выше территории единичны. Их можно проследить в районе севернее Луги, восточнее Волхова, северо-западнее Вязьмы.

Сосуществование слова *кукушка* с названиями, образованными от других корней, носит единичный характер. Так, на территории Гдовской и Псковской групп говоров по линии Нарва – Опочка отмечается сосуществование *кукушка – загоска* в бассейне р. Великой, *кукушка – загонька* – на той же территории в районе Новоржева, *кукушка – загошка* – южнее Нарвы, *кукушка – зезюлька* южнее Рославля и западнее Брянска, *кукушка – зезюля* – южнее Новозыбкова.

В случаях сосуществования слова *кукушка* с другими степень его употребительности по сравнению с тем словом, с которым оно сосуществует, у разных слоев населения может быть различной. Имеются сведения о том, что в ряде говоров в случаях сосуществования *кукушка – загоска* слово *кукушка* является новым словом, употребляемым молодым поколением (см., напр., д. Поржала (Климовская) Каргопольск. р-н Архангельск. обл., д. Педаселька Прионежск. р-н Карел. АССР), при сосуществовании с *кокушка кукушка* более употребительный вариант. См., напр., д. Кокунино Пришекснинск. р-н Вологодск. обл., д. Кулаково-Подгорье Вельск. р-н Арханг. обл.

Из числа диалектных названий наиболее распространенным является *кокушка*. Слово *кокушка* приводится в материалах, относящихся преимущественно к территории северо-восточной диалектной зоны, где его употребление носит островной характер. Изоглосса распространения слова *кокушка* входит в пучок изоглосс северо-восточной диалектной зоны

---

[8] Слово *кукушка* отмечено в Словаре Академии Российской ч. III, СПб, 1814, с. 226; оно вошло также в современные словари: Словарь современного русского литературного языка М.; Л., 1956, т. V, с. 1807; Словарь одного современного русского народного говора. Под ред. Оссовецкого И.А. (далее Деулинский словарь). М., 1969.

(см. карту)[9]. Незначительные ареалы распространения слова *кокушка* наблюдаются также в Ладого-Тихвинских говорах, а на территории говоров южного наречия – в смоленских и брянских. *Кокушка* употребляется как единственное название, так и наряду с другими.

На обширной территории распространения слова *кокушка* наблюдаются значительные ареалы, где это слово отмечается в исключительном употреблении[10].

Случаи сосуществования варианта *кокушка* с другими названиями имеют довольно редкий характер. Некоторая их концентрация прослеживается вокруг Рыбинского водохранилища в границах, очерченных линией Устюжна–Ростов–Кириллов, а также Солигалич–Кострома–Кинешма и в районе крайнего северо-востока картографируемой территории.

Отдельные единичные случаи сосуществования *кокушка – кукушка* отмечают на остальной территории: северо-западнее Волхова, по среднему течению Ветлуги, в районе Рязани и Мурома. При этом в ряде говоров прослеживается различная степень употребительности слова *кокушка.* Так, при сосуществовании *кокушка – кукушка* в говорах северо- и юго-восточной оконечностей Рыбинского водохранилища наблюдается более редкое употребление слова *кокушка* (см., напр., с. Пономарево Ярославск. р-н Ярославск. обл. и д. Кокунино Пришекснинск. р-н Вологодск. обл.) или указывается, что оно является более старым наименованием (см., напр., д. Кулаково Вельск. р-н Архангельск. обл.).

Кокушка наблюдается также в сосуществовании с другими названиями, образованными от этого же корня. *Кокушка – кокуша* отмечено на территории Лачских говоров и Вологодской группы (между р. Вытегрой и р. Вагой, р. Вычегдой и р. Югом). На этой же территории отмечено *кокушка – кокушица.*

Вне основной территории употребления слова *кокушка* отмечено сосуществование *кокушка – загонька* (в Псковских говорах в районе Новоржева). Остальные названия кукушки не образуют каких-либо значительных ареалов. Названия с корнем *кук-, кок-* отмечены в говорах северного наречия между р. Вытегрой и Вагой, а также на крайнем северо-востоке в районе Сухоны–Вычегды.

Так, *кокуша*[11] отмечается небольшими островками и в единичных пунктах в пределах территории Белозерско-Бежецких и Вологодской группы говоров (вдоль линии о. Белое – о. Воже – р. Вага) и Смоленских говоров (в междуречье западной Двины и Днепра), где оно отмечено в варианте *какуша.*

---

[9] См.: *Захарова К.Ф., Орлова В.Г.* Диалектное членение русского языка. М., 1970, с. 91.

[10] Слово *кокушка* зафиксировано в словарях: Словарь Академии Российской, ч. III. СПб., 1814, с. 223; Словарь русского языка Императорской Академии Наук. т. IV, вып. 5. СПб., 1911; Словарь русских народных говоров /Под ред. Ф.П. Филина (далее СРНГ), т. XIV. Л., 1978, с. 106; *И.С. Меркурьев.* Живая речь кольских поморов. Мурманск, 1979, с. 68.

[11] Слово *кокуша* вошло в словари. См.: Словарь русского языка Императорской Академии Наук. СПб., 1911, т. IV, вып. 5, с. 1418, как онежск., холмогорск., кирилловск.; СРНГ, т. XIV, с. 106, как новгородск., вологодск., архангельск., онежск. В материалах атласа на территории Новгородских говоров слово *кокуша* не отмечено.

Кокуша употребляется как единственное название кукушки, наряду с *кокушка* оно зафиксировано в четырех нас. п. в пределах северного ареала распространения.

Слово *кукуша*[12] отмечено на территории между р. Вытегрой и р. Вагой, а также в нижнем течении Сухоны – всего в 7 нас. п., причем в трех случаях его отмечают наряду с *кукушка* или *кокушка*. Материалы этих нас. п. не содержат каких-либо стилистических помет относительно употребительности слова *кукуша*. Также единичный характер распространения имеет слово *кокушица*[13], отмеченное на территории Лачских говоров в трех нас. п.: как единственное название в д. Ухтозеро и Сойда Андомск. р-н Архангельск. обл. и наряду с *кокушка* и *кукушка* в д. Горка Каргопольский р-н Архангельск. обл.

Слово *кукушица*[14] зафиксировано как единственное название кукушки в д. Лазаревская Каргопольск. р-н и в д. Вадьезерская Няндомск. р-н Архангельской обл.

Слово *кикушка* встретилось на территории Гдовских говоров в двух нас. п.: д. Втроя Сланцевск. р-н Ленинградск. обл. и д. Луневщина Гдовск. р-н Псковск. обл.

Другая, широко представленная группа названий кукушки, образована от корня zegz-. Слово *зезюля*[15] отмечено на юге смоленских говоров, а также в районе Брянска и Стародуба, где образует компактную территорию. Далее ареал его распространения уходит в пределы украинского и белорусского языков[16].

Слово *зезюля* отмечается также в пограничных с Белоруссией говорах (в районе Невеля, западнее Смоленска, юго-западнее Ельни). *Зезюля* является, как правило, единственным названием, в сосуществовании со словом *кукушка* оно отмечено единично на территории основного ареала распространения (в д. Буда Жирятинск. р-н и с. Рогово Злынковск. р-н Брянск. обл.).

Слово *загоска* локализуется в олонецких, частично в лачских говорах и примыкающей территории Вологодской группы говоров (в районе Каргополя и юго-восточной оконечности оз. Лача)[17]. Отдельные разрознен-

---

[12] Слово *кукуша* зафиксировано словарями. См.: *Подвысоцкий А.М.* Словарь областного Архангельского наречия. СПб., 1885, где оно отмечено как онежск., вошло оно также как архангельское, смоленское в СРНГ (Л., 1980, вып. XVI, с. 47–48).

[13] Слово *кокушица* с пометой обл., ласк. отмечено напр. в Словаре русского языка Императорской Академии Наук, с. 1418.

[14] Слово *кукушица* зафиксировано словарями. См., напр., *Куликовский Г.* Словарь областного олонецкого наречия. СПб., 1898 и СРНГ. Л., 1980, вып. XVI, с. 448. Как "областное, уменьш-ласкат". оно вошло в Словарь современного русского литературного языка. М.; Л., 1956, т. V, с. 1807.

[15] Слово *зезюля* отмечено в словарях. См., напр., *Расторгуев П.А.* Словарь народных говоров западной Брянщины. Минск, 1973, с. 120. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978, т. II, с. 676 с пометой "псковское"; так же, как "псковское" и "западно-брянское" слово *зезюля* приведено в СРНГ, вып. XI. Л., 1976, с. 244.

[16] Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Минск, 1963, карта 309; *Б.Д. Гринченко.* Словарь украïнськоï мови. Кіев, 1908, т. II, с. 177.

[17] Слово *загоска* зафиксировано словарями: см., напр., *Куликовский Г.* Указ. соч., с. 25; *Даль В.И.* Толковый словарь... М., 1978, т. I, с. 570. Словарь русского языка XI–XVII вв., вып. V. М., 1978, с. 174.

ные случаи употребления слова *загоска* встречаются на территории псковских говоров (в бассейне р. Великой с незначительной концентрацией в районе Опочки).

Слово *загоска* в северном ареале его распространения преимущественно является единственным названием кукушки, на периферии ареала и в говорах по р. Великой *загоска* сосуществует со словом *кукушка* или *кокушка.*

Наблюдаются говоры, в которых при сосуществовании слова *загоска* с другими названиями отмечается различная степень его употребительности по сравнению с сосуществующим словом.

Так, в ряде ответов имеются сведения о том, что в говорах на территории основного ареала распространения при сосуществовании *загоска – кукушка* слово *загоска* является старым, исконным словом (см., напр., д. Педасельга Прионежск. р-н Карел. АССР, д. Поржала (Климовская) Каргопольск. р-н Архангельск. обл., д. Спиридоновская Винницк. р-н Ленинградск. обл.) или что слово *загоска* употреблялось раньше, а теперь выходит из употребления (см., напр., д. Давыдовская Винницк. р-н Ленинградск. обл.).

Также единичным является ряд названий с корнем *zegz-*, отмеченный на территории Псковских и Гдовских говоров: *загонька*[18] д. Мельница и д. Кошкино Пушкиногорск р-н Псковской обл.; *загошка*[19] д. Карино Осьминск. р-н Ленингр. обл. (все названия приведены наряду с кукушка); *загвоска* д. Князево Вытегорск. р-н Вологодск. обл. На территории, пограничной с Белоруссией, отмечены наряду с *кукушка, зазуля*[20] д. Черноручье Мглинск. р-н Брянск. обл.; *зязюлька* д. Елисеевка Руднянск. р-н Смоленск. обл.; *зазульна* с. Почепное Дмитриевльговск. р-н Курск. обл.; *зузуля* с. Успенское Кореневск. р-н и наряду с *кукушка* с. Бычок Октябрьск. р-н Курск. обл.

В пограничной с Латвией территории Ленинградской обл. в д. Загривье Сланцевск. р-на в речи старшего поколения употребляется *гигошка*[21] (наряду с *кукушка*).

Помимо имеющих повсеместное распространение названий кукушки с корнями *kuk-*(*kok-*) и *zegz-* в материалах атласа отмечаются единичные названия, связанные с внешним видом (расцветкой оперения), характером птицы, а также названием ее в зависимости от времени года[22]. Известно, что кукушка летом перестает куковать. В Словаре современного русского народного говора[23] об этом сказано так: Теперь уж кукуш-

---

[18] Слово *загонька* как псковское, новгородское приводится в Словаре Даля т. I, с. 570. Материалы атласа такими сведениями из Новгородской обл. не располагают.

[19] Слово *загошка* отмечено там же и в Словаре Г. Куликовского (с. 25).

[20] Слово *зозуля* с пометой "смоленское" отмечено в Словаре Даля (т. I, с. 676). Зафиксировано оно также в Словаре Фасмера. (т. II, с. 91) как западное, южное, курское и в Словаре русских донских говоров. Ростов, 1976, т. II, с. 32.

[21] Параллели слову *гигошка* находим в этимологических словарях: лит. *gegà, gẽgė́, gegužė́*, латыш. *dzeguze* (*Фасмер М.* Указ. соч. т. 2, с. 91, *Преображенский А.Г.* Этимологический словарь русского языка, М., 1958, с. 248).

[22] Подобное иногда известно, например, о белке, зайце: белка – зимой, векша – летом; заяц – беляк зимой, русак – летом.

[23] Деулинский словарь ..., с. 26.

ка откуковала, Петров день прошел, больше не будет куковать (Петров день – летний христианский праздник).

Из ряда говоров имеем следующие сведения: *кукушка*, после Петра – *ястреб* д. Синявино Смоленск. р-н Смоленск. обл.; *зязюля*, зовут ее *ястребом*, как куковать бросит – д. Подсосно Руднянск. р-н Смоленск. обл. В д. Красиковщина Псковск. р-н Псковск. обл. записано поверье: кукушка после Петрова дня совой сделается.

Вероятно, с пестрым оперением птицы связано название *тетёра* (д. Иванцево Хунвинск. р-н Великолукск. обл.) и *тетёрка* (д. Боровая Хиславичск. р-н Смоленск. обл.).

В названии *пустушка* (с. Карандеевка Лискинск. р. Воронежск. обл. и с. Никольское Никифоровск. р-н Тамбовск. обл.) отражен, вероятно, характер птицы, не имеющей своего гнезда.

Древнерусские названия кукушки образованы, как уже говорилось, от корней *kuk-* и *zegz-*. "Однако древняя письменность, – пишет Ф.П. Филин, – содержит очень скудные сведения об этих названиях"[24]. Так, одним из первых зафиксированных в памятниках названий является *зегзица*. Однако по поводу этого названия существуют различные мнения.

А. Майков, переводя "Слово о полку Игореве", обратил внимание на значение слова *зегзица*, обычно понимаемое как кукушка. "В живом народном языке, – пишет он, – слово *зегзица* и теперь еще употребляется", "*зегзицею* называют... черных ласточек, стрижей"[25]. В таком значении, по словам Майкова, слово *зегзица* бытует в Новгородской и Вологодской областях.

Орлов А.С.[26], анализируя "Слово..." замечает: "Другие исследователи "Слова..." не отыскали в живой русской речи XIX в. слова *зегзица*.

В средневековых текстах *зегзица*[27] есть только в "Слове..." и очевидно, из "Слова..." как *зогзица* заимствовано в Задонщину: ворони грають, *зогзицы* кокують, где понято как *кукушка*". На сосуществование слова *жегжица* (*-зегзица* "Слова о полку Игореве") в северо-западных русских говорах XVI в., по мнению Орлова А.С., указывают разыскания А. Дювернуа[28], нашедшего в акте конца XVI в. название острова *Жегжично*.

Анализируя значение слова *зегзица* (диалектное *зёгзица*) Л.А. Булаховский приходит к выводу, что "большинство названий ведет к кукушке, хотя диалектное слово, по-видимому, действительно обозначает ласточку (черную ласточку, стрижа)"[29]. По данным русских говоров, слово *зёгзица* обозначает иволгу[30].

---

[24] *Филин Ф.П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972, с. 558.

[25] *Майков А.Н.* Указ. соч., т. II, с. 558.

[26] *Орлов А.С.* Указ. соч. с. 131.

[27] Из "Слова..." *зегзица* вошло в словари: *Фасмер М.* Указ. соч. тII, с. 91; *Преображенский А.Г.* Указ. соч., с. 248; *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. СПб, 1893, т. I, с. 969; *Даль В.И.* т. II, с. 676; Словарь русского языка XI–XVII вв., М., 1978, вып. V, с. 368.

[28] *Дювернуа А.Л.* Материалы для Словаря древнерусского языка. М., 1894, с. 49.

[29] *Булаховский Л.А.* Общеславянские названия птиц..., с. 108.

[30] *СРНГ*, Л., 1976, вып. XI, с. 244 "курск"; *Левина Г.М.* Указ. соч. с. 71 "воронежск."

Относительно названий с корнем *zegz-* нет единого мнения ученых. Одни, как например, А.С. Орлов, предполагают западно-славянский источник, откуда заимствование в западно-русские говоры, а из них – далее в новгородскую, псковскую области и новгородские колонии. Такого же мнения придерживается Л.А. Булаховский, анализирующий примеры, извлеченные из памятников: *зегзица* (Слово о полку Игореве), *зогзица* (Задонщина), *зегула* (Палея XIV в.), *зогзуля* (Мерило Праведное, XIV в.), *жегозуля* (Сильвестра и Антония вопросы и ответы XIV в.). Он пишет: "Возможно, что слово первоначально было ограничено областью западнославянских языков и на восток двигалось уже как заимствованное, чем отчасти и объясняется неустойчивость его внешней формы"[31].

М. Фасмер[32] и, вслед за ним С.И. Котков[33], мнение о западном источнике не считают достаточно обоснованным. Об этом же свидетельствуют, по всей вероятности, данные атласов, называющие как наиболее исконные на определенных территориях их бытования названия *загоска* и *зезюля*.

Интересен тот факт, что слово *загоска*, широко употребляемое как название кукушки, по сведениям из д. Макарьина Гора Каргопольск. р-н и д. Вадьезерская Няндомск. р-н Архангельск. обл., "относится к особой породе птиц, отличной от кукушки".

Интересно отметить, что в древних текстах и словарях XIX в. фиксируется *кокушка* (*кокушица, кокуша*) с корнем *кок-*[34]."В большинстве языков, – пишет Л.А. Булаховский, – крик кукушки передается как *куку* или близко к этому, в некоторых (немногих) он воспроизводится со звуком, близким к о", а "в древнерусском языке первый слог выступал не в виде *ку-*, а в виде *ко-*"[35].

Слова с корнем *kuk-*(*kok-*), известные в говорах русского языка, имеют также широкое распространение во всех славянских языках.

Большое разнообразие представляют названия кукушки, образованные от корня *kuk-;* наиболее полно они представлены в статье Габовштяка, написанной на материале, собранном по Вопроснику Общеславянского лингвистического атласа (М., 1965). В статье приводится 16 разновидностей названий кукушки, отдельные из которых содержат по 14–15 фонетико-морфологических вариантов. Габовштяк пишет, что "наименования кукушки с лексической точки зрения минимально дифференцированы, но в фонетико-морфологическом отношении представляют большое разнообразие[36]. Однако корень *kok-*отмечен только в названии *kokovăča* (сербохорв.)[37]. В русских говорах названия кукушки, образованные от этого корня, имеют широкое распространение и отмечены на значительной территории.

Таким образом, как показывает изучение материала, наиболее употре-

---

[31] *Булаховский Л.А.* Общеславянские названия птиц. . . , с. 109.

[32] *Фасмер М.* Указ. соч., М., 1967, т. II, с. 91.

[33] *Котков С.И.* Указ. соч., с. 29.

[34] Словарь Академии Российской, СПб., 1814, ч. III, с. 226. Словарь русского языка Императорской Академии наук, с. 1418.

[35] *Булаховский Л.А.* Морфологическая проблематика русских наименований птиц. . . , с. 101.

[36] *Габовштяк А.* Указ. соч., с. 23.

[37] *Габовштяк А.* Указ. соч., с. 24.

бительным названием для говоров русского языка является *кукушка,* что возможно поддерживается и тем, что слово совпадает с литературным обозначением. Употребление этого слова представлено на большом массиве русских говоров, причем, как правило, это название является единственным.

Широкое распространение имеет так же вариант *кокушка.* Граница его употребления входит в пучок изоглосс, выделяющих территорию северо-восточной диалектной зоны.

Такие названия, как *загоска* и *зезюля* представлены на менее значительных, но компактных территориях.

Остальные названия такие как *кокуша, кокушица, кукуша* и *кукушица, зазуля, зезюлька* отмечаются единично.

Наименования *пустушка, тетерка, ястреб* не получили распространения в говорах русского языка, их единичное употребление отмечается наряду с *кукушка.*

Часть II

Ж.Ж. Варбот

ПАСКАЛЬ. ДЫЗНУТЬ. ВОДОПЕТЬ.

Паскаль. К этимологическому толкованию рязанского диалектизма *паска́ль*, зафиксированному в говоре д. Деулино со значением 'болезнь, массовое эпидемическое заболевание'[1], я обращаюсь во второй раз. В опубликованной ранее статье, посвященной этимологизации некоторых "темных" лексем этого говора, мною было предложено объяснение *паскаль* как родственного с рус. диал. камчат. *паскальник* 'тонкая жердочка' и восходящего вместе с ним к гнезду слав. *kolti (ср. *skala); семантические связи реконструировались по типу отношений др.-рус. *троска* 'кол, жердь' – рус. черепов. *тро́щить* 'ныть, дергать', а также польск. drzazga 'щепка, заноза' – помор. dřežžec 'болеть'[2]. В настоящее время публикация новых диалектных лексических материалов побуждает подойти к решению вопроса о генезисе рязан. *паскаль* с другой стороны.

Речь идет о возможности включения *паскаль* в гнездо *скать*. Глагол *скать* в русском языке (как и родственные глаголы в других славянских языках) употребляется, как правило, в значении сучить, свивать, скручивать'. Но в "Словаре русских говоров Забайкалья" Л.Е. Элиасова[3] отмечено специфическое использование этого глагола: в бранном выражении *Чтоб тебя соскало* глагол *со́скать* значит 'скрутить (о болезни)'. В тех же говорах есть и отглагольное имя *со́скань* 'болезнь' (Чтоб тебе с *соскань*ю не расстаться)[4]. Такое употребление глагола с исходным значением крутить' (или близкими к нему) для обозначения болевых ощущений, болезни имеет аналогии и в русском, и в других языках: ср. русск. болезнь *скрутила;* словен. диал. kročiti сгибать' – кашуб.-словин. krączni больной'[5]. И в инославянской лексике гнезда *sъkati есть свидетельства однотипного с забайкал. *соскать* семантического развития: это с.-хорв. usúkati se 'похудеть; ослабеть' и, кажется, болг. диал. *съ̀съка* 'болезнь в виде раны на

[1] Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / Под ред. Оссовецкого И.А. М., 1969, с. 391.

[2] *Варбот Ж.Ж.* Заметки по этимологии русской диалектной лексики (на материале словаря д. Деулино). – В кн.: Диалектологические исследования по русскому языку. М., 1977, с. 262–263.

[3] М., 1980, с. 389.

[4] Там же.

[5] *Варбот Ж.Ж.* Лехитские этимологии. – В кн.: ОЛА. Материалы и исследования. 1979. М., 1981, с. 321.

лопатке коня'[6], *сȕска, сѣска* 'туберкулёз'. Последнее название туберкулёза Ст. Младенов считал результатом преобразования **сушка* (собственно 'сухая болезнь')[7], но значение странджанского *сѣсъка*, не связанное с семантикой 'сухой', и особенно структура и семантика с.-хорв. usúkati se позволяют и болг. *сȕска, сѣска* 'туберкулез' связывать с праслав. *sъkati (кстати, не имеющим прямых продолжений в болгарской лексике).

Приведенные материалы, обнаруживающие употребление глаголов гнеза *sъkati для обозначения болезненных состояний, а соответствующих отглагольных имен – для обозначения болезней, являются основанием для толкования и рязан. *паскаль* как производного от глагола *скать*. При этом акающий характер рязанских говоров побуждает предполагать в *паскаль* префиксальное *ро-, а не *ра-, так что *паскаль* может быть образованием от *поскать*, как *соскань* (см. выше) – от *соскать*.

Что касается камчат. *паскальник* тонкая жердочка'[8], то для него, возможно, следует сохранить толкование на базе гнезда *колоть* (предложенное Далем), если только значение слова записано точно (в том случае, если это 'тонкий валик', слово *паскальник* может быть производным от *скальник*, которое в псковских и тверских говорах отмечено в значении 'деревянный валик'[9] и восходит, через *скало*, к глаголу *скать*).

Дызнуть. В этимологических словарях довольно регулярно воспроизводится установленное Остен-Сакеном балто-славянское соответствие лит. daũžti 'бить, толкать', dùžti 'разбиваться', лтш. dauzt 'разбивать' – словен. dúzati 'толкать, надавливать', dúzniti толкнуть'[10]. Представляется возможным лексически расширить славянскую часть этого соответствия за счет введения в нее русского диалектного материала, что существенно для лингвогеографической характеристики соответствия.

Я имею в виду прежде всего твер. *дузи́ть, дузе́нить* 'бить, колотить кого-либо'[11], которые точно подходят к словен. dúzati, dúzniti по структуре корня и семантике. Есть еще, далее, перм. *нады́згать* 'накормить сверх меры, обкормить'[12]. Значение этого глагола может быть понято как производное от первичного 'бить, толкать': ср. семантическую модель русск. *набить живот* 'плотно наесться'. В структурном плане глагол *надызгать* интересен в двух отношениях. Во-первых, в отличие от корневого u в словен. dúzati, dúzniti, твер. *дузи́ть*, генетически тождественного огласовке литовского глагола daũžti и лтш. dauzt, в надызгать представлена корневая огласовка в ступени продления редукции, сближающая этот глагол с лит. dùžti (вокализм в ступени редукции). Во-вторых, консонантное

[6] *Горов Г.* Странджанският говор. – В кн.: Българска диалектология. Проучвания и материали. Книга I. София, 1962, с. 142.

[7] *Младенов Ст.* Етимологичен и правописен речник на българския книжовен език. София [1941], с. 618, 624.

[8] *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. III. Изд. 2. М., 1955, с. 22 (Далее – *Даль*[2]).

[9] Там же, IV, с. 194.

[10] *Berneker E.* Slavisches etymologisches Wörterbuch. B. I. Heidelberg, 1908, S. 239–240; *Fraenkel E.* Litauisches etymologisches Wörterbuch. B. I. Heidelberg, 1955–1965, S. 84; Этимологический словарь славянских языков (праславянский лексический фонд) / Под ред. О.Н. Трубачева, вып. 5. М., 1978, с. 166.

[11] Словарь русских народных говоров, вып. 8. Л., 1972, с. 252 (далее – СРНГ).

[12] Словарь говоров Соликамского района Пермской области (Составитель – Беляева О.П.). Пермь, 1973, с. 330.

завершение корня в *надызгать* в сопоставлении со словен. dúzati, твер. *дузить* обнаруживает вариантность старых детерминативов z/zg, имеющую аналогию, например, в слав. *muzati/*muzgati (ср. болг. *мъ̀зам* обрывать листья', словен. múzati делать гладким' – словен. múzgati 'жевать беззубым ртом', макед. *музга се* 'скользить')[13].

Наконец, в пермских же говорах (как и *надызгать*) зафиксирован глагол *ды́знуть* внезапно, быстро побежать'[14]. Огласовка корня в нем тождественна огласовке *-дызгать*. Конечный согласный корня -z- может быть рефлексом как детерминатива z, так и zg, поскольку в основе на -nq- вероятно упрощение группы согласных. Некоторые сомнения относительно возможности введения глагола *дызнуть* в рассматриваемую лексическую группу с исходным значением 'бить, толкать' могут быть вызваны семантикой глагола – 'внезапно, быстро побежать'. Но и такое семантическое развитие достаточно вероятно, так как близкая модель лежит в основе русск. *удариться* 'стремительно побежать, броситься, кинуться'[15], ср. также рус. *то́ркать* 'толкать', чеш. trkati то же – с.-хорв. *тр̀кати* 'бегать'.

Таким образом, введение русского диалектного материала (твер. *дузить*, перм. *надызгать, дызнуть*) в этимологическое гнездо словен. dúzati – лит. daũžti, dùžti, лтш. dauzt выявляет присущие ему структурную вариантность и направления семантического развития.

Водопе́ть. Этот глагол употребляется в различных говорах: *водопе́ть* волог., вят. 'пропитываться водой, делаться влажным', псков. 'мокнуть'[16], *наводопе́ть* арханг., москов. 'отсыреть, наволгнуть, разбухнуть, напитаться водою, сыростью'[17]. Как образован этот глагол? Судя по приведенной в "Словаре русских народных говоров" форме настоящего времени *водопе́ет*, он функционирует как глагол с основой на *-ěti/-ěje-. При бесспорности корня *вод-* можно было бы предполагать отыменное образование глагола по типу *красный – краснеть, сирота – сиротеть*. Однако трудно объяснить природу комплекса -ор-: суффиксы с согласным элементом р вообще очень редки в славянских языках[18], существование суф. -ор- в русском языке очень сомнительно, слово **водоп(а)* не зафиксировано. Поэтому представляется возможным предположение об ином генезисе глагола, а именно – о его исконно сложной структуре *вод-о-петь*, причем последний компонент сложения – *-петь*, в соответствии с семантикой сложения 'пропитываться, насыщаться водой', может быть связан с гнездом слав. *piti.

О.Н. Трубачев предложил истолкование слав. *pěti, *pojǫ ᾄδειν как родственного с *piti каузатива, пережившего развитие значения 'поить → → петь, воспевать', обусловленное практикой языческого обряда жертвен-

---

[13] *Куркина Л.В.* Славянские этимологии. II. – В кн.: Этимология. 1972. М., 1974, с. 65.

[14] СРНГ 8, с. 291.

[15] *Даль*[2] IV, с. 472.

[16] СРНГ 4, с. 344. Ср. и *Даль*[2] I, с. 221.

[17] *Даль*[2] II, с. 387.

[18] В обширном очерке славянского именного словообразования Вайяна (*Vaillant A.* Grammaire comparée des langues slaves. T. IV. La formation des noms. Paris, 1974) суффиксы с -р- вообще не упоминаются.

ного возлияния[19]. Не является ли *-петь* в *водопеть* непосредственным продолжением этого древнего глагола с корневым ě < oi, сохранившим, в отличие от *pěti ᾄδειν, первичное значение насыщения? В пользу этой гипотезы свидетельствуют как будто некоторые русские сложные имена со вторым компонентом *-пой-*, которые, учитывая их значения, могут быть поняты как производные от глагола *водопеть*, например: тобол. *водопойка* 'луговая трава', *водопóйный* тюмен., тобол., курган. 'сочный (о траве)', тобол. 'взятый с места, заливаемого водой, напр. с луга около реки, и потому состоящий из определенных, свойственных такому месту трав', олон. *водопойчина* 'топкая, болотистая земля, намокшее бревно'[20] – ср. вологод. *водопéлый* 'пропитавшийся водой' (*дерева водопелые*), 'водянистый' (*водопелые ягоды*)[21], явно производное от *водопеть*.

Преобразование исконной структуры основ *pěti, *pojǫ 'насыщать(ся) влагой, пропитывать(ся)' в *-петь, -пеет* может быть следствием как воздействия типа отыменных глаголов (*сирота – сиротеет*), так и выравнивания основы настоящего времени по основе инфинитива. Ср. аналогичное выравнивание в глаголе *петь* ᾄδειν в русских говорах: ворон. *пеить, пею, пеешь*[22], а также болг. *пèя, пèеш*.

Л.В. Куркина

ПА́Р. ПА́ТРА́ТЬ. СТИГ. ПРИТЧЕВАТЫЙ. ПО́НКИ́.

Пар. В русских говорах Новосибирской области находим архаичное слово *пар* 'паз, вырубленный в бревне' (Черта, ей ведёшь и видишь, где тесать, а где обтёшишь, там *пар*, мох кладешь)[1], не учтенное в этимологической литературе. Это слово интересно тем, что представляет собой единственное восточнославянское свидетельство одного из ответвлений большого этимологического гнезда с корнем *пер- 'пороть, прокалывать' (ср. рус. *пороть*[2]). В этом гнезде слов с развитыми апофоническими отношениями прослеживается ряд бессуффиксальных корневых имен с удлинением корневого гласного. Этот тип имен представляют с.-хорв. пára 'от удара ножом по доске образуется рага '(Хорватия), с производным пàrotina 'шрам, рубец' (ср. parotina na licu)[3] и западнославянские образования с приставкой s-:

[19] *Трубачев О.Н.* Следы язычества в славянской лексике. – В кн.: Вопросы славянского языкознания, вып. 4. М., 1959, с. 135–138.

[20] СРНГ 4, с. 344–345.

[21] Там же, с. 344.

[22] *Даль*[2] II. с. 550.

[1] Словарь русских говоров Новосибирской области. Новосибирск, 1979, с. 373 (далее – Новосибирский словарь).

[2] *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Перевод с немецкого и дополнения О.Н. Трубачева. Т. III. М., 1971, с. 332 (далее – *Фасмер*).

[3] Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, IX, 41. Zagreb, 1924–1927, с. 636, 657 (далее – RJA).

н.-луж. spara 'паз, щель', в.-луж. spara, špara 'коготь', кашуб.- словин. spar 'щель', 'то, что между пальцами ног', помор. spara то же[4]; чеш. spar 'копыто', 'нога', spára 'промоина', 'выем', 'обрыв', 'щель между досками', валаш. špára, špara 'раздвоенное копыто'[5]. К этим образованиям примыкает и рус. диал. *пар* в указанном значении. Махек и Скок[6], ограничивая лексический материал рассмотрением соответственно только чешских или только сербских слов, совершенно справедливо указывали на их соотнесенность с итеративом *parati (чеш. špárat 'пробивать, прокалывать щель', párati 'разрезать' и с. -хорв. pàrati 'пороть, распарывать'). Этот ряд именных образований обязан удлинением корневого вокализма итеративной форме глагола, хотя и не исключена другая возможность – производность от гл. *porti на основе чередования о : ō. Во всяком случае, удлинение корневого гласного в бессуффиксальном отглагольном имени *рагъ, *(s)рага отвечает тенденциям праславянской морфонологии.

Пáтрáть. Глагол *пáтрать(ся)* 'пачкать, покрывать(ся) грязью', 'очищать птицу от перьев, очищать от шерсти свинью', а также *запáтрать, опáтрать* псков., твер. 'отделать, затаскать, загрязнить, запачкать'[7] характеризуют по преимуществу северновеликорусские говоры с частичным заходом на южную территорию и говоры Сибири. Русское слово, соответствие которому образует лишь укр. *пáтрати* 'потрошить'[8], не имеет удовлетворительной этимологии. Предположение Преображенского о том, что *патрать* возникло путем синкопы из *потрошить* (< *пóтрох*), Фасмеру представляется неубедительным, и с этим трудно не согласиться[9]. На наш взгляд, этимологическое истолкование рус. *пáтрáть* упирается в понимание морфологической структуры слова, в выявление составляющих его компонентов. Есть основания думать, что восточнославянские диалектизмы принадлежат к архаичному типу образований с приставкой *па-*, т.е. представляют собой сочетание этой приставки с гл. *-трать* < *tьrati. Глагол *tьrati, производный от основы настоящего времени гл. *terti, *tьrǫ, в простом виде, без приставки, отражают рус. диал. *трать* 'тереть', 'нажимать, водить взад и вперед по какой-либо поверхности', *траться* 'тереться, натираться' и др.[10] Наглядным

---

[4] *Muka E.* Słownik dolnoserbskeje rěcy a jeje narěcow, II. Praha, 1928, c. 484; *Pfuhl Dr.* Lužiski serbski słownik. Budyšin, 1866, s. 661; *Sychta B.* Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej, V. Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk, 1972, s. 130; *Lorentz Fr.* Pomoranisches Wörterbuch. Bd. II, 2. Berlin, 1969, s. 324.

[5] *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého. Druhé, opravené a doplněné vydání. Praha, 1971, c. 569 (далее – *Machek*²); *Malina J.* Slovník nářečí mistřického. Praha, 1964 (-Archiv pro lexikografii i dialektologii, číslo 10), c. 112; *Kopečný F.* Nářečí Určic a okolí. Prostějovský úsek hanáckého nářečí centralního. Praha, 1957, c. 148.

[6] *Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knj. III. Zagreb, 1973, c. 11–12 (далее – *Skok*).

[7] *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка, т. III. Изд. 2-е. СПб.; М., 1882, с. 24 (далее – *Даль*²); Новосибирский словарь, с. 178; *Беляева О.П.* Словарь говоров Соликамского района Пермской области. Пермь, 1973, с. 425; Картотека Псковского областного словаря (Межкафедральный словарный кабинет филологического фак-та ЛГУ); Картотека словаря белозерских говоров. Череповецкий пединститут.

[8] *Гринченко Б.Д.* Словарь украинского языка, т. III. Киев, с. 102 (далее – *Гринченко*).

[9] *Фасмер* III, с. 217.

[10] *Даль*² IV, с. 400; *Герасимов М.* О говоре крестьян южной части Череповецкого уезда Новгородский губ. – В кн.: Живая старина. СПб., 1893, год третий, вып. II, с.

подтверждением этимологического тождества рус. *патрать* и слов. *terti можно считать одно из значений русского глагола — 'очищать птиц от перьев, очищать от шерсти свинью'.

Этимологическое гнездо слав. *terti включает многие линии семантического развития (ср. рус. *тереть, торить, терять*[11]), и одна из них предполагает взаимосвязь значений 'тереть' и 'сор', 'отходы' (ср. с.-хорв. *тар* 'раскрошенная солома', польск. otara 'пустые, обмолоченные колосья' и т.п.), 'тереть' и 'тереться, обтираться' → 'пачкаться' (ср. укр. *тарúтися* 'пачкаться в грязи', *тарятися* 'валяться в грязи' с продлением корневого гласного[12]).

Стиг. "Словарь старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби" фиксирует лексему стиг в значении 'палка, кол' (Быки примутся бости, дык мужики их насилу *стигами* разобьют)[13]. По нашим наблюдениям, это единственная фиксация слова стиг на всей территории русских говоров. Для этого слова, лишенного прямых соответствий в славянских и балтийских языках, может быть намечена на основе чередования связь с некоторыми южнославянскими лексемами, которые также обособлены, изолированы в словаре и не имеют убедительного этимологического истолкования. Речь идет о с. -хорв. stijeg (Вук, Бока, Дубровник) = (икав.) stig 'знамя' (собственно, палка, древко, на котором прикрепляется знамя), др.-серб. *стѣгъ* 'vexillum'[14]. По одной из версий, принимаемой, в частности, Загребским словарем, сербское слово толкуется как заимствование, в качестве источника для него принимается др.-в.-нем. stanga, др.-исл. stengr 'шест, палка', но это направление поисков сопряжено с трудностями корневого вокализма, с необходимостью объяснить переход an > ē (слав. *stěgъ). В действительности же германская лексика и, в первую очередь, др.-сканд. stǫng 'древко, шест', др.-швед. stang то же закономерно дали вост.-слав. *stęgъ (ср. рус. диал. *стяг* 'толстая жердь, употребляемая в виде рычага', др.-рус. *стѧгъ* 'боевое знамя' и т.д.[15]). Фасмер и Скок, признавая исконность ю.-слав. *stěgъ и отграничивая его от восточнославянского заимствования, видят в семантике достаточное основание для этимологического сближения сербского слова со слав. *stogъ, *steže̋rь (ср. рус. *стежер* 'жердь, втыкаемая в середину копны', с.-хорв. *стѐжер* 'ствол' и т.д.), *stožarь (ср. рус. *стожáр, стожáрь* 'шест в стогу' и т.п.). Но такому истолкованию препятствует долгота корневого гласного в сербском слове, не объяснимая на основе чередования *steg-: *stog- в именах.

На наш взгляд, рус. диал. *стиг* является тем лексическим архаизмом, который при сопоставлении с с.-хорв. stijeg помогает преодолеть изолированность сербского слова и восстановить для раннего праславянского

386; Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского р-на Рязанской области) /Под ред. И.А. Оссовецкого. М., 1969, с. 563; Картотека Словаря русских народных говоров (Словарный сектор Института языкознания АН СССР. Л.).

[11] *Фасмер* IV, с. 50, 83.

[12] *Гринченко* IV, с. 218.

[13] Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби. (Дополнение). Томск, 1975, с. 206.

[14] RJA XVI, с. 559; *Skok* III, с. 334; *Фасмер* III, с. 790.

[15] *Фасмер* III, с. 752, 763–764.

отношение *stigъ-: *stěgъ <*steig-: *stoig-, сложившееся на основе индоевропейского корня *(s)teig- 'колоть' (лат. īnstīgō 'подстрекаю', др.-в.-нем. stih 'укол' и т.п.). По данным словаря Покорного[16], в германских языках этимологическое гнездо с корнем *(s)teig- рано претерпело контаминацию с семантически близким гнездом слов, объединяемым корнем *steg- (ср. слав. *stogъ, *stežerь). Славянские языки сохраняют, таким образом, в чистом виде следы отношений *stig-: *stěg-, но на очень ограниченной территории, на крайней южной и восточной периферии славянского языкового пространства.

Притчева́тый. Прилагательное *притчева́тый* 'обидчивый', отмеченное в Соликамском крае[17], имеет вполне ясную структуру отглагольного производного с корневой частью *-тч-* <*tьk-. Это собственно русское образование примечательно тем, что представляет собой реализацию тех потенциальных семантических возможностей, которые несет в себе слав. *tъkati/*tykati. В славянских языках для отглагольных образований с приставкой pri- характерны три типа связанных между собой значений: 1) *pritъka, *prityka 'палка, кол' (укр. *прити́ка* 'колышек, палка, прикрепляющая ярмо к дышлу', с.-хорв. prîtka 'кол, вокруг которого вьется горох, виноградная лоза' и т.п.[18]; 2) *pritъča 'происшествие, случай, рассказ' (ср. рус. *притча*, укр. *притча* и т.д.[19]); 3) *pritъka 'болезнь' (ср. рус. *при́тка* 'неожиданная болезнь, припадок', 'болезнь как результат злого умысла, порча'[20], сюда же, видимо, относится колым. *опри́чить* 'поранить, ушибить' < *о-при-тч-ить*[21]). Семантический признак 'столкновение, удар', исходный для последних двух значений, определил становление и того семантического ряда, который представляет рус. диал. *притчева́тый*, а именно 'столкновение, удар' > 'имеющий отношение к к.-л. происшествию, случаю' (ср. укр. *причтовый* 'причиной которого было какое-либо происшествие, случай'[22]) и 'каприз, неровность в характере, поведении' и вообще 'неровность'. Результатом подобного семантического развития можно считать не только уже указанное рус. диал. *притчева́той*, но и диал. *притча* 'проказник, шалун (о ребенке)'[23], укр. полесск. *приткий* 'крутой берег' и, что особенно важно, болгарские образования, представленные в архаичных говорах Родопского края: разлож. *при́чаф* (*-ва, -во, -ви*) 'некрасивый', родоп. *при́чеф* 'непослушный (о детях)'[24].

Таким образом, в периферийных отдаленных областях славянской языковой территории находим структурно и семантически близкие образо-

---

[16] *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1949–1959, s. 1016.

[17] *Беляева О.П.* Указ. соч., с. 508.

[18] *Гринченко* III, с. 445; RJA XII, с. 195.

[19] *Фасмер* III, с. 368.

[20] *Меркулова В.А.* Народные названия болезней, I. – В кн.: Этимология 1967. М., 1969, с. 165.

[21] *Богораз В.Г.* Областной словарь колымского русского наречия. СПб, 1901, с. 78.

[22] *Гринченко* III, с. 453.

[23] *Богораз В.Г.* Указ. соч., с. 119; *Элиасов Л.Е.* Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980, с. 333.

[24] Народописни материали от Разложко. – В кн.: Сборник за народни умотворения. София, т. XLVIII, с. 512; *Стойчев Т.* Родопски речник. – В кн.: Българска диалектология. София, 1965, т. II, с. 252.

вания, сложившиеся, по всей видимости, параллельно, независимо друг от друга.

Пóнки. На территории Среднего Урала отмечено любопытное слово *пóнки* в значении 'лодыжка', ему, видимо, идентично приводимое Новосибирским словарем слово *панóк, -нкá* 'суставная кость животного, обычно используемая при игре в бабки'[25]. В последнем случае мы, возможно, имеем дело с графической передачей акающего произношения безударной корневой части. Оба слова – *пóнки* и *панóк* – обозначают сустав, костяную шишку, образуемую концами большой (внутренней) и малой (внешней) берцовых костей, т.е. место стыка, соединения костей. Это узко диалектное обозначение суставной кости (ср. более распространенные *лодыга, щиколотка*) этимологически связано с слав. *pęti, *рьпǫ. Это собственно русское терминологическое использование отглагольного имени, которое в славянских языках выступает в общем значении 'соединение, связь': ср. с.-хорв. spȍna 'закладная связь (в стене)', в.-луж. spǫ̑na 'зажим', словен. spǫ̑na 'связь (у плотников)', 'скоба, зажим', рус. *спóнка* 'поперечная скрепа сплоченных досок; планка, запущенная в поперечный паз, вырезанный сковородником'[26] и т.п.

В.А. Меркулова

СТАЛИВЫЙ. НАДУХА. ПОНОЗЫРЬ. СКОРОДЬ.

Сталивый. В северовосточной группе русских говоров мы находим прилагательное *сталúвый* 'привлекательный, красивый': Невестку внук привел, *сталúвая*, ничо, бравая; Не шибко *сталúвенькая* девка-то, хоть и берем дак[1]; *сталúвее* 'приличнее, сходнее, более кстати': *Сталивее* бы ему туда идти (вят.).

В вологодских говорах *сталéе* 'красивее, лучше'[2].

В оренбургских и сибирских говорах записано прилагательное *сталúстый* 'баской, казистый, видный, красивый, щегольской', *сталúста* 'статна, красива'[3].

С отрицанием *не-* мы встречаем это прилагательное в уральских и сибирских говорах: *несталúвый* 'нестройный, неуклюжий': *Несталúвый*, он и на разговоре хорошой, но толстой, и красоты у него нету[4]; *несталúвый* (о ткани, об одежде) 'не подходящий к кому-либо, некрасивый': Но чё ты из няво сашйóш? *Нисталúва* бýдит плáття-та[5].

---

[25] Словарь русских говоров Среднего Урала, т. III. Свердловск (Рукопись); Новосибирский словарь, с. 373.

[26] *Даль*[2] III, с. 295.

[1] *Беляева О.П.* Словарь говоров Соликамского района Пермской области. Пермь, 1973, с. 604.

[2] *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Изд. 3-е, т. IV. СПб. 1909, стб. 501.

[3] *Цомакион Н.А.* Словарь языка мангазейских памятников XVII – первой половины XVIII в. Красноярск, 1971, с. 64.

[4] Словарь русских говоров Среднего Урала, т. II. Свердловск, 1971, с. 206.

[5] Иркутский областной словарь, вып. II. Иркутск, 197, с. 67.

Итак, два прилагательных *сталúвый* и *сталúстый*, образованные от незасвидетельствованного имени ***сталь* 'стать, ладность, стройность, красота', 'порядок, приличие, то, что больше соответствует'.

В вологодских говорах должно было существовать прилагательное ***сталый* со значением 'лучший, красивый'. Это прилагательное по происхождению является причастием от глагола *стать*. В. Даль фиксирует для слова *сталый* только значение 'могущий быть, статься, случиться'[6], но, по-видимому, это причастие означало не только то, что могло быть, но и то, что должно быть.

Словообразовательный ряд выглядит следующим образом: *стать* → *сталый* → ***сталь* → *сталивый, сталистый*. Ср. *пристань* → *присталый* → *присталь* → *пристальный; устать* → *усталый* → *усталь; достать* → *досталый* → → *досталь* → *достальной* и т.д.[7]

Семантическое развитие представляется вполне логичным, так как от глагола *стать* мы имеем несколько производных со значением 'склад, фигура', 'стройность, красота'. Ср. *стан* 'тело', *станúстый* 'рослый и хорошего складу'[8], *становúтый* 'стройный'[9]; *стать* 'телосложение, склад, стройность стана, роста, соразмерность всего тела и членов', *статýха* 'стать, стройность, рост и сложение', 'стать, лад, образ, порядок, приличие' (моск., арх., кал., пенз.); *стáтный* 'хороших, красивых статей, доброй стати, стройный, складный по росту и сложению, сановитый, стройного стана и осанки'[10]. *Нестáтной* 'некрасивый, безобразный'[11].

Время образования прилагательных *сталивый* и *сталистый* должно быть отнесено к периоду до заселения Урала и Сибири, т.е. не позже XV в.

Надуха. Одно из названий насморка в русских говорах *надýха*: Ч'уц' прастúн'ьш – ай што, и сразу *надýха* нъпадайьт; В м'ин'á *надýха* прашла, тап'эр' у вас *нáдуха*; Давн'эй бал'шыйи и мáлыйь гъвар'úл'и *нáдуха*, н'ь гъвар'ил'и насмърк (прибалт.)[12]; *надýха* 'насморк, сопровождаемый болью в ушах' (забайкал.)[13]

Соответствие мы находим в словенском naduha 'одышка'. Это соответствие дает нам и этимологическое решение. Насморк назван так потому, что при этом заболевании затруднено дыхание. Ср. *сопéть* 'дышать с шумом, дышать с трудом' и *сап* насморк (у лошадей)', *сапáты* 'тяжело дышащий при несвободном проходе воздуха через полость носа' (брян.)[14].

Украинское закарпатское *нáтха, нáтка* 'насморк'[15] можно считать продолжением праславянского *nadъха.

---

[6] *Даль В.* Указ соч., т. IV, стб. 501.

[7] *Доровских Л.В.* Русское диалектное *истальный*. – В кн.: Этимология русских диалектных слов. Свердловск, 1978, с. 25–36.

[8] *Даль В.* Указ соч., т. IV, стб. 502.

[9] Словарь русских донских говоров, т. III. Ростов н/Д, 1976, с. 140.

[10] *Даль В.* Указ. соч., т. IV, стб. 516.

[11] *Беляева О.П.* Указ. соч., с. 363; Северные сказки (Архангельская и Олонецкая гг.). Сб. Н.Е. Ончукова. – Зап. РГО по отд. этнографии, т. XXXIII. СПб., 1908, с. 600.

[12] *Немченко В.Н., Синица А.И., Мурникова Т.Р.* Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики. Рига, 1963, т. 165.

[13] *Элшасов Л.Е.* Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980, с. 225.

[14] *Расторгуев П.А.* Словарь народных говоров Западной Брянщины. Минск, 1974, с. 400.

[15] *Дзендзелівський И.О.* Лінгвістичний атлас українських народних говорів Закарпатської области УССР, ч. II. Ужгород, 1960, с. 148.

Оба слова *naduxa и *nadъxa носят отглагольный характер. Глаголы *dyxati, *dyxnǫti, *dyšati значили не только 'дышать', но и 'дышать с трудом'. В этом плане любопытно значение рязанского глагола *надохну́ть* 'задавить, придушить'[16].

Понозырь. В рукописи третьего тома "Словаря русских говоров Среднего Урала" мы находим слово *понозы́рь* 'рахитичный ребенок'. В других говорах мы такого слова не встречаем. Словообразовательный анализ представляется достаточно простым: *-ырь* – суф., *по-* – приставка, *ноз-* – корень. Но почему рахитичный ребенок назван словом, образованным от глагола *нозить* 'протыкать, прокалывать'?

Поскольку уральские говоры – говоры смешанные, где мы находим элементы украинского и белорусского языков, мы вправе обратиться к материалам последних. В украинском языке мы находим глагол *коно́зити* 'корчить, морщить (в работе)', безл. 'знобить', 'корчить': Бачу, що так його *конозить* (Уман.у.)[17]; *конозиться* (о свинье) 'беспокоиться в период спаривания'[18].

От глагола образовано имя: укр. *куно́за* 'задавака' (одес.)[19]; блр. *каноза́* 'капризный (о ребенке)' (гомел.)[20]; *каноза́* 'капризный ребенок' (сев.-зап.)[21].

Глаголы со значением 'чесать, драть' образуют обширный круг названий кожных заболеваний, чесотки, парши и пр. Эти же глаголы нередко выступают в значении 'болеть вообще'. Ср. укр. *кородúтися* 'жаловаться на боль', *кородкúй* 'больной, хилый, слабый'[22].

От значения 'чесать, драть' образуются производные значения 'задираться, ссориться' и 'капризничать, придираться'; ср. при *короста* 'чесотка, шелуди' глагол коро́ститься 'быть недотрогой, придираться, капризничать' (псков., твер.), *короста* 'задира', от имени *прыщ* глагол *пры́щиться* 'капризничать' (кур.), *шелуши́ться* 'задориться', *сверéбить* 'беспокоить, тормошить' (псков.)[23] и мн. др.[24]

Таким образом, мы должны предположить существование в русском языке глагола ***понозить*, аналогичного украинско-белорусскому *конозить* со значением 'задираться, капризничать, болеть'. Возможно, что существовало и производное имя ***поноза*, параллельное *коноза*. (Ср. еще блр. *куно́за* 'понурый человек'[25]). Точным значением слова *понозы́рь* должно быть 'больной капризный ребенок'.

---

[16] Картотека Рязанского ГПИ.

[17] *Гринченко Б.Д.* Словарь украинского языка, т. II. Киев, 1908, с. 278.

[18] *Никончук М.В.* Лексичный атлас Правобережного Полісся (рукопись).

[19] *Москаленко А.А.* Словник діалектизмів українських говірок Одеської області Одеса, 1958, с. 46.

[20] Матэрыялы для дыялектнага слоўніка Гомелыпчыны. – В кн.: Беларуская мова і мовазнаўства, вып. IV. Мінск, 1976, с. 203.

[21] Слоўнік беларускіх гаворак пауночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча, т. 2. Мінск, 1980, с. 394.

[22] *Гринченко Б.Д.* Указ. соч., т. II, с. 286.

[23] Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. СПб., 1858, с. 89, 221, 238.

[24] *Меркулова В.А.* Народные названия болезней II. – В кн.: Этимология 1970. М., 1972, с. 205.

[25] Народная словатворчасць. Мінск, 1979, с. 39.

Ско́родь 'засохшая болячка, струп' в говорах рязанской Мещеры[26]. Этого слова нет в других диалектных словарях.

Южнорусский глагол *скороди́ть* 'бороновать', противопоставлен севернорусскому *боронить* 'бороновать'. Но отношения между этими глаголами представляется несколько сложнее. Глагол *скородить* не отсутствует в севернорусских говорах, а выступает в несколько ином значении. Ср. в олонецких говорах *скородить* 'сбивать граблями сорную траву с картофельных и льняных посевов, полоть их'[27]. В вологодско-владимирских говорах существует глагол *скороде́ть* 'застывать, засыхать', ср. *заскородеть* 'ссохнуться, стать жестким от жары, холода, засухи' *заскородить* то же (арх., волог., твер.)[28].

Корка на болячке, ранке в русском языке называется *кора, корка, короста* и *струп*. При этом слово *(s)kora совмещает в себе два значения: 'то, что сдирается' и 'то, что засыхает, застывает', являясь производным от корня *(s)ker- 'драть'. Глагол *закоре́ть* значит 'покрыться корой, сделаться твердым и покрыться коростой' (псков.)[29]. Имя *короста* образовано от глагольной основы со значением 'чесать, драть'.

Имя *ско́родь* 'засохшая болячка, струп' образовано от основы несохранившегося глагола *ščersti, ščerdǫ 'чесать, драть'. От этого глагола мы имеем другое производное имя *щерёда* 'угрюмый, вздорный, упрямый, ни с кем не уживающийся человек' (влад.)[30]; 'дети, подростки' (перм.)[31]. Последнее значение развилось следующим образом: от основы глагола со значением 'чесать, драть' образуется имя со значением 'то, что сдирается, счесывается, щепки, стружки и т.п.' → 'мелочь' – перен. 'дети'.

Таким образом, несмотря на то, что слово *ско́родь* не имеет прямых соответствий в других славянских языках, время его возникновения может восходить к тому периоду, когда отношения чередования *е/о* были актуальными.

И.П. Петлева

СКЛАСТЬ. ШЛЯПА

Скласть. В Словаре русского камчатского наречия засвидетельствовано чрезвычайно интересное слово, которое в других диалектных лексиконах как будто не встречается. Оно приводится в форме предложного падежа: *в скласти* 'в колене' (*Ф шклашти* ногу он ю укушил вот это)[1] – и, следовательно, в именительном следует фиксировать *скласть* 'колено' (существительное жен. рода). Данная лексема, реконструируемая как *sъklastь

[26] Картотека Словаря рязанской Мещеры (ИРЯ АН СССР).
[27] *Куликовский Г.* Словарь областного олонецкого наречия. СПб., 1898, с. 108.
[28] Словарь русских народных говоров, вып. 11. Л., 1975, с. 36.
[29] Картотека Псковского областного словаря.
[30] Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852, с. 270.
[31] *Беляева О.П.* Указ. соч., с. 701.

[1] Словарь русского камчатского наречия. Хабаровск, 1977, с. 39.

(< *sъkladtь) (sъ- – префикс, klad- – корень, -tь – суффикс), очевидно, может быть интерпретирована как архаичный, по-видимому, праславянский, девербатив от атематического *sъklasti (< *sъkladti, к *kladti). Ср. аналогичные в словообразовательном отношении примеры: рус. (и др.) *пасть* 'зев зверя' (*pastь < *padtь) – ср. *пасть, упасть* (*pasti < *padti); рус. (и др.) *волость* (*volstь < *voldtь) и т. п. Что касается вопроса семантической мотивированности, то скласть можно понимать как 'то, что составлено, сложено, соединено из частей'. Ср. одно из значений производящего для *скласть* глагола *скласть* (*складать*), в частности, в украинском, – 'составлять, составить из отдельных частей, собирать', см. еще значение 'состав, соединение', отмечаемое в том же языке для лексемы *склад*[2] (< *sъ-kladъ), родственной существительному *скласть* и близкой ему в формальном отношении (оба слова – отглагольные образования, содержащие в своем составе префикс *с-* (*sъ-), их отличие – в отсутствии суффикса в лексеме *склад*).

Так как колено – это один из суставов (отметим, что словом *колено* обозначается не только самое колено, но и любой сустав или сгиб, см., например, в Словаре Даля: *коле́но* 'сустав животного тела, соединяющий ляжку с голенью, стык бедреной и берцовых костей, сгиб этого места, с чашечкою, связкою или живою одеждой' и 'сустав или сгиб вообще'[3]), то показательно, что и некоторые другие названия суставов (как и *скласть*) связаны с идеей соединения, составления, связи частей и являются отглагольными образованиями, имеющими в своем составе архаичный именной префикс *су-* (*sǫ-), обозначающий связь, соединение, или соответствующий ему глагольный префикс *с-* (*sъ-). См. рус. *сустав*, ц.-слав. *сѫставъ* и др. (*sǫ-stavъ) – к *составити* (*sъ-staviti); с.-хорв. *зглòб* 'сустав, шарнир' – к *зглòбити* 'составить, собрать (подвижные соединения)'[4] (*sъ-globiti), укр. *суглоб* 'сустав'[5] (*sǫ-globъ), ср. болг. *сглоб, сглаб* 'стык, соединение'[6]; словен. sklȅp 'сустав'[7] (*sъ-kleръ) – к sklẹ́pati 'прочно соединить' (*sъ-klepati).

В заключение отметим, что рус. диал. *скласть* 'колено', зафиксированное на Камчатке, является уникальным архаичным образованием (*sъklastь < *skladtь), восходящим к атематическому глаголу.

Шляпа. Зафиксированное в Витебской обл. существительное *шля́па* 'мокрая мяцеліца' (= 'мокрый снег с ветром'), хотя и совпадает полностью по звучанию и написанию со словом *шля́па* 'вид головного убора', но этимологически, конечно, ничего общего с ним не имеет. Белорусский пример может быть сопоставлен с такими лексемами, как блр. *хля́па* 'изморозь' (*пашла хляпа*), *хля́паць* 'стучать'[8], диал. *хл'а́паты* 'хлюпать по грязи, по

---

[2] *Гринченко Б.Д.* Словарь украинского языка, IV. Киев, 1909, с. 136 (Далее. – *Гринченко*).

[3] *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка, II. Изд. 3-е. М., 1904, стб. 367 (далее – *Даль*[3]).

[4] *Толстой И.И.* Сербскохорватско-русский словарь. Изд. 3-е. М., 1970, с. 153.

[5] *Ганич Д.И., Олейник И.С.* Русско-украинский словарь. 2-е изд. Киев, 1975, с. 765.

[6] *Бернштейн С.Б.* Болгарско-русский словарь. М., 1975, с. 600.

[7] *Pretnar Janko.* Rusko-slovenski slovar. Ljubljana, 1973, c. 848.

[8] *Добровольский В.Н.* Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914, с. 961.

воде'[9], укр. *хля́пать* 'хлопать', 'хлестать', 'падать (о чем-л. мокром)'[10], рус. диал. *хля́пать* 'хлопать, стучать, бренчать'[11], 'идти по грязи, хлюпать'[12]. Русские и другие, приведенные здесь примеры, в Этимологическом словаре русского языка М. Фасмера отсутствуют. В Этимологическом словаре славянских языков под праформой *xlępati приведены указанные выше глаголы, которые интерпретируются как звукоподражательные, однако белорусские существительное *шляпа*, вероятно, как более позднее и локально ограниченное образование, не приводится. Ср. (там же) близкие формально и семантически, также звукоподражательные, образования *xlapati, *xlepati, *xlipati, *xlupati (sę), *xl'upati и др., которые обозначают действия, связанные со звуками, характерными для хлюпающей, плещущейся воды (грязи, слякоти), см. особенно блр. *хлю́паць* 'шлёпать по грязи', *хлю́пнуць* 'шлепнуться в грязь, упасть', *хлю́па* 'слякоть'[13], *хлю́пацьца* 'небрежно идти по грязи, марая нижние края одежды', *хлю́па* 'дурная мокрая погода, слякоть', 'грязь'[14], *хлю́пать* 'плескать, шлепать рукой по воде', о дожде: Таго й гляди, што *хлюпне* дождь, *хлю́пнуцца* 'шлепнуться в воду', *хлю́па* 'неопрятная женщина с запачканным ("захлюпанным") подолом платья'[15], укр. *хлю́пати* 'плескать, расплескивать жидкость'[16], рус. *хлю́пать* 'издавать чавкающие звуки', диал. 'ходить по лужам или по грязи без осторожности'[17], 'пачкать хвост платья'[18], *хлю́паться* 'хлюпать, возясь, работая в воде, сырости'[19].

Если обратиться к вопросу о причинах изменения анлаутного *х-* в *ш-* в рассматриваемом здесь слове *шля́па* 'мокрый снег с ветром' (< *хля́па*), то их нужно искать в отрицательной экспрессивной природе данной лексемы, а само явление перехода начального *х-* в *ш-* перед сонорными в говорах известно и может быть проиллюстрировано таким примером, как *шмельно́й* 'пьяный'[20] – из *хмельно́й*. И особенно показателен тот факт, что данный процесс наблюдается у интересующих нас слов, восходящих к *xlup- и *xlęp-: блр. *шлю́паць* то же, что *хлю́паць* (звукоподр. от шлепания по грязи) 'грязнить, говорится об одежде', 'падать', *шлю́пацьца* то же, что *хлю́пацьца* 'небрежно идти по грязи, марая нижние края одежды', *шлю́панки* 'загрязненные нижние края одежды' – ср. *хлю́панки* 'загряз-

---

[9] *Климчук Ф.Д.* Специфическая лексика Дрогичинского Полесья. – В кн.: Лексика Полесья. М., 1968, с. 73.

[10] *Гринченко* IV, с. 404.

[11] *Даль*[3] IV, стб. 1201.

[12] *Элиасов Л.Е.* Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980, с. 443.

[13] *Байкоў М., Некрашэвіч С.* Беларуска-расійскі слоўнік. Менск, 1926, с. 335.

[14] *Носович И.И.* Словарь белорусского наречия. СПб., 1870, с. 680 (далее – *Носович*).

[15] *Расторгуев П.А.* Словарь народных говоров Западной Брянщины. Минск, 1973, с. 278.

[16] *Гринченко*, IV, с. 403.

[17] Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852, с. 248.

[18] Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. СПб., 1858, с. 291 (далее – Дополнение к Опыту).

[19] Иркутский областной словарь. Редактор-составитель *Н.А. Бобряков*, III. Иркутск, 1979, с. 106.

[20] *Миртов А.В.* Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков. Ростов-на-Дону, 1929, стб. 369.

ненные нижние края верхней одежды'[21], *шлюпчэць* = *хлю́паць, хлюпце́ць* (*шлюпчыць* пыд ныгамі грязь)[22], а также, вероятно, укр. *шля́мпати* 'бродить, брести'[23], причем *-м-* в последней лексеме вставное, так же, как, например, в нижнелужицких глаголах chlumpaś 'хлюпать'[24] (*xlupati) и chlimpaś 'брякать, стучать', 'шататься, нетвердо стоять'[25] (*xlipati).

Итак, блр. диал. *шля́па* 'мокрый снег с ветром' является поздним местным экспрессивным образованием, восходящим к *хля́па*, которое в свою очередь связано с звукоподражательным по происхождению глаголом *хля́паць* (*xlępati).

---

[21] *Носович И.И.*, с. 680.
[22] *Бялькевіч І.К.* Краёвы слоўнік усходняй Магілёўшчыны. Мінск, 1970, с. 498.
[23] *Гринченко* IV, с. 404.
[24] *Muka E.* Słownik dolnoserbskeje rěcy a jeje naŕecow, I. Петроград, 1921, с. 486.
[25] Там же.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ И ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

В настоящем сборнике, большая часть статей которого построена на материалах, собранных для диалектологического атласа русского языка, при характеристике территориального распространения языковых фактов использованы единицы диалектного членения (названия наречий, групп говоров, диалектных зон), установленные в книге К.Ф. Захаровой, В.Г. Орловой "Диалектное членение русского языка" (М., 1970), основанной также на материалах атласа. В статьях употребляются следующие шифры для названий региональных атласов (т.е. атласов отдельных территорий распространения русского языка, ранее именовавшихся "томами" атласа): С.-Зап. – Атлас русских говоров северо-западных областей СССР; С. – Атлас русских говоров центральных областей к северу от Москвы; Зап. – Атлас русских говоров центральных областей к западу от Москвы; Вост. – Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы (М., 1957); Ю. – Атлас русских говоров центральных областей к югу от Москвы[1]. Диалектологический атлас русского языка, объединяющий территории всех перечисленных региональных атласов, именуется в сокращении ДАРЯ (1 вып. ДАРЯ "Фонетика" – вышел из печати). "Программа собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка" (М., 1947) именуется – Программа.

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА

[1] Все эти атласы, кроме изданного атласа Вост., представляют собой законченные работы, хранящиеся в рукописном виде в Институте русского языка АН СССР.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть I

Н.Н. Пшеничнова. О классификации частных диалектных систем вероятностно-статистическим методом 3

В.Е. Гольдин. Диалектные тексты и проблема источников русской диалектологии 9

И.Б. Кузьмина, Е.В. Немченко. О синтаксическом разделе III выпуска Диалектологического атласа русского языка 17

О.Н. Мораховская. О лексическом разделе III выпуска Диалектологического атласа русского языка 21

Л.Л. Касаткин. Разновидности фонетических гиперизмов в русских диалектах . . 39

К.Ф. Захарова. Пути изменения диалектных систем предударного вокализма . . 52

З.П. Здобнова. Особенности предударного вокализма после мягких согласных в русских говорах Башкирии 61

С.В. Бромлей. О происхождении [ɪ] "среднего" в русских говорах 70

С.М. Треблер. К вопросу о вторичном смягчении согласных (опыт исторической интерпретации лингвистических карт) 85

Р.Ф. Пауфошима. О связи характера примыкания и звукового эллипсиса с особенностями фонологической системы (на материале говоров русского языка) . 97

Е.В. Щигель. Соотношение темпа и интенсивности во фразе (на материале севернорусских говоров) 104

Н.Л. Голубева. К вопросу о происхождении усеченной звательной формы в русских говорах 109

Л.Н. Булатова. Формы предложного падежа с окончанием *-у* в различных диалектных системах склонения существительных 119

И.А. Букринская. Форма именительного падежа множественного числа существительных среднего рода в русских говорах 124

В.Н. Теплова. О склонении существительного *мышь* в говорах русского языка . 129

Е.В. Немченко. Об ударении в формах страдательных причастий прошедшего времени в русских говорах 143

Ю.С. Азарх. Однокоренные синонимичные существительные в частной диалектной системе 149

Н.В. Маркова. К вопросу о конструкциях с причастными формами, образованными от основы непереходных глаголов с помощью суффиксов -н-, -т-, в онежских говорах 167

И.Б. Кузьмина. Новые данные о различительных синтаксических явлениях русских говоров 174

О.Е. Кармакова. Лексическая карта: методика составления и интерпретация . . . 180

Н.А. Липовская. Названия кукушки 193

Часть II

Ж.Ж. Варбот. Паскаль, Дызнуть. Водопеть 201

Л.В. Куркина. Пар. Па́тра́ть. Стиг. Притчеватый. По́нки 204

В.А. Меркулова. Сталивый. Надуха. Понозырь. Скородь 208

И.П. Петлева. Скласть. Шляпа 211

Принятые сокращения и территориальные характеристики 215

К статье Голубевой Н.Л.

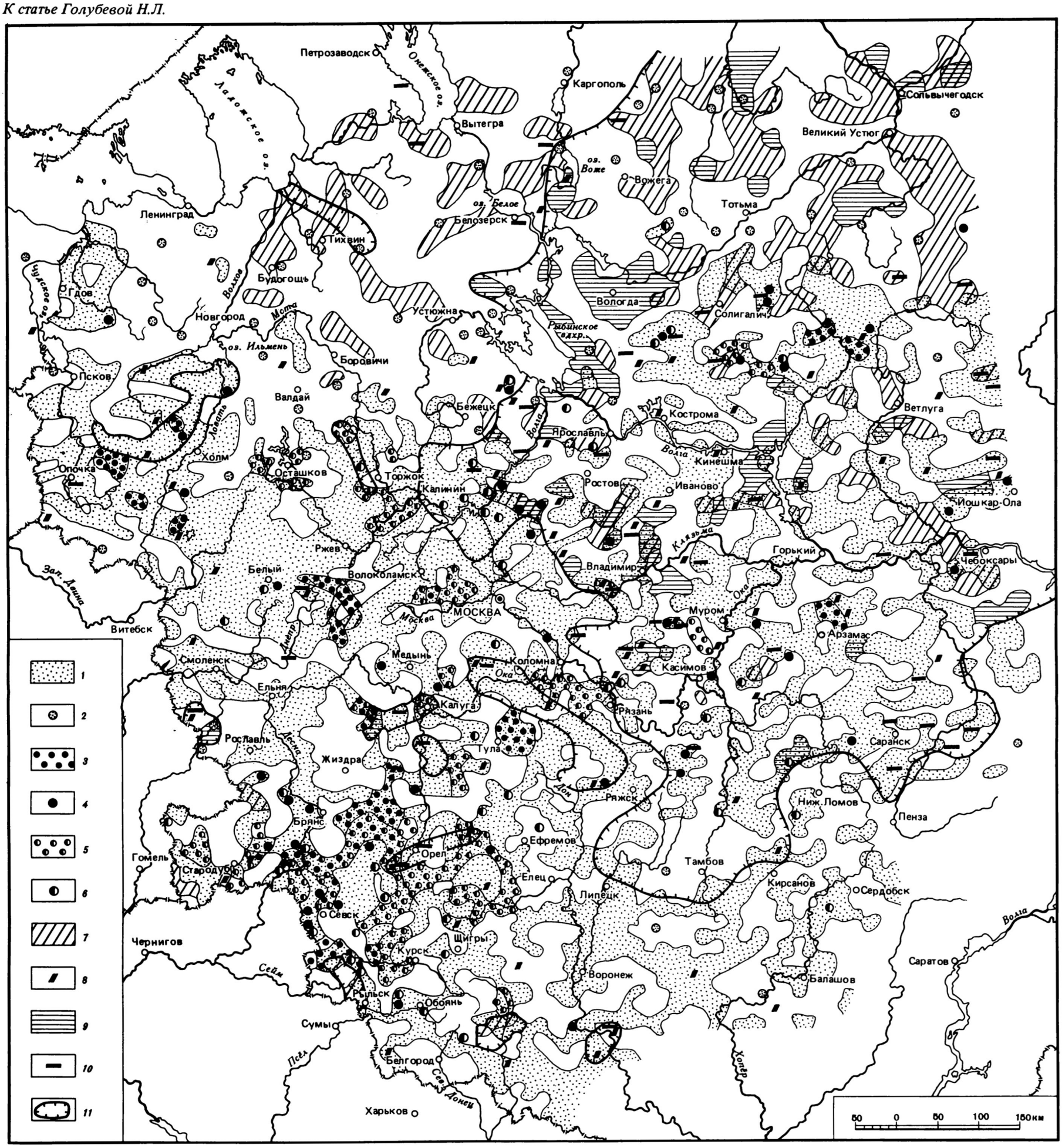
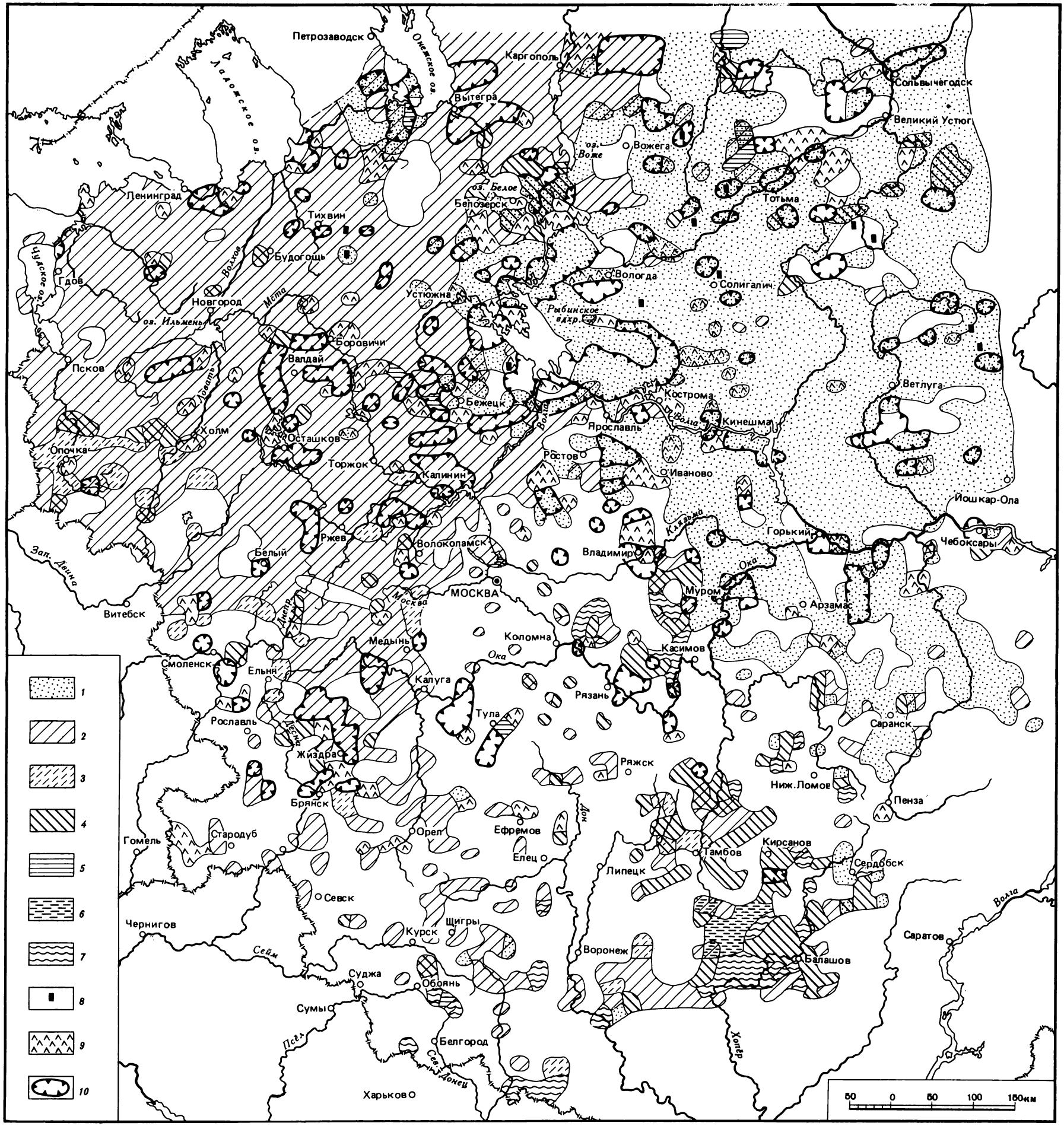

Рис. 1. Распространение звательной формы

1 – *ма́м! Ма́ш! Ва́нь! Пе́ть!* и т.п.; *ма́мк! Ма́шк! Ва́ньк! Пе́тьк!* и т.п.; *2* – то же в 1–2 нас. п.; *3* – *ма́туш! ба́тюш! ба́буш! невёс!*; *4* – то же в 1–2 нас. п.; *5* – *ма́! ба́! па́! де́! тё!*; *6* – то же в 1–2 нас. п.; *7* – *ма́мо! Ма́шо! Ва́нё!* и т.п.; *ма́му! Ма́шу! Ва́ню!* и т.п.; *8* – то же в 1–2 нас. п.; *9* – *ма́мо͡у! Ма́шо͡у!* и т.п.; *ма́мэй! Ма́шэй!* и т.п.; *ма́май! Ма́шай!* и т.п.; *10* – то же в 1–2 нас. п.; *11* – территория, где отмечается сгущение нас. п., в которых зафиксированы звательные формы с удлинением гласного основы и/или окончания: *ма-ама-а! Ма-аш! мамо-о! Машу-у!* и т.п.

Зак. 1285

К статье Кармаковой О.Е.

Слова, обозначающие период работы без перерыва

1 – у́повод; 2 – упря́жка; 3 – упре́жка; 4 – пря́жка; 5 – упря́г; 6 – упре́г, 7 – упру́г; 8 – выть; 9 – зало́га; 10 – зало́га в значении 'отдых, перерыв'

2 р. 70 к.